

ОМСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РФ
КЕМЕРОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

С. П. Звягин

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА А. В. КОЛЧАКА**

Кемерово
Кузбассвуиздат
2 0 0 1

Рецензенты:

кафедра истории России Кемеровского государственного университета (заведующий - доктор исторических наук, профессор **С. В. Макарьук**);

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и документоведения Томского государственного университета **Н. С. Ларьков**

Фотографии на обложке (слева направо):

П. В. Вологодский, А. В. Колчак, В. Н. Пепеляев, А. Н. Гаттенбергер, Г. Г. Тельберг; здание судебных установлений в Иркутске; здание тюрьмы в Верхнеудинске; особняк в Омске, где была резиденция **А. В. Колчака**

Звягин С. П.

345 Правоохранительная политика А. В. Колчака. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. - 352 с.

ISBN 5-202-00459-1.

В монографии исследуется одна из малоизученных проблем истории белой Сибири. На основе богатого материала, извлеченного из многочисленных архивов, газетных публикаций, мемуаров очевидцев и трудов отечественных и зарубежных историков автор показывает всю сложность и противоречивость правоохранительной политики и практики режима А. В. Колчака.

В работе анализируются нормативная база, структура, формы и методы деятельности соответствующих органов, попытки властей привлечь к установлению порядка население. Монография содержит анализ причин, которые обусловили падение колчаковского режима.

Книга предназначена для историков, краеведов, все тех, кто интересуется историей Сибири.

Издание приурочено к 200-летию создания МВД.

3 0503020900 Без обложки
Т45(03)-2001

ББК 63.3(0)61

*Моим дочерям
Анне, Наталье и Марии
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Тема гражданской войны в России остается одной из самых популярных для советских и постсоветских исследователей, историков русского зарубежья и иностранных авторов. Тем парадоксальнее звучит вопрос о том, является ли гражданская война "белым" пятном в нашей истории¹. Действительно, этой теме посвящено около 25 тыс. публикаций.

Актуальность выбранной нами темы объясняется несколькими причинами. Во-первых, несмотря на большое количество исследований по истории Сибири в период гражданской войны до сих пор проблема не изучена. Во-вторых, более года у власти в регионе был ставленник военных - адмирал А. В. Колчак, осуществлявший, как принято считать, диктаторское правление. В современной России значительная часть населения - итоги выборов президента и депутатов Государственной думы это неизменно подтверждают - до сих пор является сторонником "жесткого" правления сильной личности. Знакомство с опытом "колчакии" будет способствовать освобождению от таких иллюзий. В-третьих, важную роль в приходе А. В. Колчака к власти сыграли либералы в лице местных активистов партии народной свободы. Они же оказывали большое влияние на режим. Изучение реализации, прямых и отдаленных последствий этой политики также полезно для России на рубеже XXI века, когда влияние либералов на формирование российской внутренней и внешней политики очевидно. В-четвертых, научный и практический интерес представляют не только декларации видных деятелей режима о стремлении соответствовать либеральным европейским ценностям, но и их претворение в жизнь. В-пятых, теоретическое и прикладное значение имеет анализ опыта по привлечению армии, наряду с правоохранительными органами, к борьбе с массовым партизанско-повстанческим движением и наведению порядка в тылу. Здесь очевидна проекция на применение российской армии в боевых операциях по защите территориальной целостности нашего государства и установлению конституционного порядка в Чеченской Республике.

Соображения о месте и значении белой Сибири в антибольшевистском лагере высказывали многие мемуаристы и историки. Наиболее полно и точно они выражены Д. В. Филатьевым и Г. З. Иоффе. Первый из них указывал на то, что у антибольшевистских правительств на востоке России была собственная территория с населением, в массе своей настроенным антибольшевистски. Все русские представители за границей безоговорочно признали сибирское правительство как Верховное для всей России. Здесь, по мнению Филатьева, армия была построена по "нормальному" типу и не зависела "от большего или меньшего числа желающих вступить в войска". Сибирь была непосредственно связана с союзниками в материальном отношении и в отношении живой силы. В Сибири оказался золотой запас Российской империи. Наконец, А. В. Колчак как военноморской деятель был широко известен в России, Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах².

Г. З. Иоффе отметил относительную зажиточность сибиряков, отсутствие в регионе земства. Ученый справедливо указал на отсутствие здесь столь значительного и организованного, как в центральной России, рабочего класса. Историк отмечает и такое чрезвычайно развитое здесь негативное в целом явление, как "атаманщина". Омский режим претендовал на "всероссийское" значение и международное признание. По образному выражению Г. З. Иоффе, к концу лета 1919 г. А. В. Колчак добился первого и очень близок был ко второму. Названный ученый высказал и довольно дискуссионное суждение о том, что в Сибири среди белых не было такого числа белогвардейцев, как в других местах³.

Однако этим значение белой Сибири не исчерпывается. Белая Сибирь представляла собой крупнейшее по территории (от Урала до Дальнего Востока) государственное образование. По поводу численности населения в регионе есть некоторые разногласия. Статистики называют около 22 млн человек. Одна из газет того времени указала другое число - 10,29 млн. Близкое к этому - 10,5 млн человек - называет и весьма информированный современник событий⁴.

Следует отметить наличие, пусть непродолжительное время, в составе Сибирской армии Чехословацкого корпуса, который вел активные боевые действия. Такого прямого участия иностранных войск не было нигде.

В регионе находилось значительное количество военнопленных времен Первой мировой войны. Для их охраны требовалось опреде-

ленное количество войск, а частые побеги пленных осложняли криминальную ситуацию. Транссибирская железнодорожная магистраль была единственным путем с востока на запад, к тому же невысокой пропускной способности. Это значительно сузило возможности поставки в Россию помощи ее союзников. В этой связи недалеко от истины английские историки, утверждавшие, что "тот, кто контролирует Сибирскую железную дорогу, контролирует всю Сибирь"⁵

Только в Сибири, как и на Украине, были целые партизанские республики, находящиеся вне юрисдикции центральных белых властей. Труднодоступный театр военных действий делал крайне затруднительной борьбу с партизанами. Наконец, Сибирь непосредственно граничила с Японией и Китаем. Обе эти страны, особенно первая, включили ее в сферу своих интересов. Все эти причины прямо и косвенно обусловили актуальность темы данной монографии.

Гражданской войне в Сибири посвящено множество публикаций. Начать историографический обзор хочется словами участника белого движения генерал-лейтенанта А. С. Лукомского. 80 лет назад он писал о том, что "правдивая история данной эпохи пишется не ее современниками, а последующими историками, которые описаниями современников пользуются как материалом. Буду писать и делать заключения, - признался генерал, - как это представляется мне. А истина получится из сопоставления различных описаний одних и тех же событий"⁶.

Отечественную историографию гражданской войны в Сибири можно условно разделить на четыре этапа. Исследователи, работы которых относятся к первым трем, изучали борьбу большевистской партии против колчаковского режима как на фронте, так и в сибирском тылу. Первый этап охватил 1919 - середину 1930-х гг. Это публикации В. Д. Виленского-Сибирякова, К. М. Молотова, Г. В. Круссе-ра, В. Д. Вегмана, К. В. Дубровского и других⁷. Большую смысловую нагрузку несут сами названия книг. В этих работах можно найти значительное число примеров карательных действий омских властей.

Значительным событием стал научно-исследовательский и издательский проект по выпуску Сибирской Советской энциклопедии. В трех томах, которые получили читатели, есть немало материалов, посвященных гражданской войне, например, статьи М. М. Константинова⁸. В этих публикациях есть определенный фактический материал. Однако он касается антиколчаковской борьбы большевиков и ее жестокого подавления властями. Первую, по нашему мнению,

попытку подготовить и издать в СССР библиографию гражданской войны в регионе предпринял Н. Я. Виткинд⁹. Много лет она помогала тем историкам, которые делали первые шаги в изучении темы.

Редкое исключение представляют две работы Е. Е. Колосова¹⁰, целиком посвященные колчаковскому террору. Значительной обвинительной силой обладает обширный материал проведенного им расследования убийства члена Учредительного собрания Н. В. Фомина. Весьма неприглядной, со слов Е. Е. Колосова, выглядит в свете этих событий роль министра юстиции С. С. Старынкевича, призванного соблюсти законность в расследовании данного дела и привлечь к ответственности виновных. Незавидной оказалась судьба членов Всероссийского Учредительного собрания, которые подвергались преследованиям и казням не только со стороны большевиков, но и белых властей.

Среди публикаций, так или иначе касающихся белого террора на территории за Уралом, следует выделить статью А. Вольского¹¹. Он, описав все территории, где у власти были контрреволюционеры, первый сделал вывод о том, что нигде белый террор не достиг таких громадных размеров, как в Сибири и на Дальнем Востоке. Выгодно выделяется и небольшая по объему работа Камского¹², в которой впервые идет речь об уголовной преступности на территории "колчакии", в частности, о спекуляции, наркомании. Любинский и Поляков допустили неточности в своей интересной статье. Они заявили о том, что в Сибири милиция и уголовный розыск были окончательно организованы после ликвидации колчаковщины¹³, т. е. в конце 1919 — начале 1920 гг. Таким образом, вне поля зрения исследователей на долгие годы осталась деятельность царской полиция и сибирской (Временного Сибирского правительства и колчаковской. -- С. 3.) милиции в 1918-1919 гг.

Второй этап в историографии включает вторую половину 30-х — начало 50-х годов. Он характеризуется тем, что резко сократилось число работ по этой теме¹⁴. Из научного оборота были исключены имена военачальников и политработников Красной армии, разгромившей армию А. В. Колчака. Среди них В. К. Блюхер, М. З. Тухачевский, И. П. Уборевич, Г. Х. Эйхе и другие. Перестали упоминаться имена руководителей большевистского подполья в Сибири Б. З. Шумяцкого, В. Г. Яковенко, И. Н. Смирнова и других. В специальные хранилища библиотек были переданы книги, написанные А. /.. Ансоном, В. Д. Вегманом, Г. В. Круссером, В. Д. Виленским-Сибиряховым, Е. Е. Колосовым. Их имена были преданы забвению. Были закрыты

для исследователей многие архивные фонды. По сути дела, почти два десятилетия были потеряны для изучения истории гражданской войны в Сибири вообще и внутренней политики А. В. Колчака в частности из-за установившейся диктатуры И. В. Сталина в стране и утверждения его концепции истории ВКП (б). Многие действующие лица гражданской войны на востоке России и ее историки были уничтожены НКВД.

Третий этап начался со второй половины 50-х гг. и ознаменовался возобновлением интереса к истории гражданской войны. Во многом это объяснялось влиянием идей, содержащихся в докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Стали выходить монографии, посвященные этой теме, как на региональном¹⁵, так и на общесибирском¹⁶ уровне. В этот же период увидела свет глава (ответственные В. С. Познанский и И. М. Разгон. — С. 3.) "о гражданской войне в многотомной "Истории Сибири". Она, в известном смысле, обобщила знания, накопленные к тому времени. Однако во всех этих работах говорится только о грабеже населения, произволе и терроре в действиях властей. Основное место отведено деятельности большевистского подполья, партизан и Красной армии.

Особняком стоит широко известная работа Г. З. Иоффе¹⁸, ставшая первой специально посвященной правлению А. В. Колчака. Однако в ней лишь упоминается об организации в "колчакии" городской и уездной милиции, о создании отрядов особого назначения и органов государственной охраны, о финансировании милиции на частные средства. Он, чуть ли не самым первым, цитирует циркуляр департамента милиции о произволе чинов милиции. Наконец, ученый дал оценку В. Н. Пепеляеву как главе этого ведомства. Пепеляев, по его словам, развил в департаменте бурную деятельность, показывая, что и "из кадетов могут получиться охранники не хуже царских".

Некоторые критики, оценивая эту монографию Г. З. Иоффе, пришли к выводу, что в ней впервые после 60-х годов в центре оказалась колчаковская внутренняя политика. Они отметили обширное цитирование автором белогвардейских документов Комуча, Уфимской Директории, Временного Сибирского правительства, а также "Союза Возрождения", "Правого Центра" и "Национального центра"¹⁹. Справедливости ради следует отметить, что Г. З. Иоффе имел уже тогда доступ к фондам Русского зарубежного исторического архива в нынешнем ГАРФе, который другие исследователи получили только несколько лет назад.

Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков, В. Ю. Чураков, не очень высоко оценивая вклад советских историков в разработку темы истории белой Сибири, с определенными оговорками отнесли к числу исключений работы В. А. Кадейкина, С. Г. Лившица, Т. В. Мальцевой, М. Е. Плотниковой²⁰. Действительно, в них можно найти сюжеты, относящиеся к теме нашего исследования. Многочисленные факты произвола и репрессий со стороны властей есть в работах В. А. Кадейкина. Однако, рассуждая о задачах историков в изучении гражданской войны в Сибири, он имеет в виду только борьбу сибирских рабочих против колчаковского режима²¹. Его умолчание о необходимости исследования внутренней политики белых правительств вообще и правоохранительной в частности является красноречивым показателем идеологизации исторических работ того времени.

Долгое время деятельность правоохранительных органов белых, по вполне понятным идеологическим причинам, была обойдена вниманием историков. В тех немногочисленных публикациях, где все же затрагивалась эта тема, допускались искажения и неточности. К их числу можно отнести работы П. И. Рощевского, О. А. Васьковского, В. Н. Дворянова. П. И. Рощевский необоснованно писал, что сибирская милиция при охране государственного порядка и безопасности была подчинена военным властям. О. А. Васьковский пользовался понятием "белогвардейские оккупанты". В. Н. Дворянов писал про "полицейских и урядников". На наш взгляд, антисоветские государственные формирования имели такие же права на власть, как Совет народных комиссаров в Москве. Что касается названия сотрудников органов, то в 1918-1919 гг. уже не было таких должностей²².

Много интересного фактического материала, оценок содержат монографии Ю. В. Журова²³. В них есть целые страницы, посвященные таким феноменам белой Сибири, как "военщина" и "атаманщина". Чуть ли не впервые в отечественной историографии он дает оценку, пусть и противоречивую, деятельности органов государственной охраны и милиции. Тема "атаманщины" получила развитие и в других публикациях²⁴. При её описании все авторы вполне справедливо ставят в центр своих работ описание тех ужасов, которые даже на фоне жестокостей гражданской войны выглядят невероятно. С выводом названных авторов о том, что районы, которые контролировали различные атаманы, были территориями беззакония, трудно не согласиться.

Отдельные интересные, но не получившие развития сюжеты есть в работах П. Т. Хаптаева, И. Ф. Плотникова, Г. Х. Эйхе. Первый

О
Й
Й
-
т
-
,
кроме описания зверств карателей упомянул и обычное право бурят как основу судопроизводства в 1918-1919 гг. в местах их компактного проживания²⁵. Второй писал о том, что А. В. Колчак восстановил буржуазный суд, полицию (под названием милиция), политический сыск, многочисленные карательные органы²⁶. Не было аргументировано суждение Г. Х. Эйхе о том, что карательная политика всех контрреволюционных правительств превзошла методы и приемы, практиковавшиеся царским правительством в борьбе против революции²⁷.

В этот период был продолжен историографический анализ. В частности, увидела свет монография В. Б. Батоцыренова²⁸. В ней рассматривались только те работы, которые были посвящены деятельности большевистских организаций в тылу А. В. Колчака. Получила продолжение практика создания библиографических указателей. В одном из них²⁹ нашли отражение достижения отечественных историков, однако тема книги была слишком широкой и проблема белой Сибири в ней была факультативной.

Многолетний исследователь истории гражданской войны на востоке России И. Ф. Плотников, анализируя в 1983 г. основные итоги и задачи дальнейшего изучения истории гражданской войны на Урале, писал о необходимости исследования большевистского подполья и партизанского движения. Он не назвал в качестве объектов исследования карательную политику, репрессивные органы белых³⁰. Время раскрытия этой темы еще не наступило.

Начало четвертому, современному этапу в изучении истории гражданской войны положила перестройка, переход к которой был провозглашен в 1985 г. В 1987 г. Н. П. Ерошкин, выступая в феврале в Казани на Всесоюзной научной конференции "Великий Октябрь и гражданская война. Исторический опыт и современность", признал ненормальным то положение, когда в подавляющем большинстве работ действия противников революции не освещались. Историк призвал к более внимательному отношению к политическим институтам белогвардейских правительств. Другой выступающий - Л. М. Спирин предложил шире вводить в научный оборот белогвардейские документы³¹. Однако для написания и опубликования таких работ потребовалось время.

Решительные перемены начались после августа 1991 г., когда в нашей стране стала меняться общественно-политическая ситуация. Это повлекло за собой постепенную смену методологических подходов в исторических исследованиях вообще и по этой тематике в частности³².

Важные методические замечания принадлежат Ю. А. Полякову и Г. А. Трукану. Анализируя в начале 1990-х гг. советскую историографию по истории гражданской войны, Ю. А. Поляков сделал интересное, на наш взгляд, замечание. Контрреволюционный лагерь был не более чем фоном, на котором развёртывались самые разнообразные события того периода. Таким образом, роль белых была вспомогательной, а их место - второстепенным. Пора, считает историк, сделать обе стороны равноправными субъектами исторического процесса.

Историк признал, что в книгах, затрагивающих положение трудящихся на оккупированных противником территориях, речь идёт в основном о большевистском подполье и партизанских действиях. Однако, справедливо полагает исследователь, жизнь большинства населения не сводилась лишь к борьбе против белогвардейцев и интервентов. Он признал изучение организации системы государственного, общественного и хозяйственного управления, деятельности народного образования и здравоохранения делом полезным и нужным. Особое внимание историк призвал уделить реальной народной жизни - демографии, условиям труда и быта. Он считал необходимым выявлять, в соответствии с принципами историзма, причины, порождающие насилие на каждом историческом этапе, видеть условия, общество, в котором оно происходило.

Соглашаясь в общем с этим мнением Ю. А. Полякова, трудно разделить его определение территории, контролируемой белыми, как "оккупированной". С близких позиций выступил и Г. А. Трукан. Он пришел к выводу о том, что лишь устранение идеологических барьеров в начале 1990-х гг. привело историков к осознанию необходимости изучать обе стороны военного-противостояния - большевиков и их противников — как "равноценные для научного исследования стороны явления"³³.

В этот период историки много и плодотворно работали над такой ключевой проблемой гражданской войны, как террор. Они сделали важный шаг к тому, чтобы изучать не только террор, но и причины, его порождавшие³⁴. В частности, А. Л. Литвин пришел к выводу, что у белых террор не вводился в ранг государственной политики, как это было в Советской России. Это утверждение не является бесспорным. Действительно, у Верховного правителя А. В. Колчака не было указа, подобного декрету о красном терроре СНК. Однако он, его генералы и гражданские чиновники издавали немало указов, приказов и распоряжений, по жестокости ничем не отличавшихся от большевистских. Наконец, для жертв того и другого террора не имело значения, был ли он частью государственной политики.

Одним из первых о специфике психологии россиян в 1918-1922 гг. задумался Л. М. Спирин. У людей периода гражданской войны была, считал он, особая психология, особые взгляды, которые нам не всегда понятны, на многие вещи. В том числе на террор. Эта же мысль прослеживается в публикациях И. В. Михайлова. Он предложил начать переосмысление гражданской войны с перенесения центра тяжести с политической её истории на социальную и психоментальную. Тем более, что эта тенденция давно проявила себя на Западе. Очевидным для И. В. Михайлова является то, что изучение истории белого движения отечественным авторам стоило бы начать с вещей совершенно элементарных - быта, нравов, психологии рядовых его участников.

Эту идею развили П. В. Волобуев и В. П. Булдаков, а также И. Я. Биск. "Следует досконально представлять, - справедливо считают они, - быт, нравы, мораль и "новые" (скорее "перевернутые") стереотипы поведения того времени <...> отношение к собственности, восприятие преступности, потребность в наркотизации, вульгаризация половых отношений, ощущение смерти".

Л. Н. Пушкарёв взглянул на эту проблему под другим углом. Придется ещё раз признаться, пишет он, что мы вновь отстали от Запада - на этот раз в сугубо теоретическом плане. Слишком много сил и времени уделяла советская историческая наука выявлению социально-экономических, классовых и партийных факторов, влияющих на поведение человека (либо социального страта) в тех или иных условиях. И очень мало изучено значение таких ментальных факторов, как чувства, симпатии, склонности, душевные предпочтения и прочее, хотя именно они-то порою могут весьма существенно влиять на ход исторических событий, а порою определять их. Действительно, сугубо личностный фактор при анализе тех или иных явлений или процессов большинством отечественных историков опускался.

Ближе всех к формулировке темы нашего исследования подошёл В. Г. Бортневский. Он мотивированно написал о том, что несомненный интерес представляет исследование складывания системы управления, особенностей работы высших, центральных и местных органов на оккупированной белыми территории, попытки координации политики различных белогвардейских правительств, анализ роли армии и карательно-репрессивных органов. Он считал необходимым провести комплексное исследование идеологии, политики и практики террора, выявить место и роль карательно-репрессивного аппарата в политической системе как лагеря революции, так и контрреволюции.

Если говорить об истории белой Сибири, то ее жизнедеятельность стала полноправным объектом изучения. Своеобразным показателем внимания к теме, демонстрацией определенных достижений в ее раскрытии стали специализированные научные конференции "История белой Сибири", проходившие в Кемерове в 1995, 1997, 1999, 2001 гг. Историки приступили к анализу тех проблем, которые ранее были обойдены их вниманием. Здесь можно назвать такие вопросы, как государственное строительство, политическая и общественная жизнь, экономическая и финансовая политика, попытки решения рабочего и аграрного вопросов, национальных проблем, создание армии, развитие образования, науки и культуры, повседневная жизнь сибиряков. Особо следует выделить появившийся интерес к изучению формирования и функционирования системы правоохранительных органов³⁵.

В большей части работ этого периода исследование деятельности правоохранительных органов не является главным³⁶. В диссертации В. П. Слободина при перечислении задач исследователей на ближайшее будущее только под номером 8 из 9 названа задача охарактеризовать систему организации власти. Однако у него нет ни слова о необходимости анализа правоохранительной практики. В. Г. Медведев в своей диссертации только упомянул про окружные суды и мировых судей. Это все, что он посчитал нужным сказать о судебной власти. Кроме этого он высказал верную мысль о том, что в то время неприкосновенность личности являлась фикцией из-за неограниченных полномочий государственной охраны.

В. Д. Зимина в своем объемном труде ограничилась лишь цитированием известных слов С. П. Мельгунова о реальности суда присяжных в условиях гражданской войны, не посчитав нужным как-либо их прокомментировать. В книге Л. А. Юзefовича предпринята довольно удачная попытка разобраться в феномене "атаманщины" на примере барона Унгерна, что, как мы считаем, не оправдывает творимых им беззаконий. В. Т. Тормозов вновь назвал тему правоохранительной политики в числе подлежащих изучению.

Современный этап историографии выгодно отличается появлением первых работ, посвященных деятельности правоохранительных органов. Значительный вклад в изучение этой проблемы внес А. Н. Никитин³⁷. Он считает, что дальнейшее развитие отечественной историографии гражданской войны невозможно вне опыта, накопленного в предшествующее время. Объективная оценка работы, проделанной несколькими поколениями историков, пишет он, необходима прежде всего для того, чтобы избежать повторения допущенных ранее ошибок.

Чтобы продемонстрировать новизну подходов к указанной теме, полагает исследователь, недостаточно отказаться от старых представлений, и уж тем более неприемлема простая смена знаков — "плюс" на "минус" и наоборот. Следует выработать иное, чем прежде, видение проблемы гражданской войны, её места и роли в истории нашего Отечества. Необходим методологический подход, основанный на признании приоритета общечеловеческих и общенациональных интересов и ценностей.

А. Н. Никитин справедливо заметил, что отечественные историки криминальную сторону гражданской войны вообще не принимали во внимание. Среди составляющих преступности тех лет историк обоснованно называет самосуды, коррупцию и спекуляцию. Проявления уголовного характера, по его мнению, нередко отождествлялись с антиправительственными выступлениями. Заслуживает внимания мнение, что до середины 1919 г. правоохранительные органы и средства массовой информации Сибири не видели разницы между партизанским движением и организованной преступностью, что стало одной из предпосылок поражения режима.

Исследователь едва ли не первым применил термин "правоохранительная политика" по отношению к деятельности "белых" правительств. Автор уделил большое внимание подбору кадров в правоохранительные органы. Он указал на стремление А. В. Колчака укомплектовать суд, прокуратуру и милицию людьми с юридическим образованием и опытом практической работы по специальности. Исследователь показал устройство судебных установлений и Правительствующего Сената. Говоря об инициативе министра юстиции Г. Г. Тельберга по созданию Комитета по обеспечению порядка и законности, А. Н. Никитин повторил критику в его адрес со стороны Г. К. Гинса. По мнению последнего, комитет «не обрушился» и не уничтожил ни одного гнезда беззакония, хотя, на наш взгляд, было бы справедливо сказать о целом ряде отмененных им нормативных актов, которые не соответствовали законодательству. А. Н. Никитин высказал верное суждение о том, что коррупция в Сибири пронизала все сферы жизни общества и режим в борьбе с ней оказался бессилён. Справедливости ради можно заметить, что эта задача не по плечу правоохранительным органам во многих странах и сегодня.

А. Н. Никитин считает, что изменения к лучшему в борьбе против преступности стали проявляться после 18 ноября 1918 г., т. е. после прихода к власти А. В. Колчака. Исследователь выявил такую важную характеристику установившегося режима, как трудно-

уловимая грань между законом и актом исполнительной власти. По его мнению, это даже лучше, ибо способствовало оперативности.

А. Н. Никитин стал автором первой брошюры по истории колчаковской милиции. В ней он уделил внимание специфике кадровой политики, когда начальниками милиции назначали офицеров, а на должности милиционеров принимались бывшие жандармы. Рассуждая о попытках омской администрации департизировать милицию, историк пишет о выходе В. Н. Пепеляева из партии народной свободы после вступления в должность директора департамента милиции. Однако, считает А. Н. Никитин, В. Н. Пепеляев сохранил с ней связь. Фактически, полагает он, под флагом департизации обеспечивалось влияние партии кадетов на органы государственной власти.

Историк уделил внимание и проблеме взаимоотношений гражданской и военной власти. Он справедливо считает, что атмосфера насилия, когда военные вели себя как на оккупированной территории, разлагающе действовала на саму милицию. Пресечь злоупотребления и даже преступления чинов милиции в обстановке гражданской войны, правильно считает А. Н. Никитин, было невозможно. Решение данной задачи затрудняли сама сущность власти, её авторитарный характер, отсутствие контроля за действиями милиции со стороны общественности.

В работах А. Н. Никитина содержатся перспективные выводы. В частности, о том, что правоохранительная практика быстро разошлась с намерениями. Трудно возразить и против того, что милиция, созданная для защиты личности и общества, в результате эволюции противобольшевистского движения превратилась в инструмент поддержки правящего режима и выполняла не свойственные ей функции. Справедливо и то, что беспредел уголовной преступности и политические репрессии вызвали недовольство населения Сибири. Это, в свою очередь, стало одной из причин краха колчаковского режима.

А. Н. Никитин высказал несколько любопытных соображений, которые могут быть предметом дискуссии. Значимое суждение историка о том, что организованная преступность в "колчакии" появилась в конце лета 1919 г., не сопровождается доказательствами.

Исследователь считает, что МВД было против привлечения частных средств для финансирования милиции. Однако так было не всегда. Когда министром стал В. Н. Пепеляев, положение кардинальным образом изменилось. Спорным, на наш взгляд, является вывод А. Н. Никитина о том, что в кадровой политике произошел отказ от классового принципа и была сделана ставка на профессионализм

и нравственные качества. Отчасти это верно, однако в массе своей сибирская милиция была укомплектована личным составом совсем иных качеств. Да и сам исследователь приводит многочисленные примеры произвола со стороны милиции, противореча себе.

Заслуживает анализа вывод историка о том, что, добившись заметных успехов в противодействии общеуголовной преступности, режим проиграл тогдашней мафии. Здесь уместно задать вопрос о правомерности использования понятия "мафия" для характеристики преступности периода гражданской войны.

Наконец, нуждается в конкретизации мысль о том, что сильная власть из условия возрождения России стала препятствием для этого. Речь идет о характеристике режима А. В. Колчака как авторитарного. Сама сущность режима несла ему угрозу. Здесь уместно задаться вопросом: была ли власть Верховного правителя А. В. Колчака сильной и можно ли его режим назвать диктаторским?

А. Н. Никитин справедливо считает, что еще подлежит изучению правотворческая деятельность и правоприменительная практика, структура и кадровый состав правоохранительных органов, правовая система и система права белой России. Историк находит крайне важным выяснить, являлся ли террор составной частью государственной политики, проводился ли он белогвардейским правительством или же ответственность несёт прежде всего и главным образом репрессивный аппарат. А. Н. Никитин предлагает также установить, как влияла практика белогвардейцев и их союзников на ход и продолжительность, глубину и жестокость гражданской войны.

Милицейская тема получила развитие в историко-правовом исследовании М. М. Степанова и историческом С. Ф. Феокистова³⁸. Работа М. М. Степанова стала первым диссертационным сочинением, целью которого является изучение структуры и основных направлений деятельности органов внутренних дел, специфика правового регулирования, особенности их функционирования в условиях гражданской войны. Объектом исследования стал государственно-правовой статус органов внутренних дел, а предметом - организационно-правовая основа деятельности, кадровый состав и материально-техническое обеспечение, а также основные направления деятельности названных органов.

Определение круга исследуемых проблем основывалось на том подходе к пониманию системы органов внутренних дел, который существовал в России до октября 1917 г. Поэтому диссертант кроме деятельности милиции, аппарата предварительного расследования

и т. п. рассматривал работу и системы исправительно-трудовых учреждений.

Обоснованно мнение М. М. Степанова о том, что правовая основа деятельности органов внутренних дел авторитарных режимов была заимствована из законодательства царской России. Не вызывает возражений утверждение исследователя о недостаточном финансировании милиции, а также о наличии преступности в ее среде. Заслуживает положительной оценки проведенный диссертантом анализ деятельности милиции по охране общественного порядка, по борьбе с общеуголовной преступностью и бандитизмом, по предварительному расследованию и следствию.

В работе содержатся выводы по теме: уровень организации и деятельности органов внутренних дел не соответствовал чрезвычайным условиям военной обстановки, преступность из социальной проблемы превратилась в политическую проблему. Это, в свою очередь, в определенной степени способствовало поражению белых режимов.

Однако работе М. М. Степанова присущи некоторые недостатки. При ее достаточно солидной источниковой базе, насчитывающей 24 фонда ГАРФа, только два из них касаются органов внутренних дел Российского правительства П. В. Вологодского. Таким образом, как и у многих других исследователей из центра России, "сибирская проблематика" проходит в сочинении М. М. Степанова через запятую. Вызывают возражения два вывода диссертанта. Во-первых, его утверждение о повсеместном увеличении штатов милиции. Во-вторых, о нейтральном отношении в Сибири к бывшим полицейским и жандармам. Напротив, сибирская милиция активно комплектовалась за счет именно этой категории лиц.

В свою очередь, С. Ф. Феоктистов указывает на такие способы заполнения вакансий в милиции, как набор милиционеров из числа беженцев и привлечение бывших полицейских. Кроме этого диссертант справедливо говорит о принятии новых нормативных актов и о борьбе руководства против милицейского беззакония, за чистоту ее рядов.

Л. В. Некрасова первая написала о попытке омских властей положить предел незаконным действиям военных³⁹. Для этого был создан специальный комитет в составе министров внутренних дел и военного и юстиции под председательством последнего. В публикации анализируется нормативная база его деятельности и принятые решения. Следует отметить, что сибирские газеты широко публиковали постановления упомянутого комитета об отмене незаконных приказов и распоряжений высокопоставленных должностных лиц.

Получила дальнейшее развитие проблема участия военных в установлении порядка в тылу⁴⁰. В этой связи заслуживает специального внимания статья Е. А. Бушарова. Это редкий случай, когда исследователь ставит и последовательно раскрывает следующие вопросы: какие преступления против населения совершали белые, какие меры принимались к их пресечению, какие действия населения с точки зрения колчаковцев считались преступными и какие меры по их пресечению предпринимались, какие воинские преступления были распространены, преступления красноармейцев и причины преступности.

Свое место в историографии гражданской войны в Сибири занимает статья Н. С. Ларькова. Впервые появилась вдумчивая, основанная на документах публикация о командире одного из карательных отрядов - офицере В. И. Сурове. Причиной участия названного офицера в репрессиях против своего народа называется то, что он предпочел расправляться с плохо вооруженными крестьянами, чем с регулярной Красной армией.

Деятельность колчаковской контрразведки, активно борющейся против большевистского подполья, плодотворно изучает Н. В. Греков. Его публикации содержат анализ нормативной базы, дают представление об организационном строении, подборе кадров и методах работы этих органов. Данный исследователь справедливо отмечает участие контрразведки в борьбе с уголовной преступностью.

В брошюре В. П. Баканова есть целая глава, посвященная участию военных в терроре против населения. Автор считает, что в условиях войны могут отдаваться вынужденные приказы военачальников, толкающие исполнителей на несоразмерно жестокие меры. В. П. Баканов приводит пример такого отношения видного военного деятеля белой Сибири генерала М. В. Ханжина к деятельности военно-полевых судов. Как командующий армией он заменил смертный приговор 13 железнодорожникам бессрочными каторжными работами, но оставил в силе приговор в отношении 32 челябинских подпольщиков, казненных в ночь на 18 мая 1919 г. в Уфе.

Заслуживают внимания попытки историков и мемуаристов персонифицировать деятельность правоохранительных органов. Опубликованы статьи о министрах внутренних дел А. Н. Гаттенберgere и В. Н. Пепеляеве⁴¹. В статьях о первом из них немного говорится о его министерской деятельности. Что касается статьи П. П. Гронского о В. Н. Пепеляеве, то ее отличает апологетика. В его публикации больше внимания уделено партийной работе В. Н. Пепеляева, да автор многого и не знал, находясь в эмиграции. Подробный анализ работы В. Н. Пепеляева во главе МВД до сих пор не сделан.

Самостоятельную группу составляют исследования, выполненные за рубежом. В первую очередь это работы русских эмигрантов. И. А. Ильин справедливо полагал, что "белая борьба нуждается в летописи, а не в идеализации; в верном самопознании, а не в создании легенды; в удостоверении, а не в искажении"⁴². Среди работ, посвященных белой Сибири⁴³, выгодно выделяется обширное по объему и богатое по содержанию сочинение профессора-юриста Г. К. Гинса. Находившийся в силу своей должности управляющего делами Верховного правителя и Совета министров в центре многих важных событий, он рассказывает о них весьма подробно. Особенно важно то, что в работе много говорится о принятии указов, о деятельности правительства, министерств внутренних дел и юстиции, а также их учреждений на местах. Г. К. Гинс дает характеристику и оценку деятельности многим деятелям омской администрации. Он положительно оценивает службу в качестве министра внутренних дел В. Н. Пепеляева.

Книга Г. К. Гинса, одна из первых по истории белой Сибири, сразу вызвала критику. А. А. Аргунов, рецензируя эту работу, высказал сожаление, что книгу нельзя использовать как документальный источник. "Мысли и впечатления автор заносил на бумагу в такой обстановке, где у него, по-видимому, кроме старых газетных вырезок, ничего не было под руками"⁴⁴. Свое согласие с А. А. Аргуновым выразили и современные отечественные историки. Более того, они предлагают к признаниям и оценкам Г. К. Гинса подходить очень осторожно, так как субъективизм автора выделяет маловажные события, заслоняя ими значительные⁴⁵. Но субъективизм свойствен многим трудам по истории. Такая предпочтительность свидетельствует о политических и идеологических пристрастиях автора, что само по себе интересно для анализа.

Многочисленные отклики вызвала книга генерал-лейтенанта К. В. Сахарова. В предисловии он писал: "Моя цель - исполнить только мой долг, - записать для моих соотечественников совершенно правдиво и беспристрастно те условия, в которых проходила борьба антибольшевиков, те побуждающие причины, что двигали и управляли этой борьбой, раскрыть состояние и настроение народных масс, показать приёмы борьбы и те обстоятельства, которые повлияли на ее неуспех". Свою задачу мемуарист не смог или не захотел выполнить. В его книге мы не найдём взвешенного анализа омской действительности, в отдельных случаях генералу изменяет даже чувство меры.

В этой работе много говорится о боевых действиях Сибирской армии и меньше всего о положении в тылу. Автор ограничивается общими рассуждениями о партизанском движении. Работа К. В. Сахарова отличается резким неприятием места и роли партии социалистов-революционеров в событиях 1918-1919 гг.

Ни одна публикация по истории белой Сибири до сих пор не обходится без цитирования значительной по объему работы С. П. Мельгунова. В самом деле, она подробно освещает многие страницы истории правления А. В. Колчака. Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков и В. Ю. Чураков считают, что С. П. Мельгунов детально вырисовал не только общеполитическое положение режима, но и тонкости "закулисных игр"⁴⁶. Однако историк полностью обошел вниманием "правоохранительную политику", что вполне соответствует взглядам С. П. Мельгунова на эту проблему. Опубликовав широко известную работу о "красном терроре", он так и не написал обещанную книгу о белом терроре. Как мы понимаем, этого он не сделал не потому, что такого террора не было, а потому, что такое исследование не соответствовало его идеологическим взглядам и политическим интересам.

С. П. Мельгунов был тем историком из русского зарубежья, который пытался выявить причины тенденциозности в публикациях русских эмигрантов. Он честно признался: "...быть "беспристрастным" в истории гражданской войны я, конечно, не могу, ибо сам являюсь в известной степени одним из действующих лиц"⁴⁷.

Еще одним исследователем, который задумался над проблемой объективности, был генерал-майор М. А. Иностранцев. Он справедливо считал, что "всякая история должна, прежде всего, стремиться выяснить истину об излагаемых событиях, указать человечеству правду и, притом, осветить эти события совершенно беспристрастно, независимо от личных симпатий и антипатий автора к данным событиям или лицам. Другими словами, настоящая история должна быть лишена какой бы то ни было тенденции". В своей рецензии на книгу К. В. Сахарова "Белая Сибирь" М. А. Иностранцев критиковал автора за то, что тот обещал "записать совершенно правдиво и беспристрастно те условия, в которых проходила борьба антибольшевиков", однако со своей задачей⁴⁸. На наш взгляд, справедливо было бы отметить, что тенденциозностью грешат многие авторы.

Книга историка В. Л. Сергеева имеет многообещающее название, но описывает действия только атамана Г. М. Семенова и его "Особого Маньчжурского отряда", причем только в восторженных тонах. В ней нет и намека на жестокости семеновцев. Зато книга П. С. Парфенова содержит многочисленные примеры белого террора.

Определенный интерес вызывает работа генерал-лейтенанта Д. В. Филатьева. Во-первых, эта книга принадлежит перу очевидца. Во-вторых, написана она много лет спустя и содержит анализ ранее вышедших работ. Труд Д. В. Филатьева содержит довольно общий обзор военных операций белых на территории Сибири и Дальнего Востока и менее всего описывает внутреннюю политику колчаковского режима. Вместе с тем, автор, как и П. С. Парфенов, пытается извлечь уроки из поражения белых и называет несколько причин краха белых: ранняя сдача немцам, великодержавие антисоветских режимов. Д. В. Филатьев винит окружение А. В. Колчака в том, что оно не посоветовало ему уйти в отставку.

В это же время автор делает важный вывод. "При оценке деятельности лиц, ещё недавно игравших значительную роль, мы, русские, - пишет он, - особенно в беженстве находящиеся, несомненно, ударяемся в две крайности: то огульно порицаем, то неумеренно восхваляем, в зависимости от того, к какому лагерю принадлежал и тот, о ком говорится, и тот, кто говорит". Это замечание относится и к историкам, жившим на Родине.

Особое место в историографии занимает работа автора, подписавшегося аббревиатурой "А.П."⁴⁹ К несомненным достоинствам этой брошюры относится сама ее тема. В ней содержится анализ состояния законности в армии П. Н. Врангеля вообще и деятельности военно-полевых судов в частности⁵⁰. Обращает на себя внимание полное совпадение оценок, данных для Русской и Сибирской армий. Уровень законности в действиях военных как на юге, так и востоке России был невелик.

Знакомство с работами этой группы авторов даёт возможность выделить ещё одну причину их предвзятости. Она заключается в том, что все авторы в той или иной мере пытались не только показать или объяснить действия белых в войне, но и, в определённой мере, оправдать их. По мнению Г. З. Иоффе, белоэмигрантская историография демонстрирует завидное единомыслие, безапелляционность и категоричность, столь свойственные и советским историкам⁵¹. Вместе с тем сочинения авторов из русского зарубежья интересны не только богатым фактическим материалом, характеристикой деятелей той поры, но и индивидуальными оценками. Все это служит основой для дальнейшего анализа.

Вторую группу составляют работы зарубежных авторов, в первую очередь - англоязычных⁵². Среди последних публикаций следует назвать монографии Д. Смита и Н. Перейры. Первая выгодно

отличается обилием источников и использованной литературы, как советской, так и западной. Самостоятельного интереса заслуживают приложения к работе. Автор в целом квалифицированно ставит и решает вопросы государственного строительства и устройства "колчакии". Однако и он в центре внимания ставит военно-политический, экономико-финансовый аспекты деятельности режима А. В. Колчака. Он справедливо говорит о войне против профсоюзов, о восстаниях на селе. Исследователь верно характеризует колчаковский режим как авторитарный, однако и у него деятельность правоохранительных органов освещается лишь мельком. В последней крупной работе Н. Перейры много страниц посвящено гражданским свободам в контексте социальной политики. Он пишет о существовании цензуры, о массовых репрессиях, о забастовках рабочих и о сельских беспорядках. Последнее понятие означает у него партизанско-повстанческое движение⁵³.

Интересное замечание содержится в книге Дж. Бредли. Он обратил внимание на склонность российских исследователей к идеологизации в освещении истории гражданской войны. Историк заметил, что идеологически актуальный и политически дискуссионный характер носят не только работы политиков, но и историки ведут полемику между собой крайне некорректно, руководствуясь не фактами, а философскими догмами⁵⁴.

Вместе с тем работы этих историков не свободны от недостатков. В этой связи обращает на себя внимание монография Р. Лакетта. Эта работа и ее автор на Западе были подвергнуты критике за пренебрежение к политическим факторам. Б. Пирс в своей рецензии писал даже о том, что лучше бы эта работа не выходила⁵⁵.

К неизученным до сих пор проблемам истории белой Сибири относится обеспечение законности и правопорядка. До сих пор нет или почти нет исследований, посвященных внутренней политике колчаковского режима, отсутствует полный анализ того, как были устроены правоохранительные органы, какими нормативными актами руководствовались, как боролись с уголовной и политической преступностью.

В связи с этим в настоящей монографии ставится цель теоретически осмыслить деятельность Российского правительства по формированию и реализации правоохранительной политики в специфических условиях гражданской войны.

Исходя из названной цели, представляется возможным определить следующие задачи исследования: анализ той нормативной базы,

которой руководствовались правоохранительные органы; изучение взглядов Верховного правителя, председателей правительства и соответствующих министров на данную проблему, оценка криминогенной ситуации в Сибири в данный период и анализ ее составляющих; рассмотрение системы и организационного строения правоохранительных органов; выявление позиции центральных и местных властей в отношении кадрового состава названных органов; определение форм и методов деятельности правоохранительных органов; анализ системы взаимоотношений этих органов с правительством, местными властями и друг с другом; определение места и роли населения в установлении законности и правопорядка; выявление места и роли иных органов в реализации правоохранительной политики; определение степени эффективности этой политики; выделение тех форм и методов правоохранительной деятельности, которые возможно использовать в современных условиях.

Предметом в философии⁵⁶ называют нечто ограниченное в себе, завершённое благодаря смысловому единству. Таким предметом в нашем исследовании стал режим Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. Объектом, т. е. тем, что оказалось подвергнутым анализу, является его правоохранительная политика А. В. Колчака. В праве под этим понятием подразумевается функция государственного управления по поддержанию законности и правопорядка, сохранения внутреннего и внешнего мира. При этом правопорядок здесь - это воплощение законности в конкретных общественных отношениях, урегулированных государством, система прав и обязанностей их участников, результат неукоснительного исполнения юридических предписаний. Законность, в свою очередь, - неуклонное исполнение законов и соответствующих им иных нормативных актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями⁵⁷.

В этой связи следует выделить такую чрезвычайно важную грань политики, как соотношение целей (стратегических и тактических) и средств, используемых для их достижения. При оценке этого соотношения нужен точный учёт того, насколько официально провозглашённые цели совпадают с фактическими, в какой степени употребляемые на деле средства адекватны поставленным целям.

Историческое исследование немислимо без определения четких хронологических рамок изучаемого периода. Они охватывают отрезок времени между двумя событиями. Первое произошло 18 ноября 1918 г., когда в результате государственного переворота в Омске

А. В. Колчак был провозглашен Верховным правителем России. Второе событие относится к 5 января 1920 г., когда А. В. Колчак сложил с себя эти полномочия. Выбранный отрезок времени непродолжителен. Он отличается не только исключительной политической динамикой, сложностью и даже противоречивостью, но и логической завершенностью.

Территориальные рамки исследования ограничены восточными районами России, которые в ноябре 1918 - январе 1920 гг. находились под властью Российского правительства. Это Алтайская, Енисейская, Иркутская, Оренбургская, Пермская, Тобольская, Томская и Уфимская губернии, Акмолинская, Амурская, Забайкальская, Камчатская, Приморская, Сахалинская, Семипалатинская, Якутская области, а также полоса отчуждения КВЖД. Следует заметить, что юрисдикция омского режима распространялась на территорию, которая сейчас является частью Республики Казахстан. Границы "колчакии" не были неизменными. Сначала они имели тенденцию к расширению. Однако к лету 1919 г. началось постоянное сокращение территории, находящейся под юрисдикцией омского правительства, в связи с наступлением Красной армии.

Проведение исторического исследования предполагает широкое использование научного инструментария. Отечественная историческая наука переживает сейчас нелегкие времена. Происходит отказ или отход от привычных методологических принципов и поиск новых. Эта ситуация соответствует идее работы Р. Ю. Виппера с символическим и до сих пор актуальным названием "Кризис исторической науки". В начале XX в. Р. Ю. Виппер писал о том, что "наш жизненный опыт необычайно обострился. И наши суждения о прошлом, наши исторические мнения проходится все пересматривать, подвергать критике и сомнению, заменять одни положения другими, иногда обратными"⁵⁸. Примечательно, что подобные кризисы отечественная историческая наука переживала сразу после радикальных перемен в судьбе страны. Так было после Октябрьской революции, после XX съезда КПСС, так происходит и сейчас.

Данное положение подпадает под алгоритм, предложенный А. Дж. Тойнби. По его мнению, каждая цивилизация периодически переживает состояние "вызова - ответа"⁵⁹. На наш взгляд, ситуация с изучением истории гражданской войны в России - наглядный пример подобного "вызова". Наличие множества диссертаций, монографий, статей и мемуаров не приблизило нас к полному и объективному пониманию феномена гражданской войны. В этой связи весь-

ма перспективно суждение Б. Г. Могильницкого о том, что чем значительнее "вызов", тем тщательнее историки должны искать причины, почему был дан на него именно такой "ответ". Ученый обращает внимание на то, что особо важно найти верное сочетание объективного и субъективного факторов⁶⁰.

Следует назвать несколько обстоятельств, которые могут способствовать или уже способствуют поиску адекватного ответа на такой "вызов".

Во-первых, как верно пишет Ю. А. Поляков, настало время отказать от односторонности и предвзятости в оценках. Сохранившаяся в нашей литературе терминология эпохи гражданской войны, называвшая белогвардейские войска "ордами" и "бандами", а их генералов и офицеров - "палачами" и "карателями", нуждается в замене терминологией "спокойной и объективной". Вместе с тем во многих современных публикациях преобладают эмоции, стремление (не подкреплённое достоверными документами) напечатать нечто сенсационное в ущерб научной объективности и обоснованности⁶¹. Особенно это касалось того периода, когда белые пятна истории гражданской войны начали заполнять журналисты. Историки отмечают не только присущий этим публикациям налёт сенсационности, но и стремление выполнить определённый социальный заказ⁶².

Во-вторых, следует уходить от предвзятости, ибо на смену идеализации революции, десятилетиями развращавшей, по выражению П. В. Волобуева, нашу научную мысль, приходят новые мифологемы, столь же беззаботно оставляющие научные знания за бортом⁶³.

Достижение нового уровня знаний стало возможным благодаря двум факторам. Во-первых, были введены в научный оборот новые исторические источники. Во-вторых, наряду с использованием зарекомендовавших себя осуществлялся поиск новых методологических подходов. Среди традиционных следует отметить общенаучный принцип дополнительности, который, как считает Н. Бор, исключает абсолютизацию какой-либо точки зрения на предмет исследования⁶⁴. Применительно к истории эту мысль развил Н. Н. Покровский. Он считает, что "исследователь всегда будет зависеть от взглядов и реалий своей эпохи, при этом все же очень важно, какую именно цель сам ученый ставит перед собой, в какой мере он стремится к независимости своего анализа. И не даром ведь в русской национальной культуре хрестоматийным образом летописца стал беспристрастный пушкинский Пимен"⁶⁵.

В работе был применен и ретроспективный метод, заключающийся в движении мысли исследователя от исторического времени, в котором изучается объект, к прошлому. Он позволил лучше уяснить процессы, своими корнями уходящие в более ранние времена. В ходе исследования приходилось обращаться к событиям начала века, к Первой мировой войне, революциям 1917 г., во многом заложившим алгоритм исторического развития Сибири.

В работе также применяются статистический и алгоритмный методы. Алгоритм понимается как определенное правило, указывающее приемы нахождения некоего общего результата в каждом частном случае. В нашей работе изучение деятельности каждого вида правоохранительных органов в отдельной губернии (области) ведет к выявлению основного алгоритма — "правоохранительной деятельности Российского правительства". В этом заключается сама концепция монографии.

В основу структуры работы положен проблемный метод группировки материала. Это позволило провести конкретное историческое исследование и на его основе выявить закономерности, присущие деятельности судов, прокуратуры, милиции как отдельных структурных единиц, так и всей совокупности правоохранительной деятельности.

Для того чтобы исторический опыт надлежащим образом истолковать⁶⁶, был использован принцип всесторонности, который не исключает, а, наоборот, предполагает рассмотрение объекта исследования как системы, состоящей из множества элементов. Принципиальный выбор, компоновка, изучение этих элементов, показ их места и роли в объекте составляет предмет логики исторического исследования. Логика исследования может показать необходимость исключения из всестороннего изучения определенных элементов объекта вследствие их достаточной изученности или ограничения исследования объемными территориальными, хронологическими рамками.

Все названные виды ограничений касаются и нашей работы, поэтому из предмета всестороннего рассмотрения выведены, по разным причинам, некоторые проблемы. Как достаточно полно и объективно освещенные остались вне данного исследования проблемы красного и белого террора. Изучение системы и функционирования на территории "колчакии" мест заключения (тюрьмы, концентрационные лагеря, "вагоны смерти") достойны отдельного исследования. Такие ограничения не имеют ничего общего с теми, что были совсем недавно. В нашей стране долгое время имело место произвольное выдвигание "удобных" и замалчивание "неудобных" фактов, что вело к ис-

кажению в отражении исторических реалий⁶⁷. Это соответствовало мысли Ф. Ницше о том, что "быть может, мы неверно расслышали голос истории"⁶⁸. Точнее говоря, мы этот голос слышали, но слышали в нем только то, что соответствовало коммунистической идеологии.

Применение синхронного метода и метода исторических параллелей (сравнительно-исторического) дало возможность изучать и сравнивать процессы, одновременно идущие в данный период в разных правоохранительных органах разных регионов. В то время упомянутые органы были представлены как государственными (суд, прокуратура, нотариат, милиция), так и негосударственным (адвокатура) органами. В ряде случаев проводились сравнения с деятельностью органов власти и их правоохранительных органов на территории Советской России.

В условиях идеологического плюрализма, столь характерного для современного состояния российской исторической науки, весьма продуктивным является предложенный Б. Г. Могильницким методологический синтез из различных социологических и философско-исторических теорий, но не в духе механического объединения отдельных элементов этих теорий, а в качестве их органического соединения на концептуальной основе⁶⁹.

Исследовательские задачи монографии при помощи методологических принципов решались как с привлечением неопубликованного архивного материала, так и на основе анализа исторической литературы. Здесь уместно указать на сохранность и репрезентативность архивных материалов. В свое время М. Е. Плотникова высказала мысль о том, что перед бегством колчаковцы уничтожили большую часть жандармских (!? - С. 3.) и тюремных архивов не только в Томске, но и в Омске, Барнауле. Часть документов, по ее мнению, была утрачена в первые месяцы советской власти, когда еще не было должного контроля за архивами. Об утрате многих материалов пишет и Н. С. Ларьков. Он справедливо считает, что в этой связи особую ценность приобретают сохранившиеся документальные свидетельства той эпохи⁷⁰. В определенной степени восполнить лакуны отдельных архивов позволяет работа в нескольких архивохранилищах, а также обращение к периодике.

В основу отбора и группировки архивного материала положена эпистемологическая типология фактов, выявляющая тип отражаемых исторических ситуаций⁷¹. В соответствии с этим используемый в работе материал делится на несколько основных типологических групп: 1) нормативно-правовые документы, принятые Российским правительством; 2) документы, созданные в результате деятельности

самих правоохранительных органов; 3) декларации, интервью, статьи видных деятелей режима; 4) периодическая печать; 5) дневники и мемуары.

Следует отметить, что долгие годы документы белых правительств в нашей стране, за редким исключением⁷², не публиковались. С ними, в лучшем случае, можно было познакомиться по газетам тех лет. Лишь в последнее время вновь были опубликованы некоторые из нормативных актов, принятые во время правления А. В. Колчака⁷³. Особенный интерес представляют документы, конструирующие государственное устройство "колчакии", а также регламентирующие деятельность самого многочисленного из правоохранительных органов - милиции. Причем здесь речь идет не только об организационном устройстве милиции, но и о методах ее работы.

Практически ни одна публикация по истории белой Сибири не обходится без обращения к протоколам допроса А. В. Колчака⁷⁴. Однако С. В. Дроков усомнился в их подлинности. По его мнению, издатели и составители "Допроса" заменили протоколы на стенограмму показаний. Исследователь защитил интересную источниковедческую диссертацию по этой теме⁷⁵.

В нашей работе почти все нормативно-правовые документы "колчакии" по теме исследования вводятся в научный оборот в таком объеме впервые. Среди них особый интерес представляют постановления правительства по реализации правоохранительной политики, по кадровым вопросам. В монографии активно использовались документы, находящиеся на хранении в ГАРФ. Это Ф. 176 - Совет министров Колчака, Ф. 1700 - министерство внутренних дел, Ф. 4369 - министерство юстиции, Ф. 3907 - Правительствующий Сенат, Ф. 192 - юридическое совещание при Всероссийском правительстве, Ф. 147 - департамент милиции МВД, а также личные фонды: Ф. 193 - Вологодский Петр Васильевич и Ф. 195 - Пепеляев Виктор Николаевич.

Особо важными здесь были нормативно-правовые документы, переписка по общим и конкретным вопросам, законопроекты и подготовительные материалы к ним. Все эти документы в той или иной мере дают возможность судить о политике центра в этом вопросе. Большое значение имеют доклады и отчеты с мест. Документы из личных фондов двух руководителей правительства дают возможность познакомиться с перипетиями принятия тех или иных решений, в том числе и ответственных кадровых назначений.

Богатый фактический материал содержат фонды судебных установлений Сибири. В работе использованы: Ф. 4661 - Иркутская

судебная палата, Ф. 4660 - прокурор Омской судебной палаты и Ф. 3332 - Новониколаевский окружной суд (все - ГАРФ), Ф. 1 - Пермский окружной суд (ГАПО), а также Ф. 42 - Красноярский окружной суд и Ф. 516 - прокурор Красноярского окружного суда (ГАКК), Ф. 10 - Томский окружной суд и Ф. 11 - прокурор Томского окружного суда (ГАТО), Ф. 242 - прокурор Иркутского окружного суда и Ф. 245 - прокурор Иркутской судебной палаты (ГАИО), Ф. 25 - Омская судебная палата и Ф. 190 - Омский окружной суд (ГАОО). Из документов этих фондов можно узнать о реализации правоохранительной политики на местах, о структуре и порядке работы, кадровом потенциале судебных учреждений разного уровня и органов прокурорского надзора. Особенное внимание привлекают документы, касающиеся введения в Сибири суда присяжных заседателей, внедрения практики выездных заседаний судов в отдаленных местностях. Наконец, самостоятельное значение имеют конкретные уголовные и гражданские судебные дела того времени.

К вышеназванным документам, в известном смысле, примыкают документы следственных комиссий: Ф. 3352 - Иркутская губернская следственная комиссия (ГАРФ), Ф.Р. 1362 - Томская губернская следственная комиссия (ГАТО) и другие. В этом случае представляет интерес практика этих учреждений по разбору дел о причастности к "большевизму". Здесь можно установить не только кадровый состав комиссий, но и проанализировать принятые ими решения. Это, в свою очередь, дает возможность опровергнуть давно сложившийся стереотип о преимущественно карательной политике названных комиссий.

Самостоятельный интерес представляют документы управлений милиции, например, Ф. 4687 — управление Иркутской городской милиции (ГАРФ) и Ф.Р. 560 - Курганская уездная милиция (ГАКурГО). Изучение приказов начальников милиции дает возможность проследить правоприменительную практику на местах, сделать анализ начальствующего и рядового состава. Интерес вызывают материалы, посвященные созданию отрядов особого назначения, вопросам подготовки личного состава. Привлекают внимание материалы, раскрывающие порядок финансирования милиции, особенно после передачи ее в ведение МВД. Здесь особенно интересна практика создания должностей в милиции на частные средства.

Бесспорно важными являются документы из фондов местных органов власти. Здесь уместно назвать Ф. 235 - управляющий Алтайской губернией (ЦХАФАК), Ф.Р. 1032 - управляющий Томской

губернией (ГАТО) и другие. Эти документы позволяют судить о месте и роли названных администраторов в руководстве милицией, о методах их работы. Особого внимания заслуживают попытки местных властей поднять дисциплину милиционеров, покончить с многочисленными случаями произвола и беззакония в их среде.

Самостоятельное значение имеют документы, знакомящие нас с позицией по вопросам установления законности и порядка Верховного правителя, председателя правительства, министров внутренних дел и юстиции, руководителей губерний и областей. Длительное время они были вне внимания историков, хотя весьма содержательны. Их анализ позволяет заявить о том, что позиция руководителя режима и членов правительства была основана на российских традициях государственности. Она вполне корреспондируется с представлениями о демократическом или, как сейчас принято говорить, правовом государстве. Сравнение этих деклараций с практикой дает возможность говорить о степени их реализации, о мере приверженности политиков декларируемым ценностям.

В четвертой группе источников важны как центральные, в данном случае омские, так и местные издания. Здесь необходимо отметить, что в "колчакии" выходили газеты достаточно широкого политического спектра, кроме большевистских. По степени информированности и уровню обобщения выделяются такие издания, как омские газеты "Заря" и "Сибирская речь", томская "Сибирская жизнь", екатеринбургская "Уральская жизнь", новониколаевская "Русская речь", барнаульская "Алтайская мысль", владивостокская "Эхо".

Газетные публикации дают нам редкую возможность восполнить то, что утрачено в архивах. Речь идет о том, что газеты печатали приказы и распоряжения местных властей, начальников милиции. Газеты информировали читателей о многообразных сторонах жизни Сибири, губернии (области) или города. Во всех газетах традиционной была хроника происшествий, в том числе и криминальных. Во многих случаях такая информация в архивах либо утрачена, либо ее там никогда не было.

Следует отметить, что даже в условиях военного режима и существования цензуры публиковались критические материалы о действиях властей всех уровней. Показательны в этом отношении статьи омской газеты "Заря", осуждавшие расстрелы участников восстания 22 декабря 1918 г.

Сравнение освещения одних и тех же событий газетами разных направлений, привлечение архивных и мемуарных материалов по-

зволяет получить почти целостную картину происходившего. Уместно отметить, что газетные публикации дают возможность получить уникальную информацию, например, о распространении в периодической печати правовых знаний.

Материалы пятой группы составили дневники и воспоминания. Перу белоэмигрантов принадлежит значительное количество работ. Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков и В. Ю. Чураков сочли возможным разделить мемуары политических деятелей на два основных направления. Они назвали их "апологетическим" и "критическим". Причем в первом случае они выделили еще две группы: "оправдательно-демократические" и "авторитарно-бюрократические". Авторами "оправдательно-демократических" мемуаров они считают Н. Д. Авксентьева, А. А. Аргунова, В. М. Зензинова, Е. В. Колосова (здесь ошибка, надо Е. Е. Колосов. - С. 3.), Д. Ф. Ракова. Среди авторов "авторитарно-бюрократических" воспоминаний - П. В. Вологодский, Г. К. Гинс⁷⁶. Следует высказать свое мнение по поводу произвольного смешения жанров. Здесь названы авторы как исторических исследований, так и дневников и собственно мемуаров.

Дневники и мемуары могут стать ценными и даже уникальными историческими источниками только при сверке с документами, выяснении по архивным данным истинной роли мемуариста в том или ином событии, степени его информированности.

Особое место в историографии проблемы занимают дневники, которые, как правило, вели видные деятели белой Сибири. Нам не известно ни одного случая, чтобы дневник вел рядовой участник событий как с той, так и с другой стороны. Авторами дневников были председатель Временного Сибирского, затем Российского правительства П. В. Вологодский, министр внутренних дел В. Н. Пепеляев, военный министр Генерального штаба генерал-лейтенант барон А. П. Будберг⁷⁷.

Дневниковые записи П. В. Вологодского содержат многочисленные малоизвестные подробности внутриправительственных отношений, описывают процесс подготовки и принятия властных решений. В них даются интересные характеристики многим членам кабинета, видным чиновникам, большинство из которых автор знал не один год. Значительное место в дневнике занимает предыстория отставки министра внутренних дел А. Н. Гаттенбергера и назначения на этот пост В. Н. Пепеляева.

Знакомство с дневником В. Н. Пепеляева дает возможность узнать о мотивах его "хождения во власть", о деятельности на важ-

ных государственных постах, особенно во главе правительства, получить представление о его гражданской позиции. В дневнике содержится много информации, часто критической, о работе сибирской милиции.

Лучшим, на наш взгляд, образцом произведения подобного рода продолжает оставаться дневник А. П. Будберга. Ряд авторов высказали мнение о том, что "Дневник" не является таковым в полном смысле этого слова, что в него входят и воспоминания автора⁷⁸. Не вдаваясь в дискуссию о чистоте жанра книги А. П. Будберга, можно и должно высоко оценить ее фактологическую значимость. Она содержит многочисленные красноречивые характеристики деятелей режима. Названное сочинение выгодно отличает критический анализ деятельности омских властей, причём без всякой апологетики, столь характерной для подобных книг. В публикации А. П. Будберга содержится много принципиально интересной информации о деятельности правоохранительных органов, в том числе военно-полевых судов, контрразведки. В книге содержится описание таких феноменов тогдашней Сибири, как "военщина" и "атамановщина", которые оказывали значительное воздействие на состояние законности и правопорядка в регионе. Многие сибиряки, оказавшиеся в эмиграции, упрекали автора в очернении "колчакии". Действительно, минорный характер записей очевиден. Несомненным достоинством дневника А. П. Будберга является литературный русский язык.

Эти и другие публикации содержат не только богатый фактический материал, но и то, что не найти ни в архивохранилищах, ни в периодической печати. Речь идет о подспудных политических течениях, различных коллизиях, о личных оценках тех или иных событий. Наконец, дневники и воспоминания содержат богатейший биографический материал, что является неопенимым подспорьем при написании биографий деятелей белой Сибири.

Воспоминания можно разделить на две многочисленные, но не равные по значимости группы. К первой относятся мемуары высокопоставленных лиц колчаковского режима. Среди них государственные, политические и общественные деятели, военачальники⁷⁹. Воспоминания министра снабжения И. И. Серебренникова выгодно отличаются тем, что их автор — сибиряк, поэтому многие его биографические зарисовки опираются на многолетнее знакомство с тем или иным деятелем. Кроме этого, мемуары И. И. Серебренникова затрагивают и судьбу этих лиц в эмиграции.

Ценный фактический материал содержат воспоминания атамана Г. М. Семенова, в частности, о его взаимоотношениях с адмиралом А. В. Колчаком. "Фигурой умолчания" этой книги стала политика террора в Забайкалье, контролируемом атаманом.

Интересными подробностями и эмоциональными биографическими зарисовками изобилуют две мемуарные работы профессора Н. В. Устрялова, сыгравшего свою не очень видную, но достаточно важную роль в омских коридорах власти. У него можно найти информацию даже об уровне профессионализма филера, следившего за профессором в Чите. Столь же информативны и даже эмоциональны характеристики деятелей "колчакии" в воспоминаниях журналиста, впоследствии писателя В. Н. Иванова⁸⁰.

В мемуарах социалиста-революционера Д. Ф. Ракова привлекает внимание описание того, как его пытались завербовать в качестве информатора департамента милиции колчаковского МВД.

Фрагменты из воспоминаний некоторых деятелей колчаковского режима были опубликованы еще в 1930 г. Их издание вызвало критику. Рецензия А. А. Ансона была названа весьма характерно⁸¹. Действительно, вскоре такие издания перестали выходить.

Гораздо менее информативны воспоминания участников гражданской войны с советской стороны⁸². Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, их авторы были рядовыми участниками событий и уровень их информированности был невысок. Во-вторых, воспоминания посвящены деятельности подпольщиков и партизан. Узнать из них что-либо о деятельности судов, милиции, тем более прокуратуры практически невозможно. В-третьих, нельзя забывать о существовании цензуры. В-четвертых, содержание многих воспоминаний тенденциозно, что не раз вызывало нареkanie других очевидцев. В этом отношении весьма характерно название рецензии А. А. Ансона на книгу В. Д. Виленского-Сибирякова⁸³. Как мы считаем, его работу нельзя отнести к мемуарам. Это - художественная книга с использованием документов и воспоминаний, причем без ссылок на них. В воспоминаниях известного руководителя сибирского большевистского подполья Б. Шумяцкого⁸⁴ содержится острая полемика с В. Онуциным по вопросу о роли самого Б. Шумяцкого в антиколчаковской борьбе.

Определенную информацию можно почерпнуть из неопубликованных воспоминаний, хранящихся в центральных и местных архивах. Знакомство с Ф. 199 - Жбанков Д. Н. - и Ф. 1187 - Низовой П. Г.

в РГАЛИ позволило в первом случае узнать подробности о погромах и смертных казнях на территории "колчакии", а во втором - познакомиться с рукописью "Алтайские партизаны", написанной по горячим следам в 1920 г. Немало интересных фактов удалось найти в библиотеке-архиве "Русское зарубежье" (Москва), начало формирования коллекции которой положил А. И. Солженицын. В данном хранилище есть воспоминания участников белого движения о бытовой стороне жизни в Сибири.

Бесспорно важное значение имеет работа с Ф. 71 РГАСПИ, в котором собраны многочисленные материалы по истории гражданской войны вообще и в Сибири в частности. К этой группе материалов примыкают документы Ф. 4000 - коллекция Истпарта (ЦГА ИПДСПБ). В описи № 4 собраны воспоминания тех участников гражданской войны на востоке России, которые в начале 30-х годов проходили переподготовку в Ленинграде. Соответствующие фонды были образованы во всех местных партийных архивах. Среди них Ф. 64 - Енисейский истпарт (ЦХИДНИКК), Ф. 4204 - коллекция документальных материалов по установлению и восстановлению советской власти в Томской области (ЦДНИТО), Ф. П. 483 - воспоминания (ГАКеМО). Материалы этих фондов сохранили массив информации личного происхождения. Однако он, по известным причинам, требует к себе критического отношения. Все изученные нами воспоминания, как правило, посвящены описанию террора на территории "колчакии" и почти ничего не говорят о служебной деятельности правоохранительных органов.

Особую группу составляют мемуары зарубежных участников и очевидцев гражданской войны в Сибири - У. Грэвса, М. Жанена, Х. Кенэ и Дж. Уорда⁸⁵. В своем предисловии к мемуарам последнего И. М. Майский упрекает его в том, что он ничего не понял в русской революции и очень плохо представлял себе действительное значение тех событий, которые разыгрывались на его глазах. Эти замечания могут быть приняты, однако мемуары - это некое подобие зеркала, которое может несколько исказить, но в основном верно передавать нам отражаемый им объект. Между тем в этих воспоминаниях содержатся важные свидетельства о репрессивной политике омского режима и отношении к нему сибирской общественности и представителей союзников. Особенно много критических материалов о деятельности карательных отрядов и казачьих атаманов. Но нельзя не обратить внимание на то, что все четыре автора умалчивают об участии своих

соотечественников в карательных акциях против мирного населения "колчакии". Вместе с тем воспоминания очевидцев из стран, которые имеют прочные демократические традиции, дают возможность соотнести состояние тогдашней Сибири и этих стран.

Научная новизна нашей работы определяется несколькими факторами. Во-первых, впервые в отечественной историографии подвергается анализу правоохранительная политика одного из белых режимов. Во-вторых, в научный оборот введены новые материалы из многочисленных центральных и местных архивов, периодической печати тех лет. В-третьих, новыми являются полученные выводы. В монографии приводятся новые факты, дающие возможность переосмыслить не только саму проблему, вынесенную в заголовок монографии, но и в известной степени персонафицировать историю белой Сибири.

Примечания

¹ Волков С. В. На углях великого пожара. М., 1990. С. 44.

² Филатов Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири. Впечатления очевидца 1918-1922 гг. // Северо-Восток (Новосибирск). 1992. № 3. С. 12.

³ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 6.

* Статистический ежегодник России за 1918 г. Вып. 1. М., 1918. С. 33; Уральская жизнь. 1919. 4 мая; *Novomeysky M.A.* My Siberian life. L.: Max Parrish, 1956. P. 255.

⁵ *Coates W. P., Coates Z. K.* Armed Intervention in Russia, 1918-1920. L., 1935. P. 201.

⁶ Лукомский А. С. Воспоминания: В 2 т. Берлин, 1922. Т. 2. С. 5-7.

⁷ Виленский (Сибиряков) Вл. Черная година сибирской реакции (интервенция в Сибири). М., 1919; Что принес Колчак сибирским рабочим и крестьянам, Пг., 1919; *Молотов К. М.* Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов, 1921. 70 с; *Круссер Г. В.* Колчаковщина. Новосибирск, 1927. 39 с; *Вешан В. Д.* Вооруженные восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири. Новосибирск, 1928; *Дубровский К. В.* В царстве нагайки и виселицы. Сибирская контрреволюция, 1918-1921. М.-Л., 1929. 128 с; *Абов А.* О партизанском движении в Сибири. Новосибирск, 1932, 24 с; *Баранов А. В.* Гражданская война на Урале. Свердловск, 1928. 38 с; *Безродных И.* Амур в огне. Хабаровск, 1935. 94 с; *Карпенко З. Г.* Гражданская война в Дальневосточном крае (1918-1922 гг.). Хабаровск, 1934. 168 с; *Максаков В., Тирунев А.* Хроника гражданской войны в Сибири (1917-1918). М.-Л., 1926. 301 с.

⁸ *Константинов М. М.* Колчак // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 2. Новосибирск, 1931. Стлб. 831-833; Он же. Колчаковщина. Там же. Стлб. 833-847.

⁹ *Виткин Н. Я.* Материалы к библиографии истории гражданской войны на востоке. М., 1934. 91 с.

¹⁰ *Колосов Е.* Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923; Как это было (массовые убийства при Колчаке в декабре 1918 г. в Омске и гибель Н. В. Фомина). Пг., 1923. № 21: С. 250-297.

¹¹ *Вольский А.* Белый террор в эпоху гражданской войны в СССР // Десять лет белого террора. М., 1929. С. 11-20.

¹² *Камский.* Сибирское действо. Пг., 1922. 39 с.

¹³ *Люблинский, Поляков.* Милицы // Советская Сибирская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 1932. Стлб. 449.

¹⁴ Редкие исключения: *Гирченко В. П.* Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918-1920 гг.). Улан-Удэ, 1940. 109 с; *Красных М.* Омские большевики в годы гражданской войны. Омск, 1947. 64 с; *Сафронов В. П.* 30 лет со дня освобождения Красноярского края от колчаковщины. Красноярск, 1949. 28 с.

¹⁵ *Беликова Л. И.* Большевики Приморья в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Владивосток, 1960. 123 с; *Хантаев П. Т.* Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ, 1967. 264 с. и другие.

¹⁶ *Гудошников М. И.* Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959. 206 с; *Крушанов А. И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1920 гг.). Кн. 1. Владивосток, 1972. 285 с; Кн. 2. Владивосток, 1984. 224 с.

¹⁷ Гражданская война // История Сибири. Т. 4. Л., 1968. С. 87-176.

¹⁸ *Иоффе Г. З.* Колчаковский авантюра и её крах. М., 1983. 294 с.

¹⁹ *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историографические очерки. М., 1998. С. 18.

²⁰ *Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историографические очерки. М., 1998. С. 18.

²¹ *Кадейкин В. А.* Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе. 1918-1919 гг. Кемерово, 1959. 101 с; Он же. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. 558 с; Он же. Гражданская война в Сибири // Историография Советской Сибири (1917-1945 гг.). Новосибирск, 1968. С. 37-72 и др.

²² *Роцевский П. И.* Гражданская война в Зауралье. Тюмень, 1962. С. 216; *Васковский О. А.* Советская историография и социально-политические проблемы истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Урале. Свердловск, 1967. С. 702; *Дворянов В. Н.* Борьба трудящихся в тылу белогвардейцев и интервентов в Восточной Сибири (1918-1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 127.

²³ *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972; Он же. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. 196 с.

²⁴ *Чистяков Н. Ф.* Разгром семёновщины // Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1973. С. 147-160; *Шалагинов В.* Крах атамана Анненкова // Там же. С. 90-109.

²⁵ *Хантаев П. Т.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ, 1964. С. 32.

²⁶ *Плотников И. Ф.* Большевицкое подполье на Урале и в Сибири в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918-1920 гг.). Свердловск, 1966. С. 216.

²⁷ *Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 135.

²⁸ *Батоцыренов В. Б.* Советская историография Октябрьской революции и гражданской войны в Бурятии (1917-1965 гг.). Улан-Удэ, 1967. 71 с.

²⁹ Сибирь в период Великой Октябрьской социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (март 1917 - 1920 гг.): Библиографический указатель. Новосибирск, 1973. 334 с.

³⁰ *Плотников И. Ф.* Основные итоги и задачи дальнейшего изучения истории большевицкого подполья и партизанского движения на Урале в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918-1919 гг.) // Гражданская война на Урале: Тез. межвуз. регион. научн. конф. Челябинск, 1983. С. 17-18.

³¹ Вопросы истории. 1987. № 10. С. 115, 117.

³² *Штыка А. П.* Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991. 133 с; *Голдин В. И.* Гражданская война в России в современной историографии // Гражданская война в России и на Русском Севере. Пробле-

мы истории и историографии. Архангельск, 1999. С. 5; *Звягин С. П.* Новый этап в изучении истории белой Сибири // Литература последних лет по истории белой Сибири: Библиограф, указатель / Сост. С. П. Звягин. Кемерово, 1999. С. 3-6.

³³ *Поляков Ю. А.* Поиски новых подходов в изучении гражданской войны в России // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 282-283; *Поляков Ю. А.* Гражданская война в России: поиски нового видения // История СССР. 1990. № 2. С. 101-102.; *Трухан Г. А.* Верховный правитель России // Отечественная история. 1999. № 6. С. 29.

³⁴ *Литвин А. Л.* Красный и белый террор в России 1918-1922 гг. Казань, 1995. 328 с; *Фомин В. Н.* Истоки насилия в период гражданской войны (1917-1922 гг.) // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность: Мат. Всерос. научно-метод. конф. учителей и работников высшей школы. Омск, 1998. С. 25-30; *Спирин Л. М.* Террор. Трагедия революции // Литературная газета. 1990. 15 авг.; *Михайлов И. В.* Быт, нравы и психология белого офицерства: к постановке проблемы // Революция и человек. М., 1997. С. 143-169; *Волобуев П. В., Вулдаков В. П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5-6. С. 35; *Биск И. Я.* Размышления о преподавании истории. Тамбов, 1999. С. 35; *Пушкарёв Л. Н.* Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 165; *Бортневский В. Г.* Красный и белый террор гражданской войны // Сквозь бури гражданской войны / Под ред. В. И. Голдина. Архангельск, 1990. С. 101-125.

³⁵ См. подробнее: Литература последних лет по истории белой Сибири: Библиографический указатель / Сост. С. П. Звягин. Кемерово, 1999. 68 с.

³⁸ *Слободин В. П.* Белое движение в годы гражданской войны в России: сущность, эволюция, итоги (1917-1922 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 13; *Медведев В. Г.* Белое движение в Среднем Поволжье в 1918-1919 гг.: Дис ... канд. ист. наук. Ульяновск, 1995. С. 155, 194; *Зимина В. Д.* Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1997. С. 432; *Тормозов В. Т.* Белое движение в гражданской войне. Историография проблемы (1918—1998 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 12.

³⁷ *Никитин А. Н.* Источники по истории гражданской войны в Сибири и их использование в советской исторической Литературе: Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992. С. 64; Он же. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994. 164 с; Он же. Милиция Российского правительства Колчака и её роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. 77 с; Он же. Источники и литература о месте и роли юристов в противобольшевистском движении (1918-1919 гг.) // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тез. докл. межгос. научно-теор. конф. Иваново, 1995. Т. 2. С. 294 Т. 2. 295; Он же. Органы государственной власти "белой" России: борьба с должностными преступлениями. М., 1997. 68 с; Он же. Колчак проиграл мафии // Милиция. 1997. № П. С. 50-51.

³⁸ *Степанов М. М.* Органы внутренних дел белых правительств в период гражданской войны: Дис. ... канд. юр. наук. М., 1998. 242 с; *Феоктистов С. Ф.* Милиция Забайкалья в 1917 - начале 1930-х годов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 24 с.

³⁹ *Некрасова Л. В.* Комитет по обеспечению порядка и законности (К вопросу о взаимоотношениях центральной и местных властей в период колчаковщины) // Проблемы местного управления Сибири XVII-XX веков: Тез. докл. регион. научн. конф. Новосибирск, 1996. С.47-52.

⁴⁰ Бушаров Е. А. Преступления военнослужащих сибирской белогвардейской армии и местного населения в Тобольской губернии летом-осенью 1919 г. (по белогвардейским материалам) // Ежегодник. 1992. Тюменский областной краеведческий музей. Тюмень, 1994. С. 174-185; Ларьков Н. С. Капитан Суворов // Земля Асиновская. Томск, 1995. С. 144-160; Греков Н. В. Формирование контрразведывательной службы армии Колчака // История "белой" Сибири: Тез. научн. конф. Кемерово, 1997. С. 59-61; Он же. Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918-1919 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 5. Омск, 1997. С. 209-221; Баканов В. Горькое золото погон. Магнитогорск, 1997. 128 с.

⁴¹ Звягин С. П. Гаттенбергер Александр Николаевич // История "белой" Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996. С. 10-15; Ахметьева Н. П. А. Н. Гаттенбергер и его родственники в Гражданской войне // История белой Сибири: Тез. 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 177-181; Вибс П. П. Пепеляев Виктор Николаевич // Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 202-203; Гронский П. П. В. Н. Пепеляев // Памяти погибших / Под ред. Н. И. Астрова, В. Ф. Зеелера, П. Н. Милокова, кн. В. А. Оболенского, С. А. Смирнова и Л. Б. Эльшера. Париж, 1929. С. 157-161; Федоренко А. П. Пепеляев Виктор Николаевич // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 247; Шиловский М. В. Последний премьер-министр Сибири // Сибирская старина (Томск). 1996. № 11 (16). С. 18-19.

⁴² Ильин И. А. Белая идея // Белое дело. Т. 1. Берлин, 1926. С. 8.

⁴³ Гинс Г. К. Сибирь, союзники, Колчак. Харбин-Пекин, 1921; Т. 1. 325 с; Т. 2. 606 с; Сахаров К. В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918-1919 гг.). Мюнхен, 1923. 324 с; Мельунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Т. 1-4. Белград, 1930-1931; Сергеев В. Л. Очерки по истории белого движения на Дальнем Востоке. Харбин, 1937. 99 с; Филатьев Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918-1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. 144 с; Парфенов П. С. Уроки прошлого: гражданская война в Сибири 1918, 1919, 1921. Харбин, 1921. 171 с.

¹⁴ Аргунов А. А. Рецензия на книгу Гинс Г. К. "Сибирь, союзники и Колчак" // Современные записки (Париж). 1921. № 6. С. 317.

⁴⁵ Бордюгов Г. А, Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историографические очерки. М., 1998. С. 125.

⁴⁶ Там же. С. 88.

⁴⁷ Мельунов С. П. Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929. С. 5.

⁴⁸ Иностранцев М. А. История, истина и тенденция: по поводу книги генерал-лейтенанта К. В. Сахарова "Белая Сибирь". Прага, 1933. С. 5, 3.

⁴⁹ Нам пока не удалось установить, кто скрывался под этим псевдонимом // Масалов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 3 т. Т. 1. М., 1941. С. 33; Он же. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1. М., 1956. С. 52-54.

⁵⁰ А. П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1921. 56 с.

⁵¹ Иоффе Г. З. Pereira N. White Siberia. The Politics of Civil War. McGill - Queen's University Press, 1996. 261 p. // Отечественная история. 1997. № 3. С. 207.

⁵² Pelzel S. American Intervention in Siberia, 1918-1920. Phil., 1946; Manning C. A. The Siberian Fiasco. N.-Y., 1952; Unterberger B. America's Siberian Expedition, 1918-1920. Durham, 1956; Fleming P. The Fate of admiral Kolchak. N.-Y., 1963; Cracknell B. The Failure of Admiral Kolchal. Harrow, 1978.

- ⁵³ *Smele J. D.* Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admira Kolchak, 1918-1920. Cambridge university press, 1996. P. 671; *Pereira N.* White Siberia The Politics of Civil War. McGill - Queen's University Press, 1996. P. 114-126, 169.
- ⁵⁴ *Bredly J. F. N.* Civil War in Russia. 1917-1920. N.-Y., 1975. P. 9.
- ⁵⁵ *Luchett R.* The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. L. & N.-Y., 1971. 413 p.; *Slavic Review.* 1989. Vol. 48. P. 304-305.
- ⁵⁶ *Философский энциклопедический словарь.* М., 1999. С. 360.
- ⁵⁷ *Большой юридический словарь.* М., 2000. С. 199, 467.
- ⁵⁸ *Vinper P. Ю.* Кризис исторической науки. М., 1921. С. 18.
- ⁵⁹ *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1991. С. 106-142.
- ⁶⁰ *Могильницкий Б. Г.* Об исторической закономерности как предмете исторической науки // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 11.
- ⁶¹ *Поляков Ю. А.* Гражданская война в России: поиски нового видения // История СССР. 1990. Л6 2. С. 101, 98.
- ⁶² *Никитин А. Н.* Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994. С. 3; *Зимица В. Д.* Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград, 1995. С. 9; *Алексеев В. Н.* К вопросу об объективном освещении истории гражданской войны // Гражданская война в России: Десятой заочн. научн. конф. СПб., 1998. С. 22. Среди таких работ следует назвать: Дело не получило благословение бога: Публицистика и воспоминания белых. Хабаровск, 1992. 368 с; А. В. Колчак. Последние дни жизни / Сост. Г. В. Егоров. Барнаул, 1991. 304 с; *Южанинов Л. Ф.* Александр Васильевич Колчак — Верховный правитель России // История белой Сибири: Тез. 3-й научн. конф. 2-3 февраля 1999 г. Кемерово, 1999. С. 12-13; *Князев В. В.* Жизнь для всех и смерть за всех. Тюмень, 1991. 30 с. и другие.
- ⁶³ *Волобуев П. В.* Реформы или революция: исторические реалии и политические иллюзии // Крайности истории и крайности историков: Сб. ст. М., 1997. С.7.
- ⁶⁴ *Бор Н.* Квантовая физика и философия // Успехи физических наук. Т. 67. Вып. 1. М., 1959. С. 42.
- ⁶⁵ *Покровский Н. Н.* О принципах издания документов XX в. // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 34.
- ⁶⁶ *Могильницкий Б. Г.* Введение в методологию истории. М., 1989. С. 12.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ *Ницше Ф.* Человеческое слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 364.
- ⁶⁹ *Могильницкий Б. Г.* Историко-методологические исследования в Томском университете (1950-е - начало 1990-х гг.): история, истоки и перспективы // Материалы международной науковедческой конф. 22-24 сент. Вып. 1. Новосибирск, 1992. С. 120.
- ⁷⁰ *Плотникова М. Е.* Истпартовские издания о гражданской войне в Сибири // Вопросы истории Сибири. Вып. 4. Томск, 1969. С. 208; *Ларьков Н. С.* Штало гражданской войны в Сибири: армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 16.
- ⁷¹ *Ракитова А. И.* Историческое познание. М., 1982. С. 196-202.
- ⁷² См., например: Государственный переворот адмирала Колчага в Омске, 18 ноября 1918 г. / Сост. В. Зензинов. Париж, 1919. 194 с; *Пионтовский С. А.* Гражданская война в России. 1918-1921: Хрестоматия. М., 1925; *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция: Краткий обзор исключительно по официальным документам бывшего колчаковского правительства. М., 1926. 328 с; Борьба за власть Советов в Томской колчаковской губернии. Томск, 1967. 569 с.
- ⁷³ *Документальные источники по истории "белой" Сибири // Сост. С. П. Звягин, Е. В. Луков, С. Ф. Фоминых // История "белой" Сибири: Тез. науч. конф.*

Кемерово, 1995. С. 149-188; Сибирская милиция (1918-1919 гг.): Сб. нормативно-правовых документов / Сост. С. П. Звягин и Л. И. Петрушева. Кемерово, 1997. 93 с.

⁷⁴ Допрос Колчака // Архив русской революции. Т. 10. Берлин, 1923; Допрос Колчака. Л., 1925.

⁷⁵ Дроков С. В. Подлинные протоколы допросов адмирала А. В. Колчака и А. В. Тимиревой как новый источник по истории "белой" Сибири // История "белой" Сибири: Тез. научн. конф. Кемерово, 1995. С. 129-131; Он же. Следственное дело А. В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 20 с.

⁷⁶ Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: Историографические очерки. М., 1998. С. 118.

⁷⁷ Вологодский П. В. Из хроники антибольшевистского движения в Сибири // Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995; Дневник П. В. Вологодского // Отечественная история. 2000. № 6. С. 135-150; 2001. № 1. С. 135-153; Дневник В. Н. Пепеляева // Сибирь. 1989. № 6. С. 74-88; 1990. № 1. С. 75-100; Будберг А. Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 163-323.

⁷⁸ Устрялов Н. В. 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 244; Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998. С. 115.

⁷⁹ Акулинин И. Г. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 2. Берлин, 1927. С. 122-147; Андрушкевич Н. А. Последняя Россия // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 4. Берлин, 1928. С. 108-145; Арнольдов Л. Жизнь и революция. Шанхай, 1935. 296 с; Атаман Семенов. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938; Буревоу К. Колчаковщина. М., 1919. 40 с; Даурец Н. П. Семеновские застенки (Записки очевидца). Харбин, 1921. 77 с; Окулич И. К. Мои воспоминания. 1917-1931 // ГАРФ. Ф. 5881. Д. 410; Раков Д. Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири. Париж, 1920. 47 с; Серебренников И. И. Мои воспоминания. Т. 1-2. Тяньцзинь, 1937-1942; Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. 1992. № 2. С. 285-332; Он же. 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 194-287;

⁸⁰ Иванов Ве. Н. В гражданской войне: из записок омского журналистов. Харбин, 1921. 131с.

⁸¹ Колчаковщина. Из белогвардейских мемуаров: Сб. // Под ред. Н. А. Корна-товского. М., 1930; Ансон А. А. Не напрасна ли трата бумаги? // Сибирские огни (Новосибирск). 1930. № 5. С. 149-150.

⁸² См. например: Геласимова А. Н. Записки подпольщицы. М., 1967. 304 с; За власть Советов: Воспоминания участников партизанского движения в тылу у Колчака. Новосибирск, 1947. 445 с; Щербаков К. Ф. В плену у Колчака. Воронеж, 1934. 71 с; Элиш В. М. Записки подпольщика. Владивосток, 1965. 224 с. и др.

⁸³ Виленский-Сибиряков В. Д. Царство Колчака (Сибирская быль). М., 1931. 268 с; Ансон А. А. Как не следует писать воспоминания // Сибирские огни (Новосибирск). 1931. № 1. С. 85.

⁸⁴ Шумяцкий Б. В большевистском подполье при Колчаке // Сибирские огни (Новосибирск). 1933. № 7-8. С. 158-161.

⁸⁵ Грэвс У. Американская авантюра в Сибири (1918-1920 гг.). М., 1932. 248 с; Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни. 1927. № 4; Кенэ Х. Сибирский тыл // Славянский мир (Прага). 1926. № 8-9; Уорд Дц. Союзная интервенция в Сибири, 1918-1919. Записки начальника английского экспеди-ционного отряда полковника Джона Уорда. М.-Пг., 1923.

Глава 1 СОСТОЯНИЕ ЗАКОННОСТИ ПРИ А. В. КОЛЧАКЕ

Изучение правоохранительной политики А. В. Колчака невозможно без анализа того состояния законности и правопорядка, которое сложилось во время его пребывания у власти. Отечественные историки эту сторону гражданской войны вообще не принимали во внимание¹. В свою очередь, представляет большой научный и известный практический интерес анализ составляющих преступности на территории белой Сибири.

Положение в некоторых местностях было настолько серьезным, что речь шла о принятии экстраординарных мер. Например, томский городской голова обратился к министру внутренних дел с просьбой ходатайствовать перед правительством о принятии решения о ночной охране в качестве частного закона для Томска². В другом случае в марте 1919 г. начальник Владивостокской городской милиции обратился с просьбой к местному военному командованию ввести по причине быстро растущей преступности военное положение³.

Представляется возможным весь комплекс причин, повлиявших на состояние преступности, разделить на три неравных по составу блока. На первый указали сами участники и очевидцы событий. Для начала здесь следует привести мнение высокопоставленных должностных лиц и специалистов. В своей беседе с сотрудником "Правительственного вестника" председатель Российского правительства П. В. Вологодский признался, что "безвластие и бессудье деревни не может дать успокоения обществу"⁴. Действительно, на развитие преступности "благодарно" повлиял слом во время революционных переворотов 1917 г. старой правоохранительной системы. Об этом в беседе с корреспондентом газеты "Сибирская речь" говорил начальник Омского городского уголовно-розыскного отделения И. И. Рогалев. Его точка зрения тем более значима, т.к. раньше он служил в сыскных органах Петрограда. В столице, по его словам, имелся хорошо налаженный сыскной аппарат, велась строжайшая регистрация прибывших и выбывших, существовал институт вышколаенных дворников, были грандиозные антропометрические и дакти-

лоскопические кабинеты, десятилетиями собираемая и систематизированная коллекция фотографий, функционировала опытная аген- тура. В распоряжении сыщиков были быстрые средства передвиже- ния. Словом, закончил свою беседу И. И. Роголев, в Петрограде было то, чего в Омске так не хватает⁵.

Заслуживает внимания мнение исполнявшего дела директора департамента милиции МВД А. А. Траутмана. 8 марта 1919 г. он сделал доклад, посвященный возрастающей преступности. Он назвал сразу несколько причин ее роста. Первая касалась освобождения по амнистии после февраля 1917 г. уголовных преступников. Специ- альная статья, посвященная влиянию уголовной и политической ссылки на Енисейскую губернию, была опубликована в "Енисейском вест- нике". Ее автор обоснованно считал ссылку одной из причин преступно- сти. Такого же мнения придерживался и А. Я. Гутман. Он пришел к выводу, что амнистия А. Ф. Керенского освободила из дальневос- точных тюрем большой контингент уголовных каторжан, тут же занявшихся разбоем⁶. В этой связи следует уточнить, что А. Ф. Ке- ренский был тогда министром юстиции. Указ Временного прави- тельства об амнистии от 18 марта 1917 г. подписал его председатель — Г. Е. Львов. Тогда только в Москве было освобождено более 3 тыс. опасных преступников. В результате если в марте - августе 1916 г. в городе было совершено 3618 преступлений, то за тот же период 1917 г. - 20628. Число убийств выросло в 10 раз, грабежей - в 14 раз⁷. Можно с известной долей вероятности предположить, что подобный, пусть меньший, рост имел место и в Сибири. Прекращение в Сибирь уго- ловной ссылки привело к резкому сокращению армии бродяг, но вплоть до 1917 г. ссыльнопоселенцы давали основную часть ре- цидивной преступности⁸.

А. А. Траутман отметил отрицательное воздействие на селян большевистских лозунгов "свобода" и "делай что хочешь", скучен- ность населения в сибирских городах, а также появление "интерна- ционалистов" (по всей видимости, большевиков) - специалистов по преступлениям и искателей легкой наживы⁹. Свое негативное воз- действие оказала и большевистская пропаганда. Трудно понять, что имел в виду А. А. Траутман, говоря о скученности городского насе- ления. Сибирь в те годы не была урбанизирована, и значительное количество преступлений происходило в сельской местности. Мо- жет быть, чиновник имел в виду большой наплыв беженцев, в основ- ном оседавших в городах? Тогда же вице-директор департамента назвал те причины роста преступности, которые напрямую зависели

от правоохранительных органов: отсутствие быстрой и серьезной реакции на тяжелые преступления, почти полное отсутствие милиционеров на постах. Военные власти не располагали особым отрядом для разгрома крупных вооруженных банд.

Неожиданную составляющую преступности назвал в своем циркуляре управляющим губерниями и областями от 20 сентября 1919 г. департамент милиции МВД. Руководство этого ведомства было вынуждено признать, что подчиненные ему милиционеры сами совершают преступления: насилия над личностью (порки, истязания и даже расстрелы); произвольные аресты и обыски; лихоимство и вымогательство; присвоение вверенного и изъятого имущества; незаконное вмешательство в дела местного самоуправления; недостойное поведение¹⁰. В самом деле, сибиряки в полной мере ощутили это на себе.

Сразу несколько причин назвал в своей публикации автор газеты "Наш Урал" О. Шапиро. По его мнению, они заключались в следующем: существование капитализма, расстройство экономической жизни, наличие безработицы и беспризорных детей¹¹. Из этого перечня вызывает возражение только первая причина. Ни одна из существовавших на Земле общественно-экономических формаций (цивилизаций) не была свободна от преступности. Поэтому обвинять в этом только капитализм было бы некорректно. Остальные причины названы вполне обоснованно.

Крайне негативное влияние на население оказали войны, обрушившиеся на страну, - сначала империалистическая, а затем и гражданская. П. А. Сорокин, наблюдавший первую мировую войну, характеризовал всякую войну как, "...аппарат, прививающий и укрепляющий переживания и рефлексы злобы и ненависти, разрушения, неуважения к жизни, свободе, правам и достоянию личности"¹². Ещё в большей степени, на наш взгляд, это касается войны гражданской. Цена человеческой жизни в те годы стала близкой к нулю. В условиях, когда вся страна превратилась в огромный человеческий хаос, жизнь человека была обесценена и в самом деле была, как выразился Дж. Уорд, "самой дешёвой вещью в стране"¹³. Это замечание в полной мере характеризует действия как преступников, так и участников карательных отрядов.

Владивостокская газета назвала еще одну причину преступности. По ее мнению, через фронт из России в Сибирь за полгода боевых действий проникло несколько сот преступников¹⁴. Эта точка зрения еще нуждается в подтверждении или опровержении.

Второй блок причин преступности можно найти в работах современных отечественных историков. А. Н. Никитин называет две причины. Это репрессивная политика режима А. В. Колчака и то, что в результате восстаний в тюрьмах на свободе оказывались не только политические заключенные, но и уголовники¹⁵. В самом деле, внутренняя политика властей по степени жестокости и по количеству жертв вполне сопоставима с действиями преступников. Верно и то, что во время восстаний на свободе оказывались уголовники, как это произошло 17 сентября 1918 г., когда в Славгороде Алтайской губернии был "разбит" арестный дом. Более 200 заключенных оказались на свободе в результате восстания в Омске в ночь на 22 декабря того же года¹⁶.

Другой исследователь - В. Н. Фомин полагает, что повсеместно происходившее резкое обострение криминогенной обстановки было в прямой связи с массовой преступностью деклассированных элементов¹⁷. Безусловно, всякая война резко увеличивает количество и удельный вес таких людей в обществе, а следовательно, число совершаемых ими преступлений.

Наконец, Д. М. Шиловский выделяет еще две причины. Одна из них была связана с невысокой плотностью населения, что создавало проблемы в его административном "обслуживании". Вторая была обусловлена массовым переселением крестьян в начале XX в.¹⁸ Если с первой из них еще можно согласиться, то со второй можно поспорить. Исследователь, по-видимому, отождествляет всех новоселов с людьми невысокой общей и правовой культуры.

Вышеназванное не исчерпывает все причины роста преступности в Сибири тех лет. Анализ положения дел в Сибири дает нам возможность выделить еще две группы причин обострения криминогенной ситуации. Первая из них объединяет те обстоятельства, которые способствовали росту преступности. Здесь на первое место следует поставить частую смену властей. По самым скромным подсчетам, за 1917-1918 гг. в России и в Сибири сменилось шесть самых различных правительств. Безусловно, чехарда властей крайне негативно сказалась на эффективности правоохранительной деятельности.

С гражданской войной связаны и такие феномены тогдашней Сибири, как "военщина" и "атаманщина". В своих действиях те и другие часто подменяли гражданскую власть, вмешивались в её работу, при этом редко руководствуясь законами. Проводимые ими акции точнее было бы назвать преступлениями. "Диктаторское правление военных властей, - писал один из американских историков, -

вело к таким жестокостям и произволу, что вынудило отвернуться от него большинство населения, относившегося вначале к новому режиму с безразличием, если даже не с симпатией"¹⁹. Имена же казацких атаманов Семенова, Анненкова, Гамова и других, палачество их подчиненных жители Сибири и Дальнего Востока запомнят надолго, если не навсегда.

Несколько лет Первой мировой войны принесли России и такую специфическую проблему, как появление у населения большого количества оружия. Многие солдаты, возвращаясь с фронта, привозили домой огнестрельное и холодное оружие, гранаты и патроны. Здесь будет уместно указать, что у сибиряков всегда имелось большое количество охотничьих ружей. Это создало значительную материальную базу для противоправных деяний.

Провоцирующим фактором множества преступлений было пьянство, принявшее в указанные годы невероятный размах. В 1919 г. начальник Барнаульской уездной милиции сообщал Алтайскому губернскому комиссару о том, что в уезде нет деревни, где 90% жителей не залились бы²⁰. Это явление было распространено повсеместно²¹.

Ко второй группе причин, вызвавших рост преступности, можно отнести новые качественные характеристики самих преступников. Свой "вклад" в осложнение криминальной обстановки вносило иностранное военное присутствие. Оно выражалось в двух видах. Во-первых, в Сибири было расквартировано около 150 тыс. военнослужащих союзных режиму стран. Они не только несли охранную службу, но и принимали участие в карательных акциях. В частности, в апреле 1919 г. казацкие и японские части уничтожили амурскую деревню Ивановку и большую часть ее жителей. Зачастую поведение иностранных солдат в местах квартирования было далеко не безупречным. В одной из сводок колчаковской контрразведки откровенно сообщалось о том, что "распущенность американской армии ясно наблюдается во Владивостоке в виде пьянства, разных дебошей, затрагивания публики, и в случае явного со стороны публики неудовольствия, то немедленно зачастую показывается револьвер"²².

Во-вторых, много проблем доставляло властям пребывание в регионе другого рода иностранцев. До сих пор не исследовано влияние на состояние преступности присутствия в Сибири военнопленных времен Первой мировой войны. Сибирская советская энциклопедия определяет их численность около 250 тыс. Через четыре года В. П. Гирченко насчитал 143,2 тыс. Архивные материалы корректируют это число по состоянию на декабрь 1918 г. до 165 тыс. человек²³. В этой

связи следует обратить особое внимание на побег пленных из-под стражи. 9 мая 1919 г. управляющий Семипалатинской областью доложил в департамент милиции о том, что за период с 15 апреля по 1 мая 1919 г. с 10-го участка строительства Южно-Сибирской железной дороги сбежало около 40 человек. По сообщению Кокчетавского воинского начальника от 29 апреля 1919 г. у него сбежало 7 венгерских и немецких пленнх. Только по материалам этого архивного дела можно насчитать более сотни беглецов²⁴. Учитывая длительность их пути на родину, отсутствие у них продовольствия и денег, можно с достаточной долей уверенности предположить, что средства и пропитание они добывали незаконным путем.

На весьма важное последствие наличия в регионе пленнх обратил внимание начальник штаба Верховного Главнокомандующего Генерального штаба генерал-лейтенант М. К. Дитерихс. В своем распоряжении от 20 августа 1919 г. он указал на то, что в Омске свободно находится много австрийских, немецких и мадьярских пленнх, которые открыто занимаются противоправительственной агитацией. Генерал распорядился их собрать в лагеря и затем вывезти за пределы Акмолинской области. Все это предусматривалось сделать "немедленно и в короткий срок"²⁵.

В отечественной литературе не получила освещения тема дезертирства из колчаковской армии, тем более совершения ими преступлений. Например, 29 июня 1919 г. в деревню Владимировка Куликовской волости Мариинского уезда Томской губернии ворвалась банда в масках. Однако один из грабителей всё-таки был опознан — им оказался дезертир из местных²⁶. Среди известных преступлений того времени можно назвать убийство на хуторе близ Томи в Крапивинской волости Щегловского уезда художника В. Д. Вучичевича-Сибирского. В советское время некоторые исследователи были склонны считать это делом рук правительственного карательного отряда. П. А. Барсагаев, в свою очередь, приписал убийство Алексею Сажину и его "партизанам". Л. И. Соловьев, называя живописца знаменитым сибирским художником-революционером, считает семью жертвой белогвардейцев²⁷. Однако из рапорта начальника милиции 5-го участка Щегловского уезда В. Осмольского от 9 сентября 1919 г. можно узнать, что преступление совершила банда грабителей, среди которых был опознан дезертир из соседнего села Александр Сажин²⁸.

Партизанско-повстанческое движение в тылу А. В. Колчака давно находится в центре внимания отечественных и зарубежных историков. Однако абсолютное большинство авторов рассматривало

его лишь с точки зрения антиправительственной направленности. Действительно, большой проблемой для властей были действия партизан, которых, по разным данным, насчитывалось от 140 до 150 тыс.²⁹. Приложения № 1-3 дают некоторое представление о размахе антиправительственных выступлений. В нем представлены сведения о положении в Сибири и на Дальнем Востоке за первых 2,5 месяца 1919 г., т. е. за тот период, когда режим А. В. Колчака контролировал наибольшую территорию. Обращает на себя внимание большое (56,7%) количество отметок о том, что сведений не поступало. В отношении Камчатской, Сахалинской областей и Урянхайского края это можно объяснить их отдаленностью. Трудно найти объяснение отсутствию сведений из Оренбургской, Пермской и Тобольской губерний. Мало понятно и то, что из 9 раз, когда подавались сведения, в 4 случаях их не было по Акмолинской (!? — С. 3.) области. На наш взгляд, здесь имела место недисциплинированность на местах и отсутствие требовательности в центре.

Если проанализировать полученные особым отделом департамента милиции сведения, то самыми тревожными для властей были Енисейская губерния, Приморская и Амурская области. Причем данные по Енисейской губернии отличались стабильностью и каждый раз получали оценку "2" или "образование фронтов". Кстати, ни в одном регионе власти не оценивали свое положение как безнадежное. Менее всего антиправительственное движение охватило Камчатскую, Сахалинскую области и Урянхайский край. Пик позстанческо-партизанского движения в этот период пришелся на конец января, хотя начало месяца не предвещало этого. Безусловно, эти оценк следует корректировать с тем, что информация из губерний и областей не была исчерпывающей.

Антиправительственные выступления имели ярко выраженные негативные последствия. Во-первых, они дестабилизировали тыл. Во-вторых, они отвлекали значительную массу солдат и офицеров, которые могли быть посланы на фронт против Красной армии. Накопец, во многих случаях действия партизан носили криминальный характер. Этот аспект проблемы в советское время по определенным причинам не получил достаточного освещения³⁰.

Если в литературе и встречались упоминания о таких действиях партизан, то, как правило, оценка им не давалась. В одном из сборников документов было опубликовано сообщение о том, что 14 декабря 1919 г. отряд конных тасеевцев на Енисейском трасте в деревне Усть-Таловка экспроприировал у торговцев мануфактуэой

мыла и спичек на 38 тыс. руб. Употребив термин "экспроприровали", а не "ограбили", составители сборника, видимо, посчитали это актом "восстановления социальной справедливости". Только у двух кулаков деревни Черниковой Переяславской волости Канского уезда партизаны отняли имущества на 70 тыс. руб. В той же Енисейской губернии 9 октября 1919 г. партизаны-тасеевцы из Шеломковской поскотины увели 290 голов крупного рогатого скота, 100 телят и 900 овец, принадлежавших кулакам³¹.

С особой жестокостью партизаны расправлялись с представителями власти. 14 мая 1919 г. в бою в селе Ишим Томского уезда они захватили в плен трех милиционеров. Одного из них связанного партизаны бросили на мелководье и потешались тем, что бросали в него камни. Двое других милиционеров, не дожидаясь подобной расправы, сами скатились в воду и утонули. По воспоминаниям И. Молоткова, в селе Киприно в окрестностях Омска партизаны поймали карателя капитана Лебедева. Этого офицера голого сбросили с колокольни и всем отрядом промаршировали по его телу³².

Эти и подобные инциденты обусловили ходатайство начальника Томской уездной милиции от 17 мая 1919 г. В нем говорилось о необходимости посылки в Ишим сильного военного отряда, "дабы оградить население и чинов милиции от опасности быть растерзанными". Начальник милиции заявлял, что если не принять сейчас же решительных мер, то в самом непродолжительном времени по уходе военных отрядов восстание проникнет в остальные части уезда. В случае отказа в его ходатайстве он обещал сложить с себя ответственность за серьезные последствия³⁸.

Весьма характерно, что негативное отношение сибиряков к таким действиям партизан отмечали как белые, так и красные. В одном из докладов управляющего Томской губернией в Омск осенью 1919 г. прямо говорилось, что "население страшно запугано отрядами Рогова"³⁴. Реакция властей на подобные проявления заключалась не только в направлении карательных отрядов, но и усилении охраны важных объектов, в частности поездов. Как справедливо пишет современный американский историк, в те годы "поезда были страшно вооружены, путешественники боялись партизанских банд"³⁵.

Что касается реакции на такие действия партизан красных, то командир 3-го Бутырского советского полка Д. Е. Блонский и начальник штаба 1-й партизанской дивизии Е. М. Мамонтова М. А. Игнатов 21 декабря 1919 г. писали из Салаира о том, что "двинулись от сел и деревень крестьянские делегаты с жалобами и просьбами воз-

действия на Рогова и прекращения могущего быть дальнейшего произвола"³⁶. Процветала уголовщина и в отряде Новоселова, Партизаны-лубковцы в Мариинском уезде убили попа. Отряд Щетинкиш подверг разграблению село Тисуль³⁷.

Много позже группа бывших партизан всерьез полагала, что отдельные недостатки в их борьбе с колчаковщиной дали повод обвинить партизан в противозаконных действиях³⁸. Во-первых, есть основания говорить о повсеместном и массовом беззаконии в действиях партизан. Во-вторых, вряд ли жертвы партизанского произвола утешились бы тем обстоятельством, что расправа с ними будет впоследствии названа "отдельным недостатком".

Ю. Циркунов попытался объяснить действия партизан "обидой". В августе 1919 г. казачество Бийского и Каракорумского уездов Алтайской губернии сначала обещало примкнуть к восставшим, но впоследствии стало переходить к белым. "Озлобившись" на это, партизаны подвергли разгрому восемь станиц³⁹. Такое "объяснение" плохо корреспондируется с законностью. Наконец, по мнению М. Е. Плотниковой и А. А. Штырбула, произвол в действиях партизан был возможен из-за наличия среди них анархистских элементов⁴⁰.

Продолжая анализ причин, которые вызвали рост преступности, следует указать на то, что определенные проблемы властям доставляли беженцы из центральных районов России. Эта тема также еще не стала объектом специального изучения. Только в июне - августе 1919 г. и только через Новониколаевск на восток проследовало 44276 человек. Всего же осенью 1919 г. на станциях Сибирской железной дороги находилось около 800 тыс. беженцев⁴¹.

В проблеме беженцев можно выделить несколько аспектов. Во-первых, многие из них, пока имели имущество, подвергались нападениям. В марте 1919 г. в селах Легостаево и Большая Речка Алтайской губернии воровские шайки грабили беженцев. 6 августа 1919 г. был ограблен пермяк П. Платонов, остановившийся на ночлеге в Омске. У него было отобрано 33,5 тыс. руб.⁴²

Во-вторых, иногда опасность представляли сами беженцы. В селе Повалиха Белоярской волости Алтайской губернии был задержан беженец Мазур. У него были изъяты карабин, шашка и 121 патрон. За "несдачу" оружия он был посажен на три месяца под арест⁴³. Можно предположить, что, оставшись без средств к существованию, какая-то часть беженцев могла заняться преступным промыслом.

В-третьих, свой взгляд на названную проблему был у департамента милиции. В его циркуляре от 13 августа 1919 г. на имя управ-

ляющего Иркутской губернией с пометками "Секретно" и "Срочно" говорилось о том, что под волной беженцев скрываются агенты большевиков. Управляющий губернией был призван "напрячь силы" по их изъятию⁴⁴. Действительно, Сиббюро ЦК РКП (б) посылало в Сибирь своих агентов.

В-четвертых, генерал-майор И. Г. Акулинин назвал беженцев "страшным придатком к Уральской армии". Своим присутствием они связывали армию по рукам и ногам и влияли на ход боевых операций самым отрицательным образом⁴⁵.

Наконец, следует отметить, что сами сибиряки совершали уголовные преступления. Об этом свидетельствуют данные приложения № 4. В нем указаны виды преступных профессий, которые были на учете милиции. Всего указан 51 вид преступного промысла, причем 38 из них, или 74,5%, — это преступления против собственности и только 4 вида преступлений против личности.

Гражданская война обусловила массовое распространение такого специфического явления, как самосуды. Они были вызваны слабостью судебной власти, "затмением" правового сознания населения. Граждане сами брали на себя функции следователей, судей и исполнителей приговоров. Широкий общественный резонанс получило происшествие в селе Капитоновском Петропавловского уезда Акмолинской области. Там односельчане обвинили отца и сына в сокрытии краденного и избили их. Они бросились домой, но толпа последовала за ними. Здесь в присутствии их жен и детей односельчане добились своих жертвы. Затем убийцы уселись пропивать имущество погибших. При этом односельчане смеялись, а пустые бутылки разбивали о трупы. Родственники убитых, загнанные на русскую печь, были свидетелями происходившего⁴⁶.

Интегрируя все составляющие состояния законности и правопорядка в "колчакии", можно сделать вывод о том, что в регионе создалось положение, угрожавшее самой государственной власти и оказавшее негативное влияние на ее внутреннюю политику. Это не могло пройти мимо омского правительства и нашло свое отражение в его деятельности. Своеобразным барометром криминогенной ситуации на территории "колчакии" стали утвержденные министром внутренних дел "категории" городов, показанные в приложении № 5. При их определении во внимание брались следующие показатели: количество населения, число преступлений, пути сообщения, близость к центру, степень развития торговли и промышленности, рост преступности. При анализе приложения можно выделить два обстоя-

тельства. Во-первых, в таблице указаны города, которые либо никогда, либо уже не находились под юрисдикцией омского правительства (Архангельск, Казань, Самара, Вятка и т. д.). Во-вторых, в некоторых случаях административные центры губерний и областей указаны после городов того же региона (Тюмень на разряд впереди Тобольска). Наряду с административными центрами указаны Бийск, Златоуст, Новониколаевск. Список городов третьего разряда замыкают Уральск и Якутск. Таким образом, понятие административного центра не всегда совпадало с высоким уровнем развития, в том числе и преступности. На карте Урала и Сибири появились молодые, динамично растущие промышленные и торговые города, в которых складывалась и сложная криминогенная обстановка.

Существует значительное число публикаций, посвященных Верховному правителю России А. В. Колчаку. Однако до сих пор нет работы, посвященной анализу взглядов адмирала и его ближайшего окружения на проблему, ставшую темой данной монографии. Между тем вскоре после прихода к власти в манифесте от 23 ноября 1918 г. Верховный правитель России А. В. Колчак обнародовал свои приоритеты в этой области. "Передав мне верховную власть, - заявил он, - правительство признало тем самым, что в эти последние часы жизни государства только вооруженная сила, только армия, явится спасением; все остальное должно быть подчинено ее интересам и задачам"⁴⁷. Эту мысль он развил 22 марта 1919 г., принимая членов бюро блока общественных организаций в составе А. А. Балакшина, Н. А. Филашева, В. В. Крутикова и А. К. Клафтона. Тогда Верховный правитель прямо заявил, что "основная задача" власти сейчас - полное уничтожение военной живой силы большевиков и по отношению к таковой всё остальное должно получить характер служебный"⁴⁸.

Вместе с тем А. В. Колчак понимал необходимость наличия в своей программе и общегражданских целей. О них он сказал 28 ноября 1918 г. на встрече с представителями сибирских газет. "Я твердо укрепился на той мысли, - заявил адмирал, - что государства наших дней могут жить и развиваться только на прочных демократических основаниях". Можно предположить, что к этой мысли А. В. Колчак пришел, побывав в ряде западных стран, в том числе и США. Здесь он, свободно владея тремя иностранными языками, мог познакомиться с преимуществами их государственного устройства и политической жизни. Верховный правитель обещал, что не пойдёт "ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности".

Неприязнь адмирала, как и многих военных, к политиканству была, по-видимому, вызвана разочарованием в результате революционных преобразований после февраля и неприятием октябрьского переворота 1917 г.

Главной своей целью А. В. Колчак поставил "создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашённые по всему миру". Эта фраза Верховного правителя отражала стремление не предрешать, которому так были привержены военные руководители российской контрреволюции, когда обустройство России напрямую увязывалось с военной победой над большевиками.

А. В. Колчак посчитал необходимым ещё раз в ходе беседы вернуться к мысли о правопорядке. "Порядок и закон в моих глазах, - подчеркнул он, - являются неизменными спутниками, неразрывно друг с другом связанными. Я буду принимать, заявил он, все меры, которыми располагаю в силу своих чрезвычайных полномочий, для борьбы с насилием и произволом"⁴⁹.

Стремясь ознакомить сибиряков со своей программой, Верховный правитель распорядился широко распространить специальную "Декларацию". Она была объявлена повсеместно на сельских сходах 7 декабря 1918 г. В ней адмирал вновь заявил, что "всегда являлся сторонником порядка и дисциплины, а теперь в особенности". Он прямо сказал, что будет требовать от всех не только уважения права, но и поддержания порядка и примет все меры по борьбе с насилием и произволом. В заключение Верховный правитель призвал всех граждан к единению и борьбе с большевизмом, к труду и жертвам⁵⁰. 8 этой связи можно обратить внимание как на стремление адмирала расширить социальную базу своего режима, так и на постоянно присутствующую менталитету руководителей России необходимость жертв для достижения государственно значимой цели. В этом прослеживается определенная близость взглядов и белых, и красных.

Некоторые газеты посчитали своим долгом пропагандировать намерения Верховного правителя. "Крестьянский вестник" сообщил своим читателям, что цель А. В. Колчака — "водворить в стране порядок и правосудие и обеспечить личную безопасность усталому от насилия населению России". Другое издание писало о том, что "новая свободная Россия будет создана на единении правительственной власти с народом"⁵¹.

Однако вскоре реалии гражданской войны внесли коррективы в настроения адмирала. Ещё 16 февраля 1919 г., выступая на банкете в Екатеринбурге в большом зале Уральского горного училища, он повторил слова о "насаждении" законности. Однако уже 18 февраля 1919 г., выступая в зале Благородного собрания Перми, А. В. Колчак оговорился, что Временное правительство будет стараться базироваться на принципах демократичности постольку, поскольку это не будет идти вразрез с требованиями беспощадной борьбы. С этим, призвал он, необходимо примириться⁵².

Мысль о необходимости¹ и целесообразности насилия он повторил и в первых числах июня на объединённом заседании екатеринбургских городской думы и земской управы. В тот день А. В. Колчак вновь высказался за закон и порядок. "Только суровые военные задачи, - оправдывался он, - заставляют иногда поступаться и в условиях борьбы вынуждают к временным мероприятиям власти, отступающие от таких начал демократизма, которые последовательно проводит в своей деятельности правительство"⁵³. Признавали принцип целесообразности и по ту сторону фронта. Можно только догадываться, куда могли завести подобные "оговорки".

На самом деле уже в середине 1919 г. был поднят вопрос о "незаконмерных" действиях низших властей на местах. В тот день Верховный правитель принял делегацию Союза сибирских маслоделов. Выслушав их, он попросил сообщать ему о каждом таком случае. Действительные виновники, пообещал адмирал, понесут наказание, ибо внедрение законности — одна из коренных задач власти⁵⁴.

Своим западным союзникам руководители омского режима также заявляли о своей безоговорочной приверженности принципу защиты основных прав человека и гражданина. "Правительство, - говорилось в одной из нот начала июня 1919 г., - признаёт и считает всех, без различия национальности и религии, имеющими одинаковые права рассчитывать получить защиту государства, когда нарушаются кем-нибудь их права и интересы"⁵⁵.

Трудно судить о том, насколько А. В. Колчак был искренен в своей приверженности законности. Во всяком случае, хорошо его знавший Г. К. Гинс привёл в своей книге слова Верховного правителя о том, что "дело не в законах, а в людях". Адмирал признавал: "...мы строим из недоброкачественного материала. Всё гниёт, я поражаюсь, до чего всё испоганилось. Что можно создать при таких условиях, если кругом либо воры, либо трусы, либо невежды". Сам Г. К. Гинс признавал, что в "колчакии" весьма туманно понимали

"законность и порядок" из-за царившего тогда повсюду "юридического шаблона", отступать от которого не хватало вдохновения⁵⁶. Выл очевиден недостаток не только подготовленных кадров, "вдохновения", но и политической воли.

У авторитетного знатока проблемы Г. З. Иоффе, по-видимому, также были сомнения в приверженности А. В. Колчака провозглашаемому лозунгам. Адмирал, по словам историка, считал, что решающим фактором в стабилизации режима будет победа на фронте, а не реформаторская возня в тылу, способная лишь подорвать военные усилия. Близкую позицию занимает и канадский исследователь Н. Перейра. Он считает, что А. В. Колчак "больше говорил о порядке и дисциплине, чем добивался их на практике"⁶⁷. Действительно, в пользу этой точки зрения свидетельствуют высказывания самого Верховного правителя, а главное — сибирская действительность.

Несколько раз о своем отношении к установлению законности заявлял председатель правительства бывший присяжный поверенный П. В. Вологодский. В беседе с сотрудниками томских газет 6 декабря 1918 г. он признал, что "в настоящее время страна управляется эксцессами, которые не могут быть терпимыми далее, т. к. деморализуют население и подрывают доверие к правительству". Порками и расстрелами, справедливо полагал П. В. Вологодский, невозможно установить прочный порядок. "Вся полнота власти, — заявил он, — должна быть сконцентрирована у гражданской власти"⁵⁸.

Свою идею о непризнании насилия в решении политических задач он повторил в январе 1919 г. в беседе с сотрудником "Правительственного вестника". П. В. Вологодский заверил журналиста и читателей в том, что после 18 ноября (день колчаковского переворота. — С. 3.) он остался в душе таким же демократом, как и прочие интеллигенты. "Я, — признался руководитель правительства, — чувствую отвращение ко всякому насилию и в этом отношении, быть может, не создан для власти". Пытаясь, очевидно, убедить собеседников в своей искренности, он заявил о том, что никогда не был демагогом⁵⁹.

В сентябре 1919 г. у П. В. Вологодского появилась возможность подтвердить свои слова делами. Тогда Совет министров получил несколько законопроектов, преследовавших цель упростить уголовный процесс как в стадии предварительного следствия, так и при рассмотрении дел в суде. П. В. Вологодский признался тогда министру юстиции Г. Г. Тельбергу в том, что придает этим проектам весьма важное значение. Только путем ускорения и облегчения уголовного процесса достижима в настоящее время, считал он, наиболее дей-

ствительная борьба с преступностью, за упрочение законности и правопорядка. Председатель правительства попросил тогда министра юстиции представить в ближайшее время программу намеченных "упрощений", призванных, по возможности, приблизить момент приговора и приведение его в исполнение к моменту совершения преступления⁶⁰. В этой связи уместно задаться вопросом о том, до каких пор могло зайти подобное "упрощение" в экстремальных условиях гражданской войны. Однако никто тогда об этом не думал, даже бывший адвокат.

Представления Верховного правителя и председателя правительства о законности и порядке развили и детализировали руководители министерств юстиции и внутренних дел. Министр юстиции С. С. Старынкевич, по словам Г. К. Гинса, наметил правительственную программу действий. Она состояла в необходимости координации действий военных и гражданских властей при введении в той или иной местности исключительного положения, в замещении должностей управляющих губерниями лицами, независимыми от партий и авторитетными. Наконец, было заявлено о том, что необходимо создать "хорошую" милицию⁶¹. О том, какая милиция, по представлениям С. С. Старынкевича, могла быть хорошей, остается только догадываться.

Последовательным, энергичным и высокопрофессиональным приверженцем законности зарекомендовал себя преемник С. С. Старынкевича Г. Г. Тельберг. По мнению весьма информированного А. Гана, новый министр был вторым (после И. А. Михайлова) по активности и исключительному влиянию как на Верховного правителя, так и на всю политику омского правительства⁶². Как записал Г. Г. Тельберг в своём дневнике, ->, сразу же после назначения он принялся "убирать камни с дороги правосудия" и призвал всех "к борьбе за закон, за порядок, за права гражданина"⁶³.

Свою первую встречу с судебными деятелями 15 мая 1919 г. он посвятил рассмотрению средств для поддержки в обществе законности. «Бывают обстоятельства, - признавался министр, - когда приходится для охраны закона применять метод быстрой и безоговорочной репрессии, и в отдельных случаях приходится идти здесь до границ беспощадной жестокости, но гораздо более плодотворен по результатам другой метод, который я бы охарактеризовал бы ... "неуклонность", чтобы каждое преступное деяние обязательно доходило бы до судебного разбирательства, оно до приговора, а тот до исполнения». Министр считал необходимой охрану законности, иначе тогда, полагал он, зачем государство. Следует, убеждал он судебных деятелей.

обеспечить охрану основных благ человека. Для этого, по его мнению, надо было изменить степень близости судов к населению. Наконец, Г. Г. Тельберг был озабочен и тем, что население слабо осведомлено о деятельности органов правосудия⁶⁴.

В своем стремлении утвердить основы законности новый министр юстиции приветствовал попытки тех должностных лиц, которые, по его мнению, думали и поступали так же. Многие сибирские газеты перепечатали в середине мая 1919 г. его открытое письмо командующему Сибирской армии генерал-лейтенанту Р. Гайде. "Начиная ответственную работу министра юстиции, - писал Г. Г. Тельберг, - я рад слышать вдумчивый патриотический голос. Никогда законность не была мёртвым, отвлечённым принципом; она была и будет самым жизненным началом, могущественным практическим средством для охраны основных прав человека. Если дружными усилиями не удержим законность, то самыми пышными победами не спасём государства"⁶⁵. В этом случае речь шла о приказе Р. Гайды от 9 мая 1919 г. В нем предусматривалось передавать из общей подсудности в военно-полевые суды дела о тех военнослужащих, кто "при отправлении своей должности употребит какого-либо рода истязания и жестокости"⁶⁶.

Сразу же после вступления в должность Г. Г. Тельберг обратился к проблеме дефицита кадров. Этому был посвящен его циркуляр от 17 мая 1919 г. В документе был отмечен острый недостаток лиц судебного ведомства. Министр справедливо полагал, что растущее число вакансий увеличивает объем работы имеющихся чиновников. Между тем к министру юстиции продолжали поступать просьбы об увольнении. Причём, как он заметил, большинство таких просьб не были мотивированы, но даже если мотив и был, то отличался "узко личными соображениями". В таких случаях писали о тяжести работы, о переходе на частную службу, о "недостаточном материальном положении". Министр заявил о том, что он "не может, не должен и не будет их удовлетворять"⁶⁷.

Г. Г. Тельберг часто встречался с представителями прессы и беседовал по наиболее актуальным вопросам судебного ведомства. 22 сентября 1919 г. в интервью "Правительственному вестнику" он высказался за организацию выездных сессий окружных судов. Введению суда присяжных, устройству местных судов, учреждению иногородческих судов, исследованию материального положения судей, информированию их посвятил он в начале октября 1919 г. свою беседу с сотрудником "Вестника Маньчжурии".

В конце октября 1919 г. во время встречи с сотрудниками РТА министр говорил о повышении эффективности работы судов, для чего он принял под своё личное наблюдение работы по местному суду. Г. Г. Тельберг заявил о необходимости упразднения всех устаревших положений при одновременном создании однородного и одинакового законодательства. Говорил он и о приближении судов к населению, о введении "общественного элемента" в суд. Здесь он, в первую очередь, имел в виду суд с участием присяжных заседателей. Министр юстиции подчеркнул, что основной фигурой судопроизводства должен стать участковый мировой судья. Он должен рассматривать все дела, кроме тех, которые будут связаны с лишением прав. Согласившись с собеседником в том, что это трудные задачи, министр тем не менее настойчиво подчёркивал необходимость таких шагов⁶⁸.

Министр внутренних дел А. Н. Гаттенбергер был склонен к мерам запретительного порядка. Уже 18 ноября 1918 г. он разослал специальный циркуляр губернским и областным комиссарам. В нём он потребовал не допустить обсуждения в печати и на собраниях "происходящего" (имеется в виду колчаковский переворот. - С. 3.). При этом была высказана рекомендация не останавливаться, в случае надобности, перед принятием решительных мер, вплоть до ареста как отдельных лиц, так и правлений и руководителей партий и организаций⁶⁹.

Чуть позже, 18 января 1919 г., во Владивостоке открылся краевой съезд земских и городских самоуправлений Дальнего Востока. Накануне у А. Н. Гаттенбергера состоялся разговор по прямому проводу о теме возможных дискуссий с председательствующим на съезде председателем Приморской областной земской управы А. С. Медведевым. В результате сразу после открытия упомянутого съезда было оглашено предписание министра внутренних дел о том, что обсуждению съезда подлежат только вопросы экономико-хозяйственного характера. "Конструкции власти" и подобных политических вопросов министр касаться не разрешил⁷⁰.

Красной нитью в деятельности А. Н. Гаттенбергера на высоком посту проходила проблема взаимодействия гражданской и военной властей. Этой теме он посвятил свою беседу в апреле 1919 г. с редактором "Сибирской жизни" А. В. Адриановым. Она была опубликована под заглавием "На путях возрождения государства". В ходе беседы министр поделился своим искренним желанием согласовать во внутренней политике действия военных и гражданских властей и этим оградить и ту и другую власть от каких-либо

неверных шагов и "незакономерных" поступков⁷¹. События показали, что это ему не удалось, и конфликт с высшим военным руководством явился главной причиной его отставки.

Его преемником стал В. Н. Пепеляев. Многие исследователи считают его ставленником военных, упоминая в этой связи его младшего брата — генерала А. Н. Пепеляева. Не отрицая этой точки зрения, следует напомнить, что сам В. Н. Пепеляев — бывший депутат 4-й Государственной думы и активист партии народной свободы — был известен как последовательный государственный деятель и имел поддержку в этом качестве не только среди военных.

Возглавив 1 декабря 1918 г. департамент милиции МВД, он уже 16 декабря представил министру внутренних дел свою программу действий, которая была широко обнародована. В ней предполагалось улучшить качество личного состава милиции; объединить ее под началом МВД; подчинить милицию в губерниях (областях) инспекторам милиции, наделив их правами помощников управляющего; создать в МВД отряды особого назначения. Кроме этого, планировалось определить задачи, пределы и методы действия милиции, обеспечить её кредитами. В. Н. Пепеляев предлагал обособить милицию от функций государственного надзора (политического сыска. — С. 3.). Для этого он предусматривал создание органов государственной охраны. Директор департамента милиции выдвинул предложение о необходимости упорядочить нормативную базу, в том числе и пересмотреть "Временное положение о сибирской милиции". По его мнению, следовало обновить штатное расписание, сделать практикой ревизию милиции. Касаясь финансирования, он посчитал, что нужно одну треть расходов на милицию относить на счёт земств⁷².

Одним из важных и надёжных средств управления и контроля В. Н. Пепеляев считал выезды на места, и сам часто это делал. Об этом он, вернувшись с фронта, говорил в сентябре 1919 г. с представителем РТА. Будучи к этому времени уже министром внутренних дел, В. Н. Пепеляев заявил о том, что невозможно управлять из кабинета, "нужно видеть самую жизнь, её неотложные вопросы и действующих лиц". Он сообщил о своём желании предложить на днях управляющим губерний и областей выехать в свои территории. Действительно, вскоре был разослан его циркуляр с таким предложением. Задача командировок ставилась следующая: "не теряя связи с центром, посетить наиболее ответственные местности для авторитетных бесед с населением". В. Н. Пепеляев извещал, что поездка по Тобольской губернии убедила его в том, что "сельское население, не видя высшей

администрации, не верит в её существование". Это, беспокоился министр, грозит многими неприятностями⁷³.

Опыт, приобретенный В. Н. Пепеляевым в МВД, не мог не сказаться при подготовке его программы уже на посту председателя Совета министров. В проекте этой программы, составленном в конце ноября 1919 г., он писал о том, что там, где существуют две власти - военная и гражданская, нет ни одной. "Смешение гражданской и военной власти производит хаос. Мы должны заявить, считал министр, что "в вопросах гражданского правления страной власть военная да подчинится власти гражданской". В качестве первоочередных мер он предложил Верховному правителю отказаться от военного управления, расширить права Государственного экономического совещания, приблизить власть к народу, пойти на сближение с оппозицией. Наконец, красной нитью по программе В. Н. Пепеляева проходила идея борьбы с произволом и беззаконием, "кем бы они ни чинились"⁷⁴. Подобная позиция соответствовала мнению сибирских кадетов, одним из лидеров которых был В. Н. Пепеляев. Его коллега по партии А. К. Клафтон, выступая 22 мая 1919 г. в Омске на 3-й конференции кадетов, говорил о необходимости возрождения в России нового правового государства⁷⁵.

При рассмотрении реализации деклараций руководителей правительства в правоохранительной политике А. В. Колчака будет продуктивно руководствоваться словами К. Маркса и Ф. Энгельса. В свое время они писали о том, что "люди сами делают свою историю, но они её делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого"⁷⁶. Действительно, в нашем случае такая обусловленность очевидна. Ситуация в Сибири диктовала свой алгоритм действий, зачастую очень жестоких.

Политическая воля руководителя режима и членов правительства находила свое выражение в формировании соответствующей нормативной базы. Здесь уместно подчеркнуть, что при А. В. Колчаке была восстановлена дореволюционная система правоохранительных органов. Они в своей деятельности руководствовались законами, другими нормативными актами, принятыми как в царской России, так и временными правительствами в 1917 г.⁷⁷

Следует заметить, что правительство и министерства внутренних дел и юстиции уделяли значительное внимание правовой подготовке документов. Здесь широко использовался многолетний российский опыт функционирования службы юридических консультантов. При-

казами по МВД от 6 февраля и 3 апреля 1919 г. юрисконсультантами 5-го класса были назначены читинский нотариус П. А. Кузнецов и присяжный поверенный округа Омской судебной палаты из Ново-николаевска А. А. Шиш⁷⁸. Их коллегами в министерстве юстиции были старший юрисконсульт Евдокимов и юрисконсульт Подпалов, назначенные приказами по министерству юстиции от 13 января и 17 октября 1919 г. Первый до этого был товарищем председателя Самарского окружного суда, а про второго известно только то, что он имел чин действительного статского советника⁷⁹.

Кроме юрисконсультов подготовкой документов в этом ведомстве занимался традиционный для российской бюрократии орган - Совет министра юстиции. Он существовал с весны 1919 г., но только 1 июля его деятельность была регламентирована правительством. Среди задач этого формирования, как и при Романовых, было рассмотрение всех законодательных предположений министерства юстиции, всех циркуляров и распоряжений общего характера. Он был призван представлять предложения по улучшению правосудия и устройства судебной части, рассматривать все дела, «вносимые» в правительство. Совет министра юстиции состоял из министра юстиции (председательствовавший), товарищей министра, директоров департаментов, обер-прокуроров Правительствующего Сената и шести членов Совета. В отсутствие министра председательствовать мог товарищ министра или старейший из членов совета. Например, С. П. Руднев председательствовал на 33 заседаниях⁸⁰.

К предполагаемому члену этого консультативного органа предъявлялись высокие требования: прослужить по судебному ведомству не менее 8 лет или быть присяжным поверенным. Допускались лица, имевшие учёную степень доктора или магистра римского, гражданского, уголовного, государственного или административного права и стаж преподавания в вузе не менее 8 лет и чином не ниже 4-го класса⁸¹. В состав совета входили И. В. Кондратович, бывший юрисконсульт министерства юстиции Г. А. Ряжский, ординарный профессор юридического факультета Томского университета В. А. Рязановский, который был назначен в совет "с оставлением" в Томске⁸², и другие.

Для иллюстрации деятельности совета можно привести повестки дня и решения, принятые на нескольких его заседаниях. 28 мая 1919 г. состоялось 17-е заседание. Было заслушано предложение помощника юрисконсульта министра юстиции А. В. Вельчевского о порядке ликвидации судебных дел, появившихся при большевиках, и возникших по ним правовых отношений. Было решено поручить

члену совета Г. А. Ряжскому разработать схему таких законодательных предложений. На 33-м заседании 21 июня 1919 г. обсуждался проект некоторых изменений в законоположении о принудительном отчуждении недвижимого имущества для государственных и общественных надобностей. Было признано необходимым указать в документе на то, что суд должен руководствоваться ст. 584 Т. X "Свода законов", а в п. 4 ст. 584 сделать ссылку на ст. 412 "Устава гражданского судопроизводства".

Под председательством товарища министра юстиции М. А. Малиновского 4 июля 1919 г. прошло 42-е заседание. Его участники заслушали доклад профессора В. А. Рязановского о законопроектах по улучшению судебной части. Было признано желательным внести предложенные им изменения. Весьма актуальный вопрос стал предметом обсуждения на 58-м заседании 2 августа 1919 г. Под председательством товарища министра юстиции М. А. Малиновского рассматривался проект постановления об утверждении временных правил об установлении опеки над имуществом лиц, отсутствующих вследствие военных действий во время европейской и гражданской войн. В ходе дискуссии были внесены редакционные поправки⁸³.

Свою юридическую службу имело и правительство. При нем существовала юрисконсультская часть - некий аналог юридического совещания при Российском Временном правительстве 1917 г. В ее функции входила предварительная разработка, составление и редактирование проектов законов, указов, представление заключений по законопроектам. К юрисконсультам предъявлялись довольно высокие требования. Ими могли быть штатные преподаватели юридических наук в вузах, а также лица, занимавшие не менее трех лет должности не ниже 5-го класса по судебному и административному ведомству или пробывшие не менее трех лет в звании присяжного поверенного⁸⁴. Столь высокие требования были призваны, по мнению руководства ведомства, обеспечить качественную подготовку законопроекта.

Как уже было отмечено, основу нормативной базы режима А. В. Колчака составили законы Российской империи, многие правовые акты временных правительств, существовавших в 1917 г. Верховным правителем, утверждавшим указы, также было принято значительное количество нормативных актов. Документы, относящиеся к теме монографии, можно разделить на несколько групп. В первую входят акты, которые регламентировали государственную власть. Уже в день переворота, приведшего к власти А. А. Колчака, Совет министров утвердил "Положение о временном устройстве государствен-

ной власти в России". В нем было заявлено о том, что осуществление Верховной государственной власти временно принадлежит Верховному правителю. Определенный объем власти вверялся, согласно закону, соответствующим органам власти и должностным лицам. В исключительном ведении Верховного правителя было принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности. "Положение" предусматривало, что в случае тяжелой болезни или смерти Верховного правителя, а также в случае его отказа от звания Верховного правителя или его долговременного отсутствия, Верховная государственная власть переходит к Совету министров⁸⁵.

О высокому политико-правовому статусе Верховного правителя свидетельствовало постановление Совета министров от 3 декабря 1918 г. Ввиду исключительно тяжелого положения Государства Российского и в целях охранения существующего государственного строя и власти в документе предусматривалось временно, впредь до установления народным представительством основных государственных законов, содержание ст. 99, **100**, **101** и **103** "Уголовного уложения" (изд. 1903 г.) и ст. 329 "Уложения о наказании и исполнении (изд. 1885 г.)" изложить в следующем виде:

"Ст. 99 - виновный в посягательстве на жизнь, здоровье, свободу или вообще неприкосновенность Верховного правителя или на насильственное лишение его или Совета министров власти или в воспрепятствовании осуществлению такой власти наказывается смертной казнью. Посягательством признается как совершение преступления, так и покушение на него.

Ст. 100 - виновный в насильственном посягательстве на ниспровержение или на изменение ныне существующего государственного строя или на отторжение или выделение какой-либо части территории государства Российского наказывается смертной казнью. Если такое посягательство обнаружено в самом начале и не вызвало особых мер к его подавлению, то оно наказывалось срочной каторгой.

Ст. 101 - виновный в приготовлении к тяжким преступлениям, которые указаны в ст. 99 и **100**, приговаривается к срочной каторге.

Ст. 103 — виновный в оскорблении Верховного правителя на словах, "в письме" или печати подлежит заключению в тюрьму.

Ст. 329 - виновный в умышленном "неприведении в исполнение" приказа или указа Верховного правителя лишается всех прав состояния и подлежит ссылке на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет.

Все деяния по указанным статьям подлежали рассмотрению в военно-полевом суде⁸⁶.

В Грамоте Верховного правителя от 16 сентября 1919 г. о созыве Государственного земского совещания называлась цель этого важного органа - помочь перейти к новой мирной жизни, "основанной на бдительной охране законности, твердых гарантиях гражданских свобод и благ личных и имущественных"⁸⁷.

Вторую группу нормативных актов составили те, которые регламентировали деятельность уже действовавших или вновь созданных органов или формирований. 17 декабря 1918 г. Совет министров внес изменения в постановления о следственных комиссиях Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства от 20 июня 1918 г. и Временного Сибирского правительства от 27 августа 1918 г. Теперь ст. 4 предусматривала право освобождения лиц, задержанных без достаточных оснований; дальнейшего содержания под стражей до 1 октября 1919 г. тех лиц, предшествующая деятельность которых признана явно угрожающей государственному строю или общественной безопасности, и право соответствующим властям производить обыски, выемки и аресты.

Изменения в ст. 7 примечания касались лиц, содержащихся под стражей по постановлению следственных комиссий на сроки, указанные в п. 2 ст. 4. В этом случае срок заключения продлевался до 1 октября 1919 г. Правило, установленное в данном примечании, приводилось в исполнение под наблюдением следственной комиссии непосредственно заведующими местами заключения⁸⁸.

Постановление Совета министров от 31 января 1919 г. внесло изменение в ст. 7 "Постановления о следственных комиссиях". Новая редакция гласила: временно, до общего пересмотра законов о следственных комиссиях, ст. 7 постановления о содержащихся под стражей лицах, признанных следственной комиссией опасными для государственного строя и общественного спокойствия, подлежит рассмотрению и утверждению министерством внутренних дел по согласованию с министерством юстиции. В случаях возникновения разногласий они решаются Советом министров⁸⁹. Таким образом, предусматривалось правовое основание для содержания под стражей подозрительных лиц.

Кроме следственных комиссий были созданы военно-следственные комиссии. "Временное положение" об этих комиссиях было утверждено Верховным правителем 12 апреля 1919 г. Их целью было всестороннее расследование и рассмотрение деятельности военных и гражданских лиц, изобличённых в содействии советской власти. Для этого на театре военных действий создавались армейские, кор-

пусные, дивизионные, уездные и районные военно-следственные комиссии. В порядке надзора они были подчинены начальнику Военно-административного управления армии. Во "Временном положении" были названы основания, по которым могло быть начато расследование. Таким поводом могли быть сообщение должностного лица или государственного учреждения; жалобы, объявления частных лиц; явка с повинной и, наконец, непосредственное усмотрение комиссии. Действия комиссий имели силу предварительного следствия.

В ст. 30 "Временного положения" были перечислены лица, подпадающие под юрисдикцию комиссий. Среди них: те, кто находился во главе большевистских организаций или был активистом; участвовал в расстрелах или был причастен к арестам; бойцы большевистских карательных отрядов; участники реквизиций и конфискаций; добровольцы РККА; члены РКП(б), анархисты, левые эсеры и прочие "вредные элементы"; иные лица, стоящие на советской платформе; агитаторы⁹⁰. Нельзя не обратить внимания на присутствие в нормативном акте таких политизированных, а не правовых понятий, как "активист", "вредный элемент", "лицо, стоящее на советской платформе", "агитатор". Подобная трактовка круга лиц, подпадавших под юрисдикцию "Временного положения" делала возможным произвол правоприменителя.

Некоторые решения правительства предусматривали создание новых структур. Постановлением Совета министров от 25 февраля 1919 г. при МВД был учрежден отряд особого назначения. Это подразделение было призвано стать боевой частью для охраны и восстановления государственного порядка и общественного спокойствия, служить резервом для формирования милиции в местностях, освобожденных от советской власти и быть школой для подготовки опытных чинов милиции⁹¹.

Третью группу нормативных актов составили документы, уточнявшие и дополнявшие круг лиц, действия которых подпадали под чрезвычайное законодательство. В частности, 11 апреля 1919 г. Совет министров утвердил "Положение о лицах, опасных для государственного порядка вследствие прикосновенности их к большевистскому бунту". Лица, признанные опасными для государственного порядка вследствие прикосновенности к такому бунту, подвергались ссылке в местности, назначенные министром внутренних дел сроком от 1 года до 5 лет. Иностранцы подлежали высылке за границу. Во время пребывания в ссылке эти лица лишались всех политических прав. Если такому лицу не было 17 лет, то предусмат-

ривалась отдача его под надзор родителей или других благонадежных людей. За самовольное возвращение из ссылки полагалось наказание от 4 до 8 лет лишения свободы. Поводами для начала дознания по названным лицам могли быть сообщение должностного лица и органа власти, объявление и жалоба частных лиц, явка с повинной, возбуждение дела по непосредственному усмотрению лица, которому поручено законом производить дознание. Цель дознания определялась в установлении или опровержении наличия обстоятельств, свидетельствующих об опасности для государственного порядка лица, привлекаемого к дознанию. Дознание должно было быть кратким и производиться со "всевозможной быстротой".

В июле 1919 г. данное постановление было дополнено. Теперь в нем говорилось о том, что все дела о преступлениях, совершенных в целях осуществления большевистского бунта, подлежат ведению судов, причем ими могут быть и окружные следственные комиссии. Такие комиссии, убедившись в достаточном изобличении подозреваемых, должны были передать дела прокурору местного окружного суда со своим определением.

На время рассмотрения дела в суде ссылка таких лиц приостанавливается до конца судебного разбирательства. Если обвиняемый судом оправдан или его дело прекращено, то ссылка исчисляется со дня принятия постановления окружной следственной комиссии. Если срок наказания, вынесенного судом, окажется меньше, чем срок, вынесенный окружной следственной комиссией, то остается в действии срок, определенный комиссией⁹². В этой связи обращает на себя внимание стремление властей увязать деятельность таких комиссий с работой судов.

ч

В этом же ряду оказалась и новая редакция ст. 129 "О сообщениях инакомыслящих" "Уголовного уложения", принятая 25 мая 1919 г. В ней содержалось определение "инакомыслия". Под ним понималось "возбуждение речами, прокламациями ко всякому социальному бунту; возбуждение чувств неповиновения и нарушения законности". Предусматривались самые высокие меры ответственности за такую пропаганду в годы войны, так как борьба с "инакомыслием", по словам законодателя, очень трудна⁹³. По-видимому, законодатель представлял себе "инакомыслие" в узком смысле слова - только как нарушение законности.

В четвертую группу нормативных актов входят документы, которые предусматривали чрезвычайные меры пресечения и наказания. Среди них постановление Совета министров от 11 февраля 1919 г.

о предварительном внесудебном аресте, названное одним из исследователей "законом о бунте против власти"⁹⁴. Документ временно предоставил начальникам уездной и городской милиции, их помощникам, а также лицам, особо уполномоченным департаментом милиции МВД, право внесудебно арестовывать лиц, подозреваемых в государственном преступлении или в прикосновенности к ним, деятельность которых угрожает государственному порядку и общественному спокойствию. Срок ареста был определен не более двух недель.

Указанные должностные лица получили право на производство обысков и выемок согласно ст. 357-361, 363-367 "Устава уголовного судопроизводства". В названном документе оговаривалась обязанность этих должностных лиц немедленно составлять постановление о своих действиях. Копия постановления должна была быть представлена лицу прокурорского надзора. Требовалось об этих действиях безотлагательно донести управляющему губернией (областью), который утвердит или отклонит арест. Кроме того, управляющий губернией (областью) получил право особым письменным постановлением увеличить срок содержания под стражей до шести месяцев⁹⁵.

Буквально тут же начальникам губернских (областных) управлений государственной охраны был направлен циркуляр. Практика применения постановления о внесудебном аресте свидетельствовала о том, что данное решение правительства слишком широко трактуется и применяется даже по уголовным делам. Этого делать не надо. Цель закона, пояснялось в циркуляре, дать возможность административным властям предупреждать учинение деяний, имеющих характер государственных преступлений и своевременно лишать свободы «заподозренных» лиц⁹⁶.

Первые итоги работы милиции по данному постановлению в Пермской губернии были подведены ее управляющим 7 мая 1919 г. в циркуляре начальникам городской и уездной милиции. Наблюдаются случаи, говорилось в документе, когда начальники милиции осуществляют такой арест с нарушением формальностей. Управляющий губернией распорядился немедленно составлять постановление об аресте, содержащее его мотивы, и представлять его копии прокурору и управляющему губернией. Сразу же после этого следовало приступать к дознанию, на которое отводилось две недели. В отдельных случаях управляющий губернией мог продлить срок дознания до одного месяца, но не более того⁹⁷.

Чуть позже, 21 июня, прокурор Омской судебной палаты подписал циркуляр с разъяснениями по поводу реализации уже названно-

го постановления правительства⁹⁸. Данный законопроект был принят по инициативе МВД. В объяснительной записке говорилось о том, что государственная борьба с большевизмом намечается в двух направлениях: с одной стороны, государство должно быть вооружено достаточной силой репрессий, чтобы бороться с явно преступными и выразившимися в определенной внешней форме действиями большевистской массы, а с другой - необходимо охранить население от тех "скрытых элементов большевизма", которые рассеяны среди широких слоев населения и готовят сторонников анархии". В этом документе вновь использована политическая риторика о "скрытых элементах большевизма, рассеянных среди широких слоев населения". Кроме того, ни одного довода в пользу такого суждения в документе приведено не было.

11 апреля 1919 г. Совет министров принял постановление "О временном усилении наказаний за наиболее распространенные преступления и проступки на театре военных действий". В нем излагалась новая редакция ст. 89' "Свода морских постановлений" (кн. 16-й по продолжению 1916 г.). Теперь она звучала так: в военное время на театре военных действий, когда какие-либо преступления или проступки приобретают чрезмерное распространение, командующему флотом, командующему морскими силами и равным им морским начальникам разрешалось временно усиливать строгость наказания до смертной казни включительно. Этим же лицам на тех же условиях предоставлялось право во время "возмущения" для общей безопасности выносить приговоры вплоть до смертной казни. Наложение таких наказаний должно было производиться по приговорам судов особой комиссии или военно-морских полевых судов¹⁰⁰.

Пятую группу нормативных актов составили документы, регламентирующие введение особого правового положения либо вносившие в него уточнения. Это демонстрировало обеспокоенность властей тем, как реализовали на местах чрезвычайное законодательство. В местностях, объявленных на военном положении, говорилось в циркуляре, должностные лица прибегают к "нежелательным" мерам, которые не соответствуют законам и "моменту". Пока закон не отменен, считали в Омске, он должен быть исполнен. На комиссаров, являющихся представителями правительства в губерниях и уездах, возлагалась обязанность надзора за точным исполнением законов, постановлений и распоряжений правительства. От них требовалось личное присутствие на месте действий военных властей. Они должны были изыскать причины противогосударственного движения и пути

успокоения населения, сообщать военным о причинах и размахе народного движения. Содержание документа поддерживало гражданские власти в их взаимодействии с властями военными. Кроме этого было указание на то, что милиция не подчиняется военным¹⁰¹.

Учитывая особое значение Сибирской железнодорожной магистрали, было принято специальное постановление правительства. Этот документ от 11 февраля 1919 г. был озаглавлен "Об учреждении правил о военном положении на линии железных дорог и в местностях, к ним прилегающим". По этому документу соответствующие начальники могли исключать из общей подсудности и передавать на рассмотрение прифронтовых военно-полевых судов как целые категории дел, с предварительным о том оповещении населения, так и отдельные дела о нижеследующих преступных деяниях: о вооруженном восстании против правительства и призыве к нему, о государственной измене; о призыве к неисполнению военных и гражданских законов или законных распоряжений властей; о повреждении, саботаже, выводе из строя казенного имущества; о вооруженном нападении на места заключения; о всяком умышленном убийстве, а также о покушении на убийство должностного лица, находящегося при исполнении служебных обязанностей; о разбое, грабеже, изнасиловании, умышленном поджоге или затоплении; о лихоимстве и вымогательстве. По всем названным делам предполагалось вынесение приговора о смертной казни через расстрел¹⁰².

По поводу этого закона омский юрист В. В. Энгельфельд писал: имеет ли смысл применять закон об исключительном положении там, где гражданская война происходит вспышками. Зачем, спрашивал ученый, закрывать торговые, учебные заведения, собрания в этих местах? Наконец, юрист напоминал об ответственности тех, кому дано такое исключительное право. В этой связи В. В. Энгельфельд напоминал об уроках событий 1905-1907 гг.¹⁰³ Действительно, опасения юриста о практике применения данного документа были не беспочвенны. Рассуждая об эффективности нормативной базы "колчакии", уместно вспомнить слова подлинного знатока российской бюрократии М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он в свое время писал о том, что решительность российских законов компенсируется необязательностью их исполнения. Анализ повседневной деятельности правоохранительных органов "колчакии" даст нам немало тому примеров.

В целях обеспечения надлежащего уровня законности омские власти предпринимали меры, которые вполне отвечали самому духу российской бюрократии. Речь идет о создании всевозможных ко-

миссий. По инициативе министра юстиции С. С. Старынкевича в начале марта 1919 г. была создана специальная комиссия. Ее председателем был назначен исполнявший дела директора департамента милиции В. Н. Агарев. В состав комиссии вошли вице-директор департамента милиции А. А. Траутман, помощник управляющего Акмолинской области Э. Э. фон Витте, исполнявший дела прокурора Омского окружного суда В. И. Курбатов, помощник коменданта Омска поручик Бурхард, начальник Омской уездной милиции П. Н. Корецкий, начальник Омской городской милиции К. А. Михалев, начальник Омского уголовно-розыскного отделения И. И. Рогалев и помощник казначея финансового отдела департамента милиции И. И. Абрамов. Заседания комиссии было решено проводить еженедельно¹⁰⁴.

Первое такое заседание состоялось в 9 часов вечера в субботу 8 марта. На нем с докладом выступил А. А. Траутман. Он отметил, что наиболее распространенными были следующие виды преступлений: вооруженные ограбления прохожих по вечерам, в том числе и чинов милиции; кражи со взломом и без взлома; взяточничество; притоносодержательство; мошенничество; шулерство; спекуляция; тайная проституция. В докладе было обращено особое внимание на фальшивомонетничество и организованную преступность. Быстрыми темпами росло число вооруженных нападений, причем некоторые из них носили характер организованных, задолго подготовленных выступлений. А. А. Траутман посетовал на то, что у него нет возможности сослаться на статистический и цифровой материал, но, добавил он, достаточно ежедневно просматривать газеты¹⁰⁵. Удивление вызывает тот факт, что руководство ведомства по борьбе с преступностью отслеживало ситуацию по газетным публикациям.

Последующие заседания комиссии были посвящены рутинным текущим вопросам. На втором заседании было высказано предложение о том, чтобы к слушанию уголовных дел привлечь прифронтовые военно-полевые суды, которые пока занимаются только воинскими преступлениями с просьбой помочь с юристами, может быть, из состава присяжной адвокатуры, обратился к присутствующим заведующий судебной частью комендантского управления Омска поручик Ильинский. Начальник Омской городской милиции К. А. Михалев сетовал на то, что вместо 108 постовых службу несут только 40. Начальник Омского городского уголовно-розыскного отделения И. И. Рогалев просил ходатайствовать перед военным ведомством об отзыве из армии на службу в милицию бывших полицейских,

На третьем заседании А. А. Траутман проинформировал собравшихся об указе Верховного правителя от 15 марта о расширении юрисдикции военно-полевых судов за счет принятия к рассмотрению ими уголовных дел. Все присутствующие высказались за публикацию в местной печати для "устрашающего начала" приговоров военно-полевых судов по уголовным делам с указанием фамилий осужденных к смертной казни¹⁰⁶. Эта идея нашла поддержку у омской газеты "Русь". Ее автор писал по этому поводу: "...уголовные репрессии имеют общественно-педагогическое значение. Широкая огласка уголовной кары производит устрашающее впечатление на морально ослабленные элементы народа... Беспощадность суда и власти ко всем преступным представителям, не глядя ни на каких персон, создаст доверие к правительству"¹⁰⁷. Анализ состояния преступности даст нам возможность проверить это утверждение.

На четвертом заседании помощник управляющего Акмолинской областью С. А. Гамрикелли доложил о работе Омской городской милиции. Участники заседания обратили внимание на два негативных обстоятельства. Во-первых, некомплект личного состава. Причина, по мнению помощника управляющего областью, заключалась в небольшом денежном содержании. Во-вторых, участники заседания обратили внимание на невысокое качество предварительного следствия. Только в марте 1919 г. из 121 дела, переданного из Омской городской милиции в военные суды, было возвращено мировым судьям для проверки 52¹⁰⁸. За период с 8 марта по 5 апреля 1919 г. комиссия заседала четырежды. Потом она, вероятно, не работала. Во всяком случае, больше протоколов в этом деле нет.

На уже упомянутом заседании комиссии по борьбе с возрастающей преступностью 8 марта 1919 г. вице-директор департамента милиции А. А. Траутман предложил меры к снижению преступности. Их условно можно разделить на две группы. Первую из них составляли меры, по выражению А. А. Траутмана, общего характера. Среди них - "поднятие правосознания" в массах путём распространения начального и среднего образования, духовно-нравственное воспитание. Вторую группу образовали меры "частные". К ним прежде всего относилось усиление наказания. Кроме этого предлагалось увеличить численность милиции и качество милиционеров, в том числе за счет привлечения лиц с высшим и юридическим образованием. Оговаривался даже образовательный минимум для милиционеров в 3-4 класса. Если милиционер имел меньшее образование,

то он должен был быть послан на специальные курсы, обязательные для всех низших чинов милиции. Было также предложено повысить оклады чинов милиции и увеличить численность сотрудников уголовного розыска¹⁰⁹.

Для реализации своей программы А. А. Траутман предпринял организационные меры. В департаменте были созданы три отделения. Первое - информационное отделение поручили возглавить бывшему редактору Петроградского телеграфного агентства В. Д. Дебгорию-Мокревичу с задачей ежемесячно представлять руководству департамента сводки о состоянии преступности по губерниям и областям. Второе отделение называлось статистико-регистрационным. Его сотрудники уделяли особое внимание рецидивной преступности. Они обрабатывали ежемесячные отчеты уголовно-розыскных отделений с мест. Затем составлялись сводные данные о задержании "особо выдающихся преступников и рецидивистов". При этом указывались города и уезды, где состоялось задержание, фамилия, имя и отчество задержанного, в каком преступлении он обвиняется, а также когда и кому передано дознание по данному делу. Третье отделение называлось общим¹¹⁰.

Кроме того, делались шаги по совершенствованию нормативной базы самого уголовного розыска. Несколько дней (11, 12, 15 и 16) в июле 1919 г. проходило междуведомственное совещание по обсуждению проекта "Инструкции чинов уголовного розыска". Председательствовал на заседаниях вице-директор департамента милиции А. А. Траутман. В работе совещания принимали участие представитель главного управления мест заключения действительный статский советник К. Л. Котельников, представители министерства юстиции, военного ведомства, управляющий особым отделом департамента милиции В. Е. Потоцкий и другие заинтересованные лица. По итогам совещания было решено дополнить названную "Инструкцию" еще восемью категориями лиц, подлежащих регистрации¹¹¹.

При всей важности этого решения оставались не затронутыми вопросы стратегического значения. Автор омской "Нашей Зари" Венцеславский так писал об этом: "...издание отдельных новелл, заплатывание на живую нитку старых законов не поможет уже по одному тому, что такое законодательствование по отдельным случаям представляется тенденциозным, внушает подозрение и разлагает последнюю веру в закон"¹¹². Поэтому, по мнению автора, оставался единственный путь - издание нового уголовного кодекса. При некоторой категоричности данного высказывания с ним трудно не согласиться.

Однако до этого у омских властей по разным причинам "руки не дошли", да и времени уже не оставалось.

* * *

Подводя некоторые итоги, следует отметить следующее. Во-первых, на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока в этот период сложилась тяжелая криминогенная обстановка. Для нее были характерны самые разнообразные составляющие. В этой связи следует упомянуть те из них, которые появились до начала гражданской войны: слом царской правоохранительной системы, объявленная весной 1917 г. амнистия, экономическая разруха. Гражданская война внесла в этот список свои дополнения. К ним относятся дезорганизирующе частая смена власти, "военщина" и "атаманщина" с их произволом, иностранное военное присутствие, обеспечившее свою долю противоправных деяний, действия партизан и повстанцев, не отличавшихся большой приверженностью к соблюдению законов.

В те годы широко было распространено мнение о росте криминальных проявлений. "Сибирская речь" сообщала о том, что "преступность растёт не по дням, а по часам". Один из авторов барнаульской газеты "Алтайская мысль" писал о том, что жить на станции Алейская страшно - очень много краж, грабежей и убийств¹³. Мы считаем, что в этот период происходил рост преступности, усложнилась ее структура, преступления против личности стали более жестокими.

Во-вторых, либеральный характер выступлений руководителей омского режима имеет свои объяснения. Что касается адмирала А. В. Колчака, то они заключаются в том, что для офицеров военноморского флота царской России было характерно подражание не только традициям королевского военноморского флота Великобритании - "владычицы морей", но и всему английскому¹⁴. Кроме того, А. В. Колчак был в продолжительной командировке в США в 1917 г. и, владея английским языком, мог познакомиться с их государственным устройством и общественно-политической жизнью, обеспечением прав и свобод граждан. Наконец, значительное влияние на него оказывало окружение, которому он был обязан приходом к власти. Общеизвестно, какую роль в этом сыграли такие лидеры и активисты сибирских кадетов, как В. Н. Пепеляев, В. А. Жардецкий, А. К. Клафтон.

Свой вклад в формирование правоохранительной политики режима внесли председатели правительства, руководители министерств внутренних дел и юстиции. Следует отметить, что все они не только

имели высшее юридическое образование, но и получили воспитание в духе либерализма как в университетских стенах, так и во время работы по специальности. Можно с большой долей уверенности говорить и о том, что на либеральный характер деклараций омских руководителей повлияло присутствие в регионе союзников. Выло необходимо получить от них не только военную и материально-техническую помощь, но и политико-дипломатическую поддержку, обеспечить легитимность своего правления.

В-третьих, нормативной базой деятельности судов, прокуратуры, следственных комиссий, милиции, других правоохранительных органов продолжали оставаться законы Российской империи, большинство законов, принятых временными правительствами в 1917 г. Кроме этого, действовали правовые акты Верховного правителя. При анализе последних обращает на себя внимание, что все они были посвящены укреплению режима либо устанавливали или усиливали ответственность за преступления против основ государственного строя и порядка управления. Акты, регулирующие нормы уголовного, гражданского, семейного и других отраслей права, практически не принимались. Несмотря на целую систему подготовки нормативных актов, уровень их юридической техники допускал широкое или даже произвольное толкование правоприменителями.

Примечания

¹ *Никитин А. Н.* Источники по истории гражданской войны в Сибири и их использование в советской исторической литературе: Дне. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992. С. 57.

² Народная газета. 1919. 8 марта.

³ Эхо. 1919. 18 марта.

⁴ Правительственный вестник. 1919. 14 янв.

⁵ Сибирская речь. 1919. 14 сент.

⁶ Енисейский вестник. 1919. 31 июля; *Гутман А. Я.* Гибель Николаевска-на-Амуре: страницы истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин, 1924. С. 11.

⁷ Подсчитано по: *Курицын В. М.* Становление социалистической законности. М., 1983. С. 27; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 6. Д. 12. Л. 16.

⁸ *Шиловский Д. М.* Криминогенная обстановка на территории Томской губернии во второй половине XIX - начале XX вв. // Актуальные вопросы гуманитарных наук: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 7; *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Т. 2. Омск, 1996. С. 32.

⁹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 111. Л. 2-4, 6.

¹⁰ ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 50. Л. 32; ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Л. 138; Наша деревня. 1919. 17 окт.

¹¹ *Шапиро О.* Рост преступности // Наш Урал. 1919. 20 янв.

¹² *Сорокин П.* Горькая жатва Марса // Новое время. 1990. № 49. С. 42.

¹³ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. М., 1923. С. 47.

¹⁴ Эхо. 1919. 26 апр.

¹⁵ Никитин А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 63.

¹⁸ ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 7. Л. 36-37; *Вибе П. П.* Восстание 22 декабря 1918 в Омске // Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 50.

¹⁷ Фомин В. Н. Истоки насилия в период гражданской войны в России (1917—1922 гг.) // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность: Мат-лы Всерос. научно-метод. конф. Омск, 1998. С. 25.

¹⁸ Шиловский Д. М. Криминогенная обстановка на территории Томской губернии во второй половине XIX - начале XX вв. // Актуальные вопросы гуманитарных наук: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 13.

¹⁹ Chamberlin W. H. The Russian Revolution, 1917-1921. V. 2. N.-Y., 1935. P. 194.

²⁰ ГАНО. Ф.П. 5. Оп. 4. Д. 771. Л. 1.

²¹ См. подробнее: *Звягин С. П.* Колчак не справился. Белогвардейские власти Сибири и тайное винокурение // Сибирская старина (Томск). 1996. № 11(16). С. 19-21. 22 ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 20. Л. 32.

²³ Сибирская советская энциклопедия. Т. 3. Новосибирск, 1929. Стлб. 518; *Гирченко В.* Революционная деятельность иностранных интернационалистов-военнопленных в Восточной Сибири. Верхнеудинск, 1933. С. 1; ГАРФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 141. Л. 8; Ф. 1712. Оп. 1. Д. 21. Л. 140-141.

²⁴ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 2 г. Л. 73; Оп. 12. Д. 6. Л. 9-10.

²⁵ Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 44. Л. 22-22 об.

²⁶ ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 4. Л. 131.

²⁷ *Басаргаев П. А.* Последний день художника // Из глубины веков (Историческое обозрение Сибири). Томск, 1997. С. 76; *Соловьев Л. И.* Краеведческие игры. Кемерово, 1998. С. 121-122.

²⁸ ГАНО. Ф.П. 5. Оп. 2. Д. 1534. Л. 25; Енисейский вестник. 1919. 4 окт.

²⁹ Подсчитано по: *Голуб П. А.* Революция защищается, 1917-1922 гг. М., 1982. С. 255-260; *Журов Ю. В.* Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 71.

³⁰ Редкое исключение составляют лишь следующие работы: *Колосов Е. Е.* Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923; *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Омск, 1996. Ч. 2. С. 32.

³¹ Документы героической борьбы: Сб. док. м-лов / Сост. З. К. Глусская и др. Красноярск, 1959. С. 377; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 16. Л. 514-515; Ф. 149. Оп. 1. Д. 17. Л. 217.

³² ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 4. Л. 102-103; ЦГА ИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2502. Л. 4.

³³ ГАНО. Ф.П. 5. Оп. 2. Д. 1528. Л. 34.

³⁴ РГВА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 17. Л. 148.

³⁵ *Lockett R.* The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. L.& N.Y., 1971. P. 307.

³⁶ ЦХАФАК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 97. Л. 8.

³⁷ КОКМ. Воспоминания М. М. Осокина. Л. 8; Уральская жизнь. 1919. 2 февр.; Там же. 21 мая.

³⁸ *Титов В. Я. Батулин Г. М. и др.* К истории партизанского движения в Сибири // История СССР. 1988. № 4. С. 160.

³⁹ *Циркунов Ю.* Повстанческое движение на Алтае в 1919 г. // Сибирские огни. 1930. № 8. С. 101.

- ⁴⁰ *Плотникова М. Е.* О партизанском отряде Рогова и сущности "роговщины" // Новокузнецк в прошлом и настоящем: Мат-лы научн. конф. Новокузнецк, 1971. С. 74; *Штырбул А. А.* Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Омск, 1996. Ч. 2. С. 44.
- ⁴¹ Подсчитано по: Свободная Сибирь. 1919. 26 авг.; Алтайская мысль. 1919. 27 авг.; Сибирский листок. 1919. 9 окт.
- ⁴² Алтайский вестник. 1919. 13 марта; Русь. 1919. 10 авг.
- ⁴³ Алтайская мысль. 1919. 28 марта.
- ⁴⁴ ГАИО. Ф.Р.2. Оп. 1. Д. 344. Л. 2.
- ⁴⁵ *Акулинин И. Г.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Т. 2. С. 138.
- ⁴⁶ Вестник Томской губернии. 1919. 21 марта; Вестник Приуралья. 1919. 1 апр.
- ⁴⁷ Цит. по: *Пионтковский С.* Гражданская война в России (1918-1921 гг.). Хрестоматия. М., 1925. С. 199.
- ⁴⁸ Современная Пермь. 1919. 1 апр.
- ⁴⁹ Правительственный вестник. 1918. 20 нояб.; Сибирская речь. 1918. 30 нояб.
- ⁵⁰ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 123. Л. 26 об.; Утро Сибири. 1918. 6 дек.
- ⁵¹ Крестьянский вестник. 1919. 30 июля; Голос Всероссийской власти (Гельсингфорс). 1919. Вып. 1. С. 8.
- ⁵² Алтай. 1919. 27 февр.
- ⁵³ Цит. по: *Ауслендер С.* Верховный правитель адмирал Колчак. Омск, б.г. С. 12.
- ⁵⁴ Заря народоправства. 1919. 23 июня; Ирбитские уездные ведомости. 1919. 20 июня.
- ⁵⁶ Правительство адмирала А. В. Колчака (Ответ Всероссийского правительства союзным державам на их ноту от 26 мая 1919 г.). Б.м., 1919. С. 14.
- ⁵⁶ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1. Харбин-Пекин, 1921. С. 346, 312.
- ⁵⁷ *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1997. С. 200; *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 95.
- ⁶⁸ Курганская мысль. 1918. 17 дек.
- ⁶⁰ Правительственный вестник. 1919. 14 янв.; Енисейский вестник. 1919. 21 янв.
- ⁶⁴ Сибирская жизнь. 1919. 16 сент.
- ⁶¹ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1. Харбин-Пекин, 1921. С. 191.
- ⁶² *Ган А.* Организация Омской власти // Часовой. 1934. № 139-140. С. 27.
- ⁶³ Цит. по: Источник. 1998. № 3. С. 72.
- ⁶⁴ Правительственный вестник. 1919. 17 мая; Курганская свободная мысль. 1919. 18 мая.
- ⁶⁵ Ирбитские уездные ведомости. 1919. 21 мая.
- ⁶⁶ Наша Заря. 1919. 14 мая.
- ⁶⁷ ГАОО. Ф.346. Оп.1. Д.131. Л.17.
- ⁶⁸ Правительственный вестник. 1919. 22 сент.; Сибирская жизнь. 1919. 12 окт.; Сибирская речь. 1919. 22 окт.
- ^{в»} ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 1а. Л. 2.
- ⁷⁰ Забайкальская новь. 1919. 30 янв.
- ⁷¹ Сибирская жизнь. 1919. 11 апр.; Земля и труд. 1919. 18 апр. и 8 мая.
- ⁷² ГАРФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 5. Л. 276-276 об.; Сибирская речь. 1918. 29 дек.; Уральская жизнь. 1919. 5 янв.
- ⁷³ Надежда России. 1919. 25 сент.; ТФ ГАТюО. Ф. 722. Оп. 2. Д. 17. Л. 5.
- ⁷⁴ Архив Русской революции. Т. 10. Берлин, 1923. С. 180; Цит. по: Колчаковщина. Из белых мемуаров: Сб. / Под ред. Н. А. Корнатовского. М., 1930. С. 99; Последние дни колчаковщины: Сб. док-тов. М.-Л., 1926. С. 132-133; Непролетар-

ские партии России: урок истории. М., 1984. С. 448; *Светачев М. И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 191.

⁷⁵ Сибирская речь. 1919. 22 мая.

⁷⁶ *Маркс К.* Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. М., 1957. Т. 8. С. 119.

⁷⁷ *Малыгин А. Я., Никитин А. Н.* Следственные и судебные органы белых правительств // *Юрист.* 1997. № 6: С. 37.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 148. Оп. 1. Д. 3. Л. 44, 169; *Русский Восток.* 1919. 9 февр.

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 1. Д. 36. Л. 1; Ф. 176. Оп. 2. Д. 81. Л. 185.

⁸⁰ Там же. Оп. 1. Д. 59. Л. 31.

⁸¹ *Правительственный вестник.* 1919. 27 июля.

⁸² ГАРФ. Ф. 3245. Оп. 1. Д. 1. Л. 80б; *Сибирская жизнь.* 1919. 2 апр.

⁸³ ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 1. Д. 59. Л. 9, 31, 73; Д. 68. Л. 7.

⁸⁴ Там же. Ф. 176. Оп. 5. Д. 175. Л. 51.

⁸⁵ *Правительственный вестник.* 1918. 20 нояб.

⁸⁶ Там же. 1918. 8 дек.

⁸⁷ Там же. 1919. 17 сент.

⁸⁸ *Правительственный вестник.* 1918. 31 дек.

⁸⁹ Там же. 1919. 5 февр.

⁹⁰ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 122. Л. 1-2.

⁹¹ *Правительственный вестник.* 1919. 14 марта

⁹² Там же. 1919. 19 и 26 июля.

⁹³ *Алтайская мысль.* 1919. 7 июня.

⁹⁴ *Литкина А. Г.* 1919 г. в Сибири. М., 1962. С. 128.

⁹⁵ *Правительственный вестник.* 1919. 25 февр.; *Отечественные ведомости.* 1919.

18 февр.

⁹⁶ ГАТО. Ф. Р.810. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁹⁷ ГАПО. Ф. Р.746. Оп. 2. Д. 49. Л. 1-2.

⁹⁸ ГАТюО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 4. Л. 135-136.

⁹⁹ Цит. по: *Вегман В. Д.* Вооруженные восстания против Колчака в городах и рабочих районах Сибири. Новосибирск, 1928. С. 9-10.

¹⁰⁰ *Правительственный вестник.* 1919. 8 мая.

¹⁰¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 119. Л. 30.

¹⁰² *Правительственный вестник.* 1919. 11 марта.

¹⁰³ *Энгельфельд В. В.* К вопросу о реформе нашего законодательства об исключительном положении // *Наша Заря.* 1919. 10 мая.

¹⁰⁴ *Никитин А. Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 70.

¹⁰⁵ ГАРФ. ф. 147. Оп. 11. Д. 110. Л. 1.

¹⁰⁶ Там же. Оп. П. Д. 2а. Л. 119.

¹⁰⁷ *Русь.* 1919. 9 авг.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 110. Л. 3-9.

¹⁰⁹ Там же. Д. 111. Л. боб. -7.

по ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 111. Л. 4; *Никитин А. Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 61.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 13. Д. 1. Л. 22-24.

¹¹² *Венцеславский.* Задачи государственного строительства России // *Наша Заря.* 1918. 31 дек.

¹¹³ *Сибирская речь.* 1919. 12 февр.; *Алтайская мысль.* 1919. 18 мая.

¹¹⁴ См., например: *Соболев Л.* Капитальный ремонт. М., 1983. 464 с.

Глава 2

ВОССОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА

2.1. Кадры судебных учреждений

Ведущим элементом в системе правоохранительных органов продолжали оставаться суды. Сразу после свержения большевиков началось воссоздание системы судопроизводства на основах, сформированных еще в императорской России. Все судебные учреждения по российской традиции подчинялись министерству юстиции. Оно руководило деятельностью судебных палат. На территории "колчакки" их было три — Пермская, Омская и Иркутская. Кроме этого, в Сибирь был эвакуирован личный состав Казанской судебной палаты. Каждая судебная палата направляла деятельность окружных судов. В случае с Пермской судебной палатой это были Екатеринбургский, Пермский, Троицкий и Уфимский окружные суды. В округ Омской судебной палаты входили Барнаульский, Омский, Семипалатинский, Тобольский, Томский, а чуть позже - Новониколаевский окружные суды. К округу Иркутской судебной палаты относились Благовещенский, Владивостокский, Камчатский, Красноярский, Пограничный (действовал на КВЖД и в полосе отчуждения. - С. 3.), Читинский и Якутский окружные*суды. Территория, которую обслуживал каждый такой суд, делилась на участки. В них служили наиболее приближенные к населению чиновники судебного ведомства - мировые судьи. Как правило, в округ окружного суда входила территория губернии или области, а мировой судья обслуживал часть какого-либо уезда. Исключение составляла лишь Томская губерния. На ее территории действовало два окружных суда - Новониколаевский и Томский. В состав судебных палат входили старший председатель, председатели двух департаментов, члены палаты. Окружной суд состоял из его председателя, товарища председателя, членов суда.

В изучаемый период на территории "колчакки" сложилось весьма тяжелое положение с судопроизводством. О проблемах отправления правосудия откровенно писали газеты тех лет. В декабре 1918 г. омское "Слово" сообщило о том, что в уездах стоят без рассмотрения даже срочные и важные дела. Один из авторов другого издания

В. Тубарьков в огромной статье настаивал на введении местного суда. Он справедливо полагал, что широкое распространение самосуда на селе происходило именно из-за отсутствия на местах судопроизводства¹.

Пресса и общественность высказались в поддержку действий властей по восстановлению судов. "Русский суд, несмотря на тягостные условия, в которые его поставил самодержавный режим при последних императорах, несмотря на давление высшей администрации, сумел, - писала одна из газет, - сохранить то общественное доверие, которое сложилось к нему истари, - и сохранил его, потому, что не изменил традиции законности и неподкупности". Интересную аргументацию в пользу формирования именно справедливого суда привела другая газета: "...в русском народе слишком укоренилось убеждение, что чем крупнее и наглее хищник, тем он легче ускользает от должного возмездия"².

Недостатки в сфере судопроизводства были заметны даже сторонним наблюдателям. Дж. Уорд в своей книге высказал мнение о том, что в Сибири "не существовало никакой системы законности или помощи; всякие следы правосудия были стерты"³.

Информация с мест, публикации прессы о бедственном состоянии суда - все это не могло не беспокоить власти. Категорично оценивал ситуацию главный начальник Южно-Уральского края генерал-майор А. И. Дутов. В письме к Верховному правителю А. В. Колчаку он писал: "...суда в деревне нет"⁴. В феврале 1919 г., выступая на съезде управляющих уездами, управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский заявил, что деревня уже два года не знает суда⁵. Эмиссар правительства подполковник Сокольниковский, объехавший в целях инспекции Тарский уезд, пришел к выводу о том, что "отсутствие порядка ведет к тому, что население совершенно не знает, куда ему обратиться со своими нуждами"⁶.

Советские историки, не анализируя специально эту проблему, тем не менее были единодушны в ее оценке. И. С. Капцугович писал о том, что "суда фактически не существовало - была лишь расправа". М. В. Наумов полагал, что тогда "царил полный произвол военщины. Вместо суда была введена дикая расправа". Только М. И. Светачев посчитал нужным сослаться на источник своей информации - мнение очевидцев. "По многочисленным признаниям самих белых, а также иностранных наблюдателей, - писал он, - на территории "колчакии" не существовало никаких законов, царил полный произвол"⁷. Это мнение справедливо лишь отчасти.

Тяжелая ситуация с отправлением правосудия сложилась по многим причинам. Одна из них заключалась в нехватке кадров юристов. Гражданская война, по мнению омской "Зари", привела к "оскудению" Сибири юристами с высшим или хотя бы средним юридическим образованием. Для 74 уездов Сибири надо было около 1000 таких специалистов. Газета составила даже мрачный прогноз о том, что мировых судей в ближайшее время вовсе не будет⁸.

По данным официальных источников - министерства юстиции, была вакантной половина должностей мировых судей в округах Омской судебной палаты, а всего в Сибири насчитывалось более 250 свободных должностей этой категории⁹. Эти данные были уточнены по результатам официальной анкеты. По состоянию на 15 мая 1919 г. по двум (Омской и Иркутской) судебным палатам вакансии составляли: административных судей - 24%, мировых судей смешанной подсудности — 21%, добавочных мировых судей - 15%, членов судебных палат и членов суда - от 3 до 10%. Особенно тяжелое положение было в отдаленных местностях и на селе. Так, в округе Читинского окружного суда не было 33% судей, а в округе Благовещенского окружного суда дефицит мировых судей смешанной подсудности составлял 70%¹⁰.

Нехватка судебных чиновников образовалась и по другим причинам. Безусловно, пагубно на системе судопроизводства сказались слом царских судов весной 1917 г. и разгон "буржуазных" судов советской властью. Часть юристов была мобилизована в сибирскую армию, часть погибла в ходе гражданской войны. Так, 2 апреля 1919 г. в селе Тисуль Мариинского уезда Томской губернии партизаны поймали мирового судью 3-го участка Ч. В. Пиотровского. Он хотел уехать с женой, но крестьяне, ссылаясь на решение своего схода, не пускали. Когда он пытался проехать по околице, то они его поймали. Партизаны били судью, водили по селу как свидетеля их разбоя, а потом убили¹¹. От рук партизан погиб товарищ председателя Пермского окружного суда Гильков. В Алтайской губернии в селах Усть-Чарышская Пристань и Бутырское были убиты мировые судьи Панов и Крылов. В Енисейской губернии на берегу реки у Минусинска выстрелом из леса был ранен в руку мировой судья Фамбулов¹². Все это дало основание РТА 19 июля 1919 г. сообщить о том, что «судебная власть проходит в ужасных злодеяниях»¹³.

Такое положение беспокоило омские власти. Департамент милиции 12 марта 1919 г. запросил управляющих губерний и областей о распространенности подобных фактов. Справедливости ради сле-

дует сказать, что насилие по отношению к судебным деятелям применялось не везде. Например, управляющий Забайкальской губернией С. А. Таскин сообщил в департамент о том, что во вверенной ему области случаев насилия над представителями судебной власти не было. В целях предупреждения таких эксцессов департамент милиции направил в подведомственные органы милиции специальный циркуляр, в котором потребовал принять самые решительные меры по охране и безопасности судей¹⁴.

Вакансии в судебном ведомстве были обусловлены и недостаточной материальной обеспеченностью. Судьи получали тогда 700 руб. в месяц. На эти деньги невозможно было прожить даже впроголодь¹⁵. Одна из авторитетных сибирских газет сообщала своим читателям о том, что на улице Светланской во Владивостоке дети члена окружного суда продают газеты¹⁶. Трудное материальное положение юристов вызвало появление в газете "Русская речь" огромной статьи под характерным заголовком "Бегство судей". Ее автор считал низкое жалование судей причиной их ухода. В итоге он сделал обоснованный вывод о том, что "дешевое правосудие слишком дорого обходится стране". Приходится удивляться, писал "Голос Приморья", что чины судебного ведомства получают меньше, чем служащие в других казенных учреждениях¹⁷.

В трудном материальном положении оказывались семьи умершего или погибшего судебного деятеля. Летом 1919 г. в Красноярске был организован сбор средств в пользу семьи детей убитого мирового судьи Попова. В частности, на эти цели от домового детского спектакля поступило 40 руб. 20 коп. Все собранные семье Н. Попова деньги в сумме 1327 руб. 20 коп. через редакцию газеты "Свободная Сибирь" 26 июля были переданы опекуну детей - Т. Я. Шешукову¹⁸.

Правительство предпринимало некоторые меры по повышению денежного содержания чиновников суда. Постановлением Совета министров от 8 мая 1919 г. были повышены классы должности старшим и младшим кандидатам на судебные должности и увеличены оклады содержания. Должность старшего кандидата была приравнена к 7-му, а младшего кандидата к 8-му классам. Денежное содержание, соответственно, было повышено до 6 тыс. и 4, 8 тыс. руб. в год¹⁹. В июне 1919 г. Совет министров распорядился распространить на Благовещенск, Екатеринбург, Пермь и Уфу выдачу дополнительного оклада содержания служащим судебного ведомства в размере 600 руб. в год²⁰.

Кроме этого, был подготовлен проект окладов содержания чинов судебного ведомства. Предусматривалось следующее повышение оклада содержания²¹.

Должность	Предполагаемый оклад содержания (руб. в год)
Председатель окружного суда	9500
Товарищ председателя окружного суда	8600
Член окружного суда	7600
Судебный пристав	3000

К сожалению, данное предложение реализовано не было.

Нехватка судей имела отрицательные последствия. Только в Тобольском окружном суде в 1918 г. число нерешенных гражданских дел выросло на 72, а уголовных на 105%. По состоянию на 1 марта 1919 г. в производстве следственного судьи Тобольского окружного суда находилось 150, в Барнаульском — 190, в Омском - 200, в Новониколаевском - 326 дел. В Томском уезде у одного из мировых судей в производстве было 465 дел, у второго - 596, а у третьего - 956.

Совершенно невероятная ситуация сложилась во Владивостоке. Здесь к 1 июля 1919 г. в местный окружной суд поступило 481 уголовное и 1425 гражданских дел. Следует отметить, что здесь у мирового судьи 1-го участка находилось в производстве 1000 гражданских и 400 уголовных дел, у судьи 2-го участка соответственно 1902 и 8000 дел, у судьи 3-го участка - 2000 и 8005 (!). В то же время у судьи 5-го участка было всего (!) 1714 дел, причем новых было 500, а остальные дела перешли с 1918 г.*²

Здесь будет уместно заметить, что закон от 3 июля 1914 г. предписывал допускать не более 150 дел на одного следователя в год²³. Сибирская действительность превосходила нормативы в 3-4 и более раз. Столь бедственное положение Владивостокского окружного суда вынудило в начале 1919 г. министерство юстиции принять решение об увеличении его штатов²⁴. Что касается категории дел, давших столь резкое увеличение, то, например, в январе 1919 г. в Кургане "громадный процент" дали дела о самогоне и об убийствах²⁵.

Следует упомянуть, что организация правосудия в Сибири сталкивалась и с другими проблемами. В частности, недостаточно финансировалась сама деятельность судов, связанная, учитывая сибирские расстояния, с постоянными разъездами. Председатель Благовещенского окружного суда писал в местной газете о том, что крестьяне

для провоза мировых судей требуют до 300 руб. за 30-35 верст, причём "романовскими" или "керенскими" денежными знаками, в то время как суды получали мало средств, да и то местными бонами²⁶.

Одним из способов устранения дефицита кадров стало привлечение к работе в Сибири судебных деятелей, выехавших из тех районов, которые были заняты Красной армией. Личный состав Оренбургского окружного суда был эвакуирован в Барнаул и Благовещенск, Уфимского - в Красноярск, Пермского - в Читту, Екатеринбургского - в Семипалатинск, Тобольского - в Томск, Троицкого - в Благовещенск²⁷.

Министерство юстиции стремилось проводить кадровую политику, направленную на уменьшение негативных последствий дефицита личного состава. Кадровые вопросы входили в компетенцию Верховного правителя. Среди передвижений по служебной лестнице следует отметить повышение в должности. Назначение председателей окружных судов осуществлялось указами Верховного правителя. Весной 1919 г. члены Иркутской и Омской судебных палат А. Мигай и В. А. Ревердатто стали, соответственно, председателями Благовещенского и Новониколаевского окружных судов²⁸.

При других кадровых назначениях с повышением в должности подписывался приказ министра юстиции. Так, в ноябре 1918 и июле 1919 гг. членами Иркутской судебной палаты стали прокурор Владивостокского окружного суда Н. Е. Гончаров и член Благовещенского окружного суда Я. В. Комаринец²⁹. С повышением — членами Уфимского и Петропавловского (на Камчатке) окружных судов были назначены соответственно член уездного суда округа Уфимского окружного суда Н. В. Рябинин и судебный следователь 5-го участка Владивостока Панфилов³⁰.

Имели место и кадровые передвижения по горизонтали. В конце 1918 г. член Пограничного окружного суда Беляк был назначен членом Владивостокского окружного суда, а член Читинского окружного суда В. И. Журалев - членом Благовещенского окружного суда³¹. Отмечен случай, когда перемещение судьи было произведено по его инициативе. В марте 1919 г. член Читинского окружного суда Пашинский, согласно прошению, был назначен членом Владивостокского суда³².

Кандидатуры для комплектования судебных учреждений привлекались из разных источников. Был сохранен дореволюционный институт кандидатов на судебные должности. Например, в Омской судебной палате и окружном суде их насчитывалось 24 человека³³. Отмечен переход с административного поста, когда членом Новони-

колаевского окружного суда стал Шадринский уездный комиссар, юрист по образованию, Ф. А. Прозоровский³⁴.

Однако в кадровых назначениях были и недостатки. На один из них обратил внимание читателей "Русской речи" Богданович. Он выразил недоумение, что Новониколаевский окружной суд действует уже третий месяц, а его члены назначены только министром юстиции, хотя должны назначаться Верховной властью, т. е. А. В. Колчаком. "Что это, - спрашивал автор, - забывчивость или попытка явочным путем ввести институт сменяемости судей³⁵. На наш взгляд, здесь имела место обыкновенная российская халатность, помноженная на условия военного времени. В другой раз министр юстиции не утвердил в должности члена окружного суда И. П. Кривошапкина, представленного к назначению общим собранием Владивостокского окружного суда. В декабре 1918 г. И. П. Кривошапкин был представлен к той же должности вторично³⁶.

Кроме этого, были и такие назначения, которые иначе как кадровой загадкой не назовешь. В конце 1918 г. председателем только что созданного Новониколаевского окружного суда был назначен член Омской судебной палаты, помощник управляющего делами Совета министров И. В. Корнеев-Гребаров. Однако уже в апреле он, по его просьбе, был возвращен на прежнюю должность³⁷.

По этому делу была следующая переписка. 29 июля 1918 г. присяжный поверенный округа Омской судебной палаты А. А. Шиш, имевший практику в Новониколаевске, направил председателю правительства П. В. Вологодскому письмо о том, что назначение В. А. Ревердатто председателем Новониколаевского окружного суда "совершенно нежелательно". Вновь к этой теме А. А. Шиш, пользуясь любезным разрешением высокопоставленного адресата, обратился 23 октября 1918 г. На пост председателя Новониколаевского окружного суда уже не надо было, по его мнению, назначать М. А. Ждановича. Хотя, как пишет А. А. Шиш, предварительное согласие П. В. Вологодского на эту кандидатуру уже было получено. Теперь А. А. Шиш и его коллеги совершенно отказывались от недавнего протеза. Теперь, продолжали они, хотим члена Барнаульского окружного суда Г. З. Вовнея. Ходят слухи, беспокоились новониколаевцы, что сюда "метит" (так в письме) Волесский³⁸, но о нем самые отрицательные мнения, поэтому просим не назначать³⁸. Очевидно, и назначенный сверху И. В. Корнеев-Гребаров оказался не ко двору "А. А. Шишу и компании".

Другой случай столкновения интересов имел место в Семипалатинске. В ноябре 1918 г. на должность товарища председателя Се-

мипалатинского окружного суда предлагался член Томского окружного суда Смирнов. Однако против его кандидатуры возразили товарищ прокурора Доброхотов, административный судья Першин, мировые судьи Виноградов и Смирнов. Их довод был один - "нам варягов не надо". Примечательно, что об этом 20 ноября 1918 г. председателю Омской судебной палаты сообщил председатель Семипалатинского окружного суда, как сказано в документе, "для сведения"³⁹. Таким образом, руководитель окружного суда расписывался в своем бессилии перед своими подчиненными. В этой связи уместен вопрос о том, насколько это отвечало интересам дела. На наш взгляд, здесь имели место корпоративные интриги.

В связи с нехваткой судебных кадров были допущены беспрецедентные в истории российской юстиции меры. Исполнять дела судебного пристава по городу Минусинску Е. Г. Шильнова на время отпуска была допущена его жена. Это был первый случай в Сибири, когда обязанности судебного пристава стала исполнять женщина. Следующий случай подобного рода имел место в Благовещенске осенью того же года. Здесь в окружной суд была представлена кандидатура нового мирового судьи - Брецкой⁴⁰.

Не менее важной, чем назначение, была проблема профессионализма судей. Некоторое представление о качественном составе суда можно получить на примере Уфимского окружного суда (см. приложение № 6). Анализ этих сведений дает нам основание заявить, что сотрудники Уфимского окружного суда в массе своей были опытными юристами, прослужившими значительное время на судебных должностях. По состоянию на лето 1919 г. все 13 его сотрудников служили в нем с мая 1914 г. Они имели достаточно высокие классные чины, а четверо были действительными статскими советниками. Все члены суда были кавалерами российских орденов, причем высоких степеней, в том числе и Св. Владимира 2-й степени.

Руководители судебных учреждений принимали меры для подготовки персонала, повышения его профессионального уровня. Для этого в конце 1918 г. во Владивостокском окружном суде были организованы курсы. Служащих суда учили процедуре прохождения дел. Среди лекторов были председатель суда В. Ф. Гузевич, читавший курс уголовного процесса, члены суда А. А. Лещинский - гражданские права, И. П. Кривошапкин - гражданский процесс, судебный следователь первого участка Н. Н. Васильев - уголовное право⁴¹.

В условиях гражданской войны деловые качества и политические взгляды кандидатов на судебные должности часто подверга-

лись проверке. Объектом проверки на лояльность в июне 1919 г. стал Н. Постников. На запрос о нем старшего председателя Омской судебной палаты ответил исполняющий должность обер-прокурора Правительствующего Сената. В письме "доверительно" сообщалось, что спрашиваемый с 1904 г. был в Самарской адвокатуре и о Н. Постникове как о земском начальнике и о его нравственных качествах ничего плохого не слышал. Прокурор писал, что участвовал с Н. Постниковым всего в двух или трех делах, поэтому затруднялся ответить более конкретно. Он предлагал запросить административных судей, знавших Н. Постникова более близко⁴².

Большое беспокойство у властей вызывала служба некоторых судей при советской власти. Генерал-лейтенант А. И. Дутов в своем письме А. В. Колчаку от 24 апреля 1919 г. сетовал на то, что судьи и следователи работают из рук вон плохо и по его данным "60% судебных служили и при большевиках"⁴³. Рассуждая на эту тему, М. Корнев из иркутской "Новой Сибири" в статье "К реформе Сибирского суда" пришел к выводу о том, что старый личный состав судов нисколько не очищен, как того бы требовала простая общественная скромность⁴⁴. Наш анализ кадрового корпуса судей не подтверждает эту оценку.

Были случаи недобросовестного отношения судей к своим служебным обязанностям. В декабре 1918 г. прокурор Барнаульского окружного суда сообщил прокурору Омской судебной палаты о бездействии мирового судьи 17-го участка Барнаульского уезда Каверина и предложил отстранить его от должности⁴⁵.

Добросовестно и профессионально служить правосудию призвала присяга, принимаемая в соответствии с российской традицией. К ней, вскоре после прихода к власти А. В. Колчака, были приведены все чины судебного ведомства. Принимая ее, судья давал клятвенное обещание "быть верным и неизменно преданным Российскому государству как своему Отечеству". Он обещал и клялся служить ему "не щадя жизни своей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни враждой, ни корыстью и памятуя единственно о славе и процветании Российского государства". Судья клялся "повиноваться Российскому правительству, возглавляемому Верховным правителем, и законным распоряжениям начальников". Клятва приносилась в торжественной обстановке при священнике и на кресте⁴⁶.

Однако перечисленные меры не улучшили общее положение с кадрами юристов вообще и судебных учреждений в частности. В этих чрезвычайных обстоятельствах Совет министров 11 июля 1919 г. принял предложение министра юстиции о призыве лиц с высшим

юридическим образованием к отбыванию гражданской трудовой повинности. Это решение касалось всех граждан обоего пола, получивших законченное юридическое образование как в русских, так и в иностранных высших учебных заведениях, достигших ко дню опубликования данного закона возраста 21 года и не старше 55 лет. Срок таких обязанностей устанавливался в 1 год, считая с 1 июля 1919 г. Таким лицам присваивались все права и обязанности согласно "Уставу о службе".

Освобождение от призыва получили только члены советов присяжных поверенных. Кроме этого, в исключительных случаях министр юстиции мог освободить от призыва то или иное лицо "по соображениям государственной необходимости". Производство учёта лиц, подлежащих призыву, было возложено на управляющих уездами, а начальникам учреждений было вменено в обязанность сообщить в уезд о наличии юристов, независимо от занимаемой должности. Лица, неспособные по состоянию здоровья, должны были пройти освидетельствование в особых комиссиях под председательством управляющего уездом⁴⁷.

Такой шаг властей вызвал неоднозначную реакцию заинтересованных лиц и учреждений. Профессор юридического факультета Томского университета И. И. Аносов в статье "О трудовой повинности юристов" рассуждал о сомнительной пользе службы по принуждению. В таком случае, считал он, судебскую совесть не проконтролируешь. Ученый задал властям в статье два вопроса: что успеют сделать призванные юристы за 1 год и кто займёт те места, которые освободят мобилизованные⁴⁸. Его коллега профессор С. П. Мокринский отнёсся к инициативе властей негативно, но с пониманием. Он, в свою очередь, поставил вопрос о возможности привлечь на службу юристов из числа беженцев⁴⁹.

Ряд учреждений сразу выступили с ходатайствами об освобождении служащих у них юристов от призыва. В частности, Всекосовет возбудил перед Советом Министров такое прошение, мотивируя его тем, что кооперации особенно нужна правовая помощь⁵⁰. В связи с военным поражением и отступлением на восток реализация этого постановления правительства была частичной.

2.2. Деятельность судов общей юрисдикции

При восстановлении отправления правосудия в первую очередь подлежала возобновлению деятельность судов первой инстанции. Как правило, вскоре после освобождения какой-либо территории от боль-

шевиков начинали исполнять свои обязанности мировые судьи или проходили их выборы. В январе 1919 г. такие выборы состоялись на сессии Орского земского уездного собрания. 25 февраля 1919 г. выборы состоялись в Пермском уездном собрании. Здесь же состоялось и перераспределение свободных мировых участков⁵¹. Учитывая количество дел, находящихся в производстве, Совет министров от 7 июля 1919 г. увеличил число мировых судей во вновь открытом Новониколаевском окружном суде⁵². Практиковались выборы на вакантные должности тех судей, которые приехали из Поволжья, а затем и Урала⁵³.

Гражданская война негативно сказалась на качественном составе мировых судей. Особенно показателен в этом отношении Дальний Восток, и без того обделенный кадрами. С одной стороны, среди мировых судей Хабаровского уезда был выпускник юридического факультета Харьковского университета А. Б. Пальчинский. Он в свое время состоял присяжным поверенным округа Петроградской судебной палаты. Последние 5 лет был старшим советником Приморского областного правления, при А. Ф. Керенском исполнял дела губернатора, был помощником исполнявшего дела областного комиссара Временного Сибирского правительства. Его коллега - мировой судья В. С. Македонский окончил с дипломом первой степени юридический факультет Петроградского университета и некоторое время служил в Петроградской судебной палате. Их коллегами были В. И. Усов и М. Б. Файнберг. Первый с дипломом первой степени окончил юридический факультет Московского университета, второй - с дипломом второй степени юридический факультет Петроградского университета⁵⁴.

С другой стороны, более скромным был состав мировых судей на Камчатке. Здесь из 27 мировых судей только 7 имели высшее, а двое незаконченное высшее юридическое образование. Двое судей были по образованию медиками, два имели духовное образование, а еще два получили лишь домашнее образование. Что касается возраста, то среди них были лица рождения от 1860 до 1899 гг., причем средний возраст составлял 36 лет. Только у одного судьи служебный стаж достигал 20 лет, у одного 10 лет, а у остальных он был до трех лет⁵⁵. Таким образом, на восточной окраине "колчакии" судьба причудливо свела судей, имевших высшее юридическое образование и большой опыт с их менее подготовленными коллегами.

Несмотря на то, что даже таких не очень подготовленных судей не хватало, их привлекали для выполнения других обязанностей.

В самом начале 1919 г. мировой судья 1-го участка Пермского уезда В. А. Собынин был назначен Пермским уездным комиссаром. Приказом помощника управляющего Уфимской губернией Соловьева от 24 марта 1919 г. мировой судья 5-го участка Бирского уезда К. Л. Домбровский стал временно исполняющим дела управляющего Бирским уездом⁵⁶. В другом случае 10 августа 1919 г. общее собрание лиц судебного ведомства Тобольска с участием составов Ирбитского, Сарапульского и Чердынского съездов мировых судей предложило желающим чинам судебного ведомства записываться добровольцами в действующую армию⁵⁷. Очевидно, для них служба в действующей армии была важнее службы по столь важной специальности в тылу.

Изучая/перспективу местного суда, министерство юстиции 10 февраля 1919 гч запросило председателей окружных судов округов Омской и Иркутской судебных палат высказать свои соображения о желательности мировых судей и о том, следует ли распространить на Сибирь действие закона о таком суде от 4 мая 1917 г.⁵⁸ Данный запрос министерства 3 марта 1919 г. был вынесен для обсуждения на съезд управляющих уездами Иркутской губернии. С докладом выступил исполняющий дела председателя Иркутского окружного суда П. П. Смирнов⁵⁹. По предложению управляющего губернией П. Д. Яковлева съезд решил обратиться в министерство юстиции с просьбой либо скорее ввести волостные суды или подготовить и принять новый закон о мировых судах. Причём, подчеркнули управляющие уездами, властям надо оказывать содействие мировым судьям и "отнюдь не вмешиваться в их деятельность"⁶⁰.

В 1919 г. правительство неоднократно вносило изменения в нормативную базу деятельности мировых судов. В марте 1919 г. была изменена редакция п. 2 ст. 33 и 33а "Устава уголовного судопроизводства". Мировые судьи, в связи с инфляцией, получили право взыскивать штрафы размером до 2 тыс. руб.⁸¹

Препятствуя йепотизму, правительство своим постановлением от 5 июня 1919 г. воспретило мировым и административным судьям замещать должности секретарей близкими родственниками. Документ оговаривал степень родства по прямой линии без ограничения, по боковой линии до 4-й степени включительно, а в свойстве до 2-й степени включительно. Одновременно была установлена и ответственность⁶².

23 ноября 1919 г. Совет министров принял постановление "Об изменении и дополнении Постановления Временного правитель-

ства от 4 мая 1917 г. "О временном устройстве местного суда". В частности, ст. 3 была дополнена примечанием: "...замедление в выборах членов мирового суда в волостях или городских участках не служит препятствием для назначения мировыми судьями дела к слушанию; неявка же членов мирового суда в судебное заседание не служит препятствием к разрешению назначенных дел"⁶³.

Кроме этого, заинтересованные ведомства принимали свои нормативные акты. Учтивывая то обстоятельство, что мировые судьи не имели реальной возможности выполнять свои же решения, департамент общих дел МВД от 28 марта 1919 г. исполнение решений мировых судей возложил на чинов милиции⁶⁴.

Свое место в процессе приближения отправления правосудия к населению занимали волостные и местные суды. Один из авторов "Кустанайского листка" в статье "О сельских судах" высказал мысль о необходимости их быстрого восстановления⁶⁵. В ноябре 1918 г. МВД уведомило губернские земские управы о том, что при министерстве юстиции создана и начала работать особая юридическая комиссия по выработке законопроекта о сибирском суде. В середине декабря 1918 г. появилось сообщение о том, что эта комиссия закончила составление временных правил о "Сибирском волостном суде". Скоро, писала газета, проект будет представлен в правительство⁶⁶.

В пользу того, что это был весьма важный для Сибири вопрос, говорит тот факт, что на прошедших в начале 1919 г. совещаниях управляющих уездами ряда сибирских губерний и областей он был в числе первых в повестке. Из 21 вопроса повестки дня в Томске он был третьим. На совещании управляющих уездами Енисейской губернии в Красноярске 26-28 января 1919 г. было заявлено о том, что реформа судебной части является внеочередной задачей. В качестве временной меры было предложено ввести хотя бы волостные суды. В марте участники съезда управляющих уездами Акмолинской области сообщили в МВД о том, что население не только требует вернуть, но уже само восстанавливает волостные суды⁶⁷.

В феврале 1919 г. управляющий Томским уездом донес управляющему Томской губернией о том, что население надеется, что открытие волостных судов прекратит беззакония и введет должный правопорядок. Приморская областная земская управа также запрашивала министерство юстиции о введении местного суда, но ответа так и не получила⁶⁸.

Однако столь необходимый законопроект "застрял" в омских ведомствах. Это обстоятельство подвинуло местные власти действо-

вать явочным порядком. В феврале 1919 г. на Камчатке Ключевской волостной съезд избрал волостной суд в составе 5 человек⁶⁹. Далее в феврале 1919 г. пошли участники совещания управляющих уездами Томской губернии. По инициативе управляющего губернией была создана специальная комиссия. Вскоре она предложила проект организации суда на основе "Правил о земском суде", выработанных ещё судебно-административной комиссией при Сибирской областной думе. Докладчик по этому вопросу товарищ председателя Томского окружного суда М. А. Жданович сказал, что надо только уточнить, кто может быть избран земским судьей. Согласно ст. 51 упомянутых "Правил", судьей могло быть лицо, достигшее возраста 25 лет и являющееся местным жителем данного участка. На совещании прозвучало предложение о том, чтобы земским судьей мог быть тот, кто может быть избран в земские гласные. Съезд управляющих уездами Томской губернии обратился в правительство с ходатайством утвердить этот проект⁷⁰.

В июне 1919 г. во многих уездах Иркутской губернии такие местные суды даже начали работать, а Иркутский окружной суд временно стал апелляционной инстанцией по делам волостной подсудности⁷¹. Однако подобным судам не довелось получить собственную нормативную базу. Дело было в том, что в июне 1919 г. министр юстиции Г. Г. Тельберг отозвал из правительства внесенный своим предшественником С. С. Старынкевичем проект учреждения волостных судов. Министерство юстиции, как информировал его руководитель, решило ввести на селе местный суд на общих основаниях⁷².

В описываемый период была возобновлена многолетняя практика выездных судов. Влиятельным и последовательным сторонником этой формы работы был министр юстиции Г. Г. Тельберг. Он предложил проводить сессии окружных судов в городах и крупных сёлах, расположенных на территории соответствующего судебного круга. Особенно он был озабочен организацией выездных судов в сельской местности⁷³.

Можно предположить, что это было продиктовано рядом причин. Среди них можно назвать не только стремление приблизить отправление правосудия к населению, повысить явку свидетелей, но и несколько удешевить судопроизводство за счет снижения накладных расходов. Для этого составлялись соответствующие расписания. На 1919 г. график выездных заседаний Троицкого окружного суда включал в себя работу в Троицке, а также выезды в Верхнеуральск,

Кустанай, Миасский и Белорецкий заводы. Всего предполагалось провести 23 сессии⁷⁴.

Проведение таких заседаний требовало соблюдения определённых условий. В этой связи председатель Барнаульского окружного суда 23 ноября 1918 г. запросил Алтайского губернского комиссара о возможности нормального отправления правосудия в губернии. Он просил сообщить следующее: в каких населённых пунктах можно проводить судебные заседания; как помещения для этого можно оборудовать; есть ли «гоньба» на окрестных дорогах и, наконец, есть ли соответствующие силы милиции и помещения не менее чем в 5 комнат⁷⁵.

Вскоре с мест стали поступать ответы. В одном из них за подписью Барнаульского уездного комиссара от 29 декабря 1918 г. сообщалось, что выездные заседания суда можно проводить в помещениях волостных управ или школ сел Анисимовском, Боровском и Сорокинском. Однако не хватало милиционеров для обеспечения порядка. В Змеиногорском уезде были названы села Белоглазово, Локоть, Риддерское. Здесь заседания можно было проводить в школах и в здании управления рудника. Среди сел Каменского уезда упоминались Тюменцево и Кочки, но в них не было подходящих помещений и резерва милиции. Наконец, в Каракорумском уезде можно было проводить суд в Улале и Опчудае⁷⁶.

Если в Барнауле вопрос о месте проведения выездных сессий решала губернская администрация, то на Сахалине — органы земского самоуправления. В августе 1919 г. Петропавловский окружной суд направил в Сахалинскую областную земскую управу запрос о том, в каких пунктах области желательно в интересах населения провести выездные сессии. Руководство суда интересовало наличие перевозочных средств, помещения для суда и содержания арестованных, наличие врача, священника и т. д. Областная земская управа назвала следующие населённые пункты: посёлок Александровск, села Керби и Богородское⁷⁷.

Что касается помещений, где проходили заседания, то сессия Троицкого окружного суда заседала в церковной школе Кустаная. В сентябре 1919 г. в Никольск-Уссурийском сессия Владивостокского окружного суда проходила в камере мирового судьи 1-го участка⁷⁸.

Некоторое представление о проведении выездных заседаний можно получить на основе следующих данных.

**Выездные заседания
окружных судов Урала и Сибири в конце 1918-1919 гг.⁷⁹**

Название окружного суда	Место заседания
Владивостокский	Хабаровск
Екатеринбургский	Ирбит
Красноярский	Калек, Минусинск
Новониколаевский	Камень
Омский	Атбасар
Пермский	Кунгур, Соликамск
Петропавловский	остров Сахалин
Томский	Маринск
Троицкий	Челябинск
Читинский	Верхнеудинск, Нерчинск, Сретинск
Якутский	Виллойск

Больше всех выездных заседаний - три провел Читинский окружной суд. В большинстве случаев заседания проходили в отдаленных населенных пунктах. Количество дел, подлежащих рассмотрению, было различным. В Канске было рассмотрено 6 дел. На выездной сессии Читинского окружного суда в Верхнеудинске - 35. В следующую выездную сессию 2-го уголовного отделения того же суда под председательством товарища председателя Д. Е. Милевского с 28 апреля по 7 мая в Верхнеудинске было рассмотрено 54 дела. В помещении камеры мирового судьи 1-го участка Никольск-Уссурийска за период с 22 по 29 сентября 1919 г. сессия Владивостокского окружного суда под председательством А. А. Лещинского рассмотрела около 100 дел⁸⁰. Таким образом, в среднем в день рассматривалось от 5 до 12 дел.

Довольно активное участие в выездных заседаниях судов принимали наиболее подготовленные чины судебного ведомства в лице руководства судебных палат. 26—28 ноября 1918 г. во Владивостоке работала сессия Иркутской судебной палаты в составе старшего председателя тайного советника Н. П. Еракова, членов палаты М. М. Драницына, П. Т. Никитина, товарища прокурора И. Н. Подпалова. Всего ими было рассмотрено 12 дел. Сессия той же судебной палаты в период с 17 по 21 февраля 1919 г. рассматривала уголовные дела в Чите, а в сентябре в Маньчжурии. В августе 1919 г. в Красноярск приезжали Н. П. Ераков, члены палаты П. И. Никитин и Я. И. Александрович, товарищ прокурора Л. Д. Юницкий⁸¹.

В Семипалатинске 16 июня 1919 г. работала выездная сессия Омской судебной палаты во главе с председателем департамента действительным статским советником Н. П. Белобородовым. Тогда

слушалось два дела, в том числе по обвинению бывшего Семипалатинского уездного начальника статского советника В. М. Петухова в присвоении денежных средств. Данное дело находилось в производстве с марта 1917 г. и закончилось вынесением оправдательного приговора, другое дело было снято с рассмотрения⁸².

Отмечены случаи, когда выезжали отдельные судьи. Так, в апреле 1919 г. в Ирбит слушать дела по городу и уезду приезжал член Екатеринбургского окружного суда⁸³.

Как положительный результат можно отметить следующее. В некоторых местностях впервые за долгий срок прошли судебные заседания. В апреле 1919 г. в министерство юстиции поступило письмо от члена Якутского областного суда Звягина с информацией о выездном заседании. В нем сообщалось о том, что якуты, по их словам, "исстрадались и соскучились" по правосудию. Явка всех участников судебного процесса была 100%, много было и слушателей⁸⁴. В начале июня 1919 г. в Бодайбо, впервые с весны 1917 г., прошли заседания выездной сессии Иркутского окружного суда⁸⁵.

Однако имели место и негативные факты. Из-за недостаточной организационной работы самих местных властей, особенно в районах, недавно освобожденных от большевиков, происходила задержка с восстановлением деятельности судов. Например, в Бузулуке к 31 декабря 1918 г. их деятельность всё ещё не была возобновлена⁸⁶. В другом случае имело место прекращение работы суда. В октябре 1919 г. съезд судебных представителей Петропавловского окружного суда распустил его за малочисленностью дел. Наблюдение за Камчатской областью было поручено Владивостокскому окружному суду, который проводил там свои сессии по мере необходимости⁸⁷.

Описываемый период был ознаменован попытками создания национального суда. Длительное время в советской историографии бытовало мнение, что на территории, которую в годы гражданской войны контролировали белые правительства, положение коренных народов было принижено. "Положение сибирских инородцев в царстве Колчака как угнетаемых, бесправных диких племен, эксплуатируемых со стороны "цивилизированных", весьма печальное, - писал тогда один из советских журналов. - ...Снова над ними висит тяжесть национального гнета"⁸⁸.

Однако было бы не совсем верно так однозначно оценивать ситуацию. В самом начале февраля 1919 г. одна из владивостокских газет перепечатала из "Новой Сибири" статью М. Корнева "К рефор-

ме сибирского суда". Одна из идей публикации заключалась в том, что в Сибири уже давно нужен инородческий суд⁸⁹. Среди наиболее образованных представителей коренных сибирских народов в те годы зрела мысль о создании национальных судов. В этой связи следует заметить, что власти слабо представляли себе положение на местах. Об этом свидетельствует циркуляр министра юстиции в феврале 1919 г. Член правительства запросил власти на местах о существовании каких-либо национальных судов. В том случае, если такие суды были, то следовало указать их местонахождение, правовые основы их создания и подсудность, язык судопроизводства, наличие протоколов. Кроме этого, министра интересовало, судят ли эти суды русских⁹⁰.

В марте 1919 г. страницы сибирских газет обошла информация о том, что в Омске приступила к работе комиссия по киргизскому суду⁹¹. Эту проблему 7 июля 1919 г. председатель правительства П. В. Вологодский обсуждал с делегацией жителей Семипалатинской области⁹². В августе 1919 г. Совет министров уже утвердил закон о киргизском суде. Документ предполагал судопроизводство на киргизском языке. К отправлению правосудия привлекались лица, владеющие устной и письменной речью, знакомые с национальным бытом. Из-под подсудности волостных судов были изъяты гражданские иски, написанные не на киргизском языке⁹³.

Такой суд осуществлялся только на киргизском языке и создавался на три года на основе выборности. Волостной суд включал 1 судью и 12 биев. Судью выбирали выборщики путем тайного голосования. Уездным судьёй мог быть избран человек, знавший киргизский язык, причем необязательно киргиз⁹⁴. Судьи рассматривали как гражданские, так и уголовные дела. В то время в заседании окружных судов принимали участие и присяжные заседатели. На территории компактного проживания киргизов их выбирали как из представителей коренной национальности, так и из лиц, знавших этот язык. Контроль за киргизским судом осуществлял Правительствующий Сенат.

Юрисдикция этого документа распространялась на Акмолинскую, Уральскую, Тургайскую, Семипалатинскую, Семиреченскую, Сырдарьинскую области, а также на заселенные киргизами уезды Ферганской и Самаркандской областей, Амударьинский отдел Закаспийской области, на Букеевскую орду Астраханской области и киргизские волости Алтайской губернии⁹⁵. Было предусмотрено вступление закона в действие с 1 января 1919 г. Это решение правительства получило одобрение с мест⁹⁶.

Параллельно шел аналогичный процесс по созданию суда для бурят. В марте 1919 г. сразу несколько газет заявили о том, что на очереди в министерстве юстиции стоит вопрос о бурятском суде⁹⁷. Однако эта проблема имела свою историю. Еще в начале 1918 г. на заседании Агинского аймачного земского собрания было решено пресекать преступления и наказывать за них согласно "обычному национальному праву" по усмотрению членов аймачной думы, хошунных управ, сомонных зайсанов и местного общества до 25 ударов розгами, штрафом в размере до трех тыс. руб. или арестом на три месяца. При повторении подобных поступков предлагалось подвергать виновных наказанию до 50 ударов розгами или заключению до шести месяцев⁹⁸. Однако это была пока лишь инициатива с мест.

По-видимому, именно о таком случае шла речь в служебной записке Иркутскому губернскому комиссару П. Д. Яковлеву. В ноябре 1918 г. прокурор Иркутского окружного суда сообщил ему о том, что в Эхирит-Булагатском аймаке действует "какой-то" национальный бурятский суд, в котором судят не только бурят, но и русских. Причем судопроизводство осуществляется по законам, "ничего общего не имеющим с государственными". В декабре 1918 г. Верхотенский уездный комиссар провел расследование деятельности этого суда. Его заключение гласило, что суд появился по инициативе снизу. В деятельности указанного суда нет единообразия, его фактическая компетенция шире, чем просто суда⁹⁹.

Губернский комиссар воспротивился появлению такого суда и решил созвать совещание с Бурятским национальным комитетом для выяснения этого вопроса. Он указал Бурятской народной думе на недопустимость национального суда¹⁰⁰. Управляющий губернией даже обратился с соответствующим протестом. Однако Иркутский окружной суд в июле 1919 г. оставил его протест на постановление Эхирит-Булагатского аймака по поводу организации национальных судов без рассмотрения. Если основанием для протеста управляющего губернией было то, что такое административное образование, как аймак, не предусмотрено законом, то в решении суда указывалось, что в постановлении Временного правительства от 17 апреля 1917 г. "О милиции" есть упоминание об аймачной милиции¹⁰¹. Таким образом, по аналогии, мог быть и аймачный суд.

Не было должного государственного подхода к нуждам коренных жителей региона у их земляка, видного и влиятельного в Сибири конституционного демократа В. Н. Пепеляева. Летом 1918 г. на

Челябинском предварительном совещании, которое проходило перед Уфимским государственным совещанием, он усиленно доказывал, что инородцы всегда были лишены "государственного духа". Будучи министром внутренних дел Российского правительства, В. Н. Пепеляев в 1919 г. на ходатайстве бурят об утверждении органа их самоуправления наложил такую весьма характерную резолюцию: "Выпороть бы вас"¹⁰².

Весьма неуважительно отзывался о коренных жителях этого региона управляющий Забайкальской областью, в состав которой в то время входила территория современной Республики Бурятия, С. А. Таскин¹⁰³. Он писал о бурятах как о "темных, невежественных... всецело находящихся еще на первобытной стадии развития - политического, социального и экономического"¹⁰⁴.

Тем не менее на правительственном уровне шаги по созданию национального суда для бурят все же предпринимались. 28 апреля 1919 г. в Омске под председательством члена совета министра юстиции Г. А. Ряжского прошло первое заседание междуведомственной комиссии по бурятскому суду. В нем участвовали представители Забайкальского казачьего войска Н. А. Ананьин, Народной думы бурят-монголов Восточной Сибири И. И. Тунуханов и присяжный поверенный Г. В. Ксенофонтов.

В тот день были заслушаны записки Народной думы и члена этой думы Баертонга Вампилупа. В документе, представленном думой, говорилось о том, что при разрушении в 1917 г. старого суда было принято "Положение о национальном суде на началах судебной автономии". Его компетенция, с некоторым расширением по уголовным делам, была установлена на основании согласования ст. 37 "Положения об инородцах" 1822 г. и ст. 49 "Временного положения 23 апреля 1901 г. об управлении и суде кочевых инородцев Забайкальской области". Предусматривалось, что суды будут действовать на бурятской территории до тех пор, пока не будут налажены государственный и судебный аппараты. Однако этому решению думы как незаконному воспротивилась прокуратура. Поэтому Народная дума обратилась в министерство юстиции с просьбой утвердить такие суды как временные.

Г. А. Ряжский успокоил собравшихся заявлением о том, что министр юстиции идет навстречу желанию бурятского народа, тем более что уже есть столетний опыт и не будет коллизий с державным правом российского правительства и общими юридическими принципами. Участники заседания без голосования высказались

в поддержку создания бурятского суда. Вместе с тем было высказано пожелание рассмотреть пределы компетенции этих судов. Здесь, по мнению участников заседания, следовало бы учесть уже выработанное положение о киргизском суде¹⁰⁵.

Результаты заседания в Омске были обсуждены 26 мая 1919 г. в Иркутске на заседании членов Иркутского национального комитета. Здесь с докладом выступил член комиссии по судопроизводству при министре юстиции В. Г. Ксенофонтов. Было предложено создать четыре типа судов: 1) хошунный; 2) аймачный; 3) областной; 4) бурятского отделения Иркутского окружного суда. Компетенция этих судов была следующей: хошунные занимались делами мировой юрисдикции; аймачные стали бы апелляционной инстанцией для хошунных судов; областной суд стал бы апелляционной инстанцией для аймачных и первой инстанцией для рассмотрения уголовных дел без участия присяжных заседателей. Бурятское отделение, в свою очередь, занималось бы общими судебными установлениями. Общей кассационной инстанцией для всех видов дел стал бы Правительствующий Сенат. Судопроизводство для бурят и для русских, проживающих на бурятской территории, планировалось установить на бурятском языке. Председатель и члены аймачных и хошунных судов должны были избираться¹⁰⁶.

Вскоре процесс создания бурятского суда получил свое продолжение. В августе 1919 г. из Омска вернулся член междуправительственной комиссии по разработке проекта о национальном суде бурят, председатель Бурятского национального комитета И. И. Тунуханов. Он сообщил о том, что компетенция мировых судей переходит на хошунные и аймачные суды. Все судьи указанных судов становятся выборными. Причем хошунные должны были выбираться хошунным земским собранием либо особыми выборщиками от булуков.

Хошунные суды были призваны рассматривать дела первой инстанции, аймачные — второй (апелляционной) инстанции. Председатели хошунных судов образовывали аймачный суд. Председатели хошунных судов утверждались Бурятским отделением Иркутского окружного суда, председатели аймачных судов — министром юстиции. Председатели аймачных судов должны были иметь образование не ниже среднего, от хошунных судей требовалась только грамотность.

Тогда же была уточнена компетенция бурятского суда. К ней отнесли все основные дела общей подсудности и те из уголовных дел, которые разбираются без участия присяжных заседателей. Ком-

петиция таких судов не распространялась на дела о преступлениях против государственной власти, а также против интересов и доходов казны. В августе 1919 г. уже упомянутая междуведомственная юридическая комиссия признала обязательным применение русского процессуального права в уголовном и гражданском судопроизводстве с учетом специфики бурятского суда. В результате принятых мер в августе 1919 г. было образовано два аймачных суда в Забайкальской области и один такой суд в Иркутской губернии. Появился и Восточносибирский общий суд бурят при Иркутском окружном суде¹⁰⁷.

Процесс создания национальных судов предполагалось продолжить. Об этом в октябре 1919 г., находясь в командировке во Владивостоке, заявил в беседе с сотрудником "Маньчжурского вестника" министр юстиции Российского правительства сенатор Г. Г. Тельберг¹⁰⁸. Однако развернутому проекту создания бурятского суда из-за поражения режима А. В. Колчака не суждено было осуществиться.

Еще один, на наш взгляд, немаловажный аспект судоустройства на территории, подвластной А. В. Колчаку, обойден вниманием исследователей. Не посчитали нужным рассказать об этом читателю С. В. Боботов и Н. Ф. Чистяков в своей монографии¹⁰⁹. Это касается создания судов с участием присяжных заседателей. Одна из причин такого молчания, может быть, заключается в том, что Сибирь не вошла в число территорий, где такой суд был образован в ходе судебной реформы 1864 г.

Идея создания в Сибири подобных судов возникла еще в 1898 г. Тогда в Иркутском генерал-губернаторстве была образована особая комиссия по судебной части. Однако из-за малочисленности населения и недостаточного количества цензовиков эта идея не была реализована. В 1904 г. министерство юстиции вновь вернулось к этому вопросу, но "за несвоевременностью" он был снят. В 1909 г. министр юстиции И. Г. Щегловитов снова вернулся к этой проблеме. Были даже составлены списки заседателей, однако Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев высказался по этому поводу отрицательно. С его мнением согласились и в Совете министров¹¹⁰.

Однако сибирская общественность не оставила этой идеи. Профессор юридического факультета Томского университета С. П. Мокринский, характеризуя особенности суда с участием присяжных заседателей по сравнению с судебными образованиями иных типов, отмечал в качестве его преимущества исключительную эластичность, создающую возможности для оптимального проявления творческой

силы общественного правосознания. Правда, в этих особенностях юридической природы института присяжных как проводника общенародных правовых воззрений профессор видел и определенные трудности для законодателя, поскольку решения суда были способны совершенно исказить отраженные в формальном законе намерения законодательной власти.

Выход из этой сложной ситуации, порождающей неверное, по мнению С. П. Мокринского, впечатление капитуляции закона перед новым источником права - народным правосознанием, он видел в обращении законодателя к изучению процесса преломления закона в правосознании общества и ограничении этого процесса определенными условиями. Таким образом законодатель должен будет обрести широкие возможности воздействия на результаты деятельности суда присяжных, хотя это воздействие и становилось бы более сложным и утонченным¹¹¹.

Анализируя это мнение С. П. Мокринского, О. А. Харусь подчеркивает то, что он, с одной стороны, был убежден, что суд присяжных по своей конструктивной идее есть суд всесловный, а потому функционирует тем успешнее, чем разнообразнее состав судей, чем "полнее представлены в нем все оттенки общественных правозрений, чем более он вбирает в себя духовных сил и богатств страны". С другой стороны, серьезным недостатком практики ему представлялось допущение в среду присяжных заседателей лиц неграмотных, не способных оперировать абстрактными понятиями, давать юридическую оценку фактам¹¹². В итоге образовались своеобразные ножницы благих пожеланий юристов и уровня образования и правовой культуры населения.

Падение в Сибири советской власти вновь создало условия для возвращения к этой теме. 12 октября 1918 г. Иркутское чрезвычайное губернское земское собрание высказалось за скорейшее введение такого суда¹¹³. Эта идея была реализована постановлением Совета министров от 11 января 1919 г., когда в Енисейской и Иркутской губерниях, в Амурской, Забайкальской, Приморской, Сахалинской и Якутской областях и в зоне отчуждения КВЖД по представлению министра юстиции С. С. Старынкевича был введен суд присяжных¹¹⁴. Из областей Дальнего Востока из этого перечня выпала только Камчатская область и то, как объяснили в министерстве, по техническим причинам его организации¹¹⁵. Территория Западной Сибири не вошла в этот список, по-видимому, из-за ее близости к театру военных действий. Комментируя документ, в министерстве юстиции сообщили о том, что ими за основу был принят Устав 1864 г.¹¹⁶

Первые месяцы реализации этого постановления правительства обусловили необходимость принятия дополнений. Совет министров 15 сентября 1919 г. внес соответствующие изменения в "Устав уголовного судопроизводства" (Свод законов. Т. XVI. ст. 595// и 607//, ст. 595//). По делам, подлежащим рассмотрению с участием присяжных заседателей, в составе присутствия судебного заседания кроме прокурора или его товарища теперь мог присутствовать член суда, председательствующий в судебном заседании. Это было возможным при принятии особого определения суда в порядке ст. 547 "Устава уголовного судопроизводства".

Поправка к ст. 607¹¹⁷ гласила: судья, единолично рассматривающий дело с участием присяжных заседателей, в случае отвода, заявленного против него участвующими в деле лицами, или наличности повода к отводу, усмотренного им самим, приостанавливает дело и передает вопрос об отводе на рассмотрение суда. Наконец, если суд единогласно или судья, председательствующий согласно ст. 595 "Устава уголовного судопроизводства", признает, что решением присяжных поверенных осужден невиновный, то дело передается на рассмотрение нового состава присяжных заседателей, решение которых во всяком случае является окончательным¹¹⁷.

Решение правительства о введении суда присяжных вызвало одобрение властей на местах и общественности. Якутское областное земское собрание направило министру юстиции специальную телеграмму: "Участие народа в отправлении правосудия в переживаемый момент разрухи является залогом водворения законопорядка и успокоения ... исключительные бытовые особенности края диктуют неотлагательную необходимость вручения суда народной совести". Якутское земство выразило министру глубокую благодарность "за своевременное осуществление народных чаяний" и выразило надежду на скорейшее проведение его в жизнь¹¹⁸. Министр юстиции С. С. Старынкевич распорядился направить эту телеграмму для обнародования в газеты.

Отозвалась на новшество и местная пресса. "Енисейский вестник" опубликовал в этой связи статью "Нельзя не приветствовать". Ее автор высказал, на наш взгляд, весьма спорную мысль о том, что наконец-то присяжные будут выносить свой приговор не на основании тех или иных формальных соображений закона, а по своему внутреннему убеждению. Они, по его мнению, будут высказывать то, еще не получившее полной санкции законодателя, правовое сознание, которое в данный момент существует в обществе и этим в значительной степени облегчат правосудие¹¹⁹. Стоит ли говорить о под-

линно правовом содержании понятия "внутреннего убеждения в своем приговоре".

Введение в Сибири суда присяжных получило неоднозначную оценку историков. Одни оценивали его скептически. С. П. Мельгунов прямо заявил: "...какой там суд присяжных в обстановке гражданской войны!". Современный отечественный историк В. Д. Зими-на отметила стремление кадетов привнести в противобольшевистское движение элементы демократии как западноевропейского, так и российского образцов. Вместе с тем она считала, что эти попытки были теоретическими и являлись "почти ненужной уступкой демократическим ценностям". Номинальной на фоне деятельности военно-полевых назвал работу судов с участием присяжных заседателей Ю. Н. Ципкин.

Иначе считает А. А. Беляев. Он оценил введение суда присяжных как наиболее демократическую и близкую к населению форму судопроизводства¹²⁰. Безусловно, введение суда присяжных трудно оценить однозначно. Однако если это нововведение способствовало укреплению правопорядка, повысило уровень юридической защиты прав граждан, то эта мера оправдала себя.

Это новшество в судопроизводстве повлекло за собой значительную подготовительную работу судебного ведомства. Еще в декабре 1918 г. министр юстиции запросил Владивостокский окружной суд о возможности введения суда присяжных. Министра интересовало, сколько в течение года рассматривается дел, связанных с лишением всех прав состояния, сколько совершается тяжелых преступлений. Министр спрашивал и о том, сколько судебных сессий и где надо будет проводить¹²¹.

Введение суда присяжных в округе этого суда было, по мнению местной газеты "Эхо", связано с определенными трудностями. Они заключались в следующем. Многие жители края имели уголовное прошлое, а прошлые и нынешние уголовные преступники могли, по мнению газеты, негативно повлиять на формирование нового суда. Следственная часть на Дальнем Востоке оказалась в руках начинающих. Газета посчитала недостаточным то количество мещан, помещиков, интеллигенции, проживавших в крае, для введения названного суда. Невысокого мнения газета была и о местных учителях. Они, по ее мнению, "стоят низко". Газета высказала беспокойство о том, что среди присяжных могут преобладать чиновники. Во Владивостоке на 33 тыс. избирателей было, по подсчетам автора статьи, не менее 10 тыс. чиновников¹²². Мнение авторитетной владивостокской

газеты отражает, на наш взгляд, распространенную точку зрения российских либералов. Им свойственно сетовать на то, какой "плохой" или неподготовленный к либеральным реформам народ в России. Действительно, именно с таким народом приходилось и приходится начинать движение к обретению ценностей либерального общества. Другого народа в России не было, нет и еще долго не будет.

Свои проблемы были на территориях, которые населяли коренные жители Сибири. В феврале 1919 г. министерство юстиции обратилось к управляющему Амурской областью с просьбой сообщить количество лиц из аборигенов, знающих русский язык, умеющих читать и писать по-русски и удовлетворяющих прочим условиям ст. 81 Закона от 21 сентября 1917 г. для введения суда присяжных в округе Благовещенского окружного суда¹²³.

Интересно, что вскоре после принятия правительством решения о введении суда присяжных газета "Наш Урал" опубликовала анкету. Ее вопросы касались уголовной подсудности и введения суда присяжных. Как было объявлено после подведения итогов, читатели высказали вполне здравую мысль о том, что "чем суровее предполагаемое наказание - тем должно быть больше гарантий правосудия для подсудимого". Обратили читатели внимание и на необходимость при вынесении приговора учитывать не только нанесенный материальный ущерб¹²⁴.

В марте 1919 г. на местах началась работа по реализации решения правительства. Для этого при Иркутском окружном суде была создана комиссия для скорейшего внедрения в жизнь постановления о суде присяжных. В ее состав вошли председатель, прокурор и два члена Иркутского окружного суда, Иркутский городской голова, председатель губернской земской управы¹²⁵. В марте 1919 г. подобная комиссия была образована и при Читинском окружном суде. На одном из ее заседаний были намечены населенные пункты, где предполагалось проведение судебных сессий: Верхнеудинск, Нерчинск, Петровский завод, Акша, Нерчинский завод, Сретинск, Гиндат-Гродековская станица и Могоча. В том случае, если будет много дел, то сессии было решено проводить еще в Красном Яре и станице Удинской. Начало работы таких судов было намечено на сентябрь 1919 г.¹²⁶

2 марта 1919 г. в управлении Верхнеудинской уездной милиции под председательством члена Читинского окружного суда Смигельского состоялось заседание по обсуждению закона о присяжных заседателях. Рассматривался вопрос и о месте проведения присяжных судебных заседаний. Для этого было решено отдать здание окружного суда¹²⁷.

Очередность мероприятий по введению такого суда была составлена на заседании подобной комиссии в Благовещенске. Было решено в первую очередь открыть заседания суда в самом Благовещенске, затем в Алексеевске и Зее. Участники заседания обратились к управляющему областью с просьбой распорядиться о составлении спискалиц, которые могли быть избраны присяжными заседателями¹²⁸.

Единый подход к составлению списка присяжных заседателей в Сибири отсутствовал. В частности, управляющий Никольск-Уссурийского уезда запросил городскую управу о том, как составляются такие списки. Напротив, управляющий Забайкальской областью сообщил Читинской городской управе порядок составления сведений о лицах, имеющих право быть присяжными заседателями. То же сделал и председатель Читинского окружного суда¹²⁹.

В некоторых городах списки составляли органы местного самоуправления. Так поступили Читинская городская и Красноярская уездная земская управы¹³⁰. В Красноярске такие списки были составлены по взаимному согласию между земством и милицией¹³¹. В Екатеринбурге, Челябинске, Владивостоке и Зее такие списки составляли начальники городской милиции¹³². На территории Забайкальского, Уссурийского и Амурского казачьих войск общие списки составляли соответствующие войсковые организации из лиц, приписанных к данному войску. В полосе отчуждения КВЖД это делало управление дорогами¹³³.

Списки содержали порой сотни фамилий. По состоянию на май 1919 г. в Минусинском уезде могли быть присяжными заседателями 3853 человека, в Челябинске такой список составили 345 человек¹³⁴.

Местные власти большое значение придавали качественному составу присяжных заседателей. Запрашивая в марте 1919 г. у Читинской городской управы списки присяжных заседателей, управляющий Забайкальской областью С. А. Таскин писал о том, что ими могут быть лица, знающие русский язык, умеющие читать и писать. Они должны быть не моложе 25 лет и не менее 2 лет прожить на территории области¹³⁵.

Для того чтобы в состав присяжных заседателей попали лучшие кандидатуры, их списки выставлялись для широкого ознакомления. После заседания 19 марта 1919 г. Новониколаевской городской думы стали известны фамилии избранных ею заседателей: Мякинин, Кмыров и Животинский¹³⁶. После того как в январе 1919 г. Ирбитская земская уездная управа и управляющий уездом составили такой список, он был вывешен на 7 дней для осмотра всеми гражд-

данами. В том случае, если кто-то был занесен неправильно, то предлагалось сообщить об этом председателю Екатеринбургского окружного суда. О том же самом в Екатеринбурге предписывалось сообщить в тот же срок городскому голове. Подобная практика существовала и во Владивостоке¹³⁷.

В Тюмени все, в Кургане почти все (24 из 28), в Ялуторовске в основном все присяжные заседатели были крестьянами. Однако, как писала курганская газета о работе присяжных заседателей в своем городе, все они обнаружили жизненный опыт и практические познания, работали вдумчиво и внимательно¹³⁸.

Образовательный уровень присяжных заседателей был самым разным. В Омском окружном суде такой список включал 929 человек, в том числе с высшим образованием - 62 (6,67%), со средним - 152 (16,36%), с низшим - 615 (66,2%), без образования - 100 (10,76%)¹³⁹. Обращает на себя внимание скромный образовательный уровень кандидатов в присяжные заседатели. Он, в определенной степени, отражал образованность сибиряков. К тому же следует иметь в виду, что речь идет об округе Омского суда - далеко не самом захолустном районе Сибири.

Важным принципом в подборе кандидатур являлась их лояльность омскому правительству. Направляя управляющему Амурской областью список из кандидатов в присяжные от Зеи, начальник городской милиции сделал приписку о том, что они "ни к каким политическим партиям не принадлежат и вполне благонадежны"¹⁴⁰.

Следует указать и на то, что власти в некоторых случаях возлагали на присяжных заседателей более широкие, чем судебные, функции. Показательным в этом отношении было поведение председателя сессии окружного суда в Ялуторовске 17 мая 1919 г. Прощаясь, он высказал заседателям благодарность и призвал их "насаждать" законность в своих селах¹⁴¹.

Несмотря на такой порядок отбора кандидатов в присяжные, одной из проблем, с которой столкнулись власти, была явка таких заседателей на судебные сессии. Трое присяжных не явились по неуважительным причинам на открывшуюся 14 марта 1919 г. сессию Томского окружного суда. Решением суда им был определен штраф в размере 75 руб. каждому. В апреле на сессию Пермского окружного суда из 40 присяжных по списку очередности явилось только 23, поэтому в состав запасных было включено еще два заседателя. Причиной неявки, как считала местная газета, были "условия настоящего момента"¹⁴².

Во многих случаях заседания судов проходили в приспособленных помещениях. В Ялуторовске это была городская управа, в Тюмени - помещение Приказчиьего клуба, в Кургане - Народный дом¹⁴³. Предпринимались попытки устройства специальных зданий. В феврале 1919 г. председатель Благовещенского окружного суда обратился с просьбой к 6-му казачьему кругу Забайкальского казачьего войска обсудить в спешном порядке вопрос о принятии на войсковые средства устройства зданий для суда присяжных. В этой связи председатель суда спрашивал казаков, в каких хуторах и станицах их устроить. По-видимому, казаки не смогли или не захотели принять участие в решении этой проблемы, и уже в апреле 1919 г. председатель Благовещенского окружного суда обратился с той же просьбой к областной земской управе. Причем в этом случае речь шла уже не об устройстве, а хотя бы о приспособлении помещения для заседания суда присяжных¹⁴⁴.

Из-за сложного финансового положения местного самоуправления такие вопросы решались сложно, если они вообще решались. Весной 1919 г. Троицкосавская городская дума известила окружной суд о том, что она не нашла для себя возможным принять расходы по приспособлению помещений для суда присяжных¹⁴⁵.

Газеты считали нужным уведомлять своих читателей о результатах заседаний таких судов. По их информации в Кургане на сессии, состоявшейся с 17 по 22 декабря 1918 г., большинство приговоров были обвинительными¹⁴⁶. В другом случае на закончившейся 18 октября 1919 г. сессии Новониколаевского окружного суда было вынесено много оправдательных приговоров¹⁴⁷. На сессии этого же суда в городе Камень 26 мая 1919 г. слушалось дело о двух жителях села Долганка, которые обвинялись в поджоге хлебно-запасного магазина. Прокурор указал на очевидную опасность пожара для всего села. Защита, в свою очередь, сделала упор на недостаток улик. В итоге присяжные приняли оправдательный вердикт¹⁴⁸.

Еще более впечатляющий пример работы присяжных имел место на выездной сессии Пермского окружного суда в Кунгуре. На ней слушалось дело гражданина Г. А. Боровых по ст. 1489, ч. 2, 1490 и 1492 "Уложения о наказаниях" (статьи, выдающиеся по тяжести обвинения). Санкции по этим статьям предусматривали тюремное заключение от 8 до 10 лет. Подсудимый в 1914 г. в деревне Боровая Крыласовской волости избил родного дядю Е. В. Боровых. Племянник бил своего родственника ногами в живот, грудь и печень. От кровотечения в живот дядя и умер. На суде врач заявил о том,

что смерть могла наступить не от совокупности ударов, а только от одного удара, может быть, даже при падении. После этого товарищ прокурора отказался от первоначального обвинения и предъявил новое по ст. 1484 ч. 2 "Уложения о наказаниях" - "причинение в раздражении увечья или раны, приведшей к смерти".

Защитник — частный поверенный Сабадаш отвергал заявление о тяжести побоев и поддержал мнение врача о возможности смерти от падения при случайном ударе. Следует отметить, что дядя и племянник дрались уже несколько раз. Защитник обратил внимание присяжных на то обстоятельство, что подсудимый вскоре после драки был мобилизован на войну с Германией ив боях искупил свою вину. Адвокат заявил о том, что между родственниками не было ни ссоры, ни вражды, а все произошло "по пьянке", и предложил подсудимого оправдать. После продолжительного совещания присяжные приняли такое решение¹⁴⁹. Не по причине ли оправдательного уклона в работе присяжных на сессии Пермского окружного суда 3-5 июня 1919 г. в Кунгуре из 12 дел 8 было заслушано без участия присяжных¹⁵⁰?

Из-за неполноты данных трудно судить о результативности работы таких судов. Во всяком случае, министерство юстиции предполагало продолжить работу по введению суда присяжных на тех территориях, где его еще не было. В июне 1919 г. судебное ведомство приступило к рассмотрению вопроса о создании такого суда в Кустанайском уезде Тургайской области, а также в округе Троицкого окружного суда. К этой же проблеме обратился, прибыв в сентябре 1919 г. проездом во Владивосток, министр юстиции сенатор Г. Г. Тельберг. В частности, он говорил о возможности введения его на тех территориях, где его ещё нет¹⁵¹.

Общей для всех судов была проблема обеспечения явки на судебное заседание свидетелей и экспертов. Как правило, судебное слушание проходило с участием всех сторон, в том числе и защиты. Об этом заблаговременно оповещались все заинтересованные стороны. 13 мая 1919 г. товарищ председателя Уфимского окружного суда направил в Языковецкую и Мензелийскую волостные земские управы копию обвинительного акта и список лиц, вызываемых на следствие. При этом оговаривалось, что копию необходимо выдать им лично и объяснить, что, согласно ст. 557 "Установления уголовного судопроизводства", они имеют право в 7-дневный срок довести до сведения суда, кого бы еще, кроме перечисленных в списке, они хотели вызвать в свидетели и по каким именно обстоятельствам¹⁵². Однако не все участники судебных процессов были дисциплинированы.

Не всегда полной была явка свидетелей. На сессию окружного суда, работавшую в Семипалатинске с 24 по 29 марта 1919 г., не явилось несколько свидетелей и ряд дел пришлось отложить¹⁵³. Ни один свидетель не явился 29 апреля 1919 г. на заседание сессии Пермского окружного суда, когда разбиралось дело рабочего Бисерского завода М. П. Денисова, заведенное еще в апреле 1914 г. Он обвинялся в грабеже, но присяжные заседатели вынесли оправдательный вердикт. Можно предположить, что на принятие такого решения в определенной степени повлияло отсутствие свидетелей¹⁵⁴.

Судебные органы пытались применять меры административно-го воздействия на тех участников судебного процесса, которые проявляли недисциплинированность. 11 декабря 1918 г. на суд, проходивший в помещении офицерского собрания Кургана, не явилось 3 свидетеля. Решением суда каждый из них был оштрафован на 15 руб. 5 марта 1919 г. Томский окружной суд направил прокурору Томского окружного суда решение о взыскании с жителя Новониколаевска Д. Е. Борабанова 30 руб. штрафа за неявку в суд в качестве свидетеля¹⁵⁵.

Не оставило без внимания эту проблему и правительство. Оно решило повысить материальную компенсацию свидетелям за поездку на заседание суда. С 15 мая 1919 г. свидетели по гражданским делам стали получать компенсацию "за отвлечение" от 3 до 30 руб. в день, а по уголовным - от 7 до 15 руб. и проезд. Одновременно до 1000 руб. увеличивался штраф за неявку на судебное заседание.

Тем же нормативным актом была повышена плата экспертам. С 15 июня 1919 г. они стали получать от 10 до 500 руб. за день работы в суде. До 1000 руб. был увеличен штраф за неявку эксперта в суд¹⁵⁶. Как предположил автор одной из газет, это сделали, наверное, чтобы эксперты участвовали в заседаниях¹⁶⁷.

Как ни странно, но не всегда являлись в суд и истцы. 28 ноября 1919 г. административный отдел Томского губернского управления направил начальнику милиции Томска распоряжение о взыскании с Л. А. Дмитриевской штрафа в размере 50 руб. за неявку в качестве потерпевшей к мировому судье¹⁵⁸. Таким образом, судебные учреждения сталкивались как с объективными, так и с субъективными трудностями.

Весьма критические замечания по поводу судопроизводства на территории, которую контролировали антибольшевистские правительства, были высказаны уже в эмиграции. Гражданские судебные установления возникали со значительным опозданием, много спустя

после занятия той или иной местности - эти учреждения, писал очевидец, привыкшие работать в обстановке мирного времени, "положительно не могли угнаться за лихорадочным темпом жизни в период гражданской войны и были во всяком случае очень далеки от идеала суда скорого". Между тем, продолжал хорошо информированный автор, жизнь настоятельно требовала именно такого "суда, скорого и близкого к населению", так как лишь при таких условиях могло сказаться благотворное значение институтов права"¹⁵⁹.

Это замечание, высказанное по поводу устройства и деятельности судов у П. Н. Врангеля, содержит как верную, так и, по нашему мнению, неверную идеи. С одной стороны, автор прав в отношении отставания судов от "лихорадочного темпа жизни". С другой стороны, речь идет о суде "скором". Остается только догадываться, как, по мнению автора книги, сочетаются понятия "скорого" и "правого" суда.

2.3. Военно-полевые суды

Деятельность военно-полевых судов периода гражданской войны не обойдена вниманием историков. Подавляющее большинство тех, кто писал на эту тему, непременно отмечали три очевидные их характеристики. Первая - суровость приговоров. Например, на территории Уральского казачьего войска за каждую фразу в защиту советской власти приговаривали к большим срокам тюремного заключения¹⁶⁰. Вторая - несоблюдение элементарных процессуальных норм. Вот что писал Лайош Лискаи военно-полевому суду 26 ноября 1918 г.: "Господа! Вы нашли предлог, чтобы приговорить меня к смерти через расстрел, не дожидаясь окончания предварительного расследования... Убийство, — продолжал осужденный, - является вашей специфической социальной функцией, и юридические процедуры совсем не соответствуют вашим желаниям и деяниям"¹⁶¹.

Очевидно, на основании подобных фактов некоторые исследователи пришли к несколько категоричному выводу о том, что такие суды применяли лишь одну меру наказания - расстрел¹⁶². В свою очередь, В. Г. Бортневский предупреждал исследователей о необходимости определенной корреляции. "Нельзя забывать, - писал он, - что основной поток приговоров шел по линии не гражданских, а военных карательно-репрессивных органов и далеко не всегда оформлялся документально"¹⁶³. Здесь было бы уместно задаться вопросом, что значит "далеко не всегда"? В архивах нами найдено большое количество протоколов заседаний таких судов.

В-третьих, до сих пор достаточно распространено мнение о том, что перед военно-полевыми судами представляли только подпольщики и партизаны. Однако это не совсем так. Среди подсудимых были лица, совершившие как уголовные, так и воинские преступления.

Анализ деятельности военно-полевых судов позволяет значительно углубить наши представления об их правовой основе и функционировании. Временное Сибирское правительство 23 августа 1918 г. утвердило положение о военно-полевых судах на фронте и в прифронтной полосе. Российское правительство дополнило его 24 января 1919 г. положением о создании военно-полевых судов на театре военных действий. В остальных местностях были созданы прифронтные суды. Они состояли из трех офицеров и, согласно "Военно-судному уставу", могли выносить даже смертные приговоры. Такие приговоры направлялись на "усмотрение" командующего армией или военного округа. Помилование мог объявить только Верховный правитель¹⁶⁴. Следует обратить внимание на очень важное обстоятельство. Законодатель не оговаривал наличия у членов суда не только юридического образования, но даже какого-либо опыта в области судопроизводства. Это отрицательно сказалось на состоянии законности.

Нормотворчеством активно занимались и высокопоставленные военные. Начальник омского гарнизона генерал-майор Бржезовский 23 декабря 1918 г. подписал приказ о предании военно-полевому суду всех принимавших участие в беспорядках или причастных к ним (имелись в виду участники восстания 22 декабря). Предписывалось действия суда открыть в день подписания приказа и закончить в трехдневный срок¹⁶⁵. Генерал-майор П. П. Иванов-Ринов во Владивостоке 27 марта 1919 г. распорядился: "...активных деятелей большевизма, захваченных нашими отрядами, передавать военно-полевому суду и немедленно после состоявшихся приговоров расстреливать, всё их имущество конфисковывать, дома уничтожать до основания"¹⁶⁶. Обращают на себя внимание категоричность формулировок и очень краткий срок для судебного разбирательства и вынесения приговора.

Весьма красноречивые инструкции получил от штаб-офицера для поручений при штабе начальника омского гарнизона подполковника Соколова делопроизводитель военно-полевого суда поручик Ведерников: "Вам будут приводить арестованных, а Вы их будете судить". Когда Ведерников возразил, что нельзя судить без приказа о предании суду, то Соколов уже строго повторил: "Вам сказано, что

Вам будут приводить арестованных"¹⁶⁷. Ценное признание сделал председатель военно-полевого суда, действовавшего на территории семеновского Забайкалья, Покровский. Он прямо заявил, что руководимый им суд применяет смертную казнь к активным деятелям советской власти не на основе законов, а на основе соображений "целесообразности"¹⁸⁸. 14 июля 1919 г. начальник контрразведки и военного контроля обратился с рапортом ко второму генерал-квартирмейстеру при штабе Верховного Главнокомандующего. Контрразведчик нашел необходимым "для пользы дела" применить к арестованным наказание по приговору военно-полевого суда, ибо такая мера может вырвать с корнем противогосударственный элемент и идти навстречу к возрождению Родины"¹⁶⁹. Таким образом, не только большевики эксплуатировали довод о целесообразности. Руководитель контрразведки выразил довольно распространенное для периода гражданской войны мнение о целесообразности смертной казни.

Были случаи, когда нормотворчеством в этом вопросе занимались даже органы местного самоуправления. 29 апреля 1919 г. съезд 15 станиц Оренбургского казачьего войска создал свой военно-полевой суд, члены которого в своих решениях должны были "руководствоваться своею совестью" и выносить только два решения: смерть или оправдание. В любом случае никакого утверждения приговора кем-либо не требовалось¹⁷⁰. Нам пока не удалось найти реакции суда и чинов прокурорского надзора на это решение, выходящее далеко за рамки прерогатив местного самоуправления.

Власти лишь были озабочены расширением сети военно-полевых судов, тем более что в условиях гражданской войны у них не было недостатка в работе. В этой связи департамент милиции МВД 10 июня 1919 г. сообщил командующему Омским военным округом о том, что в Мариинске не организован военно-полевой суд. В то же время, говорилось в письме, в местной тюрьме долгое время содержится много партизан из отрядов Лубкова и Щетинкина¹⁷¹. В этом запросе из Омска усматривается стремление властей наказать участников антиправительственных выступлений.

Трудно возразить выводу исследователей о том, что главной и самой распространенной мерой наказания, к которой прибегали военно-полевые суды, была смертная казнь. Некоторое представление о числе смертных приговоров, вынесенных военно-полевыми судами, дают прошения осужденных о помиловании на имя Верховного правителя. Только в одной архивной описи их оказалось 3059¹⁷². Показательной в этом отношении была работа военно-полевого суда

после подавления восстания в Омске 22 ноября 1918 г. Это было первое крупное антиправительственное выступление после прихода к власти А. В. Колчака. Тогда, по официальным данным, 247 человек было убито на улицах, еще 117 расстреляно по приговору суда немедленно и 13 человек были приговорены к длительным срокам каторжных работ и тюремного заключения. По неофициальным данным, жертв было гораздо больше - около 1000 человек¹⁷³. Обращает на себя внимание не только большая разница между официальными и неофициальными данными, но и значительное преобладание числа расстрелянных над осужденными к заключению.

Весьма красноречивым в этом ряду является приговор чрезвычайного военно-полевого суда при эшелоне № 49 чехословацких войск 1-й маршевой роты чехословацкого 8-го Силезского стрелкового полка. Председательствовал в заседании подпоручик Б. Борецкий. На суде присутствовал и представитель русских военных властей прапорщик Красноярского батальона Черненко. Слушалось дело Г. С. Вейнбаума, И. И. Белопольского, Я. Ф. Дубровинского, В. Н. Яковлева и А. Ф. Парадовского. Никакой юридической основы обвинения не было, имелись лишь ссылки на газетные статьи, написанные подсудимыми, античешские по сути. От имени чехословацких войск всем подсудимым был вынесен смертный приговор¹⁷⁴. Таким образом, на территории России российским гражданам иностранным военным судом был вынесен смертный приговор. Здесь только остается догадываться о пределах юрисдикции такого суда и о позиции в этом случае отечественных судебных учреждений и органов надзора за законностью.

Однако, как мы считаем, было бы неверным видеть деятельность военно-полевых судов только в этом ракурсе. Во-первых, были случаи отмены уже вынесенных смертных приговоров. Командующий 3-й армией генерал-лейтенант М. В. Ханжин заменил на каторжные работы смертную казнь через повешение. Такой приговор был вынесен судом в Кургане крестьянам И. и А. Романовым за вооруженное сопротивление властям. 3 марта 1919 г. военно-полевой суд при штабе Западного фронта приговорил руководителей большевистской подпольной организации на станции Челябинск С. Черемянина, И. Брыткова, М. Слабженникова и Н. Пожидаева к смертной казни, остальных подсудимых к 20 годам каторги каждого. Генерал-лейтенант М. В. Ханжин, теперь уже как командующий Западным фронтом, заменил смертную казнь бессрочной каторгой¹⁷⁵.

по

Во Владивостоке за сопротивление милиционерам при задержании его 5 марта у ворот тюрьмы матрос Н. С. Демидов 21 марта 1919 г. был приговорен к смертной казни, но командующий войсками ограничился 12 годами каторги¹⁷⁶. В Никольск-Уссурийске 23 мая 1919 г. четверо молодых солдат были приговорены к казни за побег из воинской части и вооруженные нападения на крестьян. В итоге один из них получил 8 лет каторги, а трое вообще были помилованы¹⁷⁷.

Следует отметить, что отмена смертной казни могла происходить по драматическому сценарию. По воспоминаниям Е. М. Сотникова, в декабре 1918 г. в Томске ему и его товарищам был вынесен смертный приговор. Осужденных уже вывели для его исполнения на кладбище, где и было оглашено решение о замене смертной казни 20 годами каторги¹⁷⁸.

Во-вторых, после вынесения приговора о смертной казни были случаи помилования и даже оправдания. 14 мая 1919 г. был помилован Журавский, покушавшийся на Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата¹⁷⁹. В декабре 1919 г. в Чите атаман Забайкальского казачьего войска Г. М. Семенов лично явился в прифронтовой военно-полевой суд, приговоривший 72 красноармейцев к казни, и объявил всем им помилование. Благодарные красноармейцы прокричали "Да здравствует атаман Семенов!"¹⁸⁰. Примечательно, что сам Г. М. Семенов не посчитал необходимым вспомнить об этом эпизоде¹⁸¹.

В некоторых случаях освобождение происходило из-за недоказанности обвинения. 22 февраля 1919 г. военно-полевой суд Ново-николаевского гарнизона рассмотрел соучастие девяти человек по делу И. М. Амстердамского. Суд нашел недоказанным соучастие 8 человек и только одного осудил за незаконное хранение оружия¹⁸². 20 августа 1919 г. в Омске по докладу начальника Акмолинского областного управления государственной охраны слушалось дело Ф. В. Шевченкова, обвиненного в укрывательстве на своей квартире видного преступника Дурновцева. Во время его ареста агентом уголовно-розыскного отделения Загорским Ф. В. Шевченко схватил милиционера за горло и повалил на кровать, чем дал возможность Дурновцеву скрыться. Суд посчитал обвинение недоказанным и вынес вместо просимого смертного оправдательный приговор¹⁸³. По причине недоказанности был вынесен оправдательный приговор на заседании военно-полевого суда в Никольск-Уссурийске. Тогда слушалось дело Токарева, Громадного и Козленкова, обвиненных в большевистской агитации¹⁸⁴.

По нашим подсчетам, только военно-полевой суд Минусинска, по положению на 12 февраля 1919 г., вынес 195 приговоров, в том числе 87 смертных, 6 - на бессрочную каторгу, 44 - на 20-летнюю каторгу, а 58 приговоров были оправдательными. 7 марта 1919 г. в Туринске произошло восстание мобилизованных в армию, в котором участвовало около 400 человек. При подавлении этого выступления было арестовано 54 человека. Из них 35 были освобождены до суда, а 19 человек 14 марта предстали перед военно-полевым судом. 7 подсудимым был вынесен смертный приговор, 1 получил тюремное заключение, а 11 были оправданы. Ровно через два месяца - 7 мая 1919 г. в Чите военно-полевой суд оправдал и освободил в зале суда большевика С. С. Сетьнова¹⁸⁵.

Несколько иная, но, по сути, примерно такая же тенденция, прослеживается по итогам состоявшегося 12-15 мая 1919 г. в Уфе военно-полевого суда над 66 членами большевистского подполья. Приговор о повешении или расстреле был вынесен в отношении 38 из них, 19 были приговорены к каторге, 9 были оправданы. В Томске, по воспоминаниям А. И. Кушеля, 17 июля 1919 г. военно-полевой суд приговорил 7 большевиков к расстрелу, 6 - к каторжным работам, дела 2 передал в окружной суд, а 2 были освобождены. В июле военно-полевой суд оправдал в Иркутске комиссара советской польской роты Рыдзянского. На станции Макушино 19 августа 1919 г. проходил подобный суд над партизанами Саламатовской волости Курганского уезда. Приговор был таким: 7 было приговорено к расстрелу, 8 получили разные сроки заключения, а 5 были оправданы¹⁸⁶.

Таким образом, та "запрограммированность" военно-полевых судов на смертную казнь, о которой писали многие авторы, не всегда нами прослеживалась. Были случаи, когда вынесение такого приговора не означало немедленное его исполнение. В ночь на 19 октября 1918 г. произошел бунт в Тобольской каторжной тюрьме. При его подавлении погибло 57 заключенных, а 35 были преданы военно-полевому суду. На процесс было вызвано несколько десятков свидетелей. Происшедшее, по постановлению Административного совета Временного Сибирского правительства от 14 сентября 1918 г., квалифицировалось как "вооруженное восстание, вооруженное нападение на места заключения, умышленное убийство должностных лиц". При всей строгости названных формулировок к смертной казни был приговорен только Янкович, несколько человек были осуждены на новый срок, большинство - оправданы. О смягчении приговора Янковичу ходатайствовали начальник гарнизона полковник Ефимов,

член Учредительного собрания от 3-го (Тобольского) избирательно-го округа А. С. Суханов, Центральное бюро профсоюзов. В результате председатель правительства П. В. Вологодский приостановил исполнение приговора и распорядился передать дело министру юстиции¹⁸⁷.

Однако не всегда подобные ходатайства принимались во внимание. В марте 1919 г. о готовящемся в Томске расстреле подпольщиков узнал почетный гражданин Сибири Г. Н. Потанин. В своей телеграмме Верховному правителю А. В. Колчаку он сообщал: "Человеколюбие диктует мне обратиться [к] Вам [с] просьбой [о] даровании жизни девятнадцати осужденным [к] см[ертной] казни военным судом [.] восемнадцатое марта [.] Томск". Обращение видного сибирского общественного деятеля было доложено адресату, но приговор был оставлен "без последствий" и в ночь на 27 марта был приведен в исполнение¹⁸⁸.

Вместе с тем были случаи, когда уполномоченные на то должностные лица ужесточали приговор военно-полевого суда. Так было 13 августа 1919 г., когда прифронтовой военно-полевой суд в Иркутске приговорил М. И. Иванова за расстрел при советской власти офицеров к бессрочной каторге. Командующий войсками Иркутского военного округа направил Верховному правителю ходатайство о смертной казни, которое было удовлетворено¹⁸⁹. Здесь, может быть, сыграло свою роль различие между профессиональным военным А. В. Колчаком и юристом П. В. Вологодским, а может, дело было в их человеческих качествах.

В работах историков обойден вниманием тот факт, что практиковались открытые заседания военно-полевых судов. В газете было опубликовано объявление о том, что 4 января 1919 г. в 12 часов в малом зале здания Благовещенского окружного суда состоится военно-полевой суд над крестьянином Нагорным. Ему было предъявлено обвинение в разбойном нападении. 26 мая 1919 г. был переполнен, хотя вход был по билетам, зал военно-полевого суда Иркутска. В тот день слушалось дело крупных коммерсантов Фельдмана, Бента, Перцеля и, как укрывателя, полковника Солнцева¹⁹⁰.

Заслуживает внимания заседание прифронтового военно-полевого суда 4 августа 1919 г. в здании Омского гарнизонного собрания по делу "Сибирского областного ЦК РКП (б)". Заседание суда было открытым, и о нем писали газеты. В суд доставили 14 из 17 подсудимых, так как Гарвалик умер во время следствия в тюрьме, а Петренко и Рыжков были серьезно больны. Председателем суда был

полковник Бобров, членами суда - поручик Левшаков и подпоручик Синявский, делопроизводителем - штабс-капитан Ведерников. Защиту представляли присяжные поверенные Азмидов-Пахомов, Мацков и Петропавловский. Товарищи прокурора на суде отсутствовали. Суд был приведен к присяге. Большинство подсудимых имели маленькие букеты живых цветов, преимущественно красного цвета. Корреспондент отметил, что подсудимые держались крайне самоуверенно и спокойно. Отвода судьям они не заявили (оказывается, это было возможно). Своей принадлежности к РКП (б) не признали. На заседании состоялся опрос свидетелей и оглашение показаний тех из них, которые отсутствовали¹⁹¹.

В некоторых случаях перед военно-полевыми судами представляли и высокопоставленные должностные лица. В Омске 30-31 августа и 1-2 сентября 1919 г. проходил суд над бывшим начальником военных сообщений при Верховном Главнокомандующем Генерального штаба генерал-майоре В. Н. Касаткине. Как выяснилось на суде, он знал о крупных злоупотреблениях своего подчиненного поручика Рудницкого, но не принял соответствующих мер. Приговор суда гласил: «...лишить некоторых особых прав и преимуществ лично и по состоянию ему присвоенных или службой приобретенных, заключить в крепость сроком на 16 месяцев и исключить с военной службы». Верховный правитель ввиду безупречной предшествующей службы генерала заменил приговор 6 месяцами заключения в крепости без исключения со службы¹⁹².

По нашим данным, был единственный случай, когда перед военно-полевым судом предстали лица, действительно совершившие деяние, подпадающее под квалификацию "государственное преступление". Речь идет об аресте в ночь на 18 ноября 1918 г. в Омске председателя Всероссийского правительства Н. Д. Авксентьева, его заместителя А. А. Аргунова, члена правительства В. М. Зензинова, товарища министра внутренних дел заведующего милицией Е. Ф. Роговского. Это деяние на суде было квалифицировано как "посягательство на Верховную власть с целью лишить возможности осуществлять таковую"¹⁹³.

Перед судом предстали командир Сибирской казачьей дивизии полковник В. И. Волков, командир 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка войсковой старшина А. В. Катанаев и командир партизанского отряда войсковой старшина И. Н. Красильников. Председателем суда был генерал-майор А. Ф. Матковский. Защиту представляли присяжный поверенный В. А. Жардецкий

и полковник Киселёв. Судебные заседания начались 21 ноября 1918 г., а уже 23 ноября подсудимые были оправданы. Суд признал, что они "действовали по побуждению любви к Родине". Более того, еще 19 ноября, т. е. до начала суда, все они Верховным правителем были произведены в следующие чины¹⁹⁴. Следовательно, в один и тот же день А. В. Колчак дал согласие на привлечение названных офицеров к суду и произвел их в следующие чины.

У очевидцев этот суд вызвал недоумение. В частности, В. Н. Пепеляев записал в своем дневнике о том, что "вообще с судом пере-мудрили, лучше было бы, если его не было совсем". Простой инсценировкой, о которой он не был своевременно поставлен в известность, назвал этот суд атаман Г. М. Семенов¹⁹⁵.

Историки С. Лившиц и Е. Белоголовский не без оснований называли тот суд комедией. Д. Смиль справедливо заметил, что такой поворот событий поколебал тех, кто верил в демократический и преданный закону фасад колчаковского правительства¹⁹⁶. Таким образом, судебное преследование государственного преступления самой властью было превращено в фарс.

Отношение общественности к деятельности военно-полевых судов было неоднозначным. Один автор считал, что "если спасение государства и очищение его от заразы анархизма возможно только при помощи чрезвычайных судов, то общество обязано без всякого лицемерия сказать "пусть они будут". Если "грамотные юристы" знают другое средство спасения родины, пусть они громко заявят и помогут правительству в его тяжелой работе"¹⁹⁷.

Следует отметить, что даже в условиях военной диктатуры раздавались голоса об ограничении компетенции военно-полевых судов. Красноярская городская дума на своем закрытом заседании 5 декабря 1919 г. поддержала резолюцию, внесенную гласными прокурором Красноярского окружного суда Д. Е. Лаппо, В. А. Смирновым, Вс. А. Смирновым и Л. П. Смирновым. Они предложили сократить применение военно-полевых и прифронтовых судов вне района непосредственных военных действий¹⁹⁸. В другом случае одна из владивостокских газет весьма критически писала: "Было бы ошибкой, если бы военная власть взяла на себя и расследование степени вины привлекаемых ею к ответственности и наказание их. У военной власти, — считал автор статьи, — нет ни авторитетного и пользующегося общественным уважением следственного аппарата, ни нужного персонала специалистов, ни судебного органа, достаточно просвещенного в сложной области юридических отношений, выте-

кающих из условий гражданской жизни. Было бы правильно, если бы дело расследования и суда она передала бы нормальному суду"¹⁹⁹. Однако военная юстиция продолжала функционировать.

Спустя два года довольно квалифицированный автор так оценил деятельность военно-полевых судов. "Призвать к жизни такие суды в виде постоянно действующего аппарата судебной власти было громадной ошибкой, так как это знаменовало собой полный отказ от планомерной борьбы с преступностью и крушением основных начал законности и правопорядка. Грубые и, к сожалению, часто непоправимые ошибки, допускаявшиеся этими импровизированными судами, лишёнными всякого юридического элемента, в связи с отсутствием в них каких-либо гарантий правильного и беспристрастного рассмотрения дел, снижали им дурную славу и окончательно подорвали престиж суда"²⁰⁰. Эта характеристика была дана военно-полевым судам в армии генерала П. Н. Врангеля, но есть достаточные основания распространить ее и на "колчакию".

Современные исследователи А. Я. Малыгин и А. Н. Никитин считают, что в судопроизводстве на территории, контролируемой белыми, проявлялась классовая ненависть и нетерпимость²⁰¹. Эта оценка, как мы считаем, применима именно к военно-полевым судам, хотя авторы этого не оговаривают.

Неожиданное отношение к данной проблеме высказала В. Д. Зими́на. Она полагает, что белыми крайне противоречиво решался судебный вопрос. Они создавали гражданское общество учреждением военно-полевых судов²⁰². В этой связи можно высказать два соображения. Во-первых, надо учитывать реалии гражданской войны. Во-вторых, российской действительности всегда было присуще разительное отличие между словом и делом.

2.4. Внесудебные расправы

До сих пор вниманием исследователей обойден такой характерный феномен времен гражданской войны, как самосуд. Исключение составляет лишь краткое замечание Д. А. Волкогорова. Он считает, что у белых, в отличие от красных, "инициатива, в основном, принадлежала низовой массе как реакция на большевистские бесчинства"²⁰³. На наш взгляд, это слишком узкая трактовка причин и действующих лиц самосуда. Напоминает софизм высказывание Ю. А. Полякова о том, что "народ прав в своем гневе. Но не всегда справедлив"²⁰⁴. В этой связи интересно и довольно перспективно замечание А. С. Кручинина: "...важно не высматривать случаи само-

судов или преступлений, с какой бы стороны они не совершались, а смотреть на отношение к ним руководителей воюющих сторон и на те взгляды, которые при этом руководители пытались привить своим подчинённым²⁰⁵.

Одну из причин самосудов можно найти у Н. М. Ядринцева. Он пришел к выводу, что сибирское крестьянство постоянно использовало насилие для защиты своих интересов внутри и вне общины. С его помощью сельский мир боролся с конокрадами, бродягами, ворами, хулиганами²⁰⁶.

Не прибавили правосознания события 1917 г. Мировой судья 3-го участка Акмолинского уезда 28 мая 1919 г. сообщал по этому поводу председателю Омского окружного суда: «...революция развеяла последние зачатки правосознания, имевшиеся в массах. Народ был предоставлен самому себе... и он пошёл по пути безначалия, бесправия и самосудов, наиболее понятному для его правосознания»²⁰⁷.

Одна из причин заключалась в неспособности властей дать населению закон, порядок и улучшение условий его жизни. Управляющий Иманским уездом Приморской области полковник Н. А. Андрушкевич так писал об этом впоследствии: "...деревня жестоко страдала от отсутствия суда, правосознание затемнялось"²⁰⁸.

Как обоснованно отмечала одна из газет, у населения было утрачено представление о праве, законе и человечности. Отсутствие судебных установлений, писала другая газета, печально отражается на состоянии законности. Все вопросы теперь решаются на сходах. За самые "маловажные" проступки чинится самосуд в виде кулачной расправы, порки розгами и пр.²⁰⁹ Прокурор Омского окружного суда в своем письме председателю Омского окружного суда от 28 ноября 1918 г. и прокурору Троицкого окружного суда от 23 ноября связал непрекращающиеся случаи самосуда с "вялостью судебного аппарата и отсутствием воздействия на виновных со стороны законной судебной власти". Прокурор обратил внимание и на то, что некоторые судьи выполняют свои обязанности "недостаточно ревностно". Он попросил мировых судей и судебных следователей представить ему обзор случаев самосуда и вынес обсуждение этой проблемы на общее собрание окружного суда²¹⁰.

У палаческих наклонностей населения не было надежного "сдерживателя" ни в лице прокурорского надзора, ни в лице омских властей или местного самоуправления. Здесь омская администрация, по мнению лидера земской оппозиции правого эсера Е. Е. Колосова, повторила ошибку царской бюрократии. Народу, земщине была представлена сила мнения, а правительство приняло на себя силу власти²¹¹.

Обладавшие в это время значительным влиянием, военные также оказались не в состоянии решить эту проблему. Генералы, упрекал их В. М. Чернов, так ничего и не поняли в сути гражданской войны, хотя бы потому, что при царизме военные не имели права участвовать в политике²¹². Чаще всего их вмешательство во внутренние дела сводилось к карательным экспедициям с их невероятной жестокостью. Поэтому для многих современников и исследователей колчаковский режим стал синонимом "военщины" и "атаманщины", а имена Б. В. Анненкова, И. М. Гамова, И. П. Калмыкова, С. Н. Розанова, Г. М. Семёнова, Р. Ф. Унгерна фон Штернберга и других надолго останутся в памяти сибиряков как синонимы палачества.

На появление самосудов, безусловно, повлиял сам характер гражданской войны. Как по этому поводу писал П. А. Сорокин, "всякая длительная и жестокая война и всякая кровавая революция деградирует людей в морально-правовом отношении"²¹³. Это было характерно для всех фронтов гражданской войны. "Ожесточение, — писал один из ее очевидцев на юге России, — было крайнее и с той и с другой стороны и несомненно приводило к различным эксцессам и самосудам"²¹⁴. Для многих, если не для всех участников гражданской войны, это был некий "праздник плоти", верховенства самых низменных инстинктов²¹⁵. Непременным условием совершения самосуда было коллективное действие его участников. Толпа в своем отношении к общественным врагам, справедливо заметил еще В. С. Соловьев, руководствуется старыми безжалостными максимами: "Собаке собачья смерть", "Поделом вору и мука", "Чтоб другим неповадно было"²¹⁶. На наш взгляд, лица, творившие самосуд, полагали, что чем "коллективнее" вина, тем меньше ответственность каждого. Это развязывало руки участникам самосудов.

Наконец, пусковым механизмом самосудов было алкогольное опьянение его участников. Одна из газет отметила не только то, что в Амурской области было много случаев самосудов, т. к. суд еще не работает, но и то, что здесь прав тот, кто выставит больше спирта²¹⁷. Очевидно, это было характерно и для других областей. Вышеназванные причины способствовали тому, что "добродушный обыватель" стал в годы гражданской войны, по словам П. А. Сорокина, "жестким зверем"²¹⁸.

Отдельного упоминания заслуживают люди, ставшие объектом самосудов. В конце 1918 г. большой общественный резонанс вызвал офицерский самосуд в Омске над группой политических заключённых. Тогда погибло несколько членов Всероссийского учредитель-

ного собрания. Омская "Заря" сравнила это преступление с убийством в Петрограде в ночь на 7 января 1918 г. А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошина²¹⁹.

В ряде случаев самосуд вершился над людьми, которые были или могли быть большевиками или сочувствовать им. В марте 1919 г. крестьяне деревни Красногорьевка Переяславской волости Канского уезда Енисейской губернии по постановлению схода (!) убили крестьянина Н. Лавринова. Он до этого тяжело ранил К. Савченко и его сына Николая за то, что они указали правительственному отряду на семью Лавриновых как на укрывателей награбленного партизанами²²⁰. Еще дальше пошел совет Джаркульского сельского общества Шеминовской волости Кустанайского уезда Тургайской области. На своем заседании 11 мая 1919 г. он решил сплотиться для поимки большевиков. Если потребуется, постановили собравшиеся, самим расправиться с этими негодяями²²¹.

Частыми были бессудные расправы над виновными или заподозренными в воровстве. Управляющий Киренским уездом Енисейской губернии сообщил начальству о том, что 26 августа 1919 г. по приговору Новосёловского сельского общества Казачинской волости был убит Никита Исаев, обвиненный в краже²²².

Нами отмечены случаи, когда самосуд сопровождался глумлением. В поселке Новоалексеевском Новониколаевского уезда крестьянин Пинчук был уличен в том, что переливал чужое масло в свою посуду. За это по решению схода его избивали, водили по улицам под стук в ведра, тазы и т. д. Кроме этого Пинчук должен был плясать. В конце концов у него отняли 800 руб. и под ту же "музыку" проводили до дома²²³. В Томском уезде был "обычай" под крики "ура" заживо закапывать виновных. Одному из них — полузакопанному Жаркову даже дали покурить²²⁴.

Весьма характерный пример самосуда как выплескивания горя и ненависти имел место в приамурской деревне Семиозерке. Здесь у крестьянина Ермакова сгорели надворные постройки. Он почему-то заподозрил в этом временно проживающую в деревне одинокую женщину Елтышеву. Ермаков ударил ее колом по голове и толкнул в огонь. Односельчане, собравшиеся на пожар, сопровождали убийство словами: "Так ей и надо"²²⁵. Автор одной из сибирских газет по этому поводу довольно точно заметил: "Чувство долга, гражданственности в деревне почти что совсем не знают, а вместо этого — на первый план выдвигаются личные интересы, шкурный вопрос". Автор другой статьи заметил, что при Романовых не было такого самоуправства и озорства²²⁶.

Во всех этих и других случаях самосуд происходил по "горячим" следам. Особенный случай самосуда произошел в июле 1919 г. во Владивостоке. Здесь в трамвае карманник вытащил у крупного рыбопромышленника Катаева 6 тыс. руб. Потерпевший погнался за вором, но догнать не смог. Катаев прокричал ему вслед угрозу убить. Через несколько дней рыбопромышленник встретил злоумышленника в обществе женщины в зале 1-го класса железнодорожного вокзала. Карманник пытался вновь спастись бегством. Катаев гнался за ним до безлюдного места, где и ранил вора из пистолета. Ранения, во избежание ответственности, были специально нанесены в руку и ногу²²⁷.

Самосуды заслуженно привлекали внимание общественности. Публиковалось большое количество статей, в которых прямо или косвенно обличалось это явление²²⁸. Информация об одном из актов беззакония была опубликована под осуждающим заголовком "Звери, но не люди". Автор другой статьи - "Самосуды" прямо призывал правительство выступить против озверения селян²²⁹.

Отношение властей к самосудам не было однозначным. Можно назвать случаи, когда власти им потворствовали. В частности, командующий Западной армией генерал-лейтенант М. В. Ханжин 6 апреля 1919 г. приказал всем гражданам сел, деревень и станиц немедленно арестовывать (!) и доставлять военным властям всех бунтарей, большевиков и агитаторов²³⁰. В этом случае будет уместно указать на то, как широко в те годы трактовались эти характеристики. Об этом писали И. Г. Акулинин, У. Грэвс, Х. Кенэ и другие²³¹.

Определенная часть сибирской общественности разделяла и даже оправдывала жестокость властей'. Некоторые авторы считали, что самосуды властями всячески поощрялись²³², а другие, на наш взгляд, не совсем обоснованно, называли их кулацкими²³³.

Было бы справедливо указать на попытки пресечь самосуд или наказать его участников. Так поступили в Томской губернии. Здесь было арестовано 12 человек, участвовавших в убийстве в деревне Затково Куропатинской волости преступника А. Воилина²³⁴. Было начато дознание по факту убийства М. М. Блузова. Он 11 апреля 1919 г. был забит до смерти поленьями при полном сходе жителей села Чичиринского Семёновского уезда Семипалатинской области. От полученных повреждений он 6 июня умер²³⁵. Однако не всегда вмешательство властей было успешным. Управляющий Акмолинской области 2 июля 1919 г. сообщил в департамент милиции об инциденте, имевшем место в станице Изылбашевской. Здесь 20 июня

1919 г. 30-летний пьяный казак Г. И. Путинцев зарезал шашкой Д. Ланышина. Станичный атаман посадил Г. И. Путинцева под замок и поставил двух казаков для стражи. Однако толпа в 40 человек взломала замок и убила виновного²³⁶.

Были случаи, когда расправе подвергались чиновники и их имущество. Беднотой села Курагино 26 июля 1919 г. были разгромлены дома лесничего Александрова, почтово-телеграфного чиновника Утробина и врача Сорокина³³⁷. В мае 1919 г. в Омске был убит толпой брендмейстер за "неправильное" тушение пожара. В селе Ивленском Петропавловского уезда Акмолинской области 9 апреля 1919 г. на волостном сходе толпой был убит помощник начальника 2-го участка милиции Стрипко и тяжело ранены два милиционера. Они пострадали за то, что не выдали на самосуд лиц, подозреваемых в конокрадстве²³⁸. В августе 1919 г. только вмешательство милиционеров спасло от избиения на барнаульском базаре беженца-латыша²³⁹. В этой связи сетование одной из омских газет на то, что самосуды в деревнях продолжают, а милиция не чинит этому препятствий²⁴⁰, не всегда оправдано.

Однако сибирским властям так и не удалось обуздать волну самосудов в регионе. Это обстоятельство, по мнению многих историков, стало одной из причин поражения колчаковского режима.

Анализ такого явления, как самосуды, позволяет усомниться в одной из причин поражения белых. По мнению Ф. Мооре, большевики победили потому, что они использовали "невежество, доверчивость, глупость и жестокость, якобы присущие сибирскому крестьянству"²⁴¹. Белые, как мы убедились, тоже не избегали случаев поэксплуатировать эти качества.

* * *

В деле отправления правосудия на территории "колчакии" можно выделить два аспекта. Первый касался преемственности. Судебные учреждения унаследовали структуру дореволюционной России и кадры того времени, был даже сохранен институт кандидатов на судебные должности. Практически без изменений осталась нормативная база. Редкое исключение составили те правовые акты, которые были приняты временными правительствами в 1917 г. и Временным Сибирским правительством в 1918 г.

Второй аспект подразумевает те проблемы, которые породила гражданская война. Здесь речь идет о нехватке судей, усилении преступности. В итоге увеличивалось количество дел, которые расследо-

вал каждый судья. Вследствие этого судебные чиновники были перегружены работой, а отправление правосудия замедлялось. Недостаточное количество судей частично покрывалось за счет эвакуации судов сначала из Поволжья, а затем и с Урала.

В деятельности судебных учреждений представляется возможным выделить три тенденции. Первая из них была связана со стремлением приблизить отправление правосудия к населению. В этом случае возобновляли свою работу мировые судьи, продолжилась практика проведения выездных судов. Сессии проходили и в тех населенных пунктах, где годами не видели служителей правосудия. Даже в условиях гражданской войны власти считали возможным начать создание национальных судов, в первую очередь киргизского и бурятского. Для этого была принята соответствующая нормативная база и созданы суды первой инстанции.

Вторая тенденция касалась демократизации судопроизводства. Она нашла выражение в создании судов с участием присяжных заседателей. Даже в условиях войны на Сибирь была распространена дореволюционная общероссийская практика таких судебных заседаний. Властям пришлось немало поработать, чтобы подобрать корпус присяжных заседателей и организовать их работу в столь специфическом регионе. Нельзя не обратить внимания на состав присяжных. Он отличался не только невысоким, по российским меркам, образовательным уровнем, но и очень различался по этому показателю в разных районах Сибири. Падение омского режима не дало возможности увидеть результаты этого нововведения.

Третья тенденция была обусловлена продолжающейся войной. Для ускорения судопроизводства создавались военно-полевые суды. Соответствующие нормативные акты регламентировали их компетенцию и состав. Отличительными чертами этих судов были упрощенная процедура, расширительное толкование объектов их подсудности, непрофессиональный состав. Вместе с тем следует отметить, что анализ деятельности этих судов позволяет усомниться в тех традиционных оценках, которые даны им в отечественной историографии.

Среди подсудимых таких судов были не только лица, обвиненные в антиправительственных деяниях, но и совершившие воинские и уголовные преступления. Существовала малоизвестная практика проведения открытых заседаний военно-полевых судов. Далеко не всегда ими выносились смертные приговоры, некоторые из них заменялись на длительные сроки тюремного заключения или каторгу. Имели место случаи освобождения из-под стражи прямо в зале суда.

Даже в условиях военной диктатуры в прессе раздавались голоса об ограничении компетенции военно-полевых судов.

На наш взгляд, деятельность военно-полевых судов еще нуждается в специальном исследовании. Однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что в отечественной историографии они показаны с политически ангажированной точки зрения.

Целый комплекс причин вызвал к жизни самосуды. Рассуждая об их уроках, можно указать следующие. Как писал еще в 1907 г. Н. А. Бердяев, "отвратителен путь политических страстей, политического властолюбия, политического озверения. Берегитесь, — предупреждал философ, — будить зверя политики"²⁴². Условия гражданской войны оказались благоприятной почвой для осуществления самосудов. Отсутствие надлежащего судопроизводства вызвало к жизни желание населения самому взять на себя функции сыщика, следователя, обвинителя, судьи и исполнителя приговора.

Самосуды отрицательно повлияли на общественную психологию и сознание не только участников, но и свидетелей и современников. Последствия психологии гражданской войны Е. С. Сиянская назвала "особенно страшными". Поиск врага извне перемещается внутрь страны, понятия "свой - чужой" теряют прежнюю определенность, и тогда "врагом" может оказаться каждый, причём критерий "чужеродности" постоянно меняется и расширяется. Всеобщая подозрительность и страх, на многие десятилетия закрепившиеся в советском обществе, по ее мнению, прямое следствие этого процесса²⁴³. Действительно, многие жестокие акции, связанные с раскулачиванием, репрессиями 30-х гг., находят свое объяснение в идеологии и психологии гражданской войны.

Наконец, феномен самосудов показал, к чему может привести неумение или нежелание властей установить правопорядок.

Примечания

¹ Слово. 1918. 11 дек.; Амурская жизнь. 1919. 11 февр.

² Эхо. 1919. 10 апр.; Народная свобода. 1919. 23 мая. Приложение.

³ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. М., 1923. С. 122.

* ЦДНИЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 231. Л. 4; Цит. по кн.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале. 1918-1919 гг. Челябинск, 1958. С. 86.

⁵ Вестник Томской губернии. 1919. 28 февр.

⁶ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 87. Л. 90.

⁷ Капцугович И. С. Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969. С. 84; Наумов М. В. Омские большевики в авангарде борьбы против белогвардейцев и интервентов (июнь 1918 - 1919 гг.). Омск, 1960. С. 61; Светачев М. И. Белогвардейцы, интервенты и их программа создания "новой" России (1918—1920 гг.) // Актуальные проблемы современной цивилизации: Уч. пособие. Хабаровск, 1996. С. 100.

- ⁸ Заря. 1919. 18 февр.
- ⁹ Русская речь. 1919. 17 янв.; *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1. Харбин-Пекин, 1921. С. 290.
- ¹⁰ *Макринский С.* Мобилизация юристов // Сибирская жизнь. 1919. 26 июля.
- ¹¹ ГАТО. Ф. 11. Оп. 1 Д. 675. Л. 5; Уральская жизнь. 1919. 17 апр.; *Сумеркина А.* Венок на могилу // Сибирская жизнь. 1919. 10 апр.
- ¹² Современная Пермь. 1919. 22 мая; Речь Алтая. 1919. 23 авг.; Свободная Сибирь. 1919. 30 июля.
- ¹⁸ Цит. по кн.: *Субботовский И.* Союзники, русские реакционеры и интервенция: Кр. обзор исключительно по официальным архивным документам. М., 1926. С.217.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 17. Л. 57; ГАЧО. Ф. П.596. Оп. 1. Д. 315. Л. 101.
- ¹⁵ Дальний Восток. 1919. 8 окт.
- ¹⁶ Сибирская жизнь. 1919. 16 сент.
- ¹⁷ *К-инь.* Бегство судей // Сибирская речь. 1919. 29 окт.; Голос Приморья. 1919. 1 авг.
- ¹⁸ Свободная Сибирь. 1919. 4 июля, 27 июля.
- ¹⁹ Правительственный вестник. 1919. 11 июня.
- ²⁰ Кунгурский вестник. 1919. 25 июня.
- ²¹ Составлено по: ГАКК. Ф. 124. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.
- ²² Дальний Восток. 1919. 8 окт.
- ²³ Сибирская жизнь. 1919. 26 июля.
- ²⁴ Амурский лиман. 1919. 5 янв.
- ²⁵ Курганская свободная мысль. 1919. 24 янв.
- ²⁶ Амурская жизнь. 1919. 21 янв.
- ²⁷ Алтайская мысль. 1919. 16 сент.; Сибирская речь. 1919. 13 дек.
- ²⁸ Правительственный вестник. 1919. 6 марта; Сибирская жизнь. 1919. 25 апр.
- ²⁹ Амурская жизнь. 1919. 23 июля; Голос Приморья. 1918. 21 нояб.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 10. Л. 21-22, 70; Далёкая окраина. 1918. 15 дек.
- ⁸¹ Голос Приморья. 1918. 22 нояб.; Амурская жизнь. 1918. 14 дек.
- ³² Русский восток. 1919. 15 марта.
- ³⁸ ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.
- ³⁴ Шадринская народная газета. 1919[^] 14 янв.
- ³⁵ *Богданович.* О суде // Русская речь. 1919. 3 апр.
- ³⁶ Далёкая окраина. 1919. 15 дек.
- ³⁷ Сибирский вестник. 1918. 3 нояб.; Сибирский листок. 1919. 16 янв.; Сибирская жизнь. 1919. 25 апр.; Русская речь. 1919. 11 апр.
- ³⁸ ГАРФ. ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 139об., 127.
- ³⁹ ГАОО. Ф. Р.391. Оп. 1. Д. 7. Л. 10-11.
- ⁴⁰ Уральская жизнь. 1919. 11 апр.; Сибирская жизнь. 1919. 19 сент.
- ⁴¹ Голос Приморья. 1919. 29 янв.; Ишимская жизнь. 1919. 20 февр.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 3. Д. 426. Л. 8.
- ⁴³ Борьба за Урал и Сибирь. М.-Л., 1926. С. 126.
- ⁴⁴ Владивосток. 1919. 3 февр.
- ⁴⁵ ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 68. Л. 103.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 128. Л. 143.
- ⁴⁷ Сибирская жизнь. 1919. 6 сент.; Сибирская речь. 1919. 16 июля; Свободная Сибирь. 1919. 22 июля.
- ⁴⁸ Сибирская жизнь. 1919. 18 июля.
- ⁴⁹ Там же. 1919. 26 июля.
- ⁵⁰ Сибирская жизнь. 1919. 10 авг.

- ⁵¹ Орский вестник. 1919. 26 янв.; Пермская земская неделя. 1919. 7 марта.
- ⁵² Правительственный вестник. 1919. 12 окт.
- ⁵³ Алтайская мысль. 1919. 16 сент.; Сибирская речь. 1919. 13 дек.
- ⁵⁴ Приамурье. 1918. 6 дек.
- ⁵⁵ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 1. Д. 36. Л. 2-18.
- ⁵⁶ ЦДНИЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 319. Л. 50; Свободная Пермь. 1919. 21 янв.; ЦГИА РБ. Ф. Р.396. Оп. 3. Д. 1а. Л. 2.
- ⁵⁷ Сибирский листок. 1919. 13 авг.
- ⁵⁸ ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 129. Л. 27.
- ⁵⁹ Мысль. 1919. 9 марта.
во ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 27. Л. 42об.
- ⁶¹ Уральская жизнь. 1919. 30 марта.
- ⁶² Правительственный вестник. 1919. 21 июня.
- ⁶³ Собрание Узаконений и распоряжений правительства. Пг., 1917 г. № 104; Правительственный вестник. 1919. 25 дек.
- ⁶⁴ ГАТО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 4. Л. 84.
- ⁶⁵ Кустанайский листок. 1919. 10 мая.
- ⁶⁶ Нижнеудинская земская газета. 1918. 30 нояб.; Слово (Омск). 1918. 17 дек.
- ⁶⁷ Вестник Томской губернии. 1919. 21 февр.; Енисейский вестник. 1919. 1 февр.; Дальневосточное обозрение. 1919. 21 марта.
- ⁶⁸ ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 4. Л. 21; Уссурийский край. 1919. 4 янв.
- ⁶⁹ Камчатский вестник. 1919. 14 февр.
- ⁷⁰ Вестник Томской губернии. 1919. 28 февр.
- ⁷¹ Наш путь (Чита). 1919. 4 июля; Уссурийский край. 1919. 4 апр.
- ⁷² Правительственный вестник. 1919. 26 июня.
- ⁷³ Свободная Сибирь. 1919. 10 авг.; Уссурийский край. 1919. 12 авг.
- ⁷⁴ ГАЧО. Ф. Р.533. Оп. 1. Д. 29. Л. 23
- ⁷⁶ ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 2-3, 5, 10.
- ⁷⁷ Низовье Амура. 1919. 3 и 10 авг.
- ⁷⁸ Кустанайский листок. 1919. 30 апр.; Уссурийский край. 1919. 21 сент.
- ⁷⁹ Составлено по: Эхо. 1919. 28 февр.; Свободная Сибирь. 1919. 19 авг.; Труд. 1919. 15 сент., 19 сент.; Каменская мысль. 1919. 20 мая, 17 июля; Ирбитские уездные ведомости. 1919. 30 апр.; Современная Пермь. 1919. 13 мая; Кунгурский вестник. 1919. 4 июня; Утро Сибири. 1919. 26 марта; Низовье Амура. 1919. 3 окт.; Забайкальская новь. 1919. 8 июля, 11 и 23 марта; Сибирская речь. 1919. 22 окт.; Простое слово. 1919. 10 окт.; Якутский областной вестник. 1918. 26 нояб.
- ⁸⁰ Прибайкальская жизнь. 1919. 6 марта, 30 апр.; Уссурийский край. 1919. 21 сент.
- ⁸¹ Забайкальская новь. 1919. 13 февр., 27 сент.; Голос Приморья. 1918. 26 и 29 нояб.; Енисейский вестник. 1919. 5 авг.
- ⁸² За Родину. 1919. 12 июня
- ⁸³ Ирбитские уездные ведомости. 1919. 30 апр.
- ⁸⁴ Военные ведомости. 1919. 30 апр.
- ⁸⁵ Курганская свободная мысль. 1919. 18 июня.
- ³⁶ ГАРФ. Ф. 4362. Оп. 1. Д. 162. Л. 18.
- ⁸⁷ Приамурская жизнь. 1919. 11 окт.
- ⁸⁸ Жизнь национальностей (Москва). 1919. 29 июня.
- ⁸⁹ Владивосток. 1919. 4 февр.
- ⁹⁰ Земские известия. 1919. 2 марта
- ⁹¹ Енисейский вестник. 1919. 16 марта.

- ⁹² Наша Заря. 1919. 8 июля.
- ⁹³ За Родину. 1919. 24 авг.
- ⁹⁴ Правительственный вестник. 1919. 10 сент.
- ⁹⁵ *Наумова Н. И.* Колчаковское правительство и создание национальных судов // История белой Сибири: Тез. 3-й науч. конф. Кемерово, 1999. С. 66.
- ⁹⁶ Алаш-Орда: Сб. док-тов / Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата, 1992. С. 113;
- Аманжолова Д. А.* Казахский автономизм в России. М., 1994. С. 122.
- ⁹⁷ Енисейский вестник. 1919. 16 марта.
- ⁹⁸ *Хантаев П. Т.* Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ, 1967. С. 37.
- ⁹⁹ Наше дело. 1918. 13 дек.
- ¹⁰⁰ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 95. Л. 63; Дело. 1918. 22 нояб.
- ¹⁰¹ Забайкальская новь. 1919. 7 авг.
- ¹⁰² Цит. по кн.: *Майский И.* Демократическая контрреволюция. М.-Пг., 1923. С. 208; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 39. Л. 112.
- ¹⁰³ Таскин Сергей Афанасьевич (1876-1952), конституционный демократ. Избирался депутатом 2-й и 4-й Государственной думы и Учредительного собрания от Забайкальской области.
- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 7. Д. 15. Л. 4.
- ¹⁰⁵ Правительственный вестник. 1919. 7 мая; Наш путь (Чита). 1919. 17 мая.
- ¹⁰⁶ Национальное движение в Бурятии. Улан-Удэ, 1996. С. 182.
- ¹⁰⁷ Забайкальская новь. 1919. 9, 13 и 23 авг.
- ¹⁰⁸ Сибирская жизнь. 1919. 12 окт.
- ¹⁰⁹ *Боботов С. В., Чистяков Н. Ф.* Суд присяжных: история и современность. М., 1992. 149 с.
- ¹¹⁰ Наша Заря. 1919. 12 янв.
- ¹¹¹ *Мокринский С. П.* Суд присяжных // Судебные уставы за 50 лет. Т. 2. Б.м., б.г. С. 115.
- ¹¹² *Харусь О. А.* Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика. Томск, 1996. С. 99.
- ¹¹³ Наша Заря. 1919. 12 янв.
- ¹¹⁴ Правительственный вестник. 1919. 16 янв.; Уральская жизнь. 1919. 30 янв.
- ¹¹⁵ Сибирский голос. 1919. 25 янв.
- ¹¹⁶ Свободный край. 1918. 28 нояб.
- ¹¹⁷ Правительственный вестник. 1919. 4 окт.
- не ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 1. Д. 36. Л. 7.
- ¹¹⁹ Нельзя не приветствовать // Енисейский вестник. 1919. 16 янв.
- ¹²⁰ *Мельгунов С. П.* Трагедия адмирала Колчака. Т. 1. Ч. 3. Белград, 1930. С. 252; *Зимина В. Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997. С. 432; *Ципкин Ю. Н.* Белое движение на Дальнем Востоке России и его крах (1920-1922 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. С. 95; *Беляев А. А.* Сибирь в государственно-политической программе адмирала Колчака // Науч. конф. памяти Н. М. Ядринцева. Секция "Проблемы отечественной истории". Омск, 1992. С. 107.
- ¹²¹ Сибирская речь. 1918. 11 дек.; Амурский лиман. 1919. 1 янв.
- ¹²² Эхо. 1919. 8 марта.
- ¹²³ Амурская жизнь. 1919. 21 февр.
- ¹²⁴ Наш Урал. 1919. 12 апр.
- ¹²⁵ Мысль. 1919. 22 февр.; Сибирский листок. 1919. 23 марта.
- ¹²⁶ русск. восток. 1919. 19 марта; 9 апр.
- ¹²⁷ Прибайкальская жизнь. 1919. 4 марта; Забайкальская новь. 1919. 11 марта.

- ¹²⁸ Амурская жизнь. 1919. 6 марта
- ¹²⁹ Уссурийский край. 1919. 3 мая; Русский восток. 1919. 6 и 18 мая.
- ¹³⁰ Восточный курьер. 1919. 22 авг.; Енисейский вестник. 1919. 17 июня.
- ¹³¹ Общее дело. 1919. 23 февр.
- ¹³² Отечественные ведомости. 1918. 14 дек.; Утро Сибири. 1919. 21 нояб.; Русский восток. 1919. 9 апр.; Амурская жизнь. 1919. 27 мая.
- ¹³³ Уссурийский край. 1919. 4 марта.
- ¹³⁴ Минусинский край. 1919. 10 мая; Утро Сибири. 1919. 21 нояб.
- ¹³⁶ Наш путь (Чита). 1919. 5 марта
- ¹³⁶ Русская речь. 1919. 22 марта.
- ¹³⁷ Ирбитский вестник. 1919. 2 февр.; Отечественные ведомости. 1918. 14 дек.; Дальневосточное обозрение. 1919. 27 февр.
- ¹³⁸ Наш путь (Тюмень). 1918. 6 дек.; Ялуторовская жизнь. 1919. 15 мая; Земля и труд. 1919. 25 февр.
- ¹³⁹ Слово (Омск). 1918. 21 дек.
- ¹⁴⁰ Амурская жизнь. 1919. 27 мая.
- ¹⁴¹ Ялуторовская жизнь. 1919. 22 мая.
- ¹⁴² Сегодня. 1919. 16 марта; Современная Пермь. 1919. 1 мая.
- ¹⁴³ Ялуторовская жизнь. 1919. 15 мая; Наш путь (Тюмень). 1918. 6 дек.; Земля и труд. 1919. 25 февр.
- ¹⁴⁴ Амурская жизнь. 1919. 26 февр.; 25 апр.
- ¹⁴⁵ Наш путь (Чита). 1919. 8 мая.
- ¹⁴⁶ Земля и труд. 1919. 25 февр.
- ¹⁴⁷ Сибирская речь. 1919. 22 окт.
- ¹⁴⁸ Каменская мысль. 1919. 6 июня.
- ¹⁴⁹ Кунгурский вестник. 1919. 7 июня.
- ¹⁵⁰ Там же. 1919. 4 июня.
- ¹⁵¹ ГАРФ. Ф. 4369. Он. 1. Д. 36. Л. 13; Правительственный вестник. 1919. 1 ОКЖ
- ¹⁵² ГАРФ. Ф. 677. Он. 1. Д. 12. Л. 1.
- ¹⁸³ Новое слово. 1919. 3 апр.
- ¹⁵⁴ Современная Пермь. 1919. 1 мая.
- ¹⁵⁵ Курганская свободная мысль. 1918. 13 дек.; ГАТО. Ф. Р.1362. Оп. 1. Д. 242. Л. 15.
- ¹⁵⁸ Эхо. 1919. 17 июня.
- ¹⁵⁷ Сельская жизнь. 1919. 28 мая.
- ¹⁵⁸ ГАТО. Ф. Р.1362. Оп. 1. Д. 242. Л. 32.
- ¹⁵⁹ А. П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1921. С. 30.
- ¹⁶⁰ РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 590. Л. 7.
- ¹⁶¹ Цит. по кн.: Письма славы и бессмертия. М., 1973. С. 170-173.
- ¹⁶² См., например: Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917-1923 гг. Новосибирск, 1983. С. 199.
- ¹⁶³ Бортневский В. Г. Красный и белый террор // Учительская газета. 1990. № 12. С. 4.
- ¹⁶⁴ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 31 августа 1918. Отдел 1-й. С. 4-6; Заря. 1918. 27 авг.; Уральская жизнь. 1919. 28 янв., 2 февр.
- ¹⁶⁶ Правительственный вестник. 1918. 24 дек.
- ¹⁶⁶ Наши дни. 1919. 27 марта.
- ¹⁶⁷ Цит. по кн.: Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция: Краткий обзор исключительно по официальным архивам, документам бывшего колчаковского правительства. Л., 1926. С. 295.

- ¹⁶⁸ ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 39. Л. 14.
¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 206. Л. 225.
¹⁷⁰ Попов Ф. Дутовщина. М.-Самара, 1934. С. 88-89.
¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 19. Л. 153.
¹⁷² Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 45-48, 50-54.
¹⁷³ Подсчитано по: *Вибе П. П.* Восстание 22 декабря 1918 в Омске // *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 50; *Шулдяков В. А.* Материалы к истории Сибирского казачьего войска периода гражданской войны: охрана порядка и борьба с восстаниями и партизанами в тылу (1918-1919 гг.) // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. 2000. № 8. С. 27.
¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. 3331. Оп.1. Д. 5. Л. 158-160.
¹⁷⁵ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 272; ЦННИЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 138. Л. 7; Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 273; *Баканов В.* Горькое золото погон. Магнитогорск, 1997. С. 91.
¹⁷⁶ Эхо. 1919. 22 и 23 марта.
¹⁷⁷ Там же. 1919. 5 июня.
¹⁷⁸ ГАКемО. Ф. П.483. Оп. 1. Д. 79. Л. 11-12.
¹⁷⁹ Правительственный вестник. 1919. 22 мая.
¹⁸⁰ Думы. 1919. 26 дек.
¹⁸¹ *Атаман Семенов.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 1999. 320 с.
¹⁸² Русская речь. 1919. 26 февр.
¹⁸³ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 9. Д. 6. Л. 103.
¹⁸⁴ Новости Владивостока. 1919. 13 авг.
¹⁸⁵ ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 241. Л. 7; *Максаков В., Тирунев А.* Хроника гражданской войны в Сибири (1917-1918). Т. 1. Приленский край. М.Л., 1925. С. 33; Вестник Тобольской губернии. 1919. 25 марта; Сибирский листок. 1919. 27 марта; *Василевский В. И.* Дела легендарных дней. Большевицкое подполье в Забайкалье (1918-1920 гг.). Иркутск, 1970. С. 30.
¹⁸⁶ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 349. Л. 45; ГАТО. Ф. Р.551. Оп. 1. Д. 33. Л. 29; Свободная Сибирь. 1919. 15 июля; ГАРФ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 29. Л. 220.
¹⁸⁷ ГАНО. Ф. П.5. Оп. 2. Д. 856. Л. 10; Правительственный вестник. 1919. 22 нояб.
¹⁸⁸ Цит. по ст.: *Ларьков Н. С.* "Прислужником буржуазии я никогда не был, но другом - да" // Сибирская старина (Томск). 1993. № 2. С. 6.
¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 10а. Л. 358.
¹⁹⁰ Амурская жизнь. 1919. 4 янв.; Правительственный вестник. 1919. 24, 31 мая.
¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1в. Л. 25-26.
¹⁹² Голос Родины. 1919. 17 сент.; Сибирская жизнь. 1919. 9 сент.
¹⁹³ ГАИО. Ф. Р.2. Оп. 1. Д. 44. Журнал № 8.
¹⁹⁴ Правительственный вестник. 1918. 23 нояб.; РГВА. Ф. 39499. Оп. 2. Д. 2. Л. 17; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 387. Л. 41; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г.: Сб. док. / Под ред. В. М. Зензинова. Париж, 1919; *Вибе П. П.* Государственный переворот 18 ноября 1918 в Омске // *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 65-66; *Новиков П. А.* Вячеслав Иванович Волков // Земля Иркутская. 1998. № 10. С. 21.
¹⁹⁵ Дневник В. Н. Пепеляева // Сибирь. 1989. № 6. С. 89; *Атаман Семенов.* О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 1999. С. 184-185.
¹⁹⁶ *Лившиц С, Белоголовский Е.* Падение Колчака // Сибирские огни (Новосибирск). 1969. № 6. С. 159; *Smele J. D.* Civil War in Siberia. Anti-Bolshevik of Admiral Kolchak, 1918-1920. Cambridge University Press, 1996. P. 171.

- ¹⁹⁷ "ский". К вопросу о чрезвычайных судах // Наша Заря. 1919. 14 янв.
- ¹⁹⁸ Цит. по кн.: Последние дни колчаковщины: Сб. док-тов. М.-Л., 1926. С. 81.
- ¹⁹⁹ Эхо. 1919. 10 апр.
- ²⁰⁰ А. П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1921. С. 6-7.
- ²⁰¹ Малегин А. Я., Никитин А. Н. Следственные и судебные органы белых правительств // Юрист. 1997. № 6. С. 46.
- ²⁰² Зимица В. Д. Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград, 1995. С. 49.
- ²⁰³ Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. Кн. I. М., 1994. С. 331.
- ²⁰⁴ Поляков Ю. А. Поиск новых подходов в изучении истории гражданской войны в России // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 285.
- ²⁰⁵ Белые войны: по материалам обсуждения за "круглым столом" в редакции журнала "Москва", посвящённого проблемам изучения трагической истории Белого движения / Подготовка к печати К. Коктенёва и А. Кручинина // Москва. 1994. № 11. С. 109.
- ²⁰⁶ Ядринцев Н. М. На чужой стороне / Из нравов переселенцев в Сибири (1885) // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск, 1979. С. 108-110.
- ²⁰⁷ См.: Вудберг А. Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 319-320; Bradley J. Civil War in Russia, 1917-1920. L., 1975. P. 184; ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 129. Л. 7.
- ²⁰⁸ Андрушкевич Н. А. Последняя Россия // Белое дело. Летопись белой борьбы, Т. 4. Берлин, 1928. С. 126.
- ²⁰⁹ Новый алтайский луч. 1918. 18 дек.; Наша деревня. 1919. 21 янв.
- ²¹⁰ ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 131. Л. 12; ГАЧелО. Ф. Р.533. Оп. 1. Д. 29. Л. 24.
- ²¹¹ ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 74. Л. 100, 102, 115.
- ²¹² Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 379-380; Кенез П. Идеология белого движения // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 269; Moltchanoff V. M. The Last White General. The University of California, 1972.
- ²¹³ Сорокин П. Современное состояние России // Общедоступный учебник социологии. М., 1994. С. 459.
- ²¹⁴ А. П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1921. С. 18.
- ²¹⁵ Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 35.
- ²¹⁶ Соловьев В. С. Нравственная организация человечества в целом // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 125-126.
- ²¹⁷ Уссурийский край. 1919. 17 янв.
- ²¹⁸ Сорокин П. Нравственное и умственное состояние современной России // Воля России (Прага). 1923. № 4. С. 26.
- ²¹⁹ Заря. 1918. 26 нояб.
- ²²⁰ ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 15. Л. 117.
- ²²¹ Кустанайский листок. 1919. 20 мая.
- ²²² Свободный край. 1919. 20 сент
- ²²³ Военные ведомости. 1919. 2 авг.
- ²²⁴ Новый алтайский луч. 1918. 18 дек.
- ²²⁵ Алтайская мысль. 1919. 2 окт.
- ²²⁶ Пришимье. 1919. 16 марта; Сибирская речь. 1919. 4 янв.
- ²²⁷ Дальневосточное обозрение. 1919. 8 авг.
- ²²⁸ Баканова А. А. Деятельность следственных комиссий Временного Сибирского правительства // Исторические чтения: М-лы науч. регион, конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска "Крушение царизма и гражданская война на Урале". Челябинск, 1998. С. 134.

- ²²⁹ Барабинская степь. 1919. 8 февр.; Думы Алтая. 1919. 25 июля.
- ²³⁰ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 119. Л. 64.
- ²³¹ *Акулинин И. Г.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. Летопись белой борьбы. Т. 2. Берлин, 1927. С. 142; *Грэвс У.* Американская авантюра в Сибири (1918-1920). М., 1932. С. 75; *Кенэ Х.* Сибирский тыл // Славянский мир (Прага). 1926. № 8. С. 5.
- ²³² *Кадейкин В. А.* Большеви́стское подполье и рабочее движение в тылу сибирской контрреволюции (1918-1920 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 1966. Т. 1. С. 191.
- ²³³ *Сивое Е. А., Попов Н. И.* История Томской области с начала XX века до наших дней. Новосибирск, 1977. С. 34.
- ²³⁴ Вестник Томской губернии. 1919. 14 февр.
- ²³⁵ За Родину. 1919. 24 июня:
- ГЗВ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 18. Л. 81.
- ²³⁷ Свободная Сибирь. 1919. 15 июля.
- 238 ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 87. Л. 18; Оп. 3. Д. 7. Л. 50.
- ²³⁹ Народная свобода. 1919. 17 авг.
- ²⁴⁰ Наша Заря. 1919. 17 янв.
- ²⁴¹ *Moore F.* Siberia Today. N.Y., 1919. P. 265.
- ²⁴² *Бердяев Н. А.* Государство // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 304.
- ²⁴³ *Синявская Е. С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7.

Глава 3

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

3.1. Подбор и расстановка кадров в следственных комиссиях и прокуратуре

Согласно законодательству царской России, следствием в период правления А. В. Колчака занимались судебные следователи. Численность этой категории юристов была недостаточной. По состоянию на 15 мая 1919 г. в Омской и Иркутской судебных палатах вакансии судебных следователей составляли 13%*. Причины такого положения были различными. Безусловно, пагубно на системе судопроизводства сказались слом царских судов весной 1917 г. и разгон "буржуазных" судов советской властью. Часть юристов была мобилизована в Сибирскую армию. Часть судебных чиновников погибла в ходе гражданской войны. Среди них, например, судебный следователь Вельский, убитый в алтайском селе Павловском².

В итоге резко возросла нагрузка на оставшихся. По состоянию на 1 марта 1919 г. в производстве каждого следователя и следственного судьи Томского окружного суда находилось по 150, Барнаульского - 190, Омского - 200, Новониколаевского - 326 дел. В Томском уезде у одного из мировых судей в производстве было 465 дел, у второго - 596, а у третьего - 956. Здесь будет уместно вспомнить, что закон от 3 июля 1914 г. предписывал допускать не более 150 дел на одного следователя в год³. Сибирская действительность превосходила нормативы в 3—4 и более раз.

Правительство предпринимало некоторые меры для поддержки сотрудников следствия, в частности, по повышению их денежного содержания. Постановление Совета министров от 3 апреля 1919 г. об изменении приложения к ст. 238 "Учреждения судебных установлений" (изд. 1914 г.) и постановление Административного совета Временного Сибирского правительства от 4 октября 1918 г. отнесли должность судебного следователя по особо важным делам при Омском окружном суде к 4-му классу должностей, такого же следователя при других окружных судах - к 5-му классу. Их оклад был приравнен к окладу члена суда⁴. Кроме этого, был подготовлен

проект окладов содержания чинов судебного ведомства. Предусматривалось повысить оклад содержания судебного следователя по особо важным делам до 7200, а судебного следователя — до 6000 руб. в год⁵.

Однако омской администрации не удалось полностью восстановить дореволюционную систему следственных органов. Причины этого, как справедливо полагают А. Я. Малыгин и А. Н. Никитин, заключались в острой нехватке кадров, в скромных денежных и материальных ресурсах⁶. Это повлекло появление чрезвычайных органов в виде следственных комиссий.

Традиционно сотрудники прокуратуры осуществляли надзор за следствием. С этой целью прокурор Тобольского окружного суда 25 февраля 1919 г. направил специальный циркуляр товарищам прокурора. В документе говорилось о том, что сравнительно большой процент материалов предварительных следствий возвращается на доследование. Обращалось внимание на неясность предложений о доследовании, поступивших от лиц прокурорского надзора. Прокурор окружного суда категорично заявил, что возвращать дела в участки, где есть товарищ прокурора, — совершенно ненормально при условии правильного наблюдения за следствием. Прокурор обязал подчинённых "обозревать" свои судебные-следственные участки не реже одного раза в месяц, а арестантскую ещё чаще, причём требовал делать замечания. Руководитель прокурорского надзора Тобольского окружного суда считал недопустимым для более обстоятельного передопроса, для установления "истинной картины", для более обстоятельной работы врача-эксперта вызывать всех уже допрошенных свидетелей. Прокурор, говорилось в документе, должен знать: для чего нужно провести следствие, путь его выполнения (вопросы, формы и т. д.), что выявить и каким путём. Причём, отмечал прокурор, нужных людей можно вызывать только по делу⁷.

В начале сентября 1919 г. прокурорам судебных палат и окружных судов был разослан циркуляр министра юстиции. В нём Г. Г. Тельберг вновь обратил внимание чинов прокурорского надзора на необходимость ежемесячно объезжать свой участок. Он потребовал усилить контроль за предварительным следствием, делопроизводством в милиции, в дознании в соответствии со ст. 250, 279, 280 "Устава уголовного судопроизводства". Министр требовал обратить внимание на правильное содержание арестованных, согласно ст. 18 "Устава о содержащихся под стражей". От чинов прокуратуры требовалось принимать меры по освобождению "неправильно" арестованных, проводить непосредственный приём от населения жалоб и прошений⁸.

Прокуратура продолжала оставаться важнейшим правоохранительным органом. В те годы она была подведомственна министру юстиции, а сам министр, в соответствии с российской традицией, одновременно был и генерал-прокурором. На местах прокуроры состояли в соответствующих судебных палатах и окружных судах, не подчиняясь их председателям. Прокуроры судебных палат направляли деятельность прокуроров окружных судов. Те, в свою очередь, руководили деятельностью чинов прокуратуры наиболее приближенных к населению - товарищей прокуроров окружных судов по участкам. По состоянию на 12 июля 1919 г. в Иркутском окружном суде было 12 участков и соответственно 12 товарищей прокурора, в Томском окружном суде - 10, в Троицком - 8⁹.

Одной из серьезных проблем, с которыми столкнулась прокуратура в Сибири, была нехватка чинов прокурорского надзора. Для того чтобы уточнить её размеры, министерство юстиции 12 ноября 1918 г. запросило подведомственные суды о том, какие у них существуют должности, кто их занимает, а также сколько есть вакансий и какие¹⁰. Прокурор Иркутского окружного суда 29 ноября 1918 г. сообщил, что не хватает половины от штатной численности товарищей прокурора. В связи с этим, сделал он справедливый вывод, трудно осуществлять надлежащий надзор¹¹. По состоянию на 15 мая 1919 г. по Омской и Иркутской судебным палатам Сибири вакансии товарищей прокурора составляли 13%. Особенно тяжелое положение было в отдаленных и сельских местностях. В округе Читинского окружного суда вакантными были 33% должностей товарища прокурора¹².

Отчасти это объяснялось их естественной убылью. В конце ноября 1918 г. в Томском окружном суде образовалась вакансия из-за смерти товарища прокурора. В другом случае две вакансии были в Троицком окружном суде, их причина заключалась в мобилизации юристов в армию¹³.

Кроме этого, дефицит прокуроров был вызван их перемещением на судебные должности. В разное время постановлением Совета министров товарищи прокурора Иркутской судебной палаты П. П. Смирнов и С. И. Василевский были назначены председателями, соответственно, Омского и Петропавловского (на Камчатке) окружных судов. В ноябре 1918 г. прокурор Владивостокского окружного суда Н. Б. Гончаров стал членом Иркутской судебной палаты¹⁴. Здесь уместно отметить, что обратное движение было незначительным. В ноябре 1918 г. товарищ председателя Иркутского окружного суда Н. В. Смирнов был назначен прокурором Владивостокского окружного суда¹⁵. Имели

место случаи, когда чины прокуратуры и суда менялись местами. Когда прокурор Владивостокского окружного суда Н. Е. Гончаров стал членом Иркутской судебной палаты, на его место был назначен товарищ председателя Иркутского окружного суда Н. В. Лавров¹⁶.

Нельзя упустить из виду и то, что в некоторых случаях прокуроры перемещались на такие же должности, но в другие суды. Приказом министра юстиции С. С. Старынкевича от 23 декабря 1918 г. состоялось перемещение сразу нескольких прокуроров. Прокурор Владивостокского окружного суда Лавров был переведён в Благовещенск, прокурор Благовещенского окружного суда Колесников - в Иркутск, а прокурор Иркутского окружного суда Либкинд-Любоздецкий - во Владивосток. Приказом министра юстиции Г. Г. Тельберга от 6 июня 1919 г. прокурор Семипалатинского окружного суда Нелидов, окончивший с дипломом 1-й степени юридический факультет Московского университета, получил назначение на такую же должность в Троицком окружном суде. Приказом министра юстиции от 29 марта 1919 г. товарищ прокурора Красноярского окружного суда В. П. Любимов стал товарищем прокурора Благовещенского окружного суда¹⁷. Объяснение таким кадровым "рокировкам", по-видимому, следует искать в уровне квалификации. Более опытные сотрудники назначались на более ответственные или запущенные участки работы.

Были назначения и с повышением в должности. Прокурор Тобольского окружного суда И. Н. Корякин стал товарищем прокурора Омской судебной палаты, а товарищ прокурора Читинского окружного суда Н. А. Малаховский был назначен прокурором Владивостокского окружного суда¹⁸.

Следует отметить, что при замещении вакансий не всегда исполняющие дела могли занять соответствующую должность. 10 июня 1919 г. прокурором Якутского окружного суда стал А. Угринович, а не исполнявший обязанности товарища прокурора Д. И. Поволоцкий¹⁹.

Отмечены случаи, когда чины прокуратуры получали назначения на должности вне системы правоохранительных органов. В декабре 1918 г. товарищ прокурора Благовещенского окружного суда А. И. Ратушенко был назначен начальником юридического отделения канцелярии Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата²⁰.

Наблюдались случаи гибели чинов прокуратуры. Был смертельно ранен в голову товарищ прокурора Новониколаевского окружного суда М. А. Пересветов. Преступник после перестрелки с милиционе-

рами сумел скрыться. На место погибшего коллеги был назначен товарищ прокурора Томского окружного суда Мальковский²¹. Были и довольно редкие причины ухода чинов прокуратуры со службы. В частности, прокурор Владивостокского окружного суда С. В. Любозедецкий в апреле 1919 г. подал министру юстиции прошение об увольнении со службы вследствие выхода из русского подданства в порядке закона от 20 марта 1919 г. "О выходе из русского подданства лиц польской национальности"²².

Определённую возможность решить кадровые проблемы представляла эвакуация чинов прокуратуры из районов, которые занимала Красная армия. Некоторые из них получали назначения с повышением. Товарищ прокурора Казанской судебной палаты И. М. Кондратович стал прокурором Иркутской судебной палаты. Вступил в исполнение должности прокурора Пермского окружного суда бывший товарищ прокурора Казанского окружного суда П. Я. Шамарин²³. Часть эвакуированных получила прежние по уровню должности. 22 января 1919 г. прокурор Омской судебной палаты назначил товарища прокурора Уфимского окружного суда Верещагина товарищем прокурора Омского окружного суда. Две вакансии товарища прокурора Троицкого окружного суда были замещены товарищами прокурора Самарского окружного суда²⁴.

Последовательно в Уфе, Кургане и Красноярске служили товарищ прокурора Казанской судебной палаты В. С. Смирнов, прокурор Уфимского окружного суда В. М. Данков, товарищи прокурора того же суда И. И. Петрожицкий, К. П. Вишневецкий, Н. В. Васильев, П. Ф. Уваров, С. А. Строганов и С. С. Марочко²⁵.

В отдельных случаях даже учитывались пожелания кандидата на должность. В частности, товарищ прокурора Сарапульского окружного суда М. Н. Шишов подал прошение в Пермский окружной суд о прикомандировании его к Красноуфимскому уезду, в котором отсутствовал прокурорский надзор²⁶.

Определённым резервом для замещения должностей чинов прокурорского надзора были судьи судов первой инстанции. В апреле 1919 г. административный судья Петропавловского уезда Г. Ф. Ясионовский был назначен товарищем прокурора Новониколаевского окружного суда, в июне мировой судья 5-го участка Петропавловского уезда Преображенский стал товарищем прокурора Екатеринбургского окружного суда²⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на явный дефицит прокуроров, министерство юстиции сохраняло некое подо-

бие кадрового резерва. Приказом прокурора Омской судебной палаты от 1 апреля 1919 г. товарищ прокурора Самарского окружного суда Голубков был направлен в резерв Омского окружного суда²⁸.

Рост числа нарушений законности, вызванный гражданской войной, при наличии многих вакантных мест в прокуратуре обусловил увеличение объема работы. Для снижения нагрузки на чинов прокурорского надзора в Омском окружном суде постановлением Совета министров от 16 декабря 1918 г. с 1 ноября 1918 г. была учреждена еще одна должность товарища прокурора. Чуть позже постановлением правительства от 13 февраля 1919 г. были учреждены с 1 марта 1919 г. должности помощников секретаря при прокурорах Омской судебной палаты, Барнаульского, Омского, Тобольского и Томского окружных судов, по одному при каждом из названных прокуроров²⁹.

Видимо, эти меры оказались недостаточными, и 11 июня 1919 г. министр юстиции обратился к старшему прокурору Омской судебной палаты с вопросом о необходимости введения новых штатных единиц, причем нужда в них должна быть доказана. В циркуляре оговаривалось и то, что все сведения надо было представить в непродолжительный срок³⁰. Кроме этого, был подготовлен проект окладов содержания чинов судебного ведомства. Предусматривалось повысить оклад содержания прокурорам окружного суда до 8600, а товарищу прокурора окружного суда до 6000 руб. в год³¹. Однако на реализацию этих мер у правительства уже не было времени.

3.2. Создание и функционирование следственных комиссий

Огромное число расследований вызвало к жизни такой чрезвычайный орган времен гражданской войны, как следственные комиссии. До сих пор их деятельность не стала предметом специального исследования.

Более того, в литературе встречаются неточные представления об их работе. А. В. Баранов писал о том, что при А. В. Колчаке функции следственных комиссий были возложены на земства, что не соответствует действительности. Свой взгляд на деятельность названных комиссий был у В. Шемелева. По его мнению, комиссии делили заключенных на опасных и неопасных для нового строя. Неопасных освобождали, а опасных могли держать неопределенное время³². Здесь историк не совсем прав в отношении срока содержания под стражей опасных заключенных. Предполагалось, что судьбу арестованных решит Учредительное собрание, созыв которого первоначально намечался на октябрь 1919 г.

Эмоциональная оценка деятельности следственных комиссий содержится в работе П. И. Рошевского. Эти комиссии, по его мнению, наряду с белогвардейской военщиной, стали главным проводником произвола и беззакония. Они, по существу, были белогвардейской контрразведкой и правой рукой военной власти. Этим, продолжает историк, объяснялась всё растущая ненависть трудящихся против следственных комиссий"³³. Историк неправомерно отождествил следственные комиссии с контрразведкой, несколько преувеличил роль комиссий в поддержании беззакония и степень ненависти к ним трудящихся. Все было сложнее. Только недавно появилась серьезная статья по этой теме³⁴.

Нормативной базой следственных комиссий стало постановление Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства от 20 июня 1918 г. Они были призваны рассмотреть дела "об обысках, выемках и внесудебных арестах, произведенных в период свержения советской власти и в связи с этим государственным переворотом, в порядке охранения государственного строя и общественной безопасности". Комиссии были наделены правом освобождать незаконно арестованных³⁵. Правом карать комиссии наделены не были. Председатель Курганской следственной комиссии Светковский, выступая в местной газете, заявил, что их деятельность основана на законе, а не на чувстве мести. Задача таких комиссий не судить, а лишь собирать материал для того политического суда над этим людьми, которой будет проведен будущим Учредительным собранием³⁶.

Особыми, не предусмотренными омскими властями, полномочиями были наделены такие комиссии в Оренбуржье. В соответствии с постановлением войскового круга Оренбургского казачьего войска от 12 марта 1919 г. было решено создать следственные комиссии и суды при "достаточных" карательных отрядах на фронте. Их задача заключалась в проведении "немедленного" следствия, суда и исполнения приговора на фронте и в ближайшем тылу³⁷. В этом документе предусматривалось вынесение наказания вплоть до высшей меры.

Следует отметить, что следственные комиссии создавались и на территории, только что освобожденной от большевиков. В апреле 1919 г. они были образованы в Уфе, Златоусте и Бирске, планировалось их создание в Стерлитамаке, Мензелинске и Белебе³⁸.

Однако они не всегда начинали работать сразу после принятия решения об их создании. Прокурор Красноярского окружного суда в своем письме от 30 марта 1919 г. на имя управляющего губернией предложил предписать товарищу прокурора В. П. Кузнецову немед-

ленно выехать в Енисейск для участия в работе следственной комиссии³⁹. В Благовещенске следственная комиссия по разбору внесудебных арестов, несмотря на постановление областного земского собрания, до ноября 1919 г. не приступила к работе. Только в начале декабря в газете появилось сообщение о том, что по распоряжению Амурской областной земской управы она срочно приступает к работе⁴⁰.

Интерес представляет анализ кадрового состава таких комиссий. По мнению А. А. Бакановой, в состав следственных комиссий входили как юристы, так и непрофессионалы. В качестве примера она привела комиссию в Златоусте. В ее составе были подпоручик С. Ф. Гредасов, окончивший Петроградское реальное училище, и член Златоустской уездной земской управы А. И. Ураев, не имевший высшего образования⁴¹. Однако можно привести пример комиссии, утвержденной в июне 1919 г. управляющим Забайкальской областью С. А. Таскиным. Эта окружная следственная комиссия состояла только из юристов. Ее председателем был член Читинского окружного суда Г. А. Ушинский, членами — товарищ прокурора окружного суда Тюбукин, присяжный поверенный К. С. Шрейберг, частный поверенный В. Ф. Буйвиц⁴².

В этой связи заслуживает внимания обращение министра внутренних дел А. Н. Гаттенбергера к министру юстиции. В письме от 10 февраля 1919 г. было высказано предложение включать в состав следственных комиссий чинов судебного ведомства. В своем ответном письме от 14 февраля 1919 г. министр юстиции С. С. Старынкевич такое согласие дал. Однако было оговорено два условия — уведомлять о таких назначениях управляющих губернией (областью) и делать это только с согласия председателя или прокурора соответствующего окружного суда⁴³. Явочным порядком это уже практиковалось. 4 января 1919 г. Енисейский губернский комиссар обратился к председателю Красноярского окружного суда с просьбой откомандировать трех членов суда для работы в следственной комиссии⁴⁴.

Много юристов возглавляло следственные комиссии. Мировые судьи Андреев, Елабужского судебного-мирового округа И. К. Багурин, Златоустского судебного-мирового округа А. П. Кулагин возглавили, соответственно, Акшинскую в Забайкальской области, Новониколаевскую и Харбинскую окружные следственные комиссии. Административный судья Канского уезда был некоторое время председателем местной комиссии. Добавочный судья Томского окружного суда В. Э. Мейер в августе 1919 г. возглавил Томскую окружную следственную комиссию⁴⁵.

В некоторых случаях руководителями следственных комиссий становились чиновники МВД. 25 апреля и 20 июля 1919 г. чиновники особых поручений 5-го класса при МВД Л. В. Родионов и К. Н. Иванов были утверждены, соответственно, товарищем председателя и исполняющим дела председателя Омской окружной следственной комиссии. Причем последний был оставлен и в прежней должности⁴⁶.

Отмечены случаи, когда во главе следственных комиссий находились уездные администраторы. В Николаевске-на-Амуре такую комиссию возглавлял управляющий уездом Н. Г. Курбатов, а временно исполнявший дела управляющего Вилюйским уездом Якутской области В. С. Лебедев был председателем Якутской окружной следственной комиссии⁴⁷. Можно высказать предположение, что такое совмещение постов объяснялось отдаленностью названных территорий и связанной с ней нехваткой квалифицированных кадров.

Известны два случая, когда председателями комиссий были военнослужащие. Председателями Пермской и Иркутской следственных комиссий в январе и сентябре 1919 г. были назначены генерал-майор Суконщиков и генерал-лейтенант Н. Г. Володченко⁴⁸. Про первого нам пока ничего не известно, а второй, по-видимому, не имел юридического образования⁴⁹.

Председатели низовых следственных комиссий назначались руководителями губерний (областей). Приказом Забайкальского областного комиссара мировой судья Андреев возглавил Акшинскую следственную комиссию⁵⁰. В Енисейской губернии перед тем, как губернский комиссар, позже управляющий губернии, подписывал приказ, происходило согласование кандидатуры с прокурором Красноярского окружного суда и начальником Красноярского гарнизона. В этой губернии должности председателей комиссии занимали товарищи прокурора окружного суда по соответствующему уезду. Так были назначены В. О. Клоков в Канске, В. П. Кузнецов в Енисейске, В. В. Попов в Ачинске, И. С. Посохин в Минусинске⁵¹. При этом, как правило, помощники управляющего уездом становились товарищами или членами следственной комиссии.

Назначение председателя вышестоящей — окружной следственной комиссии происходило приказом одного из министерств — внутренних дел или юстиции. В соответствии с приказами по МВД в 1919 г. товарищ прокурора Оренбургского окружного суда П. И. Ростовцев, мировые судьи Елабужского судебномирового округа И. К. Багурин и Златоустского судебномирового округа А. П. Кулагин возглавили, соответственно, Владивостокскую, Новониколаевскую и Харбинскую окружные следственные комиссии⁵².

К министру внутренних дел по поводу назначения председателя Енисейской окружной следственной комиссии обратился управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий. В своем письме от 11 июля 1919 г. он представил на эту должность члена Красноярского окружного суда действительного статского советника А. И. Кокошина, много лет прослужившего товарищем прокурора окружного суда. В период советской власти он содействовал освобождению арестованных и был вполне достоин новой должности. Приказом по МВД от 30 июля 1919 г. это назначение состоялось⁵³.

Были случаи назначения председателей следственных комиссий приказами по департаменту милиции МВД. 11 августа 1919 г. член Читинского окружного суда Г. А. Ушинский, бывший совсем недавно «~~дальне~~ чает» Приморского окружного суда и председателем соответствующей следственной комиссии, был назначен председателем Читинской окружной следственной комиссии. Следует отметить, что его новая должность была на правах помощника управляющего областью⁵⁴.

Отмечены случаи привлечения к работе комиссий чинов судебного ведомства из числа беженцев. Управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий своим приказом от 11 января 1919 г. "по соглашению" с председателем Красноярского окружного суда назначил прикомандированных к этому суду товарища председателя Сарапульского окружного суда А. А. Орловского и членов того же суда П. Е. Батуева и Е. Н. Иванова, соответственно, председателем и членами Красноярской следственной комиссии. При этом бывший председатель этой комиссии — товарищ прокурора местного окружного суда В. П. Любимов остался товарищем председателя⁵⁵. Беженец В. В. Баженов, окончивший¹ юридический факультет Московского университета, получил назначение членом Челябинской следственной комиссии⁵⁶.

Из общего правила выбивается назначение прапорщика Козлова председателем следственной комиссии в Тарском уезде. Соответствующий приказ 11 октября 1919 г. подписал временный уполномоченный главного начальника Военно-административного управления Восточного фронта по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Тарском уезде капитан Зубов. В состав данной комиссии были введены два мирных судьи и два чиновника военного времени⁵⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что председатели некоторых следственных комиссий часто менялись. С 11 января до 18 апреля 1919 г. работали председателем Красноярской окружной след-

ственной комиссии и ее членами, соответственно, А. А. Орловский, П. Е. Батуев и Е. Н. Иванов. Уже 5 мая 1919 г. управляющий Енисейской губернией освободил от должности председателя Канской уездной следственной комиссии В. О. Клокова, назначенного 9 января того же года⁵⁸.

Как правило, в состав следственных комиссий входили представители военного ведомства, местного самоуправления, профсоюзов и общественных организаций. В этой связи характерен состав следственной комиссии в Николаевске-на-Амуре. Товарищами ее председателя были нотариус В. А. Козлов и частный поверенный И. С. Капсан. В комиссии состояли представители от податного инспектора, присяжных поверенных, областной земской управы, городской думы, профсоюзов, военного ведомства, биржевого комитета и союза золотопромышленников. На заседании местной федерации труда в состав этой комиссии было избрано 6 человек, из которых 2 были с решающим голосом и 4 с совещательным⁵⁹.

В последних числах марта 1919 г. управляющий Приморской областью И. И. Циммерман обратился к Владивостокской городской управе с просьбой направить своего представителя в следственную комиссию⁶⁰. 20 января 1919 г. на заседании Чердынской городской думы членами такой комиссии были избраны П. Н. Оболенский и Д. Ф. Тряпичников, кандидатами С. И. Головин и А. С. Попов⁶¹.

В некоторых случаях при комплектовании таких комиссий во внимание принимались и другие соображения. Управляющий Амурской областью И. Д. Прищепенко допустил в состав областной следственной комиссии членов правления Амурского отдела самоуправления Латвии М. Ю. Шмуйдриса и Ф. И. Гиргенсона. Они получили возможность участвовать в рассмотрении дел лиц латышской национальности, содержащихся в областной тюрьме⁶². В состав следственных комиссий с совещательным голосом могли входить и входили представители профсоюзов и политических партий. Причем оговаривалось, что их не могло быть больше 4 как от профсоюзов, так и от партий⁶³.

Своеобразную позицию по отношению к участию в работе названных комиссий заняли общественные организации и профсоюзы Златоуста. Они уклонились от посылки своих представителей в местную следственную комиссию. Как считал автор местной газеты, они это сделали по следующей причине. Дело в том, что представители общественности на заседаниях имели лишь совещательный голос, а ведь вполне возможно, что надо будет повлиять на решение

комиссии и помочь людям, а возможности для этого нет⁶⁴. В этом отношении В. И. Шемелев несколько преувеличил, считая, что "профсоюзы прежде всего старались удержать за собой право на участие в следственных комиссиях, от которых зависела участь союзных членов, арестованных в связи с переворотом"⁶⁶. Как мы могли убедиться, у этого решения была своя логика.

Есть указания на то, что в некоторые следственные комиссии проникали большевики. Об этом применительно к Кустанайскому уезду Тургайской области сообщал в своем рапорте в Омск командир 2-го Оренбургского казачьего корпуса генерал-майор И. Г. Акулинин⁶⁶. Участник большевистского подполья Забайкальский в своих воспоминаниях сообщает о том, что в Иркутской губернской следственной комиссии был "красный", по его мнению, поручик Эфрон. Как считает подпольщик, именно этим обстоятельством объясняется то, что самым распространенным был приговор о тюремном заключении сроком на 3—6 мес. Самого же Забайкальского даже освободили, правда, под надзор милиции⁶⁷.

О месте членов следственных комиссий в служебной иерархии говорит отношение старшего председателя Иркутской судебной палаты от 24 мая 1919 г. Согласно этому документу, председателям и членам комиссий присваивался чин 5-го класса. Денежное содержание определялось в 1000 руб. в месяц, при условии если эта сумма не превышала содержания по основной должности. Если содержание по должности оказывалось выше, то выплачивалось содержание. Кроме этого, председателю комиссии выплачивалось дополнительно еще 300 руб. Особо оговаривалось то обстоятельство, что за членами следственных комиссий сохраняются прежние должности и довольствие⁶⁸.

Чуть позже постановлением правительства от 2 июня 1919 г. было внесено изменение в ст. 16 постановления Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства от 20 июня 1918 г. Тогда был увеличен размер суточных для председателей и их товарищей, состоящих на государственной или общественной службе. Теперь он равнялся для председателей во внеградных городах 20, в городах 1-го разряда - 15 и не состоящим в разрядах - 35 руб., членам комиссии, соответственно, 18, 12 и 30 руб. Эти меры были призваны компенсировать членам следственных комиссий их расходы на выполнение своих обязанностей.

Рассматривая деятельность комиссий, следует отметить, что подозрительные лица брались под арест как должностными лицами,

так и по предложению заинтересованных сторон. 29 июля 1919 г. по распоряжению председателя Иркутской губернской следственной комиссии К. М. Крылова помощник начальника 1-го района милиции Глебов арестовал известного советского деятеля преподавателя английского языка Г. П. Кана, который был следователем военно-революционного трибунала⁶⁹. Начальник милиции 6-го участка Минусинского уезда через начальника Минусинского военного района передал 26 июля 1919 г. в уездную следственную комиссию следственный материал на 11 человек. Все они уже находились в Минусинской тюрьме и теперь числились за следственной комиссией⁷⁰.

Свое место в выявлении и изоляции подозрительных лиц заняла государственная охрана. О таком задержании 20 мая 1919 г. начальник Алтайского губернского управления государственной охраны сообщил управляющему Томской губернией. В Барнауле во второй половине февраля была задержана и передана в распоряжение следственной комиссии прибывшая из Томска слушательница высших женских курсов Е. Николаева, оказавшаяся после опознания видной большевичкой Кужелевой⁷¹.

2 декабря 1918 г. Тобольский уездный комиссар потребовал от следственной комиссии "безотлагательного принятия мер". Дело было в том, что "агитаторы" Чашечкин и Муравьев, оставаясь на свободе, продолжали делать "свое дело". В результате Черемуховское общество не платило подати и другие сборы⁷².

Некоторое обобщенное представление о том, кто задерживал и доставлял подозрительных людей в следственные комиссии, дает анализ документов Миасской следственной комиссии. Сюда было "доставлено" 48 человек. Казачий разъезд доставил 13, контрразведка - 8, милиция - 7, застава чехов - 6, комендант железнодорожной станции и помощник председателя самой следственной комиссии доставили по одному человеку⁷³.

Следует отметить, что обвинение задержанных в большевизме было основным, но не единственным. Так из 1321 дела, рассмотренного в 1918-1919 гг. Иркутской губернской следственной комиссией по политическим мотивам было заведено 80-85% дел и только 7% по уголовным, в том числе и за "бесписьменность" (т. е. отсутствие документов)⁷⁴. Примерно такое же положение было в Миасской следственной комиссии. Здесь отмечено 75 случаев, когда была указана причина задержания. За службу в Красной армии было задержано 24 человека, за содействие большевикам - 23. 16 человек из 97 было арестовано без указания причины.

Особого внимания заслуживает состояние делопроизводства в следственных комиссиях, ибо от этого часто зависела судьба человека. В Миасской комиссии на одного арестованного приходилось от одного до 10 протоколов допросов. В то же время в делах 41 заключенного из 97 протоколы допросов отсутствовали⁷⁵. Можно назвать несколько причин такого положения. Одна из них заключается в том, что, может быть, не все допросы протоколировались. Другая - в том, что допросов просто не было. Бывший санитар Центрального полевого госпиталя Прибайкальского фронта Е. Н. Поляков сообщил в Верхнеудинскую следственную комиссию о том, что со дня ареста 19 сентября до 20 ноября 1918 г. - дня написания заявления - не был ни разу допрошен⁷⁶.

Деятельность комиссий были призваны контролировать различные должностные лица. Уполномоченный командующего Сибирской армии по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Пермском, Екатеринбургском, Шадринском, Камышловском, Красноуфимском, Кунгурском, Ирбитском и Верхотуринском уездах полковник С. А. Домонтович 6 февраля 1919 г. на шесть дней выезжал для проверки работы следственной комиссии в Перми. Чуть позже, в июне 1919 г., управляющий Пермской губернией проинформировал юрисконсульта МВД М. В. Иванова о работе следственных комиссий в губернии. Помощник юрисконсульта МВД С. Р. Колосов 11 июня 1919 г. выехал в Барнаул для ознакомления с деятельностью местных следственных комиссий и выяснения вопроса образования окружной следственной комиссии.⁷⁷

Свое мнение о деятельности следственных комиссий иногда высказывала общественность. Автор статьи, опубликованной в газете "Земля и труд", выдвинул идею о том, что, может быть, министерство юстиции объяснит председателю Курганской следственной комиссии, что она не суд. Это казалось автору тем более странным, когда сам председатель комиссии был мировым судьей⁷⁸.

Некоторые показатели работы следственных комиссий в Пермской губернии по состоянию на 6 июня 1919 г.⁷⁹ даны в приложении № 7. Всего под стражей "за следственными комиссиями" числилось 6805 человек. Причем число арестованных колебалось от 28 в Висимой до 1629 в Камышловской. Столь же значительным был разрыв по завершенным делам. Самый маленький процент незавершенных дел был в Ирбитской комиссии - 0,3%, а самый большой - в Соликамской - 89%, иными словами, здесь из 100 заведенных дел незавершенными были 89. В среднем по губернии процент незавер-

шенных дел составлял 21,1%, таким образом, дела 1437 человек "зависли".

За пятью следственными комиссиями Енисейской губернии в конце июня 1919 г. числилось 2348 дел. Из них было окончено 1894, "не разрешено" 454 дела. Здесь доля законченных рассмотрением дел была еще ниже, чем в Пермской губернии — 19,3%. Власти пытались разобраться в причинах столь низкой эффективности комиссий. Было названо два весьма важных обстоятельства.

Во-первых, отмечены случаи, когда отсутствие кворума тормозило работу комиссий. 30 апреля 1919 г. управляющий Ирбитским уездом сообщил управляющему Пермской губернией о выбытии из состава следственной комиссии в связи с переводом в Пермь товарища прокурора Сушкевича, бывшего административного судьи Покровского, получившего назначение в канцелярию Главного начальника Уральского края, судебного следователя по Сарапульскому уезду, который вернулся на прежнее место службы после освобождения Сарапула. Судебный следователь 4-го участка Пьянков был болен. В итоге в составе комиссии осталось три человека, причём председатель тоже переводился на новое место службы, а один мировой судья уклонялся от работы в комиссии. Управляющий уездом спрашивал своего начальника о том, что ему делать⁸⁰.

Более конструктивно в подобной ситуации повела себя в феврале 1919 г. Петропавловская следственная комиссия. Она обратилась к управляющему Петропавловским уездом с просьбой телеграфно просить управляющего областью пополнить названную комиссию адъютантом коменданта города поручиком Жонговичем и беженцем членом Саратовского окружного суда Радищевым⁸¹.

Во-вторых, на эффективности работы комиссий сказывался невысокий профессиональный уровень их членов. Начальник Минусинского военного района 14 февраля 1919 г. рапортовал начальству о том, что сложная работа выпала на долю следственных комиссий. Членами её были строевые командиры, с небольшим образовательным цензом и без всякой юридической подготовки. Только в последнее время, сообщал начальник военного района, в комиссию вошёл товарищ прокурора. Поэтому дела, справедливо считал офицер, разбираются долго⁸². В-третьих, недостаточно действенным и постоянным был контроль за деятельностью комиссий со стороны прокуратуры и администраций регионов.

Важным показателем работы таких комиссий признавалось не только проведенное расследование, но и вынесенное решение. По

данным И. С. Капцуговича, только в Кунгурском уезде Пермской губернии местная следственная комиссия за одну неделю вынесла 768 приговоров. По воспоминаниям Г. Ф. Наймушина, за тот же период по приговору упомянутой комиссии было расстреляно 768 человек⁸³. Здесь вкралась ошибка, когда под приговором мемуарист подразумевает только смертную казнь. Это было далеко не так.

Есть отрывочные пока сведения о судьбе людей, оказавшихся под арестом в ожидании решения следственных комиссий. Председатель Канской следственной комиссии В. О. Клоков, бывший товарищем прокурора Красноярского окружного суда, 4 апреля 1919 г. сообщил управляющему Енисейской губернией о том, что за период со 2 января по 2 апреля возникли дела о 129 лицах, арестованных во внесудебном порядке. Было освобождено 34 человека, передано начальнику местного гарнизона для последующей передачи военно-полевому суду - 15. При разных обстоятельствах было убито 14 человек и один умер в тюрьме. Дела на 65 человек остались не расследованными⁸⁴. Обращает на себя внимание число лиц, убитых при "разных" обстоятельствах. Следует отметить, что среди задержанных далеко не все были сторонниками советской власти. В Омске в июле 1919 г. продолжал находиться под стражей кандидат юридических наук Г. А. Крамин. Он был арестован еще большевиками за освобождение офицеров в Бийске, когда был заместителем председателя следственной комиссии. Однако и следственная комиссия белых не торопилась рассмотреть его дело⁸⁵.

Все принятые комиссиями решения можно сгруппировать следующим образом. Во-первых, часто принимались решения о продлении срока содержания под арестом. Курганская следственная комиссия по истечении 3 месяцев срока внесудебного заключения неоднократно продлевала срок заключения. В феврале - ноябре 1919 г. она принимала такое решение 807 раз. Дело в том, что некоторые арестованные содержались в тюрьме с момента падения большевиков летом 1918 г. Во всех случаях оговаривался один срок - до 1 октября 1919 г. Это была предполагаемая дата созыва Учредительного собрания. Приговор по каждому арестованному представлялся в министерство юстиции для последующей передачи на утверждение правительства⁸⁶.

Во-вторых, принимались решения об освобождении подозреваемого. За август - сентябрь 1919 г. по постановлению Ачинской уездной следственной комиссии было освобождено из местной тюрьмы 39 человек⁸⁷. Благовещенская следственная комиссия на двух засе-

даниях в декабре 1919 г. рассмотрела 40 дел. Приговором от 18 декабря были освобождены бывший комиссар библиотеки Народного дома Степковский и техник Онищенко. 20 декабря было освобождено еще 9 человек. На этих же заседаниях было решено 10 человек, подозреваемых в содействии красным, взять под стражу и 11 человек оставить в заключении до суда Учредительного собрания⁸⁸.

В некоторых случаях в приговорах указывалось основание для освобождения. Постановлением Иркутской губернской следственной комиссии от 8 февраля 1919 г. под председательством К. М. Крылова были освобождены 6 человек, приехавших в Сибирь из Самары. Комиссия пришла к выводу, что они были задержаны "без достаточных к тому оснований". В другом случае была ссылка на норму права, не допускающую наказания за одно и то же деяние дважды. В частности, 7 декабря 1918 г. Иркутский губернский комиссар препроводил в губернскую следственную комиссию прошения арестованных Г. И. Дронова и Н. Ф. Иванова. Одновременно была высказана просьба об отмене постановлений комиссии по их делам, т. к. они уже отбыли срок наказания по прежде состоявшимся постановлениям по тому же обвинению⁸⁹. Три человека по распоряжению прокурора Читинского окружного суда от 21 декабря 1918 г. подлежали освобождению ввиду прекращения дознания в порядке ст. 253 "Установлений уголовного судопроизводства"⁹⁰.

Имели место случаи принятия решения об освобождении на основании недостоверной информации. В Камышлове из-за "отсутствия фактов" был выпущен на свободу большевик А. Г. Чирухин. Как он сам вспоминает, ему удалось за взятку в 1 тыс. руб. секретарю следственной комиссии перехватить справку о своей принадлежности к большевикам⁹¹.

Определенный порядок освобождения соблюдался в Енисейской уездной следственной комиссии. 25 ноября 1918 г. уездным комиссаром в соответствии с ч. 2 п. 4 "Положения о следственных комиссиях" был освобожден А. Буянов. При принятии такого решения были взяты во внимание два обстоятельства: окончание срока задержания и то, что, согласно полученным о нем негласным сведениям, он не является опасным. 18 декабря 1918 г. то же должностное лицо освободило С. П. Иванова. Кроме вышеназванных обстоятельств у С. П. Иванова было поручительство благонадежных лиц. Енисейский губернский комиссар был информирован о каждом случае освобождения⁹². Поручителями могли выступать профсоюзные организации. Омское правление Всероссийского почтово-телеграфного

союза уполномочило М. Сервина взять под поручительство организации арестованных членов данного профсоюза⁹³.

Для некоторых лиц освобождение не означало конец их проблем. Об одной из них управляющий Ирбитским уездом 31 января 1919 г. сообщил в МВД от 31 января 1919 г. В этом уезде были случаи, когда крестьян, освобожденных следственной комиссией, не принимало их сельское общество. Управляющий уездом спрашивал о том, как быть с имуществом таких лиц, которое оставалось в селе⁹⁴.

Были случаи, когда бюрократические проволочки продлевали нахождение человека в заключении. 9 августа 1919 г. начальник иркутской тюрьмы обратился в Иркутскую окружную следственную комиссию. Дело касалось освобождения 12 человек, арестованных по списку коменданта города, но все еще числящихся за следственной комиссией. Начальник тюрьмы спрашивал разрешения на их освобождение. Председатель комиссии переслал это обращение коменданту. Комендант распорядился перечислить этих людей за следственной комиссией и только потом освободить⁹⁵. В этом случае заметно, как упомянутые должностные лица не хотели принять на себя ответственность за освобождение.

Говоря об освобождении, следует иметь в виду не только правовую, но и административный подход к этому решению. Командир 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса генерал-майор Усов 19 ноября 1918 г. обратился к Иркутскому губернскому комиссару с сообщением о том, что следственные комиссии часто освобождают таких лиц, для дальнейшего содержания которых нет достаточных оснований с точки зрения следственной власти, но тем не менее некоторые из этих лиц по своей прошлой большевистской деятельности крайне опасны. Командир корпуса просил уведомлять его заранее о предстоящем освобождении таких лиц для того, чтобы он мог принять меры для их высылки за пределы округа. На письмо была наложена резолюция о том, чтобы члены следственной комиссии приняли просьбу военного к неуклонному исполнению⁹⁶. В этом случае требования права уступили место административному произволу должностного лица, весьма вольно трактовавшему понятие «опасной» или «*большевистской» деятельности.

В-третьих, принимались решения о высылке или ссылке неблагонадежных лиц. В июле 1919 г. постановлением Иркутской губернской следственной комиссии был выслан в один из отдаленных пунктов Ленского края на все время войны лектор и правитель дел местного народного университета Г. Ф. Бетон⁹⁷. 27 октября 1919 г.

Красноярская окружная следственная комиссия за сотрудничество с совдепами приговорила С. Т. Моисеенко к 5 годам ссылки, при этом место должно было быть указано МВД. В приговоре содержалось указание дать ссылаемому возможность познакомиться с порядком пересмотра приговора⁹⁸.

Наконец, в-четвертых, комиссия могла наложить штраф. Газета "Забайкальская новь" была оштрафована на 3 тыс. руб. за фразу "председатель следственной комиссии избран начальником гарнизона неудачно"⁹⁹.

Результаты деятельности следственных комиссий уже в то время не признавались однозначно положительными. Более того, она вызывала недовольство. Во-первых, не всегда оправданной была численность и столь разветвленная сеть таких комиссий. Тем более что у властей не было возможности сформировать каждую из них из квалифицированных специалистов. Может быть, этим мотивом руководствовались 3 февраля 1919 г. управляющие уездами Томской губернии, принимая решение ликвидировать уездные и сельские следственные комиссии. Было признано целесообразным оставить только губернскую комиссию из 1-2 чиновников¹⁰⁰.

Во-вторых, были предложения создать более действенный орган. Об этом говорил 3 марта 1919 г. на съезде управляющих уездами Иркутской губернии управляющий губернией П. Д. Яковлев. По его мнению, условия деятельности следственных комиссий нельзя было признать удовлетворительными. Они, считал он, не обладали и не обладают тем аппаратом, при помощи которого можно производить достаточно полные дознания и устанавливать виновность действительно виновных. Комиссии не имели достаточно доказательного материала. Управляющий губернией, по его словам, из-за этого тоже находится в затруднительном положении, а министр юстиции молчит. П. Д. Яковлев заявил о необходимости для пользы дела создать корпус государственной охраны.

Подобное настроение было и у начальника созданного вскоре Иркутского губернского управления государственной охраны. 24 мая 1919 г. он сообщал директору департамента милиции МВД о том, что идея следственных комиссий изжила сама себя, поэтому и пользы от них ожидать не приходится. Он обратил внимание на то, что бумаги в таких комиссиях долго "ходят". В некоторых случаях люди, числящиеся за ними, находятся не в тюрьме, а на свободе. Наказания, выносимые комиссиями, он назвал смешными. В итоге начальник управления предложил ликвидировать эти комиссии. В ответе

от 10 июня 1919 г. управляющий особым отделом департамента милиции уведомил начальника управления о том, что следственные комиссии скоро будут упразднены¹⁰¹.

А. А. Баканова также считает, что сложно оценить деятельность следственных комиссий, поскольку она была противоречивой. Они не имели права выносить смертные приговоры, а особо активных большевиков только изолировали от общества. Эти комиссии существовали как внесудебный орган. Для этого автора безусловно, что комиссии вносили элемент гуманности и законности, ограничив волну необоснованных арестов. Деятельность их, по ее мнению, имела политическую направленность.¹⁰² На наш взгляд, тезис А. А. Банановой об ограничении комиссиями волны необоснованных арестов нужно подкрепить конкретными данными, которые еще предстоит найти.

Для рассмотрения дел об офицерах, классовых чинах и врачах при военном ведомстве и на местах при командующих округами и дивизиями 10 апреля 1919 г. была создана Центральная следственная комиссия. Она руководствовалась положением, принятым Советом министров 4 апреля 1919 г. Первым ее председателем был помощник военного министра по казачьим делам генерал-майор Б. И. Хорошхин, затем генерал-лейтенант Г. Е. Катанаев.

Характер директивы для деятельности этой комиссии имело мнение руководителя военного ведомства. 6 мая 1919 г. военный министр сообщил председателю Центральной следственной комиссии о том, что по полученным сведениям у генерал-лейтенанта А. И. Деникина практикуется беспощадное отношение к высшим чинам, причастным к красным. Министр посчитал это правильным и предложил руководствоваться таким опытом. На документе сохранилась виза Верховного правителя, начертанная синим карандашом, "Согласен".

Среди тех, кто предстал перед такой комиссией, был полковник В. П. Громыко. Он был признан виновным в том, что служил при красных выборным председателем биржи труда в Ирбите. В. П. Громыко был изобличен в тесном сотрудничестве с исполкомом, произнесении речей большевистского характера. Приговор комиссии предусматривал увольнение его со службы в дисциплинарном порядке с сохранением права на получение выслуженной пенсии, но без права ношения мундира. Были и оправдательные приговоры: в отношении генерал-лейтенанта Мясникова, начальника Хабаровского окружного арсенала генерал-майора Померанцева, ветеринарного врача 2-го Степного корпуса действительного статского советника Касат-

кина. Первый был оправдан как неактивный сторонник и участник советской власти, второй - как помощник (белых) повстанцев, а третий - за то, что старался противодействовать распоряжениям красных командиров¹⁰³.

Несколько иные результаты были у военно-следственных комиссий, разбиравших дела гражданских лиц. Комиссия при начальнике военного района города Минусинска разбирала дела арестованных в связи с крестьянским мятежом. По состоянию на 10 февраля 1919 г. были рассмотрены дела на 770 человек. Военно-полевому суду было предано **160**, заключено в тюрьму в административном порядке 162, подвергнуто штрафу в административном порядке 270, направлено на военную службу 40, совершенно освобождено от наказания 118 человек. Находились в производстве дела еще на 432 человека¹⁰⁴. Столь разные результаты объяснялись не только тяжестью обвинений, но, как нам кажется, корпоративными соображениями.

По делам исключительной государственной важности создавались Чрезвычайные следственные комиссии. Такая комиссия была создана для расследования обстоятельств расстрела нескольких членов Учредительного собрания и других лиц 23 декабря **1918** г. в Омске. Тогда постановлением Совета министров от 14 января **1919** г. была создана Чрезвычайная следственная комиссия во главе с сенатором А. К. Висковатовым. В состав комиссии вошли генерал-майор член военно-окружного суда Погосский, товарищ председателя Омского окружного суда С. В. Калугин, член того же суда В. В. Волесский, а также член Новониколаевского окружного суда Н. Ф. Васильев. Комиссия работала с **11** февраля до июля **1919** г.¹⁰⁵ Однако восстановить полностью картину происшедшего, а тем более наказать виновных не удалось.

Постановлением Совета министров от 21 января **1919** г. была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию жалоб на противозаконные действия полковника Г. М. Семенова и подчиненных ему лиц. Данную комиссию возглавил генерал-лейтенант Г. Е. Катанаев. В ее состав вошли генерал-лейтенант В. В. Нотбек, военный судья Иркутского военно-окружного суда полковник Рудько, член Иркутской судебной палаты Бушуев, председатель Омского окружного суда Кисилев. Хотя в Читу комиссию не пустили, она и в Иркутске смогла найти множество свидетельств злоупотреблений Г. М. Семенова¹⁰⁶. При знакомстве с результатами деятельности обеих комиссий обращает на себя внимание тот факт, что все они действовали безрезультатно. Ни один из высокопоставленных обвиняемых в тяжких преступлениях не был отдан под суд.

3.3. Осуществление надзора за соблюдением законности и правопорядка

Согласно российской традиции, основным органом надзора за соблюдением законности оставалась прокуратура. Власти белой Сибири были обеспокоены отчуждением сибиряков от этого правоохранительного органа. "Самым ярким проявлением большевизма со стороны населения является то, - сообщал начальству прокурор Читинского окружного суда, - что оно за разрешением своих споров и тяжб обращается не к законным властям, а к главарю шайки"¹⁰⁷.

Сотрудники прокуратуры занимались проверкой соответствия нормам права решений гражданских должностных лиц. Прокурор Владивостокского окружного суда обратился с просьбой к управляющему областью прислать копию решения съезда управляющих уездами области. На нем в первых числах февраля 1919 г. говорилось об учреждении административного совещания¹⁰⁸, не предусмотренного законом. В другой раз прокурор Петропавловского окружного суда направил в министерство юстиции инструкцию, утверждённую Камчатским областным комиссаром. Она была адресована уездным, волостным и сельским комитетам и касалась административного устройства сельских обществ. В ответ на запрос министерства юстиции министерство внутренних дел согласилось на то, чтобы Верховный уполномоченный на Дальнем Востоке изъял эту инструкцию из делопроизводства¹⁰⁹.

Нами отмечены случаи, когда чины прокуратуры опротестовывали действия юридических лиц. В частности, в марте 1919 г. прокурор Пограничного окружного суда подписал протест против пароходовладельцев, продавших свои суда иностранцам, тем самым нарушив экономические интересы России¹¹⁰.

Чинам прокуратуры приходилось заниматься и обращениями граждан о защите своих законных прав. В ходатайстве от 3 марта 1919 г. П. А. Безродова просила прокурора Красноярского окружного суда быстрее расследовать дело ее мужа К. А. Безродова¹¹¹. В августе 1919 г. в прокуратуру Барнаульского окружного суда поступили многочисленные протоколы, решения, донесения об отказе служить в колчаковской армии, присланные жителями сел Егорьевской волости Змеиногорского уезда¹¹². Крестьяне просили защитить их от мобилизации на воинскую службу.

Принципиально важным в этом отношении является циркуляр от 13 июля 1919 г. за подписью исполнявшего обязанности министра юстиции М. А. Малиновского. В документе содержалось

требование к прокурорам судебных палат и окружных судов пресекать любые нарушения законов, от кого бы они ни исходили¹¹³. Для этого были предприняты попытки расширить полномочия прокуратуры. В октябре 1919 г. в газетах появилось сообщение о том, что в министерстве юстиции подготовлен проект о временном расширении прав прокурорского надзора за правомерностью внесудебных арестов в местностях, находящихся вне театра военных действий. Документ предусматривал информирование чинов прокурорского надзора в течение 24 часов с момента задержания. Если обнаруживалось отсутствие основания, то освобождение предусматривалось также в 24 часа.

Законопроект оговаривал следующие причины для освобождения: 1) арест был произведен лицом, на это "не уполномоченным"; 2) в ордере не было ссылки на соответствующий закон, послуживший основанием для ареста; 3) законом не был установлен арест за данное деяние. Однако действие будущего документа не распространялось на распоряжения командира корпуса и лиц, "равных ему по власти"¹¹⁴.

Недостаточные, в условиях гражданской войны, полномочия органа, надзирающего за законностью, обусловили, в отдельных случаях, активность органов местного самоуправления. Красноярская городская дума на своём закрытом заседании 5 декабря 1919 г. высказалась за то, чтобы представить прокурорскому надзору действительную возможность привлекать к ответственности нарушителей закона, кем бы они ни были. Документ подготовили гласные Д. Е. Лаппо (прокурор местного окружного суда), В. А. Смирнов, Вс. А. Смирнов и Л. П. Смирнов¹¹⁵. Однако для реализации этого предложения у властей уже не было времени.

Традиционным и важным видом деятельности чинов прокуратуры в те годы было представление обвинения в суде. Об этом напоминал циркуляр прокурора Тобольского окружного суда от 3 декабря 1918 г., разосланный товарищам прокурора по всем судебным участкам. Публичное обвинение, говорилось в документе, является одной из самых важных и видных обязанностей прокурорского надзора. Вместе с тем некоторые из товарищей прокурора, по мнению автора циркуляра, не обращают на это должного внимания. В связи с этим прокурор посчитал необходимым дать своим подчинённым следующие указания. Накануне суда следует обязательно к нему подготовиться, независимо от способностей и дара слова. Надо выяснить картину и мотивы преступления, определить и, по возможности, понять личность подсудимого.

Прокурор требовал принимать самое активное участие в судебном следствии. На самом заседании, не выпуская из вида внешней формы речи, обратить серьёзное внимание на её содержание. "Очень важно, как говорить, — писал прокурор, — но гораздо важнее, что говорить". Все нарушения, допущенные защитой, предлагалось заносить в протокол или просить судью оградить заседание от них. Чины прокурорского надзора были предупреждены о том, что осуждение невиновного ещё более противно законности, чем оправдание виновного. Цель суда - не обвинение, а исключительно раскрытие истины, в чём бы она ни состояла. Прокурор требовал от своих подчинённых уважения к председательствующему, а если он не способен вести судебное заседание, то сделать об этом запись в протоколе, причём в самой корректной форме. Прокурорские чины предупреждались о том, что выражение ими неодобрения работой присяжных заседателей недопустимо и несовместимо со статусом прокурорского надзора¹¹⁶. Такие требования к обвинению были основаны на многолетнем российском опыте и вполне, на наш взгляд, соответствовали принципам правового государства.

Прокуратура осуществляла надзор за деятельностью правоохранительных органов. Во-первых, это касалось законности в действиях органов милиции. Прокурор Владивостокского окружного суда Н. В. Лавров в середине января 1919 г. сопровождал управляющего Приморской областью И. И. Циммермана, выезжавшего с целью инспекции в Хабаровск, Никольск-Уссурийск, Спасский и Иман. 12 марта 1919 г. новый прокурор Владивостокского окружного суда Любоздецкий и товарищ прокурора В. Г. Колесниченко в порядке надзора посетили уголовно-розыскное отделение Владивостокской городской милиции. Проверяющие подробно осмотрели регистрационный отдел, уголовные дела, архив и дела общей канцелярии и нашли всё в образцовом порядке¹¹⁷. 16 августа 1919 г. прокурор Благовещенского окружного суда известил прокурора Иркутской судебной палаты о том, что им "заведен наряд" по наблюдению за производством дела по ст. 347-2, 348, 1540 "Уложения о наказаниях". Предметом расследования стало избивание плетью начальником 6-го участка уездной милиции Серебрениковым 30 июня 1919 г. письмоводителя Рассолова, затем посаженного им в каталажную камеру¹¹⁸. С инспекторскими целями в июне 1919 г. прокурор Иркутской судебной палаты выезжал в Харбин¹¹⁹. В сентябре 1919 г., беседуя с представителями прессы, министр юстиции сенатор Г. Г. Тельберг заявил: его первое дело добиться, чтобы прокурорский

надзор в каждом уездном городе раз в месяц посещал с проверкой милицию или тюрьму¹²⁰.

Во-вторых, речь шла об информировании чинов прокуратуры со стороны милиции. 9 сентября 1919 г. уголовный отдел департамента милиции МВД указал управляющим губерниями и областями передать чинам милиции требование о неукоснительном соблюдении ст. 250 "Устава уголовного судопроизводства". Речь шла о немедленном сообщении судебному следователю, прокурору или его помощнику о всяком происшествии (преступлении или проступке) в течение суток. Дело было в том, что на практике такую информацию задерживали или вообще не сообщали¹²¹.

В-третьих, в ведении прокуратуры было решение кадровых вопросов в милиции. Руководители губерний (областей) должны были "испрашивать" у прокуроров окружных судов согласие на замещение начальствующих должностей в милиции. В конце ноября 1918 г. состоялось представление новому прокурору Владивостокского окружного суда начальника городской милиции Климашевича, обоим его помощников, начальников участков и начальника уголовно-розыскного отделения М. М. Крамарчука¹²². Приказом управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого от 29 января 1919 г. был освобожден от должности начальника Красноярского уголовно-розыскного отделения Я. Б. Умгельтер. На названную должность по согласованию с прокурором Красноярского окружного суда был допущен с 1 февраля Н. В. Егоров. Таким же порядком был назначен 6 февраля начальник милиции 3-го участка Красноярска¹²³. В марте 1919 г. департамент милиции вновь подтвердил управляющим губерниями и областями непрременную обязанность всем классным чинам представляться местным лицам прокурорского надзора¹²⁴.

Прокуратура осуществляла надзор за соблюдением законности в органах контрразведки. 17 февраля 1919 г. исполняющий обязанности прокурора Благовещенского окружного суда И. Е. Красильников телеграфно сообщил прокурору Иркутской судебной палаты о результатах проверки товарищем прокурора Тучковым местной контрразведки. Было выявлено, что один из обвиняемых содержится больше положенного срока. Его задержание произвели без должных оснований, была лишь ссылка на условия военного времени. За время проверки Тучков из 200 дел сумел проверить лишь 20. После этого атаман И. М. Гамов запретил выдавать ему документы. Только разрешение вышестоящих военных властей помогло прокурору закончить проверку¹²⁵. Таким образом, отношение прокурора

для казачьих атаманов не было нормативным документом прямого действия. По итогам проверки делопроизводства Канского и Красноярского контрразведывательных пунктов прокурор Иркутской судебной палаты 29 сентября 1919 г. направил прокурору Красноярского окружного суда свое представление об устранении нарушений¹²⁶.

Прокурорский надзор распространялся и на деятельность чрезвычайных органов, созданных в условиях гражданской войны. Речь идет о следственных комиссиях и военном контроле. 25 июня 1919 г. старший председатель Омского окружного суда направил прокурору Омского окружного суда определение общего собрания судебной палаты от 19 июня. В документе говорилось о том, что для рассмотрения дел революционных трибуналов, существовавших при советской власти, созданы следственные комиссии при окружных судах. Состав комиссий был из 3 человек, и их решения направлялись на заключение лиц прокурорского надзора¹²⁷. 5 мая 1919 г. прокурор Иркутского окружного суда направил начальнику Иркутского отделения военного контроля отношение, в котором напомнил о том, что никто не отменял ст. 129 и 132 "Уложения о наказаниях", которые предусматривали ответственность за распространение и хранение большевистской литературы¹²⁸.

Специфика гражданской войны обусловила и появление особых аспектов в деятельности прокуратуры. Во-первых, речь идет о борьбе с большевизмом, т. е. о политических делах. Прокурор Иркутской судебной палаты считал необходимым вменить в вину большевикам организацию ими в Сибири и на Дальнем Востоке советских отрядов "для боевых действий против войск законного правительства". Он требовал предать суду всех бывших партийных и советских работников, которые находились в тюрьмах и лагерях Восточной Сибири и Дальнего Востока. С этой целью он просил прокурора Владивостокского окружного суда ответить на следующие вопросы: 1) какие были приняты меры к судебной ликвидации большевистского движения в Приморской области; 2) возбуждено ли уголовное преследование против всех лиц, входивших в состав большевистского областного и уездных исполнительных комитетов, которые представляют собой не что иное, как "филиальные отделения преступной организации "СНК", ниспровергнувшей законный государственный строй в России и захватившей верховную власть".

В свою очередь, прокурор Владивостокского окружного суда, ссылаясь на постановление Временного Сибирского правительства о судебном преследовании всех членов РКП(б) и бывших советских ра-

ботников, объявил о привлечении арестованных в Приморье большевиков к уголовной ответственности. Деятельность указанных лиц квалифицировалась им не как политическая, а как уголовная¹²⁹.

Во-вторых, много проблем прокурорскому надзору доставляли "военщина" и "атаманщина". Непростые отношения сложились у органов прокуратуры с военными властями. Казанские прокуроры, которые вели следствие по делу о восстании в Омске 22-23 декабря 1918 г., открыто говорили о том, что военные оказывали им неодолимое сопротивление¹³⁰. Военные допускали в отношении чинов прокурорского надзора прямой произвол. В декабре 1918 г. они отобрали у товарища прокурора Благовещенского окружного суда по Хабаровскому участку Н. Е. Твердова его оружие. Этот случай имел последствия. Упомянутый чин прокуратуры направил по начальству протест и заявил, что теперь он не может выехать на место происшествия, пока у него не будет милицейской охраны¹³¹.

Сложными были отношения органов прокуратуры с атаманами местных казачьих войск. Исполняющий обязанности прокурора Благовещенского окружного суда И. Е. Красильников 16 января 1919 г. направил прокурору Иркутской судебной палаты приказ от 10 января 1919 г., подписанный войсковым атаманом Амурского казачьего войска И. М. Гамовым. И. Е. Красильников охарактеризовал документ как слишком суровый и незаконный, изданный "неправомочным" лицом. Прокурор Иркутской судебной палаты по этому поводу 18 февраля 1919 г. направил своё отношение командующему Приамурским военным округом, приказом которого приказы И. М. Гамова были отменены¹³².

Следует отметить, что не всегда конфликтные ситуации оканчивались благополучно. Только после нескольких запросов товарища прокурора Приморского окружного суда 23 ноября 1918 г. был освобождён из-под ареста помощник Никольск-Уссурийского городского головы Ф. С. Лапин. Однако начальник тюрьмы Максютя успел сообщить об этом калмыковцам, которые увезли Ф. С. Лапина с собой. Впоследствии он был найден убитым¹³³.

В некоторых случаях по представлению чинов прокурорского надзора нарушения законности рассматривали сами атаманы. В апреле 1919 г. прокурор Благовещенского окружного суда уведомил председателя земской управы, что, как сообщил начальник штаба Амурского казачьего войска, по делу о бесчинствах отряда есаула Шульгина в Мазанской волости войсковым атаманом начато расследование¹³⁴.

Наконец, определенные сложности в деятельность прокуратуры вносило присутствие на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока союзных колчаковскому режиму войск. В ноябре 1918 г. генерал-майор У. Грэвс от имени союзного командования потребовал (!) от прокурора Владивостокского окружного суда и командующего войсками в Приморской области совместного рассмотрения всех дел об участии рабочих и крестьян Дальнего Востока в советском движении. Только в ноябре 1919 г. союзное командование разрешило чинам российской прокуратуры вести следствие по делам большевистских подпольных организаций, выявленных ими¹³⁵.

Вскоре после прихода к власти А. В. Колчака было создано судебное учреждение, которое венчало собой сибирские судебные установления. 24 декабря 1918 г. Совет министров утвердил положение об открытии в Омске Временных присутствий первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената. Одновременно было отменено положение Временного Сибирского правительства от 7 сентября 1918 г. об "Учреждении Высшего Сибирского суда". В документе говорилось, что новый орган будет функционировать впредь до восстановления деятельности Правительствующего Сената в полном объеме. Нормативной базой деятельности Сената признавались правила Учреждения Правительствующего Сената (Т. 1. Ч. 2 Свода Законов Российской империи, изд. 1917 г.) и Судебные уставы Императора Александра II (Т. XV. Ч. 1 Свода Законов, изд. 1914 г.). Штатное расписание Правительствующего Сената повторяло (см. приложение М° 8) структуру такого же органа царской России.

Председательствование во временных присутствиях департаментов, а также во Временном Особом Присутствии возлагалось на старейшего сенатора. Председательствование в Соединенном Присутствии временных присутствий Первого и Кассационного департаментов Правительствующего Сената возлагалось на одного из сенаторов по указу Верховного правителя. Для разрешения подведомственных Правительствующему Сенату дисциплинарных дел должностных лиц судебное ведомство образовывало Временное Высшее Дисциплинарное Присутствие из председательствующих временных присутствий, кассационных департаментов, всех сенаторов Соединённого Присутствия первого и кассационного департаментов и двух сенаторов кассационного департамента по указу Верховного правителя. Председательствование в Высшем Дисциплинарном Присутствии возлагалось на одного из председательствующих во временных присутствиях кассационных департаментов по указу Верховного правителя.

Подготовка дел к слушанию во Временном Особом Присутствии, как и исполнение делопроизводительных обязанностей и направление дел к исполнению возлагалось на канцелярию Временного Присутствия гражданского Кассационного Департамента Сената. Наконец, просьбы об отмене окончательных решений окружных судов в качестве мировых съездов в округах Омской и Иркутской судебных палат, как и кассационные жалобы и протесты на окончательные приговоры тех же судов приносились Правительствующему Сенату с соблюдением ст. 177 "Устава уголовного судопроизводства" и ст. 189-190 "Устава гражданского судопроизводства"¹³⁸.

Иными словами, первый департамент Сената должен был получить законодательные, административные и судебные функции. Временным присутствиям Сената предполагалось передать все кассационные функции судебных палат Сибири. О значении и задачах высшего судебного органа рассказал в "Сибирской жизни" профессор В. А. Рязановский¹³⁷.

На торжественном открытии Временного Присутствия Правительствующего Сената, которое состоялось 29 января 1919 г., был Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак¹³⁸. Начало деятельности Сената вызвало широкий отклик в печати. "Правительственный вестник" справедливо отметил, что без осуществления указанных функций (высший суд и надзор за управлением, обнаружение и хранение законов) "власти законодательная, исполнительная, судебная лишены своей законченности, государственная власть по своей конструкции не может быть признана властью подзаконной". Екатеринбургская газета "Отечественные ведомости" обратила внимание на то, что "по счастливому совпадению это завершение государственного нашего здания имело место именно в тот момент, когда на Версальском совещании некоторые из союзников обнаруживали стремление смотреть на нашу молодую государственную власть как на частную организацию, конкурирующую за обладание властью в России с захватчиками её, большевиками". Этот взгляд, полагал автор, мы теперь имеем формальную возможность отвергнуть¹³⁹.

Критически оценил это событие автор омской "Нашей Зари". В статье "К возобновлению деятельности Правительствующего Сената" он обратил внимание на то, что в распоряжении Сената нет библиотеки, сборников нормативных документов, прецедентов, опытной канцелярии, в конце концов, самих сенаторов. Вместе с тем этот автор все-таки выразил надежду, что Правительствующий Сенат "всею силой своего авторитета должен помочь восстановлению значения

закона, т. к. без законности управления нет возможности справиться с разбушевавшейся стихией народных страстей"¹⁴⁰.

Исследователь В. В. Журавлев подверг постановление правительства о создании Правительствующего Сената. Оно, по его мнению, не содержало важных, с политической точки зрения, положений об участии в этом органе представителей общественных организаций и самоуправления. Недостатком Журавлев считал и то, что юрисдикция Сената не распространялась на военные суды¹⁴¹. Первое замечание не соответствует самой идее Сената как высшего суда, в состав которого должны входить не политические и общественные деятели, а юристы высшей квалификации. Со вторым же замечанием исследователя можно согласиться. Однако это исключение было допущено, видимо, с учетом условий военного времени.

На наш взгляд, создание этого судебного учреждения свидетельствовало не только о желании логически завершить пирамиду судоустройства, но и о стремлении воссоздать всю структуру государственной власти.

Некоторое представление о персональном составе Правительствующего Сената дает приложение № 9. Обращают на себя внимание несколько обстоятельств. По происхождению 6 сенаторов было из дворян, в том числе трое носили титулы (князя, графа и барона). Кроме этого, были выходцы из семьи священника и чиновника. Известно, что один сенатор был тайным советником, трое - действительными статскими советниками, а еще трое — статскими советниками. Один сенатор был в придворном звании камергера.

В составе высшего судебного органа из 18 человек было по меньшей мере 13 человек с высшим юридическим образованием. Большинство из них были практикующими юристами - председателями и членами судебных палат и окружных судов, но были и три профессора права. Два сенатора представляли сословие присяжных поверенных. Три сенатора не имели прямого отношения к судебной системе. Среди сенаторов были председатель и член Российского правительства. Два сенатора избирались членами Государственной думы, а еще два имели опыт членства в Государственном совете царской России. Что касается партийной принадлежности, то по двое было членов партии народной свободы и "Союза 17 октября" и один бывший социалист-революционер, областник.

Только один из сибирских сенаторов имел опыт работы в прежнем Сенате. Почти все они много лет прослужили в Сибири. Примечательно, что значительную часть сенаторов - В. П. Каминского.

С. П. Мокринского, В. Н. Новикова, А. А. Симолина, М. С. Стравинского и Н. А. Тимофеева — предполагалось ввести еще в состав Высшего Сибирского суда¹⁴². В определенной степени это свидетельствует об узкой базе отбора кандидатов. По нашей оценке, состав Сената не отличался высоким профессиональным уровнем, который бы соответствовал такому органу. В этом сказывался тот факт, что большая часть высококвалифицированных юристов оказалась на севере, северо-западе и юге России.

Следует упомянуть и о попытке заочного членства в Сенате. В частности, посланник России в Копенгагене 19 февраля 1919 г. телеграфировал министру иностранных дел Российского правительства о том, что беженцы сенаторы гофмейстер Н. Н. Гире и тайный советник В. Я. Фан-дер-Флит просят включить их в Правительствующий Сенат как состоящих в его составе, но прервавшие свою деятельность после событий октября 1917 г. Два сенатора в эмиграции даже принесли присягу верности правительству А. В. Колчака¹⁴³. Однако нам ничего не известно о дальнейшей судьбе этого необычного прошения.

Правительством было утверждено временное штатное расписание должностей Уголовного и Гражданского департаментов Правительствующего сената.

Всего штат должен был быть набран в количестве 53 человек¹⁴⁴.

Первоочередное внимание Сенат уделял рассмотрению дел, в которых обвиняемыми были крупные чиновники. Несколько дел такой категории перешло еще с дореволюционных времен. В частности, в Соединенном присутствии первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената слушалось дело бывших Якутского губернатора Р. Э. фон Витте и вице-губернатора статского советника барона Д. О. Тизенгаузена, обвиненных по ст. 341 и 362 "Уложения о наказаниях". Названным должностным лицам ставилось в вину бездействие и превышение власти. Это дело было возбуждено еще 12 июля 1917 г. исполнительным бюро Комитета общественной безопасности в г. Якутске. Сенаторы развернули длительную дискуссию о подсудности чиновников 4-го класса, и никакого решения, по существу, принято не было. Весной 1919 г. слушалось дело бывшего Забайкальского военного губернатора генерал-лейтенанта А. И. Кияшко, обвиняемого по ст. 241 "Уложения о наказаниях" за превышение должностных полномочий в 1912 г. во время волнений заключенных на Кутомарской каторге¹⁴⁵. Однако и здесь дело не получило своего завершения.

Из новых дел большой общественный резонанс вызвало предание суду бывших министра снабжения и продовольствия Н. С. Зефирова и исполнявшего дела директора хлебно-фуражного отдела того же министерства Мильтонова. Они обвинялись по ст. 374 и 362 "Уложения о наказаниях" за злоупотребление служебным положением. К слушанию данного дела уголовный департамент обращался трижды, причем 20 мая обсуждение длилось 2 часа. После эвакуации Правительствующего Сената из Омска слушание дела было перенесено в Иркутск, но ни Одного заседания так и не состоялось¹⁴⁶.

Были случаи, когда сенаторам приходилось разбирать дела, по которым обвиняемыми были юристы. Прокурор Иркутской судебной палаты доложил 30 января 1919 г. обер-прокурору Соединённого присутствия временных присутствий первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената о привлечении к ответственности за преступления по должности члена Владивостокского окружного суда Лешинского¹⁴⁷. В мае первый департамент отменил решение о предании прифронтовому военно-полевому суду присяжного поверенного Айзина¹⁴⁸ за фальсификацию алиби для подзащитного грабителя Ларкина. По мнению сенаторов, в деле не было состава преступления. Кроме этого, дела о грабежах не входили в юрисдикцию прифронтового суда¹⁴⁹.

Сенат занимался проверкой соответствия законам распоряжений должностных лиц. Первый департамент Правительствующего Сената своим постановлением от 10 июля 1919 г. отменил решение начальника 1-го военного района генерал-майора А. П. Бакшеева. Генерал в свое время распорядился изъять из общей подсудности и передать в военно-полевой суд дело «нападении четверых китайских подданных на квартиру Ш. Шпакера. Как отметили сенаторы, такое право есть только у особых начальников по указанию Верховного правителя. У генерал-майора А. П. Бакшеева такого права не было¹⁵⁰.

Рассматривал Сенат и обращения должностных лиц. Среди них был протест управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого на решение Красноярского окружного суда от 17 мая 1919 г. Суд отменил распоряжение о предоставлении ему сведения о назначении и замещении должностей в городском самоуправлении. После обсуждения было решено протест оставить без последствий. На том же заседании рассматривалось предложение министерства юстиции от 11 июня об отмене приказа помощника Верховного уполномоченного по Дальнему Востоку генерал-майора П. П. Иванова-Ринова. 18 марта 1919 г. он не разрешил продажу судов Амурского бассейна китайцам¹⁵¹.

Есть возможность представить количественные показатели работы Правительствующего Сената. Первый департамент за период с 11 февраля по 1 мая 1919 г. провёл 83 заседания, на которых рассмотрел 703 нормативных акта и 211 дел с жалобами на распоряжения должностных лиц. По уголовному департаменту с 11 февраля по 6 декабря 1919 г. состоялось 23 заседания, на которых было рассмотрено 197 дел¹⁵².

Деятельность Сената вызывала критические замечания. Управляющий делами Верховного правителя и Совета министров профессор-юрист Г. К. Гинс полагал, что "душой Сената должен стать первый департамент. В нем сосредотачивались все дела по нарушению законности органами управления и наблюдение за правомерностью указов Верховного правителя". Однако этого не произошло. Причина, по мнению названного чиновника, заключалась в нехватке высококвалифицированных кадров¹⁵³. Нам представляется возможным указать еще на две причины низкой эффективности деятельности Правительствующего Сената: условия военного времени и существование диктаторского правления А. В. Колчака, опиравшегося на "военщину".

Исследователь Л. В. Некрасова обратила внимание на тот факт, что не была восстановлена деятельность Второго (по крестьянским делам) департамента - высшего апелляционного органа по землеустроительным делам. Его дела, как и дела третьего и четвертого департаментов, были переданы в первый департамент¹⁵⁴. По мнению историка, это мешало установлению законности. Можно предположить, что это произошло из-за нерешенности аграрного вопроса на территории "колчакии", поэтому и регулировать пока было нечего.

* * *

Анализируя кадровую политику колчаковского режима в отношении следственного аппарата и прокурорского надзора, следует отметить несколько обстоятельств. Во-первых, была сохранена прежняя нормативная база, штатное расписание и, в массе своей, старые кадры. Во-вторых, и здесь сказалась нехватка следователей и чинов прокуратуры. В результате нагрузка следователей в 3-4 раза превышала дореволюционные нормы. Отчасти эту проблему помогли решить эвакуированные специалисты. В-третьих, требования к следственному процессу были заимствованы у царской юстиции и вполне отвечали нормам правового государства.

Отражением реалий гражданской войны стало создание чрезвычайных органов - следственных комиссий. Так как таких фор-

мирований не было в царской России, то омским юристам пришлось создавать оригинальную нормативную базу. Постановление о таких комиссиях предписывало им только вести следствие и, если для этого были достаточные основания, освобождать арестованных. Судьбу оставшихся под стражей был призван решить суд, который создало бы предполагаемое Учредительное собрание.

Анализируя деятельность следственных комиссий, представляется возможным высказать несколько соображений. Во-первых, нельзя не обратить внимания на состав таких комиссий. В них было мало юристов, что негативно сказалось на результатах работы. Во-вторых, причиной ареста в 80% случаев было подозрение в "большевизме". Хорошо известно, как вольно в то время трактовалось это понятие. В-третьих, принимали решения комиссии об освобождении, в том числе и под поручительство. Очевидно, члены комиссий оснований для содержания под стражей не находили. В-четвертых, как превентивная мера применялась высылка и ссылка "неблагонадежных" в понимании того времени. В-пятых, деятельность комиссий наглядно продемонстрировала пределы следственных действий гражданских структур в условиях военного времени и диктаторского правления. В этой связи уместно напомнить о приказе генерал-майора Усова и о результатах работы двух Чрезвычайных следственных комиссий (по делу о расстреле членов Учредительного собрания и незаконным действиям полковника Г. М. Семенова).

Создание следственных комиссий, по нашему мнению, было не совсем продуманным шагом. Эти функции могли выполнять суды общей юрисдикции. Тем более, что многие судебные чиновники отвлекались от основной службы для работы в комиссиях. Создание таких комиссий можно охарактеризовать как столь привычное для отечественной бюрократии форматворчество.

Традиционным органом, осуществлявшим надзор за соблюдением законности в деятельности органов власти и их должностных лиц, продолжала оставаться прокуратура. Своей задачей она ставила и защиту прав граждан. Реалии гражданской войны обусловили необходимость наблюдения чинов прокуратуры за правомерностью внесудебных арестов на территории, находящейся вне театра военных действий. Возможность таких арестов предусматривалась вновь принятым правительственным постановлением.

Условия гражданской войны поставили перед прокуратурой две значительные проблемы. Во-первых, это борьба с "большевизмом". Здесь чины прокуратуры не смогли занять место "над схваткой",

и их действия носили отчетливо выраженную политическую окраску. Это, безусловно, не способствовало установлению в Сибири подлинной законности. Во-вторых, прокуратуре приходилось иметь дело с такими феноменами гражданской войны, как "атаманщина" и "военщина", чьи действия не отличались приверженностью к законности.

И в условиях войны прокуратура продолжала осуществлять свою важнейшую функцию - представление государственного обвинения в суде. Требования к выполнению этой функции были на уровне правовой культуры европейского государства.

Вполне отвечала нормам европейского государственного строительства идея воссоздания Правительствующего Сената. Для этого была использована нормативно-правовая база дореволюционной России. Весьма современно прозвучала тогда мысль о том, что власть должна быть "подзаконной". Однако нельзя не отметить низкую эффективность деятельности этого органа. Она объяснялась как недостаточно высокой квалификацией сенаторов, так и условиями войны и военной диктатурой. Кроме этого следует учесть многовековую традицию государственной власти в императорской России быть "вне закона".

Примечания

¹ Мокринский С. Мобилизация юристов // Сибирская жизнь. 1919. 26 июля.

² Речь Алтая. 1919. 23 авг.

³ Сибирская жизнь. 1919. 26 июля.

* Собрание постановлений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительственном Сенате. 2 мая 1919. № 6. Отдел 1. С. 14-15; Правительственный вестник. 1919. 11 июля.

⁵ ГАКК. Ф. 124. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

⁶ Малыгин А. Я., Никитин А. Н. Следственные и судебные органы белых правительств // Юрист. 1997. № 6. С. 46.

⁷ ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 58. Л. 15-16.

⁸ Правительственный вестник. 1919. 6 сент.; Сибирская речь. 1919. 6 сент.

⁹ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Л. 101-101об.; ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 66. Л. 67, 54.

¹⁰ ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 66. Л. 67.

¹¹ ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 42. Л. 12.

¹² Мокринский С. Мобилизация юристов // Сибирская жизнь. 1919. 26 июля.

¹³ ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 66. Л. 67, 54.

¹⁴ Сибирский листок. 1919. 6 апр.; Сибирская речь. 1919. 21 марта; Голос Приморья. 1918. 21 нояб.

¹⁵ Голос Приморья 1918. 21 ноябр.

¹⁶ Приамурье. 1918. 24 нояб.

¹⁷ ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 57. Л. 92; ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7. Л. 4-5об.; ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 92.

¹⁸ Сибирский листок. 1919. 9 марта; Восточный курьер. 1919. 6 авг.; Наш путь (Чита). 1919. 16 июля; Новости Владивостока. 1919. 6 сент.; Русский восток. 1919. 1 мая.

¹⁹ Якутский областной вестник. 1919. 12 июня.

- ²⁰ Приамурье. 1918. 21 дек.
- ²¹ Новый алтайский луч. 1918. 20, 21 яояб.
- ²² Забайкальская новь. 1919. 15 июля.
- ²³ Слово (Омск). 1918. 28 нояб.; Освобождение России. 1919. 16 янв.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 128. Л. 19-19об.; Ф. 391. Оп. 1. Д. 66. Л. 54. 25 гдрф. ф. 77. Оп. 1. Д. 10. Л. 71.
- ²⁶ ГАПО. Ф. Р.328. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.
- ²⁷ Единство. 1919. 9 апр.; 8 июня.
- ²⁸ ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 128. Л. 54.
- ²⁹ Правительственный вестник. 1919. 17 янв.; 26 февр.
- ³⁰ ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 129. Л. 25.
- ³¹ ГАКК. Ф. 124. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.
- ³² Баранов А. В. Гражданская война на Урале: Пособие для лекторов, Свердловск, 1928. С. 30; Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917-1919 гг.) / Сост. В. Шемелев; Под ред. В. Вегмана. Новосибирск, 1928. С. 80-81.
- ³³ Роцевский П. И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966. С. 213.
- ³⁴ Баканова А. А. Деятельность следственных комиссий Временного Сибирского правительства // Исторические чтения: Мат-лы научн. регион, конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска "Крушение царизма и гражданская война на Урале" (1997 г.). Челябинск, 1998. С. 133-140.
- ³⁵ ГАТюО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 4. Л. 71.
- ³⁶ Земля и труд. 1918. 30 окт.
- ³⁷ Протоколы заседания 3-го очередного войскового круга Оренбургского казачьего войска с 9 февраля по 15 апреля 1919 г. Троицк, б.г. С. 177.
- ³⁸ Великая Россия. 1919. 11 апр.
- ³⁹ а) ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.
- ⁴⁰ Амурская жизнь. 1919. 24 нояб., 10 дек.
- ⁴¹ Баканова А., А. Деятельность следственных комиссий Временного Сибирского правительства // Исторические чтения: Мат-лы научн. регион, конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска "Крушение царизма и гражданская война на Урале" (1997 г.). Челябинск, 1998. С. 136.
- ⁴² Забайкальская новь. 1919. 1, 16 июня.
- ⁴³ ГАПО. Ф. Р.746. Оп. 2. Д. 44. Л. 13Л
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
- ⁴⁵ Забайкальская новь. 1919. 19 янв.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 49. Л. 24, 75, 119; Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 98.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 48. Л. 130, Д. 46. Л. 211.
- ⁴⁷ Амурский лиман. 1919. 18 марта; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 48. Л. 178.
- ⁴⁸ Освобождение России. 1919. 4 янв.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 149. Л. 298; ГАИО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ⁴⁹ Николай Герасимович Володченко в 1908-1917 гг. был начальником штаба Заамурского военного округа. В сентябре 1917 г. получил назначение главнокомандующим Юго-Западным фронтом: Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае 1917—1924 гг. М., 1997. С. 63; Козлов А. И. Генерал Деникин. Ростов-на-Дону, 2000. С. 207.
- ⁵⁰ Забайкальская новь. 1919. 19 янв.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 49. Л. 24, 75. si ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 5, 45, 54, 72, 19.
- ⁵² Там же. Ф. 176. Оп. 2. Д. 49. Л. 24, 57, 75; Оп. 1. Д. 5. Л. 5; Приморские областные ведомости. 1919. 27 сент.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 156-156об.; Ф. 176. Оп. 2. Д. 48. Л. 177.

- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 49. Л. 50; Восточный курьер. 1919. 19 авг.; Русский восток. 1919. 4 мая; Дальневосточное обозрение. 1919. 12 июня.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; Енисейский вестник. 1919. 17 янв.
- ⁵⁶ Родина. 1919. 5 февр.
- ⁵⁷ Родина (Тара). 1919. 14 окт.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 8; Енисейский вестник. 1919. 17 янв.; ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 93, 97.
- ⁵⁹ Амурский лиман. 1919. 18 марта; Устье Амура. 1919. 19 февр.
- ⁶⁰ Дальневосточное обозрение. 1919. 27 марта.
- ⁶¹ ЦДНИЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 319. Л. 215.
- ⁶² Амурская жизнь. 1919. 23 февр.
- ⁶³ *Никитин А. Н.* Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994. С. 80.
- ⁶⁴ Утро Приуралья. 1918. 11 дек.
- ⁶⁵ Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917-1919 гг.) / Сост. В. Шемелев; Под ред. В. Вегмана. Новосибирск, 1928. С. 79.
- ее ГАРФ. Ф. 176. Оп. 4. Д. 60. Л. 5.
- ⁶⁷ *Забайкальский.* В колчаковской охранке // Суд идёт. 1927. № 20. С. 1127-1128.
- ⁶⁸ ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.
- ⁶⁹ Алтайская мысль. 1919. 7 авг.
- ⁷⁰ ГАКК. Ф. Р.1799. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- ⁷¹ ГАТО. Ф. 810. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
- ⁷² ТФГАТЮО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 70. Л. 6, 26, 30.
- ⁷³ *Баканова А. А.* Деятельность следственных комиссий Временного Сибирского правительства // Исторические чтения: Мат-лы науч. регион, конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска "Крушение царизма и гражданская война на Урале" (1997 г.). Челябинск, 1998. С. 137.
- ⁷⁴ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 3352. Оп. 1. Д. 1-200.
- ⁷⁵ *Баканова А. А.* Деятельность следственных комиссий Временного Сибирского правительства // Исторические чтения: Мат-лы науч. регион, конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска "Крушение царизма и гражданская война на Урале" (1997 г.). Челябинск, 1998. С. 138.
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф. 3352. Оп. 1. Д. 1066. Л. 1.
- ⁷⁷ Отечественные ведомости. 1919. 15 февр.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 47. Л. 202.
- ⁷⁸ Земля и труд. 1919. 22 янв.
- ⁷⁹ Подсчитано по: ГАЛО. Ф. Р.746. Оп. 2. Д. 44. Л. 61; ЦДНИЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 318. Л. 53.
- ⁸⁰ ГАПО. Ф. Р.746. Оп. 2. Д. 44. Л. 35.
- ⁸¹ Единство. 1919. 8 февр.
- ⁸² Партизанское движение в Сибири. М.-Л., 1925. С. 35.
- ⁸³ *Капицгович И. С.* Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969. С. 84; Воспоминания Г. Ф. Наймушина // ПОКМ. НВ 919/1. Л. 15.
- ⁸⁴ ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5. Л. 116.
- ⁸⁵ Дело Сибири. 1919. 11 июля.
- ⁸⁶ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-58.
- ⁸⁷ Ачинский край. 1919. 14 авг., 7 сент.
- ⁸⁸ Амурская жизнь. 1919. 24 дек.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 3352. Оп. 1. Д. 1363. Л. 3, 16.
- ⁹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 1363. Л. 11.
- ⁹¹ Воспоминания А. Г. Чирухина // ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 189. Л. 43.

- ⁹² ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Д. 24а. Л. 24, 5.
- ⁹³ Там же. Ф. 4659. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.
- ⁹¹ ГАПО. Ф. Р.746. Оп. 2. Д. 44. Л. 6.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф. 3363. Оп. 1. Д. 1363. Л. 12.
- ⁹⁶ Там же. Ф. 3352. Оп. 1. Д. 1362. Л. 85-85об.
- ⁹⁷ Эхо. 1919. 17 июля.
- ⁹⁸ ГАКК. Ф. Р.1793. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.
- ⁹⁹ Енисейский вестник. 1919. 19 янв.
- ¹⁰⁰ Вестник Томской губернии. 1919. 17 марта.
- id ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 27. Л. 39; Оп. 10. Д. 10а. Л. 153-155.
- ¹⁰² *Баканова А. А.* Деятельность следственных комиссий Временного Сибирского правительства // Исторические чтения: Мат-лы научн. регион, конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска "Крушение царизма и гражданская война на Урале" (1997 г.). Челябинск, 1998. С. 139.
- юз, АРФ. ф. 188. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 23; Д. 8. Л. 1-166; Д. 4. Л. 1-2; Д. 7. Л. 1-59; Д. 5. Л. 1-37.
- ¹⁰⁴ *Максаков В., Тирунов А.* Хроника гражданской войны в Сибири (1917-1918). • М.-Л., 1925. С. 32.
- ¹⁰⁵ Правительственный вестник. 1919. 31 янв.; Там же. 14 марта; Красный архив. Т. 7. М.-Л., 1925. С. 201; *Вибе П. П.* Расстрел членов Всероссийского Учредительного собрания // *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 216-217.
- ¹⁰⁶ Правительственный вестник. 1919. 29 янв.; Отечественные ведомости. 1919. 7 февр.; *Евсеев Е.* Патриарх казачьего войска // Омская старина. Историко-краеведческий альманах. 1993. № 1. С. 77-78; Алтайская мысль. 4 июня.
- ¹⁰⁷ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 88. Л. 12.
- ¹⁰⁸ Уссурийский край. 1919. 13 февр.
- ¹⁰⁹ Эхо. 1919. 29 июня.
- ¹¹⁰ Уссурийский край. 1919. 12 марта.
- ¹¹¹ ГАКК. Ф. 1763. Оп. 1. Д. 40. Л. 138об.
- ¹¹² ГАНО. Ф. Д.143. Оп. 1. Д. 44. Л. 1-30.
- ¹⁰⁵ ГАКК. Ф. 1763. Оп. 1. Д. 41. Л. 44т,44об.
- ¹¹⁴ Восточный курьер. 1919. 21 окт.; Сибирская речь. 1919. 18 окт.
- ¹¹⁵ Последние дни колчаковщины. М., 1926. С. 81.
- ¹¹⁶ ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 58. Л. 6-7.
- ¹¹⁷ Уссурийский край. 1919. 16 янв.; Эхо. 1919. 14 марта.
- ¹¹⁸ ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 285. Л. 1.
- ¹¹⁹ Эхо. 1919. 7 июня.
- ¹²⁰ Правительственный вестник. 1919. 22 сент.
- Ц_{тф} ГАТюО. Ф. 722. Оп. 2. Д. 18. Л. 3.
- ¹²² Голос Приморья. 1918. 26 нояб.
- 123 ГАРФ. Ф. 149. Оп. 7. Д. 98. Л. 1-2.
- ¹²⁴ Новое слово. 1919. 22 марта.
- ¹²⁵ ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 43. Л. 19-20.
- ¹²⁶ ГАКК. Ф. 1763. Оп. 1. Д. 40. Л. 125-125об.
- ¹²⁷ ГАКО. Ф. Р.852. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- 128 ГАРФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 1а. Л. 3.
- ¹²⁹ ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 115. Л. 4; Д. 41. Л. 89.

¹³⁰ Раков Д. В застенке // Колчаковщина: гражданская война в Сибири, Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев / Под общ. ред. Г. Вендриха. Иркутск, 1991. С. 29.

¹³¹ Приамурская жизнь. 1918. 8 дек.

132 гди о. ф. 245. Оп. 4. Д. 43. Л. 15-15об., 24.

^{132a} ГАХК. Ф. 1504. Оп. 1. Д. 5. Л. 92-95.

¹³⁴ Амурская жизнь. 1919. 6 апр.

«в ГАРФ. Ф. 135. Оп. 1. Д. 55. Л. 3; ГАИО. Ф. 245. Оп. 4. Д. 73. Л. 16, 27, 30-31.

¹³⁶ Правительственный вестник. 1919. 3 янв.

¹³⁷ *Рязановский В.* Возобновление деятельности Правительствующего Сената // Сибирская жизнь. 1919. 16 янв.

138 Отечественные ведомости. 1919. 2 февр.

¹³⁹ Правительственный вестник. 1919. № 56; Отечественные ведомости. 1918. № 25.

¹⁴⁰ Наша Заря. 1919. 5 янв.

¹⁴¹ *Журавлев В. В.* Судебная система сибирской контрреволюции // Проблемы истории местного управления Сибири XVII—XX веков. Вып. 2.: Тез. докл. науч. кояф. Новосибирск, 1997. С. 65.

¹⁴² Русский Восток. 1918. 19 дек.

¹⁴³ ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 3. Д. 426. Л. 2; РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 43. Л. 32, 461284.

¹⁴⁴ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

¹⁴⁵ Там же. Оп. 7. Д. 32. Л. 30; Оп. 4. Д. 18. Л. 7, 18; Д. 19. Л. 8.

¹⁴⁶ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 7. Д. 32. Л. 67-69; Оп. 1. Д. 3. Л. 2-48; См. подробнее: *Дмитриев Н. И., Смирнов С. В.* Жертва общественного долга // Белая армия. Белое дело: Исторический и научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2000. № 8. С. 81-82.

¹⁴⁷ ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 7. Д. 32. Л. 1.

¹⁴⁸ В мае 1920 г. Айзин был защитником в суде над бывшими высокопоставленными колчаковскими чиновниками. См.: *Познанский В. С.* Суд над министрами Колчака // Известия СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. Вып. 1. Новосибирск, 1990. С. 44-51.

¹⁴⁹ Наша Заря. 1919. 6 мая.

150 ГАРФ. ф. 149. Оп. 1. Д. 1. Л. 68-68об.

¹⁵¹ Сибирская речь. 1919. 3 сент.

¹⁵² Народная свобода. 1919. 7 июня; Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 1. Д. 3. Л. 2-48.

¹⁵³ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Пекин-Харбин, 1921. С. 113-114.

¹⁵⁴ *Некрасова Л. В.* Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск, 1997. С. 102.

Глава 4 ОРГАНИЗАЦИЯ МИЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ

4.1. Численность и штаты милиции, ее материально-финансовое обеспечение

Наиболее многочисленным и приближенным к населению правоохранительным органом по-прежнему оставалась милиция. Правовой основой ее деятельности являлось "Временное положение о сибирской милиции", принятое Административным советом Временного Сибирского правительства 17 сентября 1918 г.¹ Этот документ в значительной мере отличался от Постановления Временного правительства от 14 марта 1917 г. "Об учреждении милиции"².

Во-первых, милиция "образца 1917 г." являлась исполнительным органом государственной власти на местах, состоящим в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений. В 1918 г. милиция была объявлена исполнительным органом Временного Сибирского правительства на местах в составе МВД. Таким образом, был восстановлен тот дореволюционный статус, который имела полиция.

Во-вторых, если в 1917 г. начальники милиции избирались и увольнялись городскими и уездными земскими управами, то в 1918 г. они назначались приказом по МВД по представлению губернских (областных) комиссаров.

В-третьих, если раньше помощники начальников милиции назначались и увольнялись соответствующими городскими и земскими управами, то в 1918 г. все прочие чины милиции назначались губернскими (областными) комиссаром по представлению начальников милиции.

В-четвертых, несколько изменились требования к чинам милиции. По Постановлению Временного правительства от 14 марта 1917 г. в милиции не могли служить следующие лица: 1) состоящие под следствием и судом по обвинению в преступных деяниях; 2) подвергшиеся по суду лишению или ограничению прав или осужденные за кражу; мошенничество; присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведо-

мо краденого в виде промысла или получение через обман имущества, подлоги, лихоимство и ростовщичество, если со дня отбытия наказания прошло менее 5 лет; 3) несостоятельные должники; 4) состоящие под опекой за расточительство; 5) содержатели домов терпимости. "Временное положение о сибирской милиции" называло еще одну категорию граждан, которые не могли служить в милиции, - ответственные работники при Советах.

В-пятых, существенно изменился порядок финансирования милиции. В 1917 г. она была на балансе соответствующего органа местного самоуправления, в 1918 г. она получала кредиты от МВД с отнесением $\frac{1}{3}$ расходов на городские и уездные земские управы.

В-шестых, теперь милиция не была подотчетна органам местного самоуправления. Эти изменения в статусе милиции свидетельствовали о воссоздании сильной вертикали государственной власти, расшатанной, если не демонтированной после февраля 1917 г. Кроме того, было необходимо поднять статус милиции и усилить контроль за ней в условиях гражданской войны.

Органы государственной власти ставили перед ней весьма важные задачи. "Временное положение..." обязывало милиционеров охранять общественную безопасность и порядок, защищать всех и каждого от всякого насилия, обид и самоуправства". Поддержание порядка было задачей милиции на территории, которую контролировали и другие антибольшевистские правительства³.

Некоторые должностные лица широко трактовали обязанности милиции. Управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев писал в докладе министру внутренних дел о том, что "обязанности уездной милиции и при нормальных условиях являются крайне ответственными в государственном смысле - им приходится не только охранять основы законности и гражданственности, но и создавать последнюю, являя собой в этом отношении пример". Свой взгляд на задачи милиции был и у высокопоставленных военных. Один из них - главный начальник Самаро-Уфимского края генерал-майор Е. К. Вишневецкий докладывал начальству о том, что в освобожденные города Самарской губернии назначены управляющие и начальники милиции с директивами борьбы против "всех проявлений большевизма"⁴. В этой связи обращает на себя внимание столь широкое толкование обязанностей милиции. Такое представление о задачах милиции, по-видимому, дало основание советским исследователям отождествлять милицию с органами государственной безопасности. В. В. Гармиза писал о том, что охрана порядка и безопасности граждан вверялась

тогда милиции, а точнее, полиции, т. к. функции ее в значительной части, по его мнению, совпадали с функциями охраны⁵. Анализ документов и деятельности сибирской милиции показывает, что такое представление не в полной мере отражало многообразие милицмейской службы.

Организационная структура милиции при А. В. Колчаке была заимствована из российского опыта. Ее деятельность направлял департамент милиции. Его руководителями (см. приложение № 10) были люди с высшим юридическим образованием, которые имели стаж работы по специальности⁶. Исключение составлял лишь управляющий особым отделом В. А. Бабушкин, окончивший военное училище. Возраст четырех из шести руководителей был самый работоспособный - до 40 лет. Только В. А. Бабушкину было 62 года. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти все руководители департамента не имели солидного опыта руководящей работы по специальности. Только В. А. Бабушкин на протяжении 9 лет служил начальником губернских жандармских управлений и имел чин генерал-майора. Что касается В. П. Пепеляева, который при А. В. Колчаке последовательно был директором департамента милиции, товарищем министра, министром внутренних дел, председателем правительства, то он имел лишь непродолжительный педагогический опыт. В его лице мы видим больше политика, чем профессионала.

Следует обратить внимание и на следующее обстоятельство. После назначения 21 февраля 1919 г. В. Н. Пепеляева товарищем министра внутренних дел⁷ долгое время не был назначен его преемник. Дела директора департамента исполняли В. Н. Агарев и несколько недель В. Я. Крыжановский⁸. Только через полгода - 22 августа директором департамента был назначен В. Н. Казаков. Можно лишь догадываться, как повлияло многомесячное отсутствие постоянного руководителя на эффективность работы такого специфического ведомства.

В губерниях и областях действовала городская и уездная милиция, делившаяся на участки. Непосредственно на местах милицией руководили губернские (областные) комиссары, постановлением правительства от 28 декабря 1918 г. переименованные в управляющих⁹. Им, в свою очередь, подчинялись начальники отделов милиции губернских и областных управлений. Начальниками отделов милиции Енисейского, Иркутского, Томского губернских и Акмолинского областного управлений были, соответственно, В. Ф. Цявловский, пол-

ковник Войлошников, Н. П. Кузнецов и Е. А. Филонов¹⁰. Примечательно, что как и в царской России, эти должностные лица имели весьма ограниченные полномочия. Вся полнота власти по руководству милицией, в том числе кадровые назначения, была в руках руководителей губернии (области).

При формировании штатов милиции в основу брался норматив насыщенности ее сотрудниками определенного количества населения. "Положение об устройстве городской и уездной милиции", принятое Советом министров 16 мая 1919 г., следующим образом устанавливало численность личного состава милиции:

Численность населения города (в тыс. человек)	Численность жителей, приходящихся на одного милиционера
до 10	400
до 100	500
свыше 100	600 + дополнительно один старший милиционер на каждый участок

Кроме этого, в городах на 10 пеших милиционеров полагался один надзиратель. В городах с населением от 3 до 10 тыс. следовало иметь одного начальника участка и одного письмоводителя. При городской милиции состоял отряд из 52, а при уездной из 42 конных милиционеров¹¹.

Нормативные документы предусматривали следующие штаты милиции в Сибири¹²:

Категория города	Количество должностей					
	начальника милиции	помощника начальника милиции	начальника милиции участка	помощника начальника милиции участка	старших милиционеров	милиционеров
Губернские (областные) центры	1	1	5	10	20	250
Крупные города в уездах	1	1	6	12	18	120

Численность личного состава милиции в Омске определялась по иным нормативам. С 250 человек осенью 1918 г. она выросла весной 1919 г. до 800 человек. Совет министров утвердил следующие штаты Омской городской милиции: 7 начальников участков, 14 их старших помощников, 42 младших помощника, 14 старших милиционеров и 586 милиционеров¹³, в то время как в губернском (областном) центре насчитывалось 339 милиционеров. Можно предположить, что это имело свои объяснения. Во-первых, Омск был столи-

цей государственного образования. Во-вторых, в городе имелось большое число промышленников, банкиров, купцов, иностранцев. В-третьих, город принял значительное количество беженцев. Все это привлекало преступников и мотивировало преступления. По-видимому, рост численности милиции в Омске дал основание М. М. Степанову заявить о том, что повсеместно шло увеличение штатов¹⁴. Это, по нашему мнению, не соответствует истине. Названным исследователем и нами отмечен лишь один такой случай, и он касался увеличения численности Омской городской милиции, что, по всей видимости, было вызвано ее столичным статусом. Зато были, пусть редкие, но сокращения численности милиционеров. 18 ноября 1918 г. приказом по Курганской уездной милиции ввиду сокращения штатов уголовной милиции было уволено 6 служащих¹⁵. В феврале 1919 г. управляющий Приморской областью приказал начальникам милиции не набирать личный состав милиции района Второй Речки, не замещать в Хабаровском и Иманском уездах освободившиеся должности, соответственно, двух и одного начальников милиции районов, не замещать вакантные должности конюхов¹⁶. Наконец, в июле 1919 г. в Иркутской городской милиции, вследствие "производящегося сокращения штатов", прием был временно прекращен¹⁷.

Милицейские чиновники как состоящие на государственной службе имели, по российской традиции, класс должности. При этом сотрудникам милиции были присвоены следующие классные чины:

Должность	Класс
Начальник городской милиции	6
Его помощник	7
Начальник городского участка милиции -ч	8
Начальник уголовно-розыскного отделения	7
Начальник уездной милиции	6
Его помощник	7
Начальник участка в уезде	8

В сентябре 1919 г. на одну ступень, до 7-го класса, была погшшена должность начальника участка милиции в городе¹⁸.

Всего в 20 губерниях и областях Урала, Сибири и Дальнего Востока, по данным МВД Российского правительства на 25 мая 1919 г., насчитывалось 38 тыс. милиционеров¹⁹. Противоречивую оценку численности милиции в сельской местности, где проживало большинство сибиряков, дает Ю. В. Журов. Сначала он называет у*здную милицию многочисленной, однако не приводит никаких дсводов в пользу этого утверждения. Через несколько лет он пишет

о том, что в уездах кроме ста своих милиционеров находились некие специальные милицейские подразделения численностью до 100—150 человек, но и их, по его мнению, не хватало для "спокойствия". Спустя более 10 лет этот же исследователь посчитал, что в сибирских селах были благоприятные условия для организации подполья, т. к. отсутствовал постоянный карательный сыскной аппарат, а в некоторых селах не было даже милиционеров²⁰.

Сами власти считали численность милиции недостаточной. С мест поступали просьбы об увеличении численности милиции. В феврале 1919 г. Верх-Чумышская волостная управа просила Барнаульскую уездную земскую управу обратиться к управляющему Алтайской губернией с ходатайством о назначении в село Кытманово отряда милиционеров. Дело в том, что в волости с населением 19 тыс. чел. не было ни одного милиционера. Через полгода, 14 августа 1919 г., начальник Каменской уездной милиции той же губернии доложил управляющему уездом о том, что в городе Камень образовано 4 участка милиции, а на селе их нет. Милиционеров мало, докладывал он, а бандитов много²¹.

В марте 1919 г. у деревни Алексеевка Приморской области отряд милиции преследовал красных, но уничтожить их не хватило сил²². Такое же положение сложилось в Акмолинской области. Ее управляющий 30 июля 1919 г. доложил министру внутренних дел о том, что восстания очень трудно или даже почти невозможно подавить местными силами милиции, "плохо вооружённой и, кстати сказать, не везде имеющейся в достаточном количестве, сколько полагается по штатам, также за отсутствием желающих"²³.

В своей работе по подбору кадров департамент милиции опирался на "Временное положение о сибирской милиции". Согласно этому документу, в милиции могли служить только российские граждане, достигшие возраста 21 года. В документе содержался перечень лиц, которые не допускались до такой службы. Оговаривался и образовательный ценз. На должности начальников и их помощников могли назначаться лица с образованием не ниже среднего, на все остальные должности - лица вполне грамотные. Чуть позже департамент милиции еще раз подтвердил, что для начальника милиции образовательный ценз обязателен. Лица, имевшие один только служебный стаж, могли быть только помощниками начальника милиции²⁴.

Руководителей правительства беспокоила проблема качества личного состава милиции. Председатель Совета министров П. В. Вологодский в своем письме министру внутренних дел В. Н. Пепеляеву

26 августа 1919 г. изложил свой взгляд на пути улучшения личного состава милиции. Предлагалось установление особых поощрений для "ревностных", установление особого наказания за оскорбление милиционеров, так же как и для военнослужащих, усиление контроля за деятельностью милиционеров, приравнивание их по ответственности к военнослужащим с установлением порядка предания их военно-полевому суду, установление чинопроизводства, предоставление земствам права жаловаться на незаконные действия милиции и давать на них заключения²⁵.

О необходимости тщательного подбора кандидатур для службы в милиции говорил на заседании комиссии по "возрастающей" преступности 8 марта 1919 г. вице-директор департамента милиции А. А. Траутман. Он призвал "неуклонно следовать принципу оздоровления страны путем насаждения возможно здоровых корней, какими могут быть люди способные и желающие работать, и из таких только элементов, несмотря на огромную трудность их приобретения, и должны вербоваться кадры новой российской милиции". По мнению А. А. Траутмана, такой подход к отбору милиционеров и их "надлежащая подготовка" убедят население: Милиция не враг, а защитник его от преступников²⁶.

Свой взгляд на улучшение личного состава милиции высказал один из активных авторов газеты "Утро Сибири" В. Д. Красноярский. Он предлагал установить для милиционеров образовательный ценз, повысить им денежное содержание, ввести выслугу лет²⁷.

В некоторых случаях местные власти дополняли кадровую установку департамента милиции. Курганский уездный комиссар М. В. Алексеев в приказе от 26 ноября 1918 г. потребовал от начальника милиции принимать на службу людей в высшей степени честных, трезвых. Старший милиционер, по мнению уездного комиссара, должен был уметь самостоятельно составить протокол. В Амурской области на службу приглашали "честных и мужественных"²⁸.

Большинство историков не обратило должного внимания на такое интересное явление, как департизация и деполитизация сибирской милиции. Тон задал директор департамента милиции, член ЦК Восточного отдела партии народной свободы В. Н. Пепеляев. Сразу после вступления 1 декабря 1918 г. в должность он, "чтобы быть вполне требовательным к подчинённым, чувствовать себя ничем не связанным и руководствоваться исключительно соображениями пользы государства", вышел из партии²⁹. В одном из распоряжений управляющего Алтайской губернией А. П. Стрельмана

была высказана близкая мысль о том, что "агенты власти отнюдь не должны стоять на партийной точке зрения, а стоять вне и выше всякой политической борьбы"³⁰.

Между тем в милиции продолжали служить бывшие члены даже "левых" политических партий. В свое время членом Иркутского бюро партии социалистов-революционеров был начальник Иркутской городской милиции Л. Я. Малышев. По воспоминаниям Россомахина, начальники Туринской и Ирбитской уездной милиции Бунинский и Аتماкин также когда-то были эсерами³¹.

В некоторых случаях специальное внимание обращалось на политические взгляды кандидатов на службу. В Пермской городской милиции милиционер должен был представить рекомендации о своей политической благонадежности. От командного состава требовали не только соответствия образовательному цензу, но и "нравственной и политической устойчивости"³².

Следующий шаг по деполитизации милиции предусматривалось сделать при принятии Земского избирательного закона, по которому милиционеры отстранялись от участия в выборах³³.

Были и другие дополнительные требования, призванные повысить профессиональный уровень милиционеров и их нравственные качества. Сохранялась дореволюционная практика, не допускавшая службы в подчинении близких родственников. Приказ по Курганской уездной милиции от 28 ноября 1918 г. повторял телеграфное распоряжение Тобольского уездного комиссара о том, что А. Воробьев не может быть утвержден в должности помощника секретаря уездной милиции, т. к. его отец и есть этот самый секретарь. В другом случае приказ Тобольского уездного комиссара от 12 декабря 1918 г. предписывал начальнику Тобольской уездной милиции избегать назначать милиционеров на службу в то место, откуда они родом или где жили раньше³⁴. Реализация этого предложения способствовала бы повышению требовательности милиционеров при выполнении своих обязанностей.

В этой связи А. Н. Никитин справедливо пишет о том, что при А. В. Колчаке кадровая политика по отношению к личному составу милиции имела ряд достоинств — отказ от классового принципа при комплектовании³⁵. Общеизвестно, что в Советской России главным был классовый подход в подборе кадров для службы в рабоче-крестьянской милиции.

Серьезной кадровой проблемой милиции было наличие свободных должностей. В конце февраля 1919 г. во втором участке мили-

ции Владивостока было 15 вакансий. На состоявшемся 1 марта 1919 г. съезде управляющих уездами Иркутской губернии было отмечено, что в Нижнеудинском уезде вакантны 45% должностей нижних чинов и 2 должности начальника участка. В Верхнеленском уезде не было 2 начальников участков, а в Бодайбинском - бухгалтера и завхоза. Управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий, выступая 28 февраля 1919 г. в Красноярской уездной земской управе, признался, что "особенно трудно подобрать кадры чинов милиции"³⁶.

Несколько причин такого положения назвал М. М. Степанов: часть чинов старой полиции в 1917 г. покинула службу и не вернулась, часть погибла, часть отказалась служить из-за трудностей переживаемого времени³⁷. Список причин образования вакансий должно дополнить еще одной, пожалуй, самой распространенной - недостаточное финансирование милиции. В середине марта участники съезда управляющих уездами Акмолинской области отметили, что во всех уездах нет денег заполнить вакансии милиционеров³⁸.

Попытка властей белой Сибири решить кадровую проблему в милиции за счет привлечения в нее чинов старой, царской полиции была отмечена еще советскими историками. К. М. Молотов писал о том, что снова возродилась старая царская полиция: "Полицейстеры, пристава и царские жандармы были призваны снова играть роль в стране произвола, гнета и издевательства над рабочими и крестьянами". Эту точку зрения разделял и В. А. Кадейкин. "Бывшие царские жандармы, возвращенные на старые места в период колчаковщины, - писал он, - истязали свои жертвы со "знанием дела"³⁹.

Действительно, Российское правительство пошло на то, чтобы принимать в милицию сотрудников старой полиции. В законе "О бунте против власти" от 13 февраля 1919 г. признавалась необходимость ввести в состав милиции прежних полицейских и жандармов чинов, как людей опытных и привыкших к дисциплине. Это делалось для того, чтобы успешно охранять население от "большевизма"⁴⁰. На профессиональный опыт прежних полицейских указал в своем докладе от 13 марта 1919 г. на имя управляющего Енисейской губернии П. С. Троицкого делопроизводитель губернского управления титулярный советник П. И. Ситников. "Жизнь показала, - писал он, - что без этих специализировавшихся в своем сложном, опасном и ответственном деле не обойтись, т. к. заменившая "полицию" "милиция", набранная, как говорится с бора по сосенке, оказалась далеко не на высоте своего положения и в большинстве случаев оказалась во всех отношениях хуже столь неосмотрительно

забракованной полиции". Все это, по мнению чиновника, привело к тому, что "бывших полицейских как бы из милости, с большим разбором и с оглядкой стали принимать на службу в милицию"⁴¹.

27 марта 1919 г. департамент милиции принял решение замещать строевые должности бывшими солдатами, преимущественно действительной службы, за малым исключением, ратниками. На командные должности предписывалось назначать преимущественно офицеров и старых полицейских, ничем себя не запятнавших⁴². Это дало повод одной из алтайских газет упрекнуть власти в непоследовательности и даже противоречивости. С одной стороны, писал ее автор, правительство создает новый государственный механизм, а с другой - принимает на службу старых милиционеров - усердных реставраторов прошлого⁴³. Делая политическое разоблачение, автор упустил из виду одно весьма важное обстоятельство - эти люди имели служебный опыт, столь необходимый в условиях растущей преступности.

За подписью директора департамента милиции В. Н. Пепеляева было дано объявление о регистрации в названном ведомстве всех бывших классных чинов и городских старой полиции для получения соответствующей службы. Указывалось и неперемное условие для кандидатов - "неопороченность по суду". Комплектованию вновь учрежденных органов государственной охраны, городской и уездной милиции классными чинами было посвящено заседание комиссии при Главном штабе, состоявшееся 10 апреля 1919 г. МВД представляли управляющий особым отделом генерал-майор С. А. Романов и начальник отделения уголовного отдела С. В. Вельский. Участники заседания единогласно постановили пополнить штаты опытными служащими бывшей полиции, находящимися на тот момент в войсках, видя в этом один из главных способов борьбы с преступностью. На втором заседании упомянутой комиссии 12 апреля для того, чтобы привлечь опытных сотрудников, было предложено восстановить прежнее название этого органа - полиция, зачесть всем бывшим полицейским чинам их прежнюю службу, восстановить их в правах, обеспечить надлежащее содержание по должности, а их семьям при увечьях и смерти кормильца сохранять все законные права военнослужащих при переходе в милицию⁴⁴.

Власти на местах в основном руководствовались директивами из Омска. Так, съезд управляющих уездами Тобольской губернии, состоявшийся в январе 1919 г., еще раз подтвердил, что при назначении на должность в милиции следует обратить серьезное внимание

на служебный опыт и персональное соответствие занимаемой должности. В объявлении о приеме на службу в Атбасарскую уездную милицию прямо говорилось о том, что предпочтение будет отдано "безпорочно" служившим в полиции. В Алтайской губернии удовлетворялись теми, кто был знаком со службой в полиции⁴⁵.

Для того чтобы уменьшить число вакансий, милиционеров не призывали в действующую армию. В этой связи можно сослаться на постановление Совета министров от 28 декабря 1918 г. и Указ Верховного правителя от 2 сентября 1919 г. По этим документам от призыва освобождались служащие в отрядах милиции особого назначения, все классные чины городской и уездной милиции, старшие агенты уголовного розыска⁴⁶.

Личный состав милиции пополнялся не только за счет лиц, не годных к военной службе. Некоторых бывших чинов милиции все-таки откомандировывали из армии в распоряжение МВД. Комиссия при Главном штабе по разработке вопросов о комплектовании вновь учрежденных органов, в том числе и милиции, 10 апреля 1919 г. посчитала нужным пополнить милицию опытными служащими бывшей полиции, находящимися сейчас в войсках, "видя в этом один из главных способов борьбы с преступностью"⁴⁷. В описываемый период правительство дважды (2 июня и 3 сентября 1919 г.) возвращалось к вопросу о списке должностей в милиции, которые могут быть замещены офицерами и военными чиновниками⁴⁸.

Это вызывало недовольство военных властей. В своем разговоре по прямому проводу с министром внутренних дел В. Н. Пепеляевым управляющий Забайкальской областью С. А. Таскин сообщал о том, что воинские начальники требуют вернуть в армию из милиции всех офицеров, служащих от начальника милиции до канцелярского чиновника⁴⁹.

Эти меры по комплектованию не замедлили сказаться. Уже в марте 1919 г. управляющий Акмолинской областью С. С. Рязанов отметил, что классные чины вверенной ему милиции в значительной степени состоят из полицейских, а милиционерами служат запасные солдаты. На это же обстоятельство обратил внимание и чиновник особых поручений при МВД С. Р. Колосов. Инспектируя 2-7 сентября 1919 г. Тюкалинский уезд Акмолинской области, он констатировал, что участковые начальники милиции наполовину состоят из старых полицейских. При всех своих недостатках, отмечал С. Р. Колосов, эти лица наиболее популярны среди населения⁵⁰. Однако такое положение было не везде. В Барнаульском уезде из 14 выявлен-

ных бывших полицейских изъявили желание снова служить лишь трое, причем двое из них согласились принять только должность начальствующего состава⁵¹.

В целом ставка на бывших полицейских и жандармов не решила проблему нехватки чинов милиции. В обзоре деятельности департамента милиции в октябре 1919 г. содержалось признание того факта, что лица, обладающие полицейским стажем, в большинстве случаев избегают службы в милиции, так как она в настоящее время чрезвычайно опасна и не представляет тех материальных выгод, которые можно получить даже при "самом примитивном труде"⁵².

Война обусловила появление еще одного источника пополнения личного состава милиции. В августе 1919 г. начальник Никольско-Уссурийской уездной милиции попросил уездную управу объявить о приеме на службу в милицию находившихся в уезде беженцев⁵³. Такие объявления печатались и в других городах и уездах.

Самостоятельное исследовательское значение имеют мотивы, которыми руководствовались люди при поступлении на службу в милицию. Нам пока не удалось найти сколько-нибудь развернутых мотивов поступления на службу в милицию. По мнению Д. А. Бугаева, В. С. Короткое поступил в Красноярскую милицию из-за шкурных целей, имея желание выслужиться перед властями. Кроме этого, им руководило стремление уйти от воинской повинности, от участия в боях начавшейся гражданской войны. Но, во-первых, В. С. Короткое сумел неплохо подготовить милицию города к борьбе с преступностью. Во-вторых, весной 1919 г. В. С. Короткое был ранен в результате покушения. Таким образом, он и в тылу занимался важным и опасным делом.

Среди мотивов поступления на службу в милицию свою роль играла материальная заинтересованность. Даже небольшое жалование давало возможность семьям ее сотрудников выжить в условиях продолжающейся войны.

Министерство внутренних дел контролировало комплектование милиции, в первую очередь, лицами начальствующего состава. С этой целью уполномоченный по делам милиции МВД полковник Е. К. Орловский проверил Пермскую губернию. 8 мая 1919 г. он представил руководству свой доклад по итогам инспекции. В названной губернии должности начальников милиции, их помощников, начальников участков занимали, главным образом, бывшие классные чины полиции, исправники, их помощники, становые приставы, офицеры. В очень редких случаях на руководящих должностях были гражданские лица.

Наличие на милицейской службе гражданских лиц было возможно до сентября 1918 г., когда милиция подчинялась органам местного самоуправления. Сразу после передачи милиции в ведение МВД эти люди стали уходить. Образовательный уровень начальников милиции, по оценке полковника Е. К. Орловского, был ниже среднего, зато они имели служебный стаж. Общий вывод полковника по проверенным чиновникам заключался в том, что они вполне соответствуют своей должности⁵⁴.

Анализ архивных и газетных материалов тех лет предоставляет возможность несколько более подробно увидеть начальствующий состав сибирской милиции. Важнейшей характеристикой начальников милиции было полученное ими образование. Нам удалось собрать соответствующие данные по 13 начальникам городской и уездной милиции⁵⁵:

Высшее, в т. ч. юридическое	Окончили военное училище или школу прапорщиков	Окончили учительскую семинарию	Окончили двухклассное училище	Получили домашнее образование
%	4	2	3	1

Несколько обобщенное представление дает информация комиссара охраны Акмолинской области. На всю область и четыре уезда соседней Тобольской губернии лишь один человек был с высшим образованием. Со средним образованием, в том числе окончивших военное училище, было "очень ограниченное количество"⁵⁶. Необходимо отметить довольно невысокий образовательный уровень начальников милиции. Очень мало было лиц с высшим, тем более юридическим образованием. Это негативно влияло на исполнение ими своих обязанностей. Здесь уже не приходится говорить о правовой культуре правоприменителей в лице не только милиционеров, но даже их начальников.

В известной степени профессиональный уровень начальников милиции определяла их предшествующая и последующая служба. В этой связи можно привести данные по 15 случаям кадровых назначений⁵⁷. Трое из них были до этого помощниками начальника милиции, один — начальником уголовно-розыскного отделения. Трое были начальниками милиции в другом месте. Трое начальников получили назначение на ту же должность в другое место. Трое получили должность с большим объемом работы, а двое - с меньшим.

Как видно из вышеприведенных данных, в 6 случаях из 15 начальником милиции становился человек, занимавший должность

помощника начальника, а еще один служил до этого начальником уголовно-розыскного отделения.

Естественно, что начальники милиции имели значительный служебный стаж и различные знаки отличия. Начальник Читинской городской милиции полковник Н. А. Баранов был последовательно полицмейстером Иркутска, Новониколаевска, Владивостока и Благовещенска⁵⁸. Начальник Пермской городской милиции коллежский советник Н. А. Ключников из 50 лет жизни 27 прослужил в МВД. Около 18 лет он был уездным исправником, затем полицмейстером Екатеринбургa. Выпускник Уфимского уездного училища, он был удостоен орденов Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й и Св. Владимира 4-й степеней. Около 17 лет прослужил в полиции титулярный советник, кавалер ордена Св. Станислава 3-й степени А. Т. Казачихин. Окончив в свое время учительскую семинарию, он дослужился до должности помощника полицмейстера Екатеринбургa⁵⁹.

Некоторые начальники милиции имели опыт государственной службы, не связанный со службой в полиции. Исполняющими дела начальника Благовещенской и Тобольской городской, Верхоянской уездной милиции были назначены, соответственно, помощник тюремного инспектора Амурской области Задарновский, младший делопроизводитель Тобольского губернского управления М. М. Кулябко и бывший советник Якутского областного управления надворный советник Ф. М. Соловьев⁶⁰. То, что они стали только "исполняющими дела", было связано, по-видимому, с отсутствием у них необходимого опыта.

Некоторое обобщенное представление о предшествующей службе начальников милиции в одной губернии дает рапорт от 13 мая 1919 г. уполномоченного МВД по милиции полковника Е. К. Орловского. В результате проверки было установлено, что помощником Екатеринбургского полицмейстера был нынешний начальник Екатеринбургской городской милиции А. Т. Казачихин. Начальник Шадринской милиции Н. А. Ключников - бывший полицмейстер Екатеринбургa. Начальник Кунгурской милиции Н. А. Нечаев был начальником Казанской уездной милиции. Уездным исправником был начальник Верхотурской уездной милиции В. В. Мачинский. Помощниками исправника в свое время служили начальники Камышловской и Оханской уездной милиции В. И. Сергеев и А. И. Пантюшев. Начальниками Красноуфимской, Нижнетагильской, Соликамской и Чердынской уездной милиции были бывшие стантовые приставы З. С. Быков, П. А. Красновидов, Н. Г. Бабин и В. И. Коста-

рев⁶¹. Таким образом, из 15 начальников милиции городов и уездов губернии 10 служили еще в полиции, причем 4 были на руководящих должностях.

Распространенным источником руководящих кадров была военная служба. По справедливому мнению А. Н. Никитина, режим Колчака широко практиковал назначение на должность начальников городской и уездной милиции боевых офицеров, не имевших юридического образования и соответствующей профессиональной подготовки⁶². Действительно, в разное время офицеры возглавляли милицию в Благовещенске, Вятке, Екатеринбурге, Иркутске, Камышлове, Красноярске, Мариинске, Перми, Омске, в Белебеевском, Ирбитском, Каинском, Нерчинском, Пермском уездах, на Верх-Исетском заводе⁶³.

Важной характеристикой деловых качеств начальника милиции мог быть стаж пребывания его на руководящей должности. Серьезной проблемой тех лет был незначительный срок работы начальников милиции в своей должности. С одной стороны, это было обусловлено частой сменой властей, с другой - самими условиями службы. В некоторых уездах Акмолинской области за три месяца сменилось до четырех начальников милиции⁸⁴. В Иркутской губернии по состоянию на 21 августа 1919 г. из начальников милиции 7 уездов и 2 аймаков только один находился в должности с 18 февраля 1918 г., а пятеро из них заняли этот пост в 1919 г.⁶⁵ Весьма красноречивый пример можно привести по Красноярску. Здесь В. С. Короткое был пятым по счету начальником городской милиции за весьма короткий период с февраля 1917 г. по 13 августа 1918 г.⁶⁰ Не вызывает сомнения, что такая высокая сменяемость отрицательно влияла на эффективность деятельности вверенных им управлений милиции.

Целесообразно рассмотреть назначение и снятие с должности начальника милиции как способ реализации кадровой политики. Следует отметить, что при назначении начальников милиции имели место столкновения ведомственных интересов и амбиций. Сразу после взятия Перми в конце декабря 1918 г. Пермская городская управа с согласия начальника гарнизона назначила начальником милиции подпоручика А. В. Златина. Когда в город прибыл представитель МВД полковник Е. К. Орловский, то он назначил на ту же должность прапорщика Данилова. Городская управа донесла об этом главному начальнику Уральского края и в департамент милиции, прося оставить А. В. Златина. Однако через несколько дней подпоручик

А. В. Златин был назначен чиновником особых поручений при управляющем Пермской губернией⁶⁷. Примечательно, что при этом не было речи о деловых качествах каждой из кандидатур.

Настойчивость в отстаивании своего кандидата на должность проявил Новониколаевский уездный комиссар. 27 ноября 1918 г. он повторно обратился к управляющему МВД утвердить начальником городской милиции Ивана Прохоровича Вележева. Он, по оценке уездного комиссара, был человеком опытным, энергичным и корректным, имел высшее техническое образование и чин подпоручика⁶⁸. В итоге такое назначение состоялось, но пробыл И. П. Вележев на этой должности всего пять месяцев.

Кадровые вопросы в милиции решали не только гражданские, но и военные власти. Начальник Уссурийского военного района генерал-лейтенант Курдюков назначил начальника Никольск-Уссурийской уездной милиции В. С. Сарычева временно исполняющим дела начальника административной части названного района. Комендант Миасского завода поручик Аманацкии назначил начальника милиции С. Попова, его помощника и 65 милиционеров⁶⁹. Эти назначения не только противоречили "Временному положению о сибирской милиции", но и отражали желание военных поставить милицию под свой контроль.

Некоторые начальники милиции переходили на другую службу. Начальник Барнаульской уездной милиции М. Н. Соленов по приглашению Каменской городской управы стал городским головой, а начальник Енисейской уездной милиции Гольфарб был назначен помощником управляющего Ачинским уездом. Приказом управляющего Томской губернией Б. М. Михайловского от 10 мая 1919 г. начальник милиции Анжерского района А. С. Шевелин был допущен к исполнению дел управляющего Томским уездом⁷⁰. Однако только в случае с переходом начальника Новониколаевской городской милиции И. П. Вележева заведующим отделом заказов Новониколаевского военно-промышленного комитета была указана причина. В данном случае она заключалась в разногласиях с непосредственным начальством⁷¹. О том, в чем эти разногласия выражались, в газете не сообщалось.

В реализации кадровой политики у омских властей были очевидные успехи. Многие начальники милиции зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Среди них был полковник Роман Аполлонович фон Арнольд. На протяжении десяти лет, с июля 1907 г. по

1917 г., он был полицмейстером, а с апреля 1918 г. начальником милиции Харбина. По авторитетному мнению военного юриста Е. Х. Нилуса Р. А. фон Арнольд проявил себя как блестящий организатор. О его деятельности положительно отзывались генерал китайской службы норвежец Мунте, организовавший полицию в Пекине, и варшавский обер-полицмейстер Мейер⁷².

В другом случае благодарности удостоился начальник Красноярской городской милиции поручик В. С. Короткое. Товарищ прокурора Красноярского окружного суда А. Телегин в своем рапорте от 27 января 1919 г. сообщал прокурору Красноярского окружного суда об успехах этого офицера. Всего за 2-3 дня он укомплектовал личный состав, установил строгую военную дисциплину. Теперь, по оценке сотрудника прокурорского надзора, раскрытие преступления перестало быть чем-то случайным и неожиданным. Приходится удивляться, продолжал А. Телегин, его энергии, настойчивости, трудолюбию и умению подбирать хороших сотрудников при их дефиците. Прокурор особо отметил, что упомянутый начальник милиции всегда был впереди подчиненных в момент опасности⁷³. В данном случае особо значимо то, что высокая оценка деятельности начальника милиции принадлежит чину прокурорского надзора.

Однако в кадровой работе департамент милиции, руководители губерний и областей допускали и промахи. Весьма серьезные замечания высказал о бывшем помощнике начальника милиции 1-го участка Омска прапорщике Семенове управляющий Акмолинской областью С. С. Рязанов. В своем докладе на имя директора департамента милиции В. Н. Пепеляева от 9 февраля 1919 г. он писал об отсутствии у Семенова должной энергии, распорядительности и той доли личной инициативы, которая необходима каждому чину милиции, чтобы суметь собственными силами успешно выйти из любого положения. Кроме того, не зная службы и не имея никакого опыта, Семенов, по мнению управляющего областью, не проявил ни малейшего желания изучить и свои обязанности⁷⁴.

О "неблаговидных" поступках начальника Троицкой городской и уездной милиции Е. Чорбы Троицкому уездному комиссару в своем письме от 3 января 1919 г. сообщил врач коллежский советник Н. Л. Поляков. Названный начальник милиции присвоил себе чин полковника и вел себя "неприлично". Директор департамента милиции своим распоряжением от 10 марта поручил управляющему Приуральской областью выяснить личность Е. Чорбы⁷⁵.

Иногда милицией руководили неподготовленные и даже случайные люди. Начальником Верхоянской уездной милиции был казак местной команды⁷⁶. Такое кадровое назначение можно списать на отдаленность уезда. Однако другой пример, больше похожий на анекдот, относится к центру "колчакии". В сводке, подписанной начальником информационного отделения уголовного отдела департамента милиции В. Д. Дебогорием-Мокревичем, о преступлениях в столичной Акмолинской области за март 1919 г. сообщалось, что начальником милиции в Павлодаре служит бывший артист драматической труппы Харламов, творивший в уезде всякие бесчинства. В этом отношении важно мнение комиссара охраны Акмолинской области о том, что многие из начальников милиции не имели никакого представления о службе в милиции⁷⁷.

Между тем основную часть правоохранительных функций на всем пространстве белой Сибири выполняла милиция. От ее укомплектованности, материальной оснащенности, профессионализма, служебной дисциплины и уровня правовой культуры во многом зависела правоохранительная ситуация. В отечественной литературе до сих пор нет монографического исследования, посвященного деятельности сибирской милиции в условиях гражданской войны. Обращает на себя внимание тот факт, что если об участии милиции в борьбе с партизанами и подпольщиками исследователи и мемуаристы еще упоминают, то о ее противодействии уголовной преступности публикаций пока недостаточно.

Обзор деятельности сибирской милиции следует предварить известной фразой Наполеона о том, что для успешного ведения войны нужны только три вещи - деньги, деньги и еще раз деньги. Эти условия вполне применимы и для милиции. Иначе как сложным нельзя было назвать положение с ее финансированием. В первую очередь это касалось размера денежного содержания личного состава. Нормативные документы предусматривали следующие размеры оклада содержания милиции в Сибири⁷⁸:

Категория города	Размер оклада содержания (руб. в год)					
	начальника милиции	помощника начальника милиции	начальника милиции участка	помощника начальника милиции участка	старшего милиционера	милиционер
Губернские (областные) центры	7680	5760	4800	3840	3360	2880
Крупные города в уездах	5760	4320	3,600	3120	2160	1728

Таким образом, например, в Екатеринбурге начальник милиции получал 977,5 руб., начальник участка — 710 руб., старший милиционер — 400, а младший — 375 руб. в месяц. В это же время слесарь Мотовилихинского завода получал 26 руб. в смену⁷⁹, что составляло около 676 руб. в мес. Некоторое представление о предполагаемых потребительских способностях милиционеров дают следующие сведения. В октябре 1918 г. куль картошки на томских рынках стоил 35 руб., луд муки 75 руб., фунт говядины 2 руб. 20 коп., сажень березовых дров 85 руб. Официальный прожиточный минимум в Сибири в феврале равнялся 326 руб., а в ноябре 1919 г. составил уже 1102 руб. в мес.⁸⁰ Таким образом, не только милиционеры, но и классные чины этого ведомства находились за гранью выживания. У исследователей есть основания заявить, что далеко не редкими были случаи, когда сами милиционеры оказывались участниками преступлений, зачастую имевших корыстный характер⁸¹.

М. М. Степанов достаточно обоснованно считает, что милиция тогда финансировалась по остаточному принципу и в минимальном размере, а также по мере возможности. Денежное содержание было мизерным и выплачивалось нерегулярно⁸². 24 ноября 1919 г. управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский обратился к управляющему Томской губернской казенной палаты по поводу письма управляющего Мариинским уездом, сообщавшего о задержке выплаты жалования милиционерам. "Принимая во внимание переживаемый момент, — писал управляющий губернией, — чины милиции должны получать жалование безостановочно"⁸³. Вскоре деньги были найдены.

В этих условиях не были удивительными случаи увольнения милиционеров по их прошениям. Начальник Томской уездной милиции Вишнеvский доложил управляющему Томским уездом о том, что некоторые чины милиции возбуждают вопрос об оставлении службы и уходе "за невозможностью продолжать таковую при настоящих условиях". Вскоре чины милиции перешли от слов к делу. Были дни, когда по "домашним" обстоятельствам здесь ежедневно увольнялось 5, 7, 10 и 14 человек. Наконец поступило заявление об увольнении от конной команды в полном составе⁸⁴. Управляющий Иманским уездом в январе 1919 г. известил управляющего Приморской областью об итогах проведенной им ревизии управления Иманской уездной милиции. В документе было обращено внимание на большую финансовую задолженность управлению⁸⁵.

О столь бедственном положении были проинформированы и руководители департамента милиции. Один из них - вице-директор департамента милиции А. А. Траутман, выступая 8 марта 1919 г. на совещании по "возрастающей" преступности, признал необходимым "создать повышенные оклады, которые могут в действительности вознаградить все тяжести, лишения и опасности службы в милиции и оградить от могущих встретиться житейских соблазнов". Среди участников совещания это предложение не вызвало возражений⁸⁶. Очевидно, одним из последствий этого обсуждения был направленный в мае 1919 г. в Совет министров законопроект о повышении выплат милиционерам за стаж. Такую привилегию предполагалось предоставить чинам, обладавшим высокими нравственными качествами, при выслуге 2 года, 5 и 10 лет⁸⁷.

По мнению А. Н. Никитина, следует признать, что В. Н. Пепеляев уделял много внимания и прилагал значительные усилия для улучшения материального положения своих подчиненных. Именно из его обращений в различные инстанции, как считает историк, можно получить необходимую информацию о материальном положении чинов милиции. В марте 1919 г. он писал министру внутренних дел о том, что цены повысились в 30 раз, а зарплата всего в 5-6 раз. Положение семей милиционеров он оценивал как печальное, полуголодное. Главы таких семейств, особенно где были малолетние дети, не могут спокойно работать при неотвязной мысли о пропитании своих детей и жен. В 1919 г. были введены процентные надбавки за выслугу лет, выплачивались 35% за рост дороговизны, а при гибели милиционера — пособие его семье. Сотрудникам выдавались продовольственные пайки, мануфактура. При этом был существенный разрыв в окладе содержания низовых сотрудников и сотрудников центрального аппарата МВД. Если в середине 1919 г. младший милиционер получал 425, то машинистка департамента милиции - 675, чиновник особых поручений 1856, а директор департамента милиции 2362 руб. в месяц⁸⁸.

При всей остроте положения с финансированием имели место случаи, делавшие честь начальникам милиции. 15 декабря 1918 г. совещание представителей военных властей, банков, кооперативов, различных обществ Новониколаевского уезда обсудило вопрос о ссуде милиции для выдачи личному составу пособий и наградных. Однако присутствовавший на совещании начальник милиции, по согласованию с подчиненными, отказался от материальной помощи. Милиция как орган правительственной власти, "наблюдающий за

законностью и охраной прав гражданской свободы, - заявил начальник милиции, - должна быть независима от влияния общественных групп и партий и поэтому может получать жалование и награды от правительства". Милиционеры, говорилось далее, могут подумать, что "представляемая субсидия со стороны состоятельных классов вызывает недоверие к ним со стороны бедных слоев общества, а они (милиционеры. - С. 3.) чрезвычайно щепетильно относятся к совести милицейской"⁸⁹.

В другом случае весной чины Омского уголовно-розыскного отделения раскрыли крупные преступления. Потерпевшие высказали желание премировать отличившихся. По этому поводу департамент милиции 10 апреля 1919 г. направил управляющим губерниями и областями специальный циркуляр. В нем говорилось о том, что "обязанность милиционера - ограждать от преступных посягательств граждан, невзирая на их материальную обеспеченность... Защита, оказанная богатому или бедному, с точки зрения службы, совершенно равноценна, за нее государство уплачивает определенное содержание"⁹⁰. Для содержания милиции есть жалование, премии из казны. Если же потерпевшие настаивают, говорилось в циркуляре, то лучше пусть эти деньги пожертвуют армии⁹¹.

Значительные трудности возникали при реализации пункта 8 "Временного положения о сибирской милиции", принятого Административным советом Временного Сибирского правительства 17 сентября 1918 г. В соответствии с ним одна треть расходов казны на содержание милиции должна была впоследствии покрываться за счет местного самоуправления⁹².

Об отказе Хабаровской городской управы компенсировать эту часть расходов за ноябрь 1918 г. сообщил Хабаровский уездный комиссар управляющему Приморской области⁹³. Характерная ситуация сложилась в Иркутске. Здесь на запрос Иркутского губернского комиссара о компенсации одной трети затрат на милицию в ноябре 1918 г. Иркутская городская дума ответила, что у нее нет денег. Через некоторое время Иркутский губернский комиссар вновь обратился с той же просьбой в городскую управу. В своем ответе городской голова заявил о том, что не считает возможным сделать такую выплату. Свой отказ он обосновал двумя причинами. Во-первых, со дня падения советов городу пришлось нести расходы по содержанию милиции без участия казны, которые управа скоро тоже хочет себе вернуть. Во-вторых, сам город находится в крайне тяжелом финансовом положении⁹⁴.

Иная ситуация сложилась в Екатеринбургe и Владивостоке. Как следует из доклада городского головы Екатеринбургa на имя Верховного правителя от 22 февраля 1919 г., за период с 1 августа 1918 г. по 1 января 1919 г. город выплатил на содержание милиции 620 тыс. руб. Из областного правительства Урала было получено лишь 254 тыс. Таким образом, долг казны городу к 1 января 1919 г. составил 360 тыс. руб. Во втором случае Владивостокская городская управа к октябрю 1919 г. потратила на милицию 675 тыс. руб., что составило около 47 % годового городского бюджета. Председатель управы обратился в междуведомственное совещание в Омске о погашении задолженности казны⁹⁵.

Наконец, следует упомянуть о том, что перевоз арестованных, их питание и т. д. осуществлялись, согласно российской традиции, в виде натуральной повинности крестьян. Однако и здесь были свои проблемы. Съезд управляющих уездами Енисейской губернии, состоявшийся 26—28 января 1919 г., констатировал, что крестьяне не желают выполнять натуральные повинности без предоплаты⁹⁶. Стоит ли говорить о том, что денег для этого у властей не было.

В своем стремлении обеспечить финансирование милиции власти предпринимали самые различные меры, причем не всегда правомерные. 21 августа 1919 г. командующий войсками Иркутского военного округа подписал обязательное постановление. Оно предписывало «обложить» домовладельцев, квартиро- и коммунанIMATEЛЕЙ, держателей торгово-промышленных заведений, ресторанов, бань, банков на добавочное содержание милиции Иркутска. Предполагалось взимать с каждой сдаваемой и снимаемой комнаты на окраине города 1, а в центре - 2 руб. Однако комитет по обеспечению законности в управлении отменил это постановление⁹⁷.

В мае 1919 г. Владивостокская городская управа приняла постановление об отчислении местной милиции 10 % с продажи бытовых марок⁹⁸. Начальник милиции Балаганска решил продать архив местного полицейского управления, в составе которого были документы начала XVIII в. Была даже установлена цена - 30 руб. за пуд. Иркутская губернская архивная комиссия обратилась к управляющему губернией с просьбой предотвратить такую распродажу". Данный пример не только характеризует остроту проблемы, но и культурный уровень руководителя милиции.

Были случаи, когда деньги на содержание милиции брались взаймы. Новый состав Курганской городской думы решил легализовать заем правопорядка¹⁰⁰. В январе 1919 г. к министру внутренних дел

обратился командующий Уральским отдельным корпусом. Генерал ходатайствовал о возвращении штабу корпуса 100 тыс. руб., которые он дал взаймы для выплаты жалования милиционерам Челябинска по просьбе министра финансов¹⁰¹.

Недостаточное и нерегулярное финансирование милиции из казны мотивировало поиски нетрадиционных и устойчивых источников средств. В частности, появилась идея о привлечении частных средств.

Директор департамента милиции В. Н. Пепеляев в своем письме в Совет министров от 26 марта 1919 г. сообщил, что к нему поступают ходатайства об участии частных фирм в финансировании милиции. Владельцы Анжеро-Судженских каменноугольных копей предложили 385 тыс. руб., но во "Временном положении о сибирской милиции" не было указания на возможность такого источника финансирования. Между тем, продолжал директор департамента, в императорской России министру внутренних дел было предоставлено право учреждать должности милиционеров на частные средства. Одновременно В. Н. Пепеляевым был предложен и проект постановления правительства¹⁰².

Правительство разъяснило, что оно намерено разрешить такую практику, но при соблюдении следующих условий: 1) у таких милиционеров не могло быть больше прав, 2) это не вызовет дополнительных расходов, и, наконец, 3) общий контроль за службой таких милиционеров будет у правительственных органов¹⁰³.

9 апреля 1919 г. Совет министров принял постановление "Об учреждении на частные средства, отдельных должностей чинов милиции и команд пеших и конных милиционеров". В соответствии с этим документом министр внутренних дел получил право удовлетворять ходатайства общественных учреждений, частных обществ и лиц об учреждении дополнительных должностей в милиции, но при условии, чтобы им не присваивались никакие особые (сверх определенных законом) права и преимущества. Порядок учреждения, права и обязанности таких милиционеров определялись правилами и инструкциями МВД и должны были соответствовать действующим правилам о милиции¹⁰⁴. Что же вызвало принятие данного правительственного решения, против самой идеи которого совсем недавно выступал министр внутренних дел? На наш взгляд, здесь уместно назвать несколько объективных и субъективных причин. Безусловно, следует учесть очевидные трудности с финансированием милиции и связанные с этим текучесть и дефицит кадров. Можно предположить, что свою роль сыграло и то, что товарищем мини-

стра, ведавшим милицией, стал В. Н. Пепеляев. Правительство поддержало его точку зрения, а не точку зрения министра А. Н. Гаттенбергера. Это стало более очевидным, когда в мае В. Н. Пепеляев сменил последнего на его посту.

Инструкция по учреждению должностей на частные средства была утверждена уже новым министром внутренних дел 23 мая 1919 г. Срок, на который учреждались такие должности, не мог быть менее 6 месяцев. Если оружие и огнестрельные припасы выдавались таким милиционерам на общих основаниях, то их обмундирование происходило за счет плательщика. Без его согласия такие милиционеры не могли быть переведены служить в другую местность. Они должны были подчиняться "Временному положению о сибирской милиции". Инструкция предусматривала следующие основания для упразднения этих должностей министром внутренних дел: неуплата в оговоренные сроки средств и отсутствие нужды в таких должностях¹⁰⁶.

Возможностью учредить такие должности воспользовались многие юридические лица. Среди них Черногорские копи, рудники и заводы акционерного общества "Сибирская медь", Знаменский стекольный завод Данилова, Салаирские прииски, Абаканский железоделательный завод. Барнаульской общегородской больничной кассе сроком на один год было разрешено оплачивать даже должность помощника участкового начальника милиции¹⁰⁶.

Были случаи, когда милиционеры содержались за счет иных государственных ведомств. За счет средств Главного управления конезаводства содержалось 5 милиционеров. Они должны были охранять от нападения отряда Лубкова конезаводы близ села Брюханова Кузнецкого уезда Томской губернии¹⁰⁷.

Учреждались должности младшего пешего милиционера и на личные средства. Гражданин села Анисимовского Боровленской волости Барнаульского уезда Л. И. Коптелов нанял милиционера для охраны своего кожевенного завода. Это было сделано после нападения на квартиру Л. И. Коптелова, когда ущерб составил 35 тыс. руб.¹⁰⁸ 11 июня 1919 г. департамент милиции разрешил управляющему Приморской областью в порядке исключения удовлетворить ходатайство шестерых китайцев о создании на их средства должностей милиционеров, тем более что имелась квитанция о переводе ими денег¹⁰⁹.

Нами пока не найдены сведения о том, как повлияло данное решение правительства на эффективность работы милиции. Дело в том, что в отчетах не выделялись результаты службы таких милиционеров, да и срок реализации названного постановления был невелик.

Не только выплатой денежного содержания решалась проблема финансирования милиции. Имеется в виду выплата милиционерам различных пособий. Они либо дополняли денежное содержание, либо в какой-то мере компенсировали семьям милиционеров гибель кормильца или утрату им трудоспособности. В этом отношении заслуживает внимания предложение управляющего Курганским уездом М. В. Алексеева. Выступая в феврале 1919 г. на 12-м съезде управляющих уездами Тобольской губернии, он высказался в пользу полной материальной обеспеченности семьи при смерти милиционера или потере им трудоспособности¹¹⁰.

Однако реальная помощь была значительно скромнее. В соответствии с постановлением правительства от 25 февраля 1919 г. МВД ежемесячно для выдачи пособий милиционерам и чинам государственной охраны выделялось 500 тыс. руб. В случае насильственной смерти милиционера от преступных нападений вдове или родителям выплачивалось не более половины его годового содержания. Такая же сумма выдавалась при повреждении здоровья милиционера на лечение. По половине оклада могли получить члены семей милиционеров (жены, дети, родители, братья и сестры), если они подвергались нападению. Наконец, половина оклада могла быть выплачена милиционеру в случае проявления им особой энергии и распорядительности в борьбе с преступностью¹¹¹.

Местные власти не проявляли требуемых инициативы и энергичности в подготовке соответствующих документов и выплате самих пособий. По этому поводу 27 июня 1919 г. министр внутренних дел В. Н. Пепеляев подписал специальный циркуляр. В нем министр вновь напомнил управляющим-, губерниями и областями свои неоднократные требования немедленно представлять документы на пособия раненым и особо отличившимся, а также семьям убитых. По сведениям В. Н. Пепеляева, это выполнялось лишь частично. Министр вновь предложил систематически сообщать ему обо всех фактах гибели милиционеров с описанием обстоятельств смерти и "мучений, коим они часто подвергаются". Первый список было предложено прислать в Омск к 15 июля, а затем делать это ежемесячно. В. Н. Пепеляев обратил внимание на то, что делает такое предложение в последний раз и в последующем "возложит неисполнение на личную ответственность управляющих". По распоряжению министра внутренних дел исполнявший дела директора департамента милиции В. Я. Крыжановский обратился к управляющему Приморской областью с просьбой возбудить ходатайство о выдаче пособий семьям убитых и наград раненым милиционером¹¹².

Следует отметить, что не все случаи получения милиционерами увечий были основанием для получения пособий. Заслуживает внимания следующая переписка. 4 июня 1919 г. исполнявший дела директора департамента милиции МВД "препроводил" управляющему Семипалатинской области прошение начальника милиции 4-го участка Павлодарского уезда В. Н. Петрова. Милиционер просил выдать ему безвозвратную субсидию на изготовление протеза. Лишь 5 октября управляющий областью сообщил директору департамента об обстоятельствах получения увечья. В результате проверки оказалось, что В. Н. Петров на Новый год в пьяном виде отморозил себе ногу. Поэтому в получении субсидии ему было отказано¹¹³.

В своем стремлении материально обеспечить членов семей погибших милиционеров власти прибегали к дополнительным мерам. 22 января 1919 г. участники совещания управляющих уездами Алтайской губернии высказались не только за повышение денежной помощи семьям погибших милиционеров, ибо это, по их обоснованному мнению, сдерживает желание служить, но и за страхование его жизни и лошади¹¹⁴.

Постановлением Совета министров от 1 июля 1919 г. на милиционеров и их вдов было распространено действие "Положения о Сибирском Военно-благотворительном Комитете имени Верховного правителя адмирала Колчака"¹¹⁵. Наконец, начальникам милиции на местах приходилось прибегать к помощи самого населения. Начальник Верхнеудинской уездной милиции Занкович опубликовал объявление о том, что 13 марта 1919 г. при поимке шайки Э. Пашинского был смертельно ранен конный милиционер городской милиции Н. Н. Чумаков. Его жена с малолетними детьми осталась без всяких средств к существованию. Начальник милиции просил о сильной материальной помощи семье и о сборе средств на похороны. Деньги предлагалось приносить в управление милиции. В июне 1919 г. по распоряжению начальника Владивостокской городской милиции был объявлен добровольный сбор денег в пользу детей убитого милиционера Учничера¹¹⁶.

Немалые денежные средства требовались для приобретения оружия. При исполнении обязанностей чины милиции имели право на ношение и применение холодного и огнестрельного оружия¹¹⁷. По подсчетам департамента милиции для вооружения всего личного состава милиции требовалось 43399 трехлинейных винтовок, 8268 артиллерийских карабинов, 5166700 патронов и 5700 револьверов, маузеров, браунингов¹¹⁸. В МВД постоянно поступали требования

об отпуске оружия для вооружения милиционеров и отрядов особого назначения. В мае 1919 г. министерство уведомило управляющих губерниями и областями о том, что, по сообщению военного ведомства, все оружие направляется на фронт. Впоследствии МВД и Главный штаб согласились половину отобранного у населения оружия передавать милиции. Начальник Барнаульской уездной милиции в докладе губернскому комиссару писал о том, что ему было предложено вооружаться, отнимая оружие у населения. "Это легко написать, - сетовал начальник милиции. - Сделать же это с голыми руками тяжело, принимая во внимание теперешнюю разнузданность, крайне рискованно"¹¹⁹.

В целях вооружения подчиненных руководство департамента милиции шло на экстраординарные меры. 21 мая 1919 г. состоялось особое совещание чиновников департамента милиции о целесообразности приобретения бебутов. Свое мнение высказали чиновник особых поручений 5-го класса при департаменте милиции Н. П. Кузнецов, исполняющий дела управляющего особым отделом того же департамента полковник Н. В. Львов, начальник отряда особого назначения при МВД капитан Благовещенский, начальник Омской городской милиции капитан Драгичевич-Никшич. Общее мнение свелось к тому, что бевут шашки не заменит, но может пригодиться, тем более что их изготовление можно организовать в Златоусте¹²⁰.

Немалых усилий и средств требовало и проведение экспертизы, которая продолжала оставаться распространенным процессуальным действием. 3 мая 1919 г. в здании МВД кандидат права Шкляр провел экспертизу трех удостоверений по подозрению в их подложности¹²¹. Для опознания разыскиваемых лиц широко использовались их приметы. Особый отдел департамента милиции 1 февраля 1919 г. направил начальнику железнодорожной милиции Омской железной дороги в целях розыска тела приметы бывшего полицмейстера Новониколаевска В. А. Бойчевского, расстрелянного большевиками в мае 1918 г. В данном случае это была татуировка с изображением дракона на одном запястье и женщины-химеры - на другом¹²².

Во Владивостокском окружном суде 19 ноября 1918 г. слушалось дело по обвинению Ф. П. Прохорова в совершении убийства. Присяжный поверенный Буксицкий известил суд о том, что обвиняемый был ранен на фронте и поэтому правомерно установление его виновности. Товарищ прокурора заявил протест, но тем не менее Ф. П. Прохоров был направлен на экспертизу¹²³. Однако ее проведение было связано с определенными трудностями. Многие гражданс-

кие врачи по разным причинам уклонялись от участия в экспертизах. В связи с этим в январе 1919 г. инспектор милиции Амурской области сообщил врачебному инспектору той же области о необходимости прибытия врачей на место происшествия по вызову милиции¹²⁴.

В поисках выхода из этого положения в декабре 1918 г. министерство юстиции сообщило о готовящемся введении института специальных судебных врачей¹²⁵. Об этом 21 ноября 1918 г. прокурор Омской судебной палаты известил прокурора Омского окружного суда. В письме говорилось о предлагаемой реорганизации судебно-медицинской экспертизы. В частности, предполагалось учредить особую должность судебных врачей для производства судебно-медицинских вскрытий, которые до сих пор делали уездные врачи. Один прокурор запросил у другого его предложения по данной проблеме: надо ли таких врачей и если надо — то сколько. Адресат с ответом не замедлил. В ноябре 1918 г. он писал в Омск о том, что появление таких врачей весьма желательно, ибо ощущается недостаток уездных врачей, у которых есть к тому же и прямые обязанности. Их занятость лишает следствие возможности своевременного вскрытия или освидетельствования, фиксации следов преступления. В итоге много нераскрытых дел. Экспертизу поручают врачам с совершенно не соответствующей квалификацией. Без опытных судмедэкспертов следственное дело, писал прокурор окружного суда, не на высоте. Идеально, если их число будет равно числу судебных следователей, т. е. по одному на Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Атбасарский, Акмолинский уезды, в Петропавловск и двух в Омск. Кроме этого, следовало сохранить возможность приглашать и других врачей. В письме высказывалось предложение устроить в Сибири кабинет научно-судебной экспертизы. До 1918 г. пользовались таким кабинетом, существовавшим при прокуратуре Петербургской судебной палаты. Раньше это было долго, а теперь стало просто невозможным¹²⁶.

Подобные запросы были направлены по многим адресам. Прокурор Томского окружного суда сообщил 1 декабря 1918 г. в министерство юстиции о том, что учреждение должностей таких врачей весьма желательно. В пользу такого решения он привёл несколько доводов: уездные и городские врачи "переобременены" своими непосредственными обязанностями; частные врачи не имеют соответствующего опыта и часто не соглашаются выезжать на место происшествия; преступлений совершается "огромное число", и особенный их рост отмечен по "телесной неприкосновенности". Такие врачи, указывалось в письме, нужны по одному на Кузнецкий, Мариинский

и Торурский уезды, по два врача на Канск и Новониколаевск и Николаевский уезд, на Томск и Томский уезд планировалось три врача¹²⁷. Съезд управляющих уездами Приморской области, заседавший 1-4 февраля 1919 г., также высказался за учреждение правительственного института судебных врачей¹²⁸. Кроме этого, согласно распоряжению от 26 января 1919 г., объявленному Правительствующему Сенату министром внутренних дел, были утверждены новые временные таксы за производство судебно-медицинских исследований¹²⁹.

Предпринимались меры для того, чтобы проведение экспертизы было более доступным, так как в августе 1919 г. внутренности убитого А. Гончарова пришлось везти на экспертизу из Никольск-Уссурийского во Владивосток¹³⁰. В том же месяце управляющий Акмолинской областью предложил городской управе переместить анатомический покой из-за города в одно из помещений при Омской больнице, что было бы удобнее для учреждений и горожан¹³¹.

Предпринимались меры по повышению уровня знаний экспертов. В годы Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны были уничтожены петроградский и московский кабинеты научно-судебной экспертизы. (Первый в советской России такой кабинет был создан в марте 1919 г. при Центральном управлении уголовного розыска¹³².) Для сбора криминалистического материала, обобщения опыта и подготовки квалифицированных кадров департамент милиции Российского правительства принял решение о создании специального "уголовного" музея при уголовном отделении департамента милиции. Управляющим губерниями и областями было направлено особое письмо, в котором объяснялись причины создания такого музея и содержалось распоряжение направлять в адрес музея следующее: орудия преступлений, вещественные доказательства, вспомогательные средства при особых способах совершения преступлений. Особо важными для экспонирования объявлялись предметы со следами дактилоскопических отпечатков, фотографии обстановки выдающихся актов и разысканных ценных вещей.

В научно-образовательных целях и для практической подготовки вновь поступивших в милицию было признано необходимым создать небольшие музеи и на местах. Департамент милиции просил управляющих издать соответствующие распоряжения и сообщить о тех музеях, где они уже имеются¹³³. В частности, при управлении милиции города Мариинска и уезда тоже предполагалось открытие музея. В нём планировалось собрать огнестрельное оружие, ножи, пилы, ломки, а также список преступников с указанием того: кто, когда и при каких обстоятельствах был арестован¹³⁴.

Управляющий Пермской губернией в циркуляре от 24 мая 1919 г. объяснил чинам милиции о разновидностях тайнописи и способах распознавания. 13 августа 1919 г. уголовное отделение департамента милиции представило директору департамента журнал междуведомственного совещания, подготовившего инструкцию по дактилоскопии. В представлении было отмечено, что со стороны министра юстиции возражений не поступило и документ надо утвердить. 23 сентября 1919 г. исполнявший дела начальника особого отдела департамента милиции Потоцкий направил управляющим губерний и областей циркуляр. В нем он, ссылаясь на указание директора департамента, "настоятельно" просил для правильной регистрации преступного элемента и заподозренных подробно указывать установочные данные: фамилию, имя и отчество, место рождения, возраст и т. д.¹³⁶

Следует отметить, что профессиональный уровень экспертов не всегда был на высоте. В Троицке поручик местной милиции напал на след большевистского подполья. Чтобы предупредить аресты, подпольщик П. П. Коптяев проник в кабинет сыщика и убил его выстрелом в висок. Поручику вложили в правую руку пистолет, подбросили стреляную гильзу, а в карман мундира положили сфальсифицированное письмо от девушки, якобы бросившей его. Врач, проводивший экспертизу, пришел к заключению о самоубийстве¹³⁶.

Проведение качественной экспертизы предполагало обеспечение сохранности вещественных доказательств. С этой целью проводились специальные проверки. 24 мая 1919 г. в Омске уполномоченный департамента милиции МВД поручик Купреянов произвёл в присутствии понятых осмотр вещественных доказательств, изъятых при обыске 16 мая в доме Немирова по улице Обской, дом № 2. Всего в перечне было 164 позиции (бланки, карты, печати, документы, фотографии, письма и т. д.). 24 июля 1919 г. исполняющий дела директора департамента милиции, вице-директор А. А. Траутман посетил 5-й участок Омской городской милиции и обнаружил, что вещественные доказательства беспорядочно свалены в амбаре и не описаны. По итогам проверки управляющему областью было указано на необходимость исправить это¹³⁷.

Вследствие халатного хранения отмечено хищение вещественных доказательств, особенно ценных. 27 ноября 1918 г. секретарь начальника Петропавловской городской милиции Крупенин обнаружил кражу вещественных доказательств - 59 соболиных шкурок из опечатанного ящика на сумму 11500 руб.¹³⁸. В связи с этим вызывает удивление опубликованное в одной из владивостокских газет

объявление о том, что 25 июня 1919 г. в 10 часов в помещении местного уголовно-розыскного отделения состоится продажа различных вещественных доказательств, хотя соответствующие нормативные документы предусматривали их хранение¹³⁹.

4.2. Действия милиции по пресечению и раскрытию правонарушений

Общеизвестно, что важным средством в профилактике и раскрытии преступления является сбор оперативной информации. Для этого активно использовались сотрудники милиции. В своей работе они пользовались розыскной карточкой (см. приложение № 11), которая при отсутствии фотографий давала определенную возможность вести розыскную работу и формализовать для обработки полученную информацию.

28 января 1919 г. начальник Канской уездной милиции известил управляющего уездом, что в качестве разведчика и осведомителя в Тальскую волость послан старший милиционер Бузынин. Управляющий Канским уездом Буркин 13 марта 1919 г. сообщил управляющему Енисейской губернией о том, что милиционер 4-го участка Поляков переоделся в крестьянскую одежду и отправился на разведку в село Агинское¹⁴⁰.

В феврале 1919 г. начальник Щегловской милиции получил негласные сведения о появлении в городе агитаторов с Анжерских копеек. Однако он не смог их перехватить. Тогда начальник милиции распорядился усилить негласное наблюдение за рабочими и расставил в определенных местах секретные посты¹⁴¹. В ряде случаев милиция получала информацию заранее; 28 февраля 1919 г. уголовно-розыскным отделением Томской милиции были получены агентурные сведения о готовящемся ночью 2 марта 1919 г. антиправительственным выступлении инженерной роты. Об этом временно исполняющий дела управляющего Томской губернии поручик Б. М. Михайловский немедленно сообщил в МВД¹⁴².

7 июня 1919 г. административный отдел Томского губернского управления доложил управляющему Томской губернией о том, что в местной уездной милиции есть несколько специальных платных агентов. Они под предлогом починки ведер, рам и стёкол, розыска или ковки лошадей, под видом возвращающихся домой военнопленных, нищих посещают села в тех районах, где орудуют банды (т. е. партизаны). У самого управляющего Томским уездом есть свои осведомители из торговцев и зажиточных крестьян. Следует отметить тот факт, что им было вменено информировать и о противозаконных действиях милиции¹⁴³.

Милиция имела широкий круг объектов для слежки. Начальник милиции 3-го участка Нижнеудинского уезда в октябре 1919 г. доложил о результатах негласного расследования деятельности отца Ершова - священника села Усть-Кадинского, произведенного по распоряжению управляющего Нижнеудинским уездом от 18 августа 1919 г.¹⁴⁴.

В своей оперативно-розыскной деятельности милиция применяла практику внедрения своих агентов в антиправительственные организации. Г. К. Гинс писал о том, что департамент милиции требовал от розыскных учреждений "безотлагательно внушать" подведомственным сотрудникам, чтобы они, участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было организационного слияния, а в особенности объединения, большевиков с меньшевиками¹⁴⁵. Здесь налицо стремление разъединить оппозиционные силы, тем более что еще в 1917 г. в Сибири и те и другие входили в единые организации РСДРП. Успех действий таких агентов мог бы привести к снижению эффективности деятельности оппозиции.

Чины милиции применяли и метод провокации для выявления антиправительственно настроенных элементов. 11 марта 1919 г. на Знаменский стекольный завод в Енисейской губернии прибыл отряд милиции под командованием Короткова. Начальник отряда, заявив о своих "антиколчаковских" взглядах, обратился к Н. Мощинскому с предложением поднять восстание. Но последний, по словам милиционера, "не клюнул" на такое предложение. По воспоминаниям М. Ступакова, в село Потюканово Каннского уезда Томской губернии в 20-х числах июля 1919 г. вошел отряд переодетых милиционеров и попросил помощи. Селяне им дали оружие, а вскоре нагрянули каратели. Во второй половине ноября 1919 г. в Сучане несколько чинов милиции "решили" перейти к партизанам и выпустили из карцера арестованных. Сами милиционеры хотели, взяв оружие и имущество, проникнуть в партизанский отряд, но их быстро разоблачили¹⁴⁶.

Подпольщики принимали свои меры по противодействию агентам милиции. В частности, весной 1919 г. в Щегловске подпольщики во главе с Н. И. Компанейцем убили наиболее "рьяного сыщика" колчаковской милиции¹⁴⁷.

Основным источником получения оперативной информации чинами уголовного розыска было внутреннее и наружное наблюдение. По оперативным данным составлялись сводки агентурных донесений за несколько месяцев. В них указывалось краткое содержание поступивших сообщений, данные наружного наблюдения,

результаты оперативной разработки, а также меры, принятые милицией¹⁴⁸. В июле 1919 г. сведения уголовного характера агентам уголовно-розыскного отделения в Томске давала некая Ашеулова. Красноярским уголовно-розыскным отделением были получены негласные сведения об ограблении и убийстве трех человек в ночь на 7 января 1919 г. в помещении комиссионного бюро "Трудосоюз" по Большой улице¹⁴⁹.

О том, какое значение в милиции придавалось оперативной работе, свидетельствует следующий документ. Начальник Красноярской городской милиции В. С. Короткое в конце 1918 г. писал Енисейскому губернскому комиссару: "...преемственность же в розыском деле немислима, хотя бы уже по одному тому, что агенты, при посредстве которых ведётся сыск, работают обыкновенно с одним кем-нибудь из служащих милиции и к другому решительно никогда не переходят, опасаясь быть случайно разоблаченными, так как в последнем случае им грозит кровавая месть со стороны преступников, даже и тех, которых они не знают и которых они никогда и не видавали". Поэтому В. С. Короткое предлагал освободить таких сотрудников милиции от призыва в армию¹⁶⁰.

Однако в содержании информаторов были проблемы, связанные с их финансированием. Начальник Омского городского уголовно-розыскного отделения дважды, 13 февраля и 25 мая 1919 г., сообщал вице-директору департамента милиции о том, что с начала года на агентуру не было выделено ни копейки¹⁵¹.

Анализируя деятельность милиции, уместно задаться вопросом об уровне профессионализма ее сотрудников. Во многих случаях при исполнении своих обязанностей милиционеры действовали умело и мужественно. 15 мая 1919 г. управляющий Акмолинской областью сообщил в департамент милиции о том, что 10 мая 1919 г. в Омске на 3-й Ремесленной улице в доме № 5 двое убили В. С. Соколовского с женой. После короткого допроса 11-летнего сына погибших постовой милиционер Гайлиш побежал за преступниками и сумел одного застрелить. Милиционеру была объявлена благодарность от имени управляющего областью. 20 мая 1919 г. младший милиционер 7-го участка Омской городской милиции Голубев при задержании Т. И. Херсонюка сумел выйти из-под выстрела и даже сумел ранить преступника в руку¹⁵².

Умелые действия милиционеров, как правило, отмечались. Для поощрения наиболее отличившихся милиционеров применялись такие меры, как вынесение благодарности, премирование и некоторые

другие. За умелые действия при ликвидации беспорядков исполнявший дела управляющего МВД М. Э. Ячевский 25 июля 1919 г. объявил благодарность начальнику Тюменской уездной милиции В. П. Островскому. В январе 1919 г. на первой полосе губернского официоза была опубликована благодарность управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого чинам местной милиции за поимку вооруженной шайки грабителей. В свою очередь, управляющий Томским уездом А. В. Колмаков благодарил чинов милиции 9-го и 10-го участков за успешный бой с партизанами в ночь на 22 и 25 апреля 1919 г.¹⁵³. Были и персональные благодарности. Именно так управляющий Амурской областью отметил действия начальника отряда Благовещенской городской милиции Станьковского, который с 30 подчиненными отбил атаку 400 партизан¹⁶⁴.

Что касается премирования, то оно допускалось только от лица службы и из казенных средств. Отсутствие "доброхотных" подношений, говорилось в циркуляре департамента милиции, не лишает чинов милиции возможности за те или иные отличия по службе рассчитывать на денежные награды. Для этого правительство, в соответствии с законом от 25 марта 1919 г., выделяло МВД особые средства¹⁵⁵. Решение о премировании принималось на разных уровнях, в том числе на губернском и министерском. 15 мая 1919 г. управляющий Забайкальской областью С. А. Таскин за усердную службу премировал конного милиционера Читинской городской милиции А. Климова 50 рублями. Приказом министра внутренних дел В. Н. Пепеляева от 30 октября 1919 г., подписанном в дорожной канцелярии, милиционеру Шубенской волости Д. Швачко за поимку преступника было выдано 500 руб.¹⁵⁶

В отдельных, очевидно, особо важных, случаях поощрение было "комплексным". За подавление Куломзинского восстания 22 декабря 1918 г. в Омске Верховный правитель и Совет министров всем войскам и милиции, принимавшим участие в усмирении мятежа, выразили благодарность "за умелое и мужественное выполнение их служебного долга". Кроме этого А. В. Колчак распорядился наиболее отличившихся "за высокое понимание долга и за труды" представить к награде. Всего выдача премий милиции в этот раз была ассигнована 32, 3 тыс. руб.¹⁵⁷

Что касается других видов отличий, то известны случаи представления милиционеров к награждению орденами. Начальник Томской городской милиции в своем рапорте от 3 июня 1919 г. на имя управляющего Томской губернией представил начальника 3-го уча-

стка милиции штабс-капитана И. А. Козлова к награждению орденом Св. Георгия 4-й степени. Приказом министра внутренних дел В. Н. Пепеляева, подписанным 1 ноября 1919 г. в Барнауле, были отмечены чины отряда особого назначения и Барнаульской уездной милиции. По его мнению, в боях с большевиками у сел Павловское и Сорокинское они показали высокую доблесть и верность долгу. Вместе с благодарностью министр распорядился особо отличившихся представить к награждению Георгиевскими крестами и медалями¹⁵⁸. Однако ни одного случая награждения сотрудников милиции орденами нам не известно. Отмечен случай, когда старший милиционер Е. Д. Борисов из села Александровка, расположенного около станции Бочкарево, не имевший военного образования, был произведен в подпрапорщики¹⁵⁹.

Однако при исполнении служебных обязанностей милиционеры не всегда показывали себя с лучшей стороны. В марте 1919 г. наряд томской милиции явился в дом купца Второва, чтобы арестовать некоего Н. Т. Байбородина. Однако последний, надев на левую руку бело-зеленую повязку милиционера, сумел скрыться. В приказе начальника Новониколаевской городской милиции описаны действия начальника милиции Вокзального участка, который 21 сентября 1919 г. донес об аресте в гостинице "Петроград" гражданина М. Клюкина по подозрению в большевизме. Начальник городской милиции сообщил об этом "наверх" и затребовал обвинительные документы. Выяснилось, что единственная улика заключалась в наличии у М. Клюкина 4400 керенок. Учитывая то, что он был кооператором, это не было удивительным. Начальник городской милиции напомнил о необходимости осторожнее относиться к обыскам и арестам¹⁶⁰.

Омский присяжный поверенный П. Л. Соколов в своей жалобе от 23 марта 1919 г. сообщал о том, что 12 марта к нему явился милиционер 1-го района Григорьев без ордера для проведения обыска. По-видимому, высказал предположение адвокат, ордера вообще не существовало. П. Л. Соколов тут же позвонил начальнику милиции. Тот сбивчиво стал Объяснять ситуацию. По его словам выходило, что Григорьев действительно был уполномочен произвести обыск, но явился без ордера и пьяным¹⁶¹.

Тревожную информацию содержал доклад от 12 апреля 1919 г. управляющего Пермской губернией Н. П. Чистосердова на имя министра внутренних дел. В Екатеринбурге с 29 марта по 7 апреля 1919 г. было произведено 110 обысков и арестов, причем при попытке к бегству было убито 12 человек из числа арестованных. Чуть

позже, 20 июня 1919 г., управляющий губернией подписал циркуляр. В нем Н. П. Чистосердов проанализировал несколько случаев побега арестованных от сопровождавших их милиционеров. Управляющий губернией потребовал от начальников милиции рассказать своим подчиненным, как следует вести себя в этой ситуации. Н. П. Чистосердов предупредил о том, что впредь за такие побеги он будет наказывать и начальников¹⁶².

Случаи неумелого конвоирования были и в других городах. Во Владивостоке по пути в арестный дом бежал К. Г. Домальт, укравший у Е. Попугаева 4 тыс. руб. Задержанного сопровождал один милиционер. Только более чем через два месяца К. Г. Домальт был вновь арестован¹⁶³.

Иногда милиционеры либо совсем не проводили обыска задержанных, либо это делали формально. В доме Ф. А. Филенкова в поселке Сысертского завода на Урале милиция не раз проводила обыски. За двойной стеной печи в самой избе хранились револьверы, а под полом амбара - 3 воза (!?) винтовок. Однако ничего этого найдено не было¹⁶⁴.

Невнимательно проводился личный обыск задержанных и арестованных. По воспоминаниям О. П. Суховой, она была арестована милиционерами в марте 1919 г. на улице Садовой в Кольчутине. Обыска не было, и она смогла уничтожить записку, уличавшую ее в связи с большевистским подпольем¹⁶⁵. Во Владивостоке 18 апреля 1919 г. в 11 утра по Косому переулку, дом № 5, кв. № 6 грабили семью В. В. Солдатова. Прислуга позвала на помощь милицию. Первым прибыл постовой милиционер 2-й части Калабухов. В дом он не вошел, а стал ждать коллег. В это время на улицу вышли два грабителя. Милиционер начал стрелять, но ни разу не попал. Один из грабителей побежал налево, другой прямо. Первого из них милиционеры смогли поймать, но впопыхах не обыскали. Грабитель попытался вынуть пузырек и когда для этого опустил руку в карман, чех Сакуп сильно его обхватил, а затем выбил пузырек из рук. Однако грабитель все-таки смог отравиться в больнице. Второй же грабитель с 32 тыс. руб. скрылся¹⁶⁶.

Более серьезные последствия профессиональной небрежности имели место в селе Рогозиха Ключковской волости Алтайской губернии. Здесь при задержании В. Иванович, обвинявшийся в большевизме, выхватил спрятанный в рукаве нож и несколько раз ударил им в живот милиционера Е. Сотникова. Последний через час умер. При втором аресте В. Иванович спрятанным ножом нанес несколько ран себе в шею и в левую часть груди¹⁶⁷.

Нередкими были случаи неумелого владения оружием и хранения его милиционерами. С интересным наблюдением вернулся из поездки 27 ноября - 7 декабря 1918 г. по северным волостям помощник Тобольского уездного комиссара. В рапорте он сообщил: "...у милиции нет оружия, а если есть, то возятся шашки и винтовки в качестве багажа, связанные"¹⁶⁸. Профессионализм милиционеров в использовании оружия заслуживает особого разговора.

29 июня 1919 г. на Преображенской улице деревни Белоноговой Шадринского уезда милиционеры пытались задержать известного преступника Ф. Павлова, вооруженного наганом. По нему стреляли несколько раз, но попасть так и не смогли. В Барнауле в ночь на 10 марта 1919 г. начальник городской милиции и его помощник, совершая обход города, зашли в помещение 5-го участка милиции. При их появлении было подана команда "подъём". Один из проснувшихся милиционеров с испугу выстрелил в окно, думая, что кто-то ломится в участок. В итоге милиционер Соколов был ранен в бок и живот. Младший милиционер 1-го района Славгородского уезда той же губернии Е. Петраков 10 июля 1919 г. по неосторожности произвел в себя смертельный выстрел. В Новониколаевске 10 марта 1919 г. постовой милиционер Ф. Крыбенкин, подсаживая на извозчика пьяного, оперся на свою винтовку. Последовавший выстрел "снёс" ему, как писала газета, часть черепа. В Верхнеудинске в мае 1919 г. милиционер Рыбинский, преследуя в селе Билектуй воров, стрелял в воздух. Одна из пуль попала в окно постоянного двора и тяжело ранила учителя А. А. Шека. Столь же неосторожным выстрелом милиционера И. В. Солодова в 10 часов вечера 29 мая 1919 г. у Юговского завода на Ураде был убит милиционер А. Г. Чаурин, стоявший на посту¹⁶⁹.

Не всегда милиционеры правильно носили и хранили табельное оружие и боеприпасы. Управляющий Тобольской губернией В. Н. Пигнатти 21 июня 1919 г. доложил директору департамента милиции, что днем 23 мая в деревне Банниково Дубровской волости был избит толпой милиционер В. Песахов. Причем били милиционера его же винтовкой и шашкой. 24 апреля 1919 г. у села Шарыповского Енисейской губернии младший милиционер В. Еглевич положил в карман гранату и отправился в разведку. При езде верхом о гранату ударилась винтовка. Взрывом милиционер был тяжело ранен. В 1919 г. в уборной управления 4-го участка Омской городской милиции покончила с собой семнадцатилетняя машинистка М. А. Парфенова. Незадолго до этого покончил с собой помощ-

ник начальника милиции этого участка Погребняк, с которым она была помолвлена. Застрелилась девушка из нагана, который она взяла у старшего брата, служившего старшим милиционером¹⁷¹.

Информацию о недостаточном профессиональном уровне личного состава милиции власти получали из разных источников. Некий Генерального штаба капитан 31 марта 1919 г. подал рапорт генерал-квартирмейстеру штаба Верховного Главнокомандующего. В нем говорилось о том, что в селе Чистозёрном Ишимского уезда "при аресте на местную милицию рассчитывать совершенно нельзя". С рапортом был, по-видимому, ознакомлен управляющий особым отделом департамента милиции, ибо 10 июня 1919 г. он предписал управляющему Тобольской губернией принять "надлежащие" меры¹⁷¹. О "плохих качествах" местной милиции управляющий Верхнеудинской милиции 4 августа 1919 г. сообщил управляющему Забайкальской области¹⁷².

Не обошла вниманием эту проблему и пресса. В марте 1919 г. во Владивостоке прокатилась волна грабежей. Лицо, "близкое к милиции", поделилось с корреспондентом газеты "Эхо" мнением о том, что "состав милиции - самый случайный, и многие из них мало подходят для службы в милиции"¹⁷³.

Для того чтобы увеличить возможности милиции, которая, как считал А. М. Буторин, уже не справлялась со своими обязанностями¹⁷⁴, в борьбе с наиболее серьезными противоправными выступлениями предпринимались различные меры. Наибольшую опасность для властей представляло партизанское движение. Один из возможных вариантов был предложен Томским губернским комиссаром Б. М. Михайловским. В своем письме министру внутренних дел А. Н. Гаттенбергеру от 18 января он обрисовал оперативную обстановку в губернии и предложил создать при начальниках милиции Томска и Новониколаевска "особого штата с особым разведывательным деломпроизводством". Целью этого формирования должны были стать "преступления исключительно государственного характера"¹⁷⁵.

По-видимому, эта идея витала в воздухе, и постановлением Российского правительства от 25 февраля 1919 г. были учреждены отряды милиции особого назначения. Совет министров рассматривал их как боевые части для охраны и восстановления государственного порядка и общественного спокойствия, как резерв для формирования милиции в местностях, освобождённых от советской власти, и, наконец, как школу подготовки опытных чинов милиции¹⁷⁶.

Вот какие задачи ставил перед таким отрядом управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев: "...поддерживать в нужную минуту авторитет и власть правительства, освободить регулярные войска от милицейской в сущности службы, на внутренних фронтах, ликвидировать разбойничьи банды, мешающие деревне спокойно работать"¹⁷⁷.

Было решено иметь по одному отряду при МВД и в каждой губернии или области, а в марте 1919 г. начал комплектование такого отряда и управляющий Бодайбинским уездом Иркутской губернии¹⁷⁸.

При формировании отрядов милиции особого назначения власти столкнулись с несколькими проблемами. Первая была связана с подбором личного состава. 4 апреля исполняющий обязанности директора департамента милиции МВД В. Н. Агарев предписал управляющему Томской губернией каждые три дня докладывать о ходе формирования отрядов особого назначения. В своём ответе Б. М. Михайловский сообщил, что соблюдать такой график информирования не представляется возможным, т. к. идут организационные работы. Чуть позже он доложил в департамент, что отряд состоит из 3 офицеров и 53 пеших и 1 конного стражника. Руководство департамента милиции, в свою очередь, уведомило управляющего губернией о своей озабоченности медленными темпами формирования и напомнило, что предполагаемая численность отряда в Томске, учитывая положение в Мариинском уезде, 1 тыс. человек.

Управляющий губернией продолжал отстаивать свой взгляд на порядок формирования отряда. В июле он писал министру внутренних дел: "Я не могу не относиться с особой осторожностью к контингенту комплектуемых... без гарантии, что эти штыки не будут злостно использованы, тем более что практика даже военных формирований показала умышленное вхождение в состав частей лиц, антигосударственно мыслящих и имеющих целью добровольное вхождение для разложения частей"¹⁷⁹.

С целью привлечения добровольцев к службе в отрядах особого назначения власти публиковали в местных газетах объявления. Общим требованием к кандидатам во всех случаях была "непричастность к большевизму". Кроме этого, в Хабаровске от них требовались решительный характер, честное и трезвое поведение. В Акмолинском отряде предпочтение отдавали запасным пехотинцам и кавалеристам, людям вполне здоровым, смелым, расторопным и энергичным. В Семипалатинске в отряд приглашали грамотных. Здесь отдавали предпочтение георгиевским кавалерам, подпрапорщикам, унтер-

офицерам, вахмистрам, урядникам. В Чите будущим стражникам ставили условие прослужить в отряде не менее года¹⁸⁰.

Однако ставка на привлечение добровольцев себя не оправдала. Об этом 1 июля управляющий Алтайской губернией А. П. Стрельман сообщил министру внутренних дел. Он попросил ходатайствовать перед военным министром о выделении 500 призывников "в наряд" для комплектования отряда особого назначения. На эту же проблему указывал в своём письме от 28 октября в департамент милиции и управляющий Томской губернией. Здесь 200 человек из предназначенных в отряд особого назначения забрал в армию начальник штаба Омского военного округа. Он заявил, что призывники могут быть отправлены только в кадровые части. Б. М. Михайловский просил департамент откомандировать в своё распоряжение 250 человек. В наложенной на прошение резолюции просимое число было уменьшено до 200¹⁸¹.

Весьма необычный резерв для формирования отряда нашел управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев. 5 мая 1919 г. он посетил Александровский централ и призвал заключённых искупить свою вину перед Родиной участием в борьбе против ее врагов. Таким образом он набрал в отряд 144 "добровольца". Управляющий губернией понимал ненадежность подобного пополнения. Поэтому 26 июня он сообщил министру внутренних дел о том, что по соглашению с начальником ООИ капитаном Ф. С. Решетиным в отряде учреждено "внутреннее освещение". Объектом такой слежки была жизнь отряда и поведение "выделяющихся одиночек". Предполагалось иметь в каждом взводе по 3-5 информаторов. Опасения властей были оправданы, ибо некоторые из заключённых, судя по воспоминаниям, вступили в отряд по совету Иннокентьевского большевистского подпольного комитета. В итоге, пройдя обучение и получив оружие, часть этого отряда в августе перешла к партизанам¹⁸².

На начальствующие должности в такие отряды назначались, как правило, офицеры. 31 мая 1919 г. управляющий Приморской областью И. И. Циммерман направил министру внутренних дел В. Н. Пепеляеву представление на назначение командиром отряда капитана Перова. Кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 3-й и 4-й степеней, Св. Станислава 2-й и 3-й степеней был им признан вполне опытным и весьма желательным кандидатом на эту должность. Для того чтобы сделать службу в таких отрядах более привлекательной, И. И. Циммерман в письме от 19 июля 1919 г. просил министра внутренних дел В. Н. Пепеляева приравнять офицеров

отрядов особого назначения к кадровым офицерам военного ведомства по части выплаты квартирных денег, денег на обмундирование или наем квартиры¹⁸³.

Для службы в отрядах особого назначения офицеры могли быть отчислены из армии только по согласованию с военным ведомством¹⁸⁴. О нежелании военного командования отпускать в отряды офицеров писал в Омск 21 июля управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий. Кроме того, он сообщал, что военные всё время пытаются подчинить отряд себе и что нет возможности подготовить стражников, так как их сразу бросают против партизан¹⁸⁶. Такая позиция военных противоречила распоряжению управляющего военным министерством Генерального штаба генерал-лейтенанта барона А. П. Будберга, в июле 1919 г. приказавшего всем строевым командирам оказывать всемерное содействие гражданским властям в деле формирования отрядов особого назначения¹⁸⁶.

После вступления отрядов в боевые действия против партизан появилось еще две причины дефицита их личного состава. Кроме боевых потерь начались увольнения. Управляющий Енисейской губернией доложил министру внутренних дел о том, что 24 апреля подведомственный ему отряд вернулся из выезда и сразу же из него уволилось более 40 человек "ввиду тяжелых потерь в личном составе"¹⁸⁷. Несмотря на все принятые властями меры, в октябре 1919 г. в Сибири вместо 11366 стражников отрядов особого назначения, предусмотренных по штату, было всего 4011¹⁸⁸.

Серьезной проблемой стало вооружение и обмундирование личного состава отрядов. Управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский 4 июля 1919 г. писал министру внутренних дел: "...я не могу послать отряд особого назначения не обмундированным из-за впечатления о необеспеченных правительственных агентов. Их вооружение должно быть не хуже противника. Для поднятия духа нужна первая победа". Он обратился к командиру местной воинской части с просьбой половину оружия, изъятого у населения, выделять отряду¹⁸⁹. Исполняющий обязанности директора департамента милиции в своем обращении в главное интендантство поддержал ходатайство управляющего Томской губернией об обмундировании хотя бы одной роты, ибо "возможность дальнейшего формирования отряда зависит от хорошего внешнего вида".

В своем стремлении обмундировать стражников власти пытались использовать любую возможность. С любопытной идеей выступил управляющий Акмолинской областью. По его предложению

соответствующие власти обратились к начальнику военной миссии Великобритании генералу Ноксу с просьбой о продаже таким отрядам канадских лошадей, снаряжения и вооружения, т. к. эти части все равно уезжают на Родину. Английский генерал 5 июня ответил, что лошади и снаряжение нужны в других местах и соответствующие распоряжения уже даны¹⁹⁰.

Определенные сложности представляло передвижение стражников отрядов по территории губернии или области. Управляющий Приморской областью И. И. Циммерман 8 июля обратился в департамент милиции МВД с просьбой ходатайствовать перед министерством путей сообщения о выдаче годового бесплатного билета чинам отрядов для проезда по железной дороге. Департамент милиции 23 августа 1919 г. переслал это предложение в МГТС. Указанное ведомство известило департамент милиции о том, что его просьба направлена в управление КВЖД, ибо Уссурийская железная дорога находится у них в аренде. Руководство КВЖД было информировано о том, что просьбу "желательно удовлетворить"¹⁹¹.

20 и 21 июня 1919 г. исполняющий обязанности директора департамента милиции посетил отряд милиции особого назначения при МВД. По итогам проверки он отметил, что "личный состав имеет вид хорошо обученных и дисциплинированных воинов" и объявил начальнику отряда благодарность¹⁹². Для подготовки личного состава отрядов со стражниками проводились занятия. Когда в Минусинске было набрано 125 человек, начальник отряда Я. В. Ефимов предложил начать чтения, проводить беседы общеобразовательного свойства и по вопросам "момента"¹⁹³.

Первый опыт участия отрядов в боях был для властей обнадеживающим. 12 июня Генерального штаба полковник Сыромятников доложил управляющему военным ведомством из Красноярска о том, что местный отряд зарекомендовал себя в совместных действиях с военными с лучшей стороны. Отряд, если его усилить, сможет заменить уходящие на фронт воинские части. В ответ директор департамента милиции передал управляющему Енисейской губернией распоряжение министра о срочном представлении к наградам и пособиям семей, потерявших кормильцев¹⁹⁴.

Вместе с тем действия отрядов часто сопровождалось произволом и жестокими расправами. За буйство в пьяном виде комендант Тобольска 7 мая 1919 г. арестовал начальника отряда особого назначения при управляющем Тобольской губернией подполковника С. Н. Колесникова. Юрьевская волостная земская управа 19 октяб-

ря 1919 г. направила жалобу Калачинской волостной земской управе на начальника отряда особого назначения при управляющем Акмолинской областью Сердюкова, который грабил крестьян. Заявления о незаконных действиях таких отрядов на территории Енисейской губернии в период с 31 июля по 13 декабря 1919 г. составили целое архивное дело¹⁸⁵.

Эти и другие факты дали основание А. П. Будбергу 29 мая 1919 г. записать в своем дневнике справедливые слова о том, что служба таких отрядов требует "отборных людей строго законного порядка, и получилось нечто очень мрачное и нелепое, ничтожное по своему военному значению, неспособное справляться с крестьянскими восстаниями, но зело вредоносное по своей распушенности, жажды стяжания и лёгкости по части насилий"¹⁸⁶.

МВД надо бороться не только с партизанами, но и с уголовной преступностью. Здесь главную роль играл уголовный розыск. О значимости этих подразделений говорит тот факт, что начальники уголовно-розыскных отделений и их помощники назначались и увольнялись со службы "по предварительному сношению" управляющего губернией (области) с прокурором окружного суда¹⁸⁷.

Данные, которыми мы располагаем, позволяют судить о том, что у властей были определенные трудности с подбором руководителей отделений. В этой связи примечателен доклад управляющего Курганским уездом исполнявшему дела директора департамента милиции от 8 июля 1919 г. В этом документе приводились результаты проверки местного уголовно-розыскного отделения. Было установлено, что денежная отчетность ведется неправильно, в розыскной работе "бесспорно и ничем не прикрываемый хаос", вещественные доказательства присваиваются, документы не ведутся. Во главе отделения, по мнению управляющего уездом, стояло лицо, не имеющее ничего общего ни с розыскной техникой, ни с постановкой уголовно-розыскного дела. Управляющий уездом настаивал на необходимости самой полной ревизии отделения¹⁸⁸.

Одна из причин столь бедственного положения заключалась в нехватке и сменяемости кадров. Из-за разногласий с руководством начальник Владивостокского уголовно-розыскного отделения М. М. Крамарчук, занимавший эту должность с 1 ноября 1918 г., оставил ее и стал заведовать центральным адресным столом города. Следует заметить, что до революции он был помощником Владивостокского полицмейстера. Вместе с ним ушел и его старший помощник Скарпель. В сентябре 1919 г. начальником Иркутского город-

ского уголовно-розыскного отделения стал поручик Кривошапкин. Его предшественник Мероманов был назначен начальником милиции 2-го района¹⁹⁹.

Дополнительные трудности создавал невысокий профессиональный уровень руководителей сыщиков. Иногда они даже совершали противоправные деяния. В начале 1919 г. прокурор Иркутской судебной палаты известил управляющего Приморской областью И. И. Циммермана о возбуждении уголовного дела против бывшего начальника уголовно-розыскного отделения Владивостока Жевченко по ст. 377, 378, 447 "Уложения о наказаниях" - "преступления по должности". 13 августа 1919 г. в результате халатного обращения с оружием помощник начальника Новониколаевского уголовно-розыскного отделения Ситников нечаянно выстрелил и ранил жену. За небрежность в обращении с оружием начальником Новониколаевской городской милиции ему был объявлен выговор²⁰⁰.

Не менее сложной была проблема наличия и квалификации агентов уголовного розыска. Власти предпринимали попытки исправить положение. Серьезный разговор на эту тему состоялся 22 января 1919 г. на совещании управляющих уездами Алтайской губернии. Один из его участников - управляющий Барнаульским уездом Краснопевцев сетовал на то, что в уезде мало хороших сыскных агентов²⁰¹.

Профессиональному уровню сыщиков Владивостока посвятил свою статью в начале марта 1919 г. сотрудник владивостокской газеты "Эхо". Для этой цели он посетил местное уголовно-розыскное отделение и побеседовал с помощником начальника отделения. Чиновник так и не смог дать ему определённых сведений о мерах по борьбе с преступностью. Другой человек, оставшийся неназванным, но близкий к деятельности указанного отделения, сообщил о том, что в нём собраны самые случайные люди, не хватает денег и повышения жалования не ожидается. Спустя несколько месяцев ситуация не изменилась, и уже другая владивостокская газета констатировала тот факт, что преступность растёт, а численность агентов уголовного розыска нет²⁰².

Для повышения уровня специальной подготовки сотрудников уголовно-розыскных отделений препринимались самые различные меры. В частности, использовался опыт царской полиции. Управляющий Тобольской губернией В. Н. Пигнатти 3 марта 1919 г. выслал директору департамента милиции по его просьбе дело бывшего Тобольского жандармского управления № 501, содержавшее инструкции по наружному наблюдению²⁰³.

Представителями власти высказывались предложения по улучшению розыска. Управляющий Алтайской губернией А. П. Стрельман, выступая 22 января 1919 г. на совещании управляющих уездами, предложил создать при милиции осведомительный аппарат из 3–5 агентов-организаторов; которые бы не имели права на арест и не несли бы надзирательную службу. В свою очередь, у них были бы агенты-осведомители. Конкретные предложения содержал доклад начальника Омского уголовно-розыскного отделения И. И. Рогалева. По его мнению, следовало приравнять должность начальника уголовно-розыскного отделения к 6-му классу, как и было раньше. Надлежало с одного до трех увеличить число его помощников. Заведующему регистрационным отделом присвоить тот же класс должности, что и помощнику начальника и тот же размер оклада. Учредить для сохранности вещественных доказательств должность заведующего кладовой, который одновременно был бы заведующим хозяйством с окладом старшего агента. Старших агентов, в свою очередь, переименовать в чиновников для поручений или младших помощников начальникам И. И. Рогалев настойчиво предлагал привлечь в розыск "умных" людей. Причем все это должно было делаться срочно. Чуть позже, в апреле 1919 г., он предложил своему руководству не принимать увольняющихся из милиции на другую службу без знания причин их ухода²⁰⁴. Этим предполагалось контролировать численность милицейского персонала.

Предпринимались попытки и по дополнительному финансированию сыщиков. По просьбе управляющего Приморской областью И. И. Циммермана Владивостокское уголовно-розыскное отделение получило от местного биржевого комитета 10 тыс. руб.²⁰⁵

Уровень оперативно-розыскной деятельности был продемонстрирован иркутскими сыщиками летом 1919 г. В ночь на 17 июля 1919 г. здесь из несгораемых касс местного отделения Московского народного банка было похищено 4621 тыс. руб. 4 августа исполнявший должность товарища министра юстиции М. А. Малиновский предложил управляющему МВД командировать в Иркутск опытного агента. На следующий день, 5 августа, вице-директор департамента милиции А. А. Траутман также запросил у управляющего Иркутской губернией П. Д. Яковлева опытных агентов для розыска.

Иркутские сыщики обошлись без посторонней помощи. Как сообщил 9 сентября в уголовное отделение департамента милиции управляющий губернией, для раскрытия ограбления была создана "коллегия". В нее вошли начальник 3-го района милиции Щукин

(руководитель), начальник городского уголовно-розыскного бюро Мероманов и помощник начальника 1-го района милиции Кудряшов. "Общее наблюдение" осуществлял помощник начальника городской милиции подпоручик Устьянцев. В результате предпринятых оперативно-розыскных мер были арестованы три участника ограбления из четырех. Однако у них было изъято лишь 24 тыс. руб. Курьер банка Носков - член шайки, открывший дверь, и остальные деньги найдены не были²⁰⁸.

Для поощрения наиболее отличившихся сыщиков, как правило, применялись две меры: объявление благодарности и выдача денежной премии. 11 января 1919 г. исполняющий делами управляющего Приморской областью полковник С. Н. Козеко посетил городское отделение уголовного розыска и объявил его сотрудникам благодарность за энергичную и удачную работу по поимке шайки грабителей. 10 августа 1919 г. начальник Бийской городской милиции доложил управляющему Алтайской губернии о раскрытии убийства Д. Е. Городилова, случившегося 29 июля в трёх верстах от Бийска. В докладе была просьба поощрить начальника уголовно-розыскного отделения Рутковского и его подчинённых. Распоряжением товарища министра внутренних дел М. Э. Ячевского от 25 сентября 1919 г. названным чинам уголовного розыска была объявлена благодарность.

Приказом министра внутренних дел В. Н. Пепеляева от 29 июля 1919 г. за умелое раскрытие в Омске убийства Морозовых и других (всего 9 человек) была объявлена благодарность сыщикам согласно списку, представленному управляющим Акмолинской областью. Кроме этого, всем отличившимся были выданы денежные награды, в частности, начальник Омского уголовного розыска И. И. Рогалев получил 2 тыс. руб. Начальник японской миссии в Сибири 1-й секретарь посольства обратился 14 августа 1919 г. к директору 2-го департамента министерства юстиции с просьбой передать благодарность уголовно-розыскному отделению Новониколаевска за задержание двух из трех преступников и возвращение владельцу - японскому подданому всего похищенного ими в июле товара²⁰⁷.

Анализируя деятельность уголовно-розыскных отделений в то время, следует выделить дела, связанные с видами преступлений, общественно опасных и подрывающих экономическую основу режима в условиях гражданской войны. Это спекуляция, взяточничество и фальшивомонетничество.

Характерной и традиционной приметой гражданской войны была дороговизна вообще и товаров повседневного спроса в частности. По

некоторым данным, за 9 месяцев "власти интервенции и их ставленников" цены на продукты выросли в Омске на 764%, причем на хлеб - на 529, на картофель - на **911**, а на молоко - на 700%²⁰⁸. На наш взгляд, здесь уместно выяснить, насколько в этом были виноваты сами власти. Ведь цены стремительно росли и на территории Советской России. Может быть, имелись и другие причины дороговизны, например, падение производства товаров народного потребления и сельскохозяйственной продукции.

В некоторых случаях спекулянты пользовались упущениями кооперативных или государственных учреждений. 28 января 1919 г. управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий писал в МВД о том, что минусинские уездные заготовители объявили твердую цену на хлеб в 9 руб. В связи с тем, что запасы зерна у населения огромны, частные торговцы стали закупать его по 7 руб. с целью последующей перепродажи заготовителям. П. С. Троицкий предвидел убыток казне и просил содействия. 15 июля 1919 г. департамент милиции уведомил управляющего Томской губернией Б. М. Михайловского о спекуляции в Томске казенной водкой при содействии ведомственных учреждений. Спекулянты покупали спиртное по 16 руб. за бутылку, потом продавали по 30-40 руб., а в ресторанах и по 60-80 руб. Руководство департамента интересовали те меры, которые принимали местные власти по искоренению таких фактов²⁰⁹.

Следствием стало бурное распространение спекуляции. В Томске дрова стоимостью 50 руб. за сажень продавались по 350 руб., ящик стекла стоимостью 325 руб. — по **1300** руб. Если в Харбине фунт сахара стоил **90** коп., то в Сибири уже 35 руб. Управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий заявил по этому поводу, что нормальной торговли нет, многие предметы выросли в цене в 20-40 раз, а содержание увеличилось не более чем в 5 раз²¹⁰.

Газеты были полны публикаций на эту тему. Как пример можно взять статью из тобольской газеты под примечательным названием "Безумная спекуляция". Ее автор сообщал из Тобольского уезда о том, что здесь "каждый готов купить для перепродажи все, что только подвертывается под руку, чтобы на поднятии цен что-либо для себя нажать". Эту тему продолжила "Народная свобода": «Кто теперь не спекулирует? Кто не стремится к тому, чтобы тем или иным способом сорвать с ближнего несколько лишних рублей?». Еще в одной газете содержалось категоричное заявление, что "не знающая удержу спекуляция - эта язва нашей жизни, заражающая своим ядом все слои населения от мала до велика"²¹¹.

Особо привлекали спекулянтов поставки союзников. По свидетельству английской агентуры в Сибири, снаряжение, которое поступало в Омск утром, к вечеру уже продавалось на базарах. По воспоминаниям Мельникова, в марте 1919 г. в польских воинских частях продавались товары, полученные от союзников из Владивостока. 1 августа 1919 г. генерал Нокс телеграфировал начальству, что посылать А. В. Колчаку военное снаряжение без должного контроля над его распределением - значит бросать деньги на ветер²¹².

Некоторые издания называли и конкретный объект критики. "Отечество" прямо писало о том, что "приходится наблюдать какую-то вакханалию разнузданности, особенно в ведомствах продовольствия и снабжения. В явный ущерб интересам казны и населения эти ведомства совершают сделки и спекуляции, переплачивая миллионы народных денег". Газета "Голос Сибири" выбрала для критики объект меньшего значения и упрекала в бездействии милиционеров, дежуривших на местном базаре²¹³.

Автор "Восточного курьера" Федь в статье "Несколько слов о тыле" укорял сибиряков в том, что в то время как армия воюет, в тылу процветает спекуляция. Ив. Коневский на страницах курганской газеты "Земля и труд" поместил огромную, на два подвала, статью "Борьба со спекуляцией". С целью пресечения этого явления он предложил принять соответствующие законы, а также обязать торговцев вести торговые книги²¹⁴. Заслуживает упоминания и статья в томской газете "Сибирская жизнь". В начале февраля 1919 г. она рассказала своим читателям о том, что кассир цирка в Петропавловске А. Старухин спекулировал (!?) на размене тысячерублевых кредиток, установив комиссионные в размере 50 руб. Упомянутый кассир был наказан комендантом города штрафом в 500 руб. При неуплате штрафа в трехдневный срок был предусмотрен арест на 10 суток²¹⁵. Данный факт красноречиво свидетельствует о том, насколько сибиряки тогда произвольно трактовали понятие "спекуляция".

Не обошли вниманием эту тему и многие мемуаристы. Управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс два года спустя прямо писал о том, что безудержная спекуляция разлагала тыл. Генерал-лейтенант Е. И. Достовалов вспоминал о том, что покровительствуемые начальством тысячи жуликов, спекулянтов и теневых дельцов старались урвать что-нибудь в общей неразберихе²¹⁶. Современный историк Р. Лакетт считает, что в Омске в те годы процветал черный рынок и спекулянты делали огромные деньги²¹⁷.

Общественность и органы власти пытались определить причины такого размаха спекуляции. Профессор юридического факультета Томского университета И. И. Аносов справедливо считал главным именно борьбу с причинами. Он назвал три: неудовлетворительное состояние транспорта, разруха промышленности и общественная психика. Карать спекулянтов легко, считал юрист, ловить их - трудно. Высказал он и вполне здравую мысль о том, что в деле борьбы со спекуляцией наказание еще не все²¹⁸.

Интересную позицию занял министр снабжения. В декабре 1918 г. он предложил принять систему более гибких мер: расширить права заготовок, поощрить торговую деятельность кооперативов и общественных организаций, привлечь торгово-промышленный аппарат к контролю за торговлей²¹⁹.

Свое мнение о спекуляции высказал 8 марта 1919 г. на заседании комиссии по возрастающей преступности и вице-директор департамента милиции МВД А. А. Траутман. Он признал, что "спекуляция свила себе преступное гнездо буквально на всем протяжении страны. Спекуляции как занятию, - сказал он, - предаются почти все классы общества, не исключая даже и служебного элемента, женщин, стариков и даже детей". Спекуляция означала для названного чиновника обнищание одних и наживу для других²²⁰.

11 марта 1919 г. в Совет министров, как сообщили газеты, поступил проект министерства юстиции о борьбе со спекуляцией²²¹. Одна из дальневосточных газет связывала с принятием такого закона определенные надежды. Закон ставит спекулянта в разряд уголовных преступников, и в настроении, широкой обывательской массы, по мнению корреспондента, не может не произойти сдвига в определении спекуляции как бытового явления, караемого законом, и там, где бессильной оказывалась мораль, статьи уголовного уложения должны произвести определенный эффект²²².

Пока такой закон не был принят, министерство юстиции принимало свои меры. 29 апреля 1919 г. министр С. С. Старынкевич направил специальный циркуляр старшим председателям и прокурорам судебных палат, председателям и прокурорам окружных судов. Он потребовал предварительное следствие по делам о спекуляции вести "без малейшего замедления". Судам следовало принимать такие дела к слушанию вне очереди и "в самый кратчайший срок"²²³.

14 мая 1919 г. в Омске состоялось первое заседание междугосударственной комиссии по борьбе со спекуляцией. Ее возглавил помощник начальника главного управления почт и телеграфа инже-

нер Г. А. Тибукин, а в состав вошли представители государственного контроля, военного ведомства, министерств юстиции, финансов, продовольствия и снабжения, внутренних дел, путей сообщения и ставки Верховного Главнокомандующего.

Накануне, 6 мая, канцелярия министра внутренних дел известила начальника Главного управления почт и телеграфа о том, что представителями в комиссию назначены: от департамента общих дел - чиновник особых поручений 4-го класса В. И. Шкляев, а от департамента милиции - исполняющий дела вице-директора департамента А. А. Траутман. Результатом работы комиссии было принятие на ее 6-м заседании 11 июня законопроекта о пресечении "посылочной" спекуляции²²⁴. Летом 1919 г. в Иркутске по инициативе управляющего губернией П. Д. Яковлева была образована почтово-посылочная комиссия по борьбе с этим видом спекуляции. Здесь приступили к созданию правил по выдаче разрешений на отправку посылок²²⁵. В этом случае омские и иркутские власти пошли по пути административного регулирования.

Состоялись подобные совещания и в других городах. 6 марта 1919 г. прошло совещание при управлении Приуральского округа. Здесь милиции было поручено в случае обнаружения умышленного сокрытия товаров со спекулятивными целями составлять протокол с передачей дела в суд. 4 мая 1919 г. совещание по борьбе со спекуляцией и дороговизной состоялось в управлении Приморской области. В его работе принял участие уполномоченный министра продовольствия в области Парахин. В ходе обсуждения было высказано много мнений, но общая резолюция не была вынесена²²⁶.

Свой взгляд на проблему был у торгово-промышленного сословия. В марте 1919 г. против преследования спекуляции хлебом выступил съезд мукомолов, а в июне подобную позицию заняли деятели химической промышленности²²⁷. Однако имел место случай, когда в июле 1919 г. по ходатайству Новониколаевского биржевого комитета был привлечен к уголовной ответственности за спекуляцию содой крупный делец Вайдат²²⁸.

Весьма серьезный и содержательный разговор о спекуляции состоялся в Омске в июне 1919 г. Тогда министр снабжения и продовольствия К. Н. Неклютин собрал совещание юристов, экономистов и представителей торговли. Присутствующие посчитали необходимым отменить все карательные постановления, имеющие своей целью борьбу с так называемой спекуляцией; устранить само слово "спекуляция", заменив его на "злоупотребление в торговле"; упоря-

дочить работу железнодорожного транспорта, искоренив там взятки; пересмотреть законодательство о торговле и транспорте; повысить наказание и ответственность по закону; наконец, изъять такие дела из подсудности военно-полевых судов и передать их в суды общей юрисдикции²²⁹.

В сентябре 1919 г. при Государственном экономическом совете была создана комиссия в составе 9 человек для борьбы со спекуляцией. На нее была возложена задача по выработке законопроектов. Надо заметить, что еще 11 марта 1919 г. Совет министров принял решение "Об установлении и усилении наказаний за спекулятивные деяния, а в сентябре 1919 г. властями была признана необходимость государственного регулирования в торговле, промышленности и на транспорте²³⁰.

Предпринимались и конкретные меры борьбы со спекуляцией. В марте 1919 г. министерство путей сообщения создало на железнодорожных станциях контрольные комиссии по борьбе со спекуляцией. Однако когда в конце апреля на станцию Екатеринбург-I прибыло два вагона, якобы с грузом для армии, то в них оказались товары для местных спекулянтов²³¹. Осенью 1919 г. прокурор Владивостокского окружного суда назначил двух товарищей прокурора специально для расследования этой категории дел²³².

В борьбе со спекуляцией применялись и административные меры. После конфискации у спекулянта товара ему в паспорте ставился специальный штамп. Владельцы документа с такой отметкой стали его "терять" и просили милицию выдать им новые. Во Владивостоке на основании постановления* комиссии по борьбе со спекуляцией начальник края подписывал приказ о высылке виновного за пределы Приморья²⁸³.

Выносились и другие решения. Омский окружный суд по уголовному отделению под председательством М. А. Баранова 11 апреля 1919 г. рассмотрел дело по обвинению в спекуляции предметами первой необходимости С. Джумбаева. В соответствии со ст. 227 "Устава уголовного судопроизводства" он был освобожден за отсутствием состава преступления. Прокурор Тобольского окружного суда провел предварительное следствие по признакам ст. 913 и 1180 "Уложения о наказаниях" по делу мирового судьи 3-го участка Тобольского уезда Розенталя, письмоводителя Веребева и других. Им ставилось в вину скупка в селе Черном мяса, масла, дичи, клюквы и других продуктов, которые отправлялись в Ишим. В результате в самом селе цены выросли. 27 апреля 1919 г. судебный следователь по Тобольскому

уезду решил, что названные продукты не были предметами первой необходимости и покупались по ценам не выше базарных. В соответствии со ст. 227 "Устава уголовного судопроизводства" обвиняемые были освобождены за отсутствием состава преступления²³⁴. В мае 1919 г. следственная комиссия в Ишиме отпустила под залог в 200 тыс. руб. Бокарева, также арестованного за спекуляцию²³⁵.

Оперативно и жестко на спекуляцию реагировали военные, у которых наиболее распространенными были меры репрессивного характера. В декабре 1918 г. командующий армией, штаб которой располагался в Новониколаевске, приказал применять самые решительные меры в беспощадной борьбе со спекулянтами, продающими товары первой необходимости. Генерал распорядился без стеснения применять обыски, высылки, аресты и строжайшие взыскания. В приказе уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Екатеринбургe и ряде уездов Урала от 3 января 1919 г. предусматривалась ссылка на каторжные работы по 8 категориям виновных и денежный штраф до 300 тыс. руб. Другой приказ этого же должностного лица устанавливал за продажу и куплю военного обмундирования тюремное заключение до 3 мес. или 3 тыс. руб. штрафа.

В начале апреля 1919 г. в Харбине Главначальствующий на Дальнем Востоке подписал приказ о повышении штрафа за спекуляцию до 3 тыс. руб. или о его замене 3 месяцами тюремного заключения. Приказ № 1 командующего Сибирской армией генерал-лейтенанта Р. Гайды от 7 апреля 1919 г. предусматривал за спекуляцию продовольствием передачу дела в военно-полевой суд с наказанием от 10 лет лишения свободы до смертной казни. Атаман Уссурийского казачьего войска И. П. Калмыков в сентябре 1919 г. создал особую комиссию для того, чтобы приступить к уничтожению "всех спекулятивных начал". Однако в самом начале эту идею не поддержали в торгово-промышленной палате и из неё ничего не вышло²³⁶.

Можно привести примеры и конкретных действий военных властей/ 10 мая 1919 г. в Шадринске ими был арестован крупный спекулянт Мельников. В тот же день в Томске были арестованы и отданы под суд крупные спекулянты Енкин, Френкель и Штёйнарт, нажившие миллионы. Здесь же осенью 1919 г. за неоправданное повышение цен на мануфактуру были арестованы Л. и И. Брандты. В мае 1919 г. в Тюмени были взяты под стражу Лошкомоев, Перевалов и их "компаньоны", а 30 июня 1919 г. перед местным военно-полевым судом предстали Захаров и Бочкарев. В июне 1919 г. вла-

дивостокская газета "Эхо" сообщила о том, что в Омске по решению военно-полевого суда были расстреляны девять спекулянтов во главе с капитаном Афанасьевым. В свое время они продали товаров на сумму в 5 млн руб., которые были конфискованы²³⁷. Уже в те годы высказывалась мысль о том, что защита таких дел была на уровне Штаба Верховного Главнокомандующего²³⁸.

Органы власти в центре и на местах были поражены взяточничеством. Об этом писал в своих мемуарах генерал-лейтенант Е. И. Достовалов²³⁹. Среди учреждений, наиболее подверженных этому злу, выделялось министерство путей сообщения. Автор курганской газеты свою статью так и назвал - "Хищники". Общее собрание промышленников и торговцев Новониколаевска 19 января 1919 г. направило в Омск письмо о взятках на железной дороге. В письме, перепечатанном газетами, говорилось, что с отправителей вымогали по 250 руб. с пуда груза. Следует отметить, что были случаи привлечения должностных лиц к ответственности. 2 сентября 1919 г. в Чите по распоряжению прокурора Читинского окружного суда был арестован билетный и багажный кассир станции Верхнеудинск Юркевич. Он за взятку отправил 150 пудов товара²⁴⁰.

Брали взятки и лица, имевшие косвенное отношение к железнодорожным перевозкам. Комендант станции Омск за взятки вместо воинских грузов отправлял товары спекулянтов. Некий О. Горин сообщал о том, что в Благовещенске, чтобы купить билет, надо выстоять в очереди 1-2 дня или дать носильщику 50-100 руб., в то время как билет стоит 35-50 руб.²⁴¹

Чиновники министерства снабжения и продовольствия также часто упоминались в газетных публикациях на эту тему. Шадринская газета опубликовала статью "Взятка или подарок?". В ней речь шла о взятке уполномоченному министра снабжения по Шадринскому уезду Н. Л. Романову. В последующем номере газеты он отмежевался от факта получения взятки²⁴².

В некоторых случаях милиция, пресекая взяточничество, сотрудничала с другими правоохранительными органами. Начальник уголовно-розыскного отделения Хабаровской милиции по просьбе местной контрразведки задержал в декабре 1919 г. гражданина Голованова, подозреваемого в получении взятки²⁴³.

Анализ состояния дел в "колчакии" дал А. Н. Никитину основание заявить о том, что, добившись заметных результатов в борьбе с общеуголовной преступностью, коммунистическим подпольем и даже в некоторых случаях с повстанческо-партизанским движе-

нием, режим оказался бессильным против коррупции. Более того, власть, по его мнению, демонстрировала нерешительность и слабость, когда возникала необходимость привлечь к ответственности высоких должностных лиц или крупных коммерсантов. Как бы подводя итог анализу проблем спекуляции и взяточничества, историк пишет, что масштабы, близкие к спекуляции, приобрела коррупция, поразившая весь государственный механизм. Во многих случаях коррупция и спекуляция слились в единое целое, парализуя власть, ее волю. Такое же мнение сложилось и у западных ученых. Д. Тредголд справедливо считает, что режим не сумел пресечь коррупцию. М. Хильдермайер пришел к выводу, что контрреволюция в Сибири пала не в последнюю очередь из-за явной коррупции и беспомощности²⁴⁴.

Рассуждая о причастности деятелей режима, многие из которых были кадетами, к спекуляции, Н. Г. Думова пришла к выводу о том, что кадеты в Сибири были лично бескорыстны. Однако вся атмосфера созданного их стараниями режима была проникнута духом алчности, стремлением поживиться, урвать кусок пожирнее. Справиться с этим оказалось невозможно. Такая атмосфера, считает историк, была характерна для всех белых правительств, что сыграло не последнюю роль в их крушении²⁴⁵. Спекуляция и взяточничество были опасны не только разрушением экономики, но и деформацией общественного сознания, подрывом у населения доверия к правительству.

Свою лепту в финансовую дестабилизацию режима внесло и изготовление фальшивых денег. Эта тема, в отличие от предыдущих, еще не стала предметом пристального внимания исследователей. Между тем большое беспокойство властей вызывало именно фальшивомонетничество. Этот вид преступлений подрывал финансовое обращение в регионе, наводнял рынок необеспеченными денежными знаками. О размахе данного преступного промысла Свидетельствуют следующие факты. В конце 1918 г. на Черемховских копиях в Иркутской губернии было изъято поддельных "керенок" достоинством в 50 руб. на общую сумму в 60 тыс. руб. В июле 1919 г. чины уголовно-розыскного отделения Никольск-Уссурийска в киоске Я. Боруцкого на углу Корфовской и Николаевской улиц обнаружили целую фабрику с клише, краской, кислотой и т. д. В сентябре в Красноярске была раскрыта крупная мастерская по производству денег Сибирского правительства, было изъято денежных знаков на 1,5 млн руб. 27 ноября 1919 г. управляющий Томской губернией сообщил в департамент милиции МВД о раскрытии в Новониколаевске началь-

ником уголовно-розыскного отделения фабрики по фальсификации кредитных билетов²⁴⁶.

В январе 1919 г. в Миассе была задержана группа фальшивомонетчиков из семи человек. Правительственная газета назвала их работу по изготовлению "керенок" в 20 и 40 руб. "артистической". Только краски на фальшивках были светлее. Почти все арестованные были с уголовным прошлым и при аресте открыли стрельбу, оказавшуюся безрезультатной²⁴⁷. Это был, насколько нам известно, единственный случай вооруженного сопротивления фальшивомонетчиков милиции.

Несколько раз подобные операции проводились в Иркутске. В июле 1919 г. был обнаружен станок по изготовлению "керекок" номиналом в 20 и 40 руб. 19 сентября чины уголовного розыска арестовали по обвинению в фальшивомонетничестве А. Е. Авельянина, М. И. Чупева и Н. Д. Кутилова. В октябре была обнаружена фабрика по печатанию фальшивых 50-рублевых кредиток. У троих арестованных было изъято 117 тыс. руб.²⁴⁸. В июне 1919 г. во Владивостоке по улице Полтавской, дом № 4 было арестовано четыре человека и изъято фальшивок на сумму в 8 тыс. руб. Вход в "мастерскую" без предупреждения был доступен только доверенным лицам и по условному сигналу. Чинам уголовного розыска удалось проникнуть в помещение "особым" путем²⁴⁹. Отмечен случай, когда изготовлением фальшивых денег занимались даже в сельской местности. В марте 1919 г. в селе Ишим Томской губернии была обнаружена фабрика с "продукцией" на 40 тыс. руб.²⁵⁰

Следует отметить, что мастерские по изготовлению фальшивых отечественных денег существовали и за пределами России. Отдел государственной охраны департамента милиции МВД 2 июля 1919 г. сообщил уголовному отделу того же департамента об организации в Шанхае фабрики, назвал пути следования фальшивок и имена агентов по их сбыту в Омске и Харбине. Уже в июле 1919 г. в Харбине был произведен арест сбытчиков сибирских денежных знаков. Их было изъято на сумму в 250 тыс. руб.²⁵¹

Власти предпринимали меры по предотвращению распространения фальшивых денег. Учетное отделение департамента милиции 17 сентября 1919 г. направило всем управляющим губерниями и областями циркуляр. В нем содержались приметы купюр достоинством 250 руб., которые могли быть произведены в Красноярске. Читинское отделение Государственного банка через омскую газету объявило о появлении фальшивых сибирских кредитных билетов

номиналом 50 руб. и дало их приметы²⁵². В октябре 1919 г. во Владивостоке по обвинению в распространении фальшивых кредиток были арестованы крупные коммерсанты Кусиди и Гурченко²⁵³.

Отмечены случаи, когда действия распространителей фальшивых денежных знаков пресекали представители общественности. Так было 10 января 1919 г. в Амурской области, когда Чернявская станичная земская управа задержала и препроводила в Благовещенскую тюрьму крестьянина Тобольской губернии И. Кузакова. У него было изъято 97 "керенок" достоинством в 40 руб. Местная газета сообщила приметы фальшивок - они имели более густой красный цвет, чем на настоящих денежных знаках, не имели они и соответствующего глянца. Эта публикация в газете давала представление о технологии изготовления фальшивок. Если такую купюру помять, то она расходилась на две половинки, так как была склеена из двух листочков бумаги²⁵⁴.

В декабре 1918 г. в Благовещенске по заявлению китайца чины 1-го участка милиции задержали А. А. Галинского. У него был обнаружен фальшивый паспорт, сам он сбыл китайцу шесть фальшивых "керенок" по 40 руб. В октябре 1919 г. в Мариинске была задержана группа сбытчиков с фальшивками на 11 тыс. руб.²⁵⁵

Некоторое представление о способах задержания сбытчиков фальшивок дает статья одной из владивостокских газет. В июле 1919 г. в уголовно-розыскное отделение Владивостока поступило агентурное сообщение о сбыте на местном ипподроме фальшивых 5% обязательств Государственного казначейства. О предстоящей операции был предупрежден кассир. Через несколько дней - 27 июля один из посетителей внес в кассу 4 таких обязательства по 500 руб. каждое. Как и было условлено заранее, кассир записал их номера и приготовил для возвращения. Вскоре клиент вернулся и попросил свои облигации обратно. Получив, он их рассмотрел и попросил заменить. На этот раз он получил настоящие облигации и успокоился. В это время его и задержали²⁵⁶.

Подвергались фальсификации и другие финансовые документы. 13 февраля 1919 г. после успешного обыска, проведенного начальником милиции С. А. Филипповым, в Николаевске-на-Амуре были обнаружены фальшивые бонны. 26 июля 1919 г. в Омске на Красноярской улице в доме Сорокина была раскрыта фабрика по изготовлению сибирских облигаций номиналом 50 руб.²⁵⁷

В феврале 1919 г. Новониколаевская городская милиция изъяла большое количество табачных изделий с фальшивыми отметками

таможни и акцизными марками²⁵⁸. Определенный интерес для преступников представляла подделка железнодорожных билетов. В частности, в мае 1919 г. на станции Иркутск была раскрыта продажа из частных рук таких билетов²⁵⁹.

23 июня 1919 г. чины уголовной милиции в доме Фатарнюка по Скобелевской улице в Кургане раскрыли "фабрикацию" фальшивых расписок для ворованных лошадей. Бланки были приобретены в местной типографии. В июне 1919 г. начальник 3-го участка милиции Барнаула обвинил в подделке расписок на лошадей Кашина и Матыгина²⁶⁰.

Власти позаботились и о судьбе фальшивок. В циркуляре первого департамента министерства юстиции от 31 марта 1919 г. предлагалось председателям окружных судов доставлять фальшивые кредитные билеты Государственного казначейства, всякие билеты кредитных установлений в экспедицию заготовления государственных бумаг при министерстве финансов для предварительного следствия и уничтожения²⁶¹.

Кроме в известном смысле "традиционных" преступлений сибирской милиции приходилось противодействовать и довольно экзотическим преступным промыслам. Особое место среди них занимала незаконная торговля наркотиками. Об этой проблеме много писала местная пресса. В газетах назывались и основные потребители наркотиков. Особенно это явление было распространено среди раненых²⁶². В этом случае можно предположить их желание снять боль, которое перешло в зависимость. Автор статьи "Кокаинисты" писал не только о том, что в Омске небывалых размеров достигли цены на наркотики, но и о том, что потребителями их являлись "дамы полусвета" и учащаяся молодежь²⁶³. Несколько газет высказали мнение, что курение опиума занесли китайцы.

Судя по наблюдениям очевидцев, наркотики употребляли даже в общественных местах. Как вспоминал С. А. Заякин, в Челябинске в швейную мастерскую приходил мужчина и курил анашу. В Никольск-Уссурийске в присутствии автора местной газеты некая дама в кондитерской нюхала кокаин²⁶⁴. Известный в то время журналист Камский чуть позже описал обстановку в омских ресторанах после полуночи. "Половина присутствующих были кокаинисты, морфинисты и эфироманы. Циничные и пресыщенные, с каким-то утонченно-бесшабашным бесстыдством в словах и жестах, наглые и развращенные, они были омерзительны, эти скоты. Тут заседали те лавочники, которые взяли бразды правления в свои руки, те офицеры, достойно воспеть которых мог бы только ревущий ишак"²⁶⁵.

Заслуживает внимания вопрос о том, как наркотики попадали в Сибирь.

Во-первых, опиий выращивался в самой России. Одна из дальневосточных газет сообщила о том, что китайцы заставляли жителей Хабаровского уезда выращивать опиий, а затем скупали его у них²⁶⁶. Во-вторых, опиий доставлялся в Сибирь из Китая железной дорогой. В газетах встречалась информация об этом. В первых числах марта 1919 г. в Харбине по прибытии поезда № 3 милиционерам стало известно о том, что в багажном вагоне в купе у раздатчика заперт чемодан опиума. Раздатчику удалось бежать. Вскоре явился чиновник китайской таможни и пытался этот чемодан унести. По данному факту был составлен протокол. В другой раз в том же Харбине при проверке поезда был обнаружен опиум, зашитый в белье одной из пассажирок. Срезая мешочек с ним ножом, китайский таможенный чиновник порезал женщине ногу²⁶⁷. В-третьих, для получения наркотиков использовались аптеки. Заведующий Барнаульской городской аптекой доложил городской управе об исчезновении из аптеки неизвестно куда кокаина. По сообщению газеты "Русская речь", в сентябре 1919 г. в Закаменскую аптеку Новониколаевска ворвался некто с револьвером и забрал весь кокаин²⁶⁸.

Распространением наркотиков среди потребителей занимались, в основном, китайцы или корейцы. В декабре 1918 г. в деревне Саскаль Амурской области начальник 3-го участка милиции задержал китайца, менявшего ханку на пшеницу и овес. При нем было обнаружено 8 ведер "травки". Через несколько дней в самом Благовещенске был арестован Лю-ю-Сун, содержавший опиумокурильню. На этот раз было изъято 1,5 фунта опиия. В феврале 1919 г. в Николаевскена-Амуре поставой милиционер Штык задержал корейца с контрабандным опиумом. 6 мая 1919 г. в Верхнеудинске во время впрыскивания морфия был арестован Тиа Син²⁶⁹. Однако не все мероприятия против распространителей наркотиков оканчивались успешно. В июне 1919 г. начальник Никольск-Уссурийской городской милиции доложил управляющему Приморской областью о том, что на местном базаре китайцы не дали двум нарядам милиции задержать китайца, нанявшего русского для перевозки 20 мешков ханки²⁷⁰.

Были и русские распространители наркотиков. В январе 1919 г. милиционеры Николаевска-на-Амуре настойчиво искали распространителя морфия, так как к этому времени в городе очень развился "морфинизм". В конце концов этот человек был обнаружен в деревне Моделя в доме по 1-й Невельской улице. В марте 1919 г. чины

уголовно-розыскного отделения Омска по делам службы зашли в дом по Уратскому переулку, 9, где обнаружили рецидивиста Г. Я. Автина с 15 г морфия. Наркотик, по его выражению, он держал "для себя". В другом случае выявить притон помог офицер. В Никольск-Уссурийске 12 августа 1919 г. поручик сообщил властям адрес притона и о том, что там находятся два русских солдата с ближайшей железнодорожной станции. При проверке сведения подтвердились. Выяснилось, что солдаты курили опиум. Во Владивостоке в апреле 1919 г. такой притон находился в доме № 14 по Семеновской улице. 9 сентября 1919 г. Новониколаевской милиции удалось арестовать швейцара кафе "Версаль", торговавшего кокаином. В связи с этим одна из местных газет выразила надежду на то, что через него, может быть, удастся выйти на организацию по продаже наркотиков²⁷¹.

В борьбе с распространением и потреблением наркотиков применялись различные способы. Во-первых, воспитательные меры. Авторы многих газетных публикаций пытались образумить потребителей наркотиков. В. Белый в статье "О кокаинистах" не смог назвать причину роста потребления наркотиков. Он считал это занятие вредным и призвал этих людей опомниться. Рельдон, автор статьи "Наркоманы", посчитал морфий и кокаин знаменем безвременья и обратился к их потребителям с просьбой "взять себя в руки". С историей кокаина и опасностью его потребления познакомил читателей А. Лепин в материале "О кокаинизме"²⁷². Дальше всех пошел Б. Алексеевский. В июле 1919 г, он в статье "Кокаинисты" призвал власти преследовать наркоманов. С этой целью он предлагал проверять подлинность аптечных рецептов и применять по отношению к виновным максимально строгие меры²⁷³.

Любопытную форму общественного воздействия на распространителя наркотиков нашли в январе 1919 г. в Томске. Тогда многие газеты известили своих читателей о товарищеском суде томского студенчества над своим коллегой Шаберкиным. Он был обвинен в впрыскивании морфия трем курсистам, после чего "торговал их телом". Так как такая категория дел была вне компетенции "товарищеского суда", было принято решение передать дела Шаберкина прокурору²⁷⁴.

Во-вторых, практиковались и административные меры. Власти пытались ограничить посевы мака. В феврале 1919 г. управляющий Приморской областью И. И. Циммерман обратился к сельскому населению с просьбой не сдавать в аренду землю под посевы мака²⁷⁵. Через несколько дней он напомнил населению распоряжение Вре-

менного правительства от 7 июля 1917 г. о запрете макосеяния. Одна из причин принятого тогда такого решения заключалась в том, что земля используется не под хлеб и истощается. Кроме этого был очевиден и вред наркотиков²⁷⁸.

Как показало время, не все дальневосточники выполнили распоряжение властей. В июле 1919 г. пограничный комиссар Южно-Уссурийского края обратился к начальнику Никольск-Уссурийской городской милиции с просьбой принять самые решительные меры по уничтожению посевов мака, произведенных с целью получения из него опия. В конце августа 1919 г. управляющий Сахалинской областью Ф. Ф. фон Бунге предписал начальнику Удской уездной милиции "без малейшего замедления" уничтожить посевы мака, а виновных "привлечь к ответу"²⁷⁷.

Виновных в распространении наркотиков привлекали к ответственности. В январе 1919 г. в Николаевске-на-Амуре японский подданный Каваучи Тайте тайно продавал морфий и кокаин корейцам, а они, в свою очередь, перепродавали наркотики русским. Тогда же за торговлю опиумом и опиекурение в этом городе были арестованы китайские подданные Чан Кин Чин и Чан Ла У²⁷⁸. Известен и приговор, который в августе 1919 г. вынес мировой судья 1-го участка Никольск-Уссурийска. Тогда за торговлю опиумом один из корейцев был приговорен к 4 месяцам тюрьмы²⁷⁹.

В-третьих, в противоборстве с наркоторговлей использовалась и такая мера, как сотрудничество заинтересованных стран. В апреле 1919 г. начальник Владивостокской городской милиции направил рапорт управляющему Приморской областью И. И. Циммерману. В нем сообщалось, что в китайских притонах идет игра в "банковку" и занимаются опиекурением. В то же время у милиционеров нет сил всему этому положить конец. Начальник милиции предложил обратиться за помощью к китайскому обществу взаимного вспомощления или к самому китайскому консулу. При этом была ссылка на удачный опыт подобных совместных действий в 1918 г.²⁸⁰

Определенные шаги по препятствованию распространения наркотических средств предпринимала и международная общественность. 29 марта 1919 г. в Цицикарском дипломатическом бюро прошло учредительное заседание по открытию Харбинского отделения Международного общества борьбы с опиумом и морфием. Такие отделения уже были к тому времени созданы в Пекине, Шанхае, Нанкине, Тяньцзине, Гиринае и в других городах. Среди членов отделения газеты называли выпускника Алексеевской военно-юридичес-

кой академии генерал-лейтенанта М. И. Афанасьева, а также японских и китайских подданных²⁸¹.

Наконец, власти пытались укрепить правовую базу деятельности по пресечению наркомании. В июне 1919 г. газеты сообщили о том, что в МВД подготовлен законопроект о борьбе с опиекурением. В нем предусматривался запрет на посевы мака в пограничных с Китаем районах. Все операции с опиумом могли совершать только официальные учреждения по особому разрешению МВД²⁸². В этой связи будет уместным отметить, что еще 7 июля 1915 г. император Николай II подписал закон о борьбе с развитием опиекурения на Дальнем Востоке²⁸³. Однако решить проблему распространения и потребления наркотиков оказалось не по силам властям белой Сибири. Крайне важной она остается и сейчас.

Важным фактором роста преступности, особенно убийств, грабежей, разбойных нападений, нанесения тяжких телесных повреждений, было наличие у населения оружия. К традиционному для Сибири охотничьему добавилось боевое. Исполнявший дела директора департамента милиции В. Н. Казаков 27 августа 1919 г. писал в одном из циркуляров о том, что весной 1918 г., возвращаясь с фронта, почти каждый солдат вез с собой винтовку, патроны и другое. Такой же информацией располагает и исследователь Н. С. Ларьков²⁸⁴.

Власти были серьезно озабочены проблемой изъятия оружия у населения. Были случаи, когда сибиряки отказывались сдавать оружие. В декабре 1918 г. жители села Борисоглебка Амурской области на своём сходе решили: "...ни в коем случае не подчинимся приказу Колчака... и не сдадим ни одной имеющейся у нас винтовки и прочего оружия". Такое же решение принял и сход жителей села Ивановка этой же области²⁸⁵.

По предложению министра юстиции было признано необходимым самым суровым образом карать тех, кто не сдавал оружие. Департамент милиции МВД дважды направлял на места циркуляры о необходимости изъятия оружия у населения²⁸⁶. В приказе № 2 по Оренбургскому казачьему войску и по Оренбургской губерзии говорилось о возможности смертной казни за хранение огнестрельного и холодного оружия, а также всех боеприпасов без разрешения коменданта города или начальника милиции²⁸⁷. Население Богословского горного округа на Урале власти обязали сообщать об оружии, находящемся на руках. В противном случае грозили самым тщательным обыском и в случае обнаружения оружия - прекращением привоза хлеба и продуктов в округ²⁸⁸.

Дела властей не расходились со словами. 22 декабря 1918 г. в Омске были расстреляны секретарь профсоюза грузчиков Е. Банчук, его брат, отец, мать, а жена с грудным младенцем была заколота штыками за то, что в пелёнках был найден наган. По приказам начальника Читинской городской милиции от 8, 10, 11 и 14 июля 1919 г., утвержденным начальником 1-го военного участка Забайкальской области, за хранение огнестрельного оружия без установленного разрешения были оштрафованы три китайца. В город Камень Алтайской губернии прибыл отряд под командованием Гольдовича. В три часа ночи солдаты явились на квартиру председателя Каменского союза кооперативов А. И. Каванова и, угрожая револьвером, потребовали сдать оружие, которое якобы у него имелось. Когда военные узнали о том, что на них послана жалоба в правительство, то они силой заставили уездного комиссара И. А. Мацюка написать опровержение²⁸⁹.

Подобное рвение властей было отмечено и зарубежными очевидцами. В мемуарах американского генерал-майора У. Грэвса есть запись о том, что "если у крестьянина находили винтовку с патронами, то для него это зачастую означало смерть и во всяком случае ужасное наказание кнутом"²⁹⁰.

Анализируя деятельность сибирской милиции, уместно задать вопрос о ее результативности. На эффективности деятельности сибирской милиции сказывалось несколько факторов. Один из них заключался в том, что сами власти отвлекали милицию от выполнения прямых обязанностей, давая ей массу различных поручений. Условно их можно разделить на две группы. Первая была так или иначе связана с функциональными обязанностями милиции.

Весьма важным и ответственным поручением милиции было обеспечение охраны государственных учреждений и высокопоставленных должностных лиц. Для этого была подготовлена и утверждена инструкция по охране гостиницы "Россия"²⁹¹, где проживали многие руководители министерств и ведомств. Следующим шагом стало учреждение охраны самих высших чиновников. Начальник 5-го участка Омской городской милиции 1 мая 1919 г. доложил в уголовный отдел департамента милиции о том, что им выставлены 2 суточных поста в Загородной роще: один у дачи Шухмана, другой при въезде в рощу у дачи контр-адмирала В. В. Ковалевского.

Более широкий круг лиц, подлежащих охране, был указан 15 июля 1919 г. исполняющим обязанности директора департамента милиции. Тогда он известил начальника Омской городской мили-

ции о том, что по приказанию министра внутренних дел на него возложена охрана личности помощника военного министра В. В. Ковалевского, временно исполняющего обязанности министра иностранных дел И. И. Сукина, управляющего министерством народного просвещения П. И. Преображенского, министра труда Л. И. Шумиловского, председателя Совета министров П. В. Вологодского, члена Совета министров Г. К. Гинса, управляющего министерством внутренних дел В. Н. Пепеляева, министра финансов И. А. Михайлова, управляющего министерством снабжения и продовольствия К. Н. Неклютина, государственного контролера Г. А. Краснова (порядок расположения фамилий дан в соответствии с документом)²⁹².

В ряде случаев милиция выполняла функции органов государственной безопасности. 12 апреля 1919 г. канцелярия Главного начальника Уральского края поручила начальнику Екатеринбургской городской милиции узнать, кто такой Н. Н. Петров, написавший открытое письмо на имя Главного начальника края²⁹³. В некоторых случаях милиция должна была удостоверить политическую благонадежность. Этого, в частности, требовал приказ коменданта Верхотурского уезда ротмистра Есипова от 21 апреля 1919 г., разрешавшего весеннюю охоту. Такое разрешение давалось только членам общества при подтверждении в милиции их политической благонадежности²⁹⁴. Во Владивостоке наряды милиции «изымали» из частных квартир машинистов, срывая тем самым забастовку железнодорожников²⁹⁵.

На милицию была возложена задача следить за деятельностью общественных организаций. Управляющий Тобольской губернией 14 февраля 1919 г. напомнил своим подчиненным, что по постановлению Временного правительства от 28 июля 1917 г. на время войны МВД предоставлено право не допускать и закрывать собрания и съезды, проведение которых представляет угрозу для государственной безопасности. 29 апреля 1919 г. он дополнил этот циркуляр требованием представлять на имя министра внутренних дел повестки дня таких собраний с заключением управляющего губернией. Если на собрании принимались какие-либо постановления, то их текст требовалось немедленно направлять управляющему губернией и в МВД²⁹⁶. 14 апреля 1919 г. департамент общих дел МВД уведомил управляющих губерниями и областями о "самочинном" создании кое-где сельских комитетов. Мнение департамента было категорическим - милиции такие формирования распускать²⁹⁷.

Кроме этого, было необходимо представлять в МВД программы любых курсов. 22 сентября 1919 г. департамент милиции известил управляющего Томской губернией о том, что, прежде чем открыть курсы "Закупсбыта", следует через милицию послать министру внутренних дел не только программы, но и именные списки всех лекторов²⁹⁸.

Милиция была привлечена и к установлению винной монополии. По просьбе министра финансов МВД обязало выставить постовых милиционеров у всех казенных винных лавок, ибо участились их грабежи. С торговлей спиртным было связано и поручение управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого. В октябре 1919 г. он предложил начальнику Красноярской городской милиции убирать пьяных мужчин, лежащих напротив винного склада²⁹⁹.

Личный состав милиции привлекался к выполнению разнообразных поручений и со стороны военных властей. Самым распространенным из них было участие в мобилизации в армию. Уклонение от призыва в армию, тем более в военное время, и сегодня относится к числу тяжких преступлений. Однако методы и масштабы принуждения к воинской службе в Сибирской армии в условиях гражданской войны были явно чрезмерными³⁰⁰.

Были и совсем другого рода примеры использования милиции в интересах армии. В Алтайской губернии отряд уездного начальника милиции по приказанию военных ремонтировал 6 рельсов, проволоку и столбы на участке железной дороги от станции Уткуль до станции Большая Речка. Ремонтные работы шли под обстрелом партизан. Выручил милиционеров только пулеметный огонь подоспевшего воинского отряда. 30 апреля начальник штаба Камской речной боевой флотилии приказал старшему милиционеру Нижне-Муллинской волости Пермского уезда "нарядить" 500 человек за дровами для флотилии. Однако милиционер отказался это делать³⁰¹.

Гораздо большее количество поручений не было напрямую связано с профессиональной деятельностью милиции. На территории, контролируемой режимом А. В. Колчака, сложилась тяжелая ситуация со сбором налогов. В начале 1919 г. милиция доносила, что население ряда сел и деревень Верхнеудинского уезда отказывается их платить. В феврале Забайкальское областное земское собрание, заседавшее в Чите, не только констатировало, что население "не будет платить налогов, но и назвало две причины этого явления. По мнению земцев, это происходило потому, что крестьяне не знают, куда эти деньги пойдут" и население "ждет твердой власти". Об отказе населения платить налоги и подати говорили 7 февраля на совеща-

нии управляющих уездами Акмолинской области управляющие Акмолинским, Атбасарским, Кокчетавским и другими уездами³⁰².

Любопытное мнение по названной теме было высказано в частном письме директора Тобольской казенной палаты управляющему Курганским уездом. В нем говорилось о том, что по сбору налогов союзники будут судить о поддержке режима снизу³⁰³. Это суждение в целом является верным, но несколько категоричным.

Исследователь В. А. Кадейкин писал о том, что крестьяне, отказываясь платить недоимки, вносить различные сборы, лишали финансовой поддержки сибирское правительство³⁰⁴. В конечном итоге это верно. Однако, во-первых, сбор налогов и податей был хотя и значительной, но далеко не единственной доходной статьёй бюджета сибирской государственности. Во-вторых, надо еще доказать, что, не уплачивая налоги, крестьяне преследовали именно эту цель. Может быть, они делали это из-за безденежья.

В поиске способа заставить сибиряков выплачивать налоги власти не были оригинальны. Омский уездный комиссар считал, что здесь остается только одно - "выколачивать деньги у граждан силой". Для этого активно привлекалась милиция³⁰⁵. В этой связи управляющий Якутской областью Соловьев 18 января 1919 г. писал управляющим уездами и начальникам милиции: "Ввиду наблюдаемой неуспешности поступления податных сборов, штрафов и других казенных взысканий, а равно земских сумм, предлагаю принять все зависящие от вас законные меры... к своевременному и бездоимочному взысканию всех следующих с населения платежей". Управляющим Пермским, Чердынским*Соликамским, Оханским, Осинским, Кунгурским уездами также было дано указание "через посредство чинов милиции принять все зависящие меры к успешному взысканию поземельных сборов за 1918-1919 гг. и недоимки за 1916-1917 гг."³⁰⁶ Отмечены случаи репрессий в отношении тех, кто противился уплате налогов. За агитацию не платить налогов 20 декабря 1918 г. в Абанской волости Канского уезда милиционерами был арестован Старостенко³⁰⁷.

Для более успешного сбора налогов Новониколаевская городская управа обратилась к управляющему Томской губернией. Она просила откомандировать четырех милиционеров для сбора податей и налогов. Управляющий губернией согласился, но при условии, если милиционеры будут получать содержание от управы. Оговаривалось, что деньги следует вносить сразу и за 6 месяцев вперед³⁰⁸.

О масштабах привлечения милиционеров в помощь налоговым органам говорит следующий факт. Начальник 2-го района Тобольской уездной милиции доносил уездному комиссару о том, что все милиционеры, какие имеются в его распоряжении, в настоящее время заняты каждый на своем участке борьбой с дезертирством. Главным же образом, признавал он, они оказывают содействие по сбору податей и повинностей из-за отказа населения вносить их добровольно³⁰⁹.

Усилия милиции приносили свои плоды. Управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев своим приказом от 13 февраля 1919 г. объявил благодарность Ангарской аймачной милиции за энергию и распорядительность в деле взыскания казенных и земских налогов. В самом Иркутске в апреле - мае 1919 г. городская милиция собрала 500 тыс. руб. казенных налогов и сборов³¹⁰. В Новониколаевске за июль - август было взыскано казенных сборов 163094, городских сборов - 47516 руб.³¹¹ Министр внутренних дел В. Н. Пепеляев 15 апреля 1919 г. выразил благодарность управляющему Тюкалинским уездом, начальнику и чинам уездной милиции за полный (!?) сбор налогов и недоимок³¹².

Однако усилия властей, поддержание милиционерами, не увенчались решающим успехом. К январю 1919 г. с крестьян Тарского уезда власти "выколотили" (так в документе. — С. 3.) оброчной и поземельной подати в размере 240237 руб., вместо положенных 380826 руб. По Верхнеудинскому уезду, включавшему 36 волостей и 1 станицу, на 1919 г. были начислены подати в размере 1965054 руб. За год же было собрано 393524 руб., причем в Малокуналейской волости не было собрано ни копейки³¹³. Таким образом, если в Тарском уезде удалось собрать 63, то в Верхнеудинском только 20% от положенного. В своем рапорте управляющему Томской губернией от 1 ноября 1919 г. начальник Новониколаевской городской милиции самокритично признал, что налоги взыскиваются слабо, у милиционеров мало времени, но определенный рост поступлений все-таки есть³¹⁴.

Власти активно привлекали милицию к решению и других финансовых проблем. 1 января 1919 г. Тобольский окружной надзиратель распорядился, чтобы милиция направляла ему протоколы по фактам нарушения правил акцизных сборов. Шадринский уездный комиссар 23 января приказал местной милиции оказывать помощь в описании и продаже имущества в порядке ст. 290 "Общественного положения о крестьянах". При этом уездный комиссар обращал внимание на то, чтобы чины милиции вели себя корректно. Здесь же

в апреле инспектор труда с помощью милиции взыскал в пользу больничных касс с "Агросоюза" 85 тыс. руб., с "Закупсбыта" - 22 тыс. руб.³¹⁵

Милиционеры часто привлекались к выполнению поручений медицинского или санитарного характера. В соответствии с приказом от 17 декабря 1918 г. по Тюменской уездной милиции в Томск на десять суток был командирован милиционер. Он должен был сопровождать Ф. Евдокимову, укушенную бешеной собакой. Приказом Тобольского губернского комиссара по врачебно-санитарному отделению от 28 декабря 1918 г. милиции было вменено в обязанность доставлять душевнобольных в окружную лечебницу в Томск. В июле 1919 г. управляющий Приморской областью дал предписание чинам милиции по порядку отправки умалишенных, задерживаемых милицией или доставленных частными лицами, в Никольск-Уссурийскую областную психиатрическую лечебницу. Среди мероприятий санитарного характера можно назвать следующее. В июне 1919 г. рабочие-собаколовы в Новониколаевске отказались ловить бездомных собак без сопровождения милиционеров, так как были частыми ссоры с населением³¹⁶.

Милиция выполняла поручения, связанные с деятельностью культурно-просветительных учреждений. Во Владивостокской городской милиции с 1 января 1919 г. был даже организован театральный стол, так как была упразднена должность театрального контролера. Милиционеры должны были проверять при входе в театр билеты и наличие на них специальной отметки. Ответственность была возложена на помощника начальника милиции Дзенита. Обязанности милиции в театральном деле разъяснил в своем циркуляре от 21 февраля 1919 г. управляющий Алтайской губернией. Он отметил, что некоторые классные чины милиции требуют ставить спектакли и проводить другие увеселительные мероприятия с разрешения милиции. Управляющий губернией уведомил, что такого согласия не требуется и спектакль ставится в явочном порядке. Зато на милиционеров, напоминал он, возлагается пронумеровка билетов, надзор за правильной оплатой, сбор и регистрация афиш за 24 часа до спектакля, а также присутствие на самом спектакле. В августе 1919 г. департамент милиции своим циркуляром предупредил управляющих губерниями и областями об учатившемся проникновении "красных" в культурно-просветительные кружки и общества, которые вели там свою пропаганду³¹⁷.

Милиционеры следили даже за репертуаром ресторанных оркестров. В конце ноября 1918 г. начальник "Томской городской милиции приказал закрыть ресторан "Модерн" за исполнение его оркестром гимна "Боже, царя храни"³¹⁸.

В некоторой связи с предыдущими поручениями были и те, которые касались книг и их распространения. На милицию возлагалась обязанность рассылки антибольшевистской литературы и изъятия большевистских книг. Этот вопрос был в повестке дня заседания Верхотурской уездной комиссии по распространению противобольшевистской литературы от 27 июня 1919 г. 7 августа 1919 г. управляющий Енисейской губернией в соответствии с распоряжением департамента милиции предложил начальникам Красноярской городской и уездной милиции изъять из библиотек, книжных лавок, киосков и читален книги Раковского³¹⁹.

Чины милиции получали и такие поручения, которые иначе как анекдотическими не назовешь. В феврале 1919 г. начальник Петропавловской (на Камчатке) уездной милиции Закржевский подписал два приказа, о проверке толщины продаваемых китайскими и корейскими торговцами дров. Если дрова оказывались тонкими, то предполагалось наказание вплоть до закрытия магазинов. 22 марта начальник Екатеринбургской уездной милиции дал задание подчиненным проверить, было ли Гилевским сельским обществом пожертвовано на нужды армии 8 пудов хлеба и 20 руб. деньгами. В этом случае милиционеры исправляли путаницу, допущенную в бумагах. В мае городской голова Екатеринбурга попросил милицию помочь в работе городскому базарному смотрителю. Удивительное поручение в начале сентября получили милиционеры Владивостока. По приказу начальника городской милиции в каждом вагоне трамвая должно было находиться по одному милиционеру. Они должны были следить, чтобы в вагоне было не более 55 пассажиров³²⁰.

Следует отметить, что руководители милиции поднимали вопрос о ее "нецелевом" использовании. В январе 1919 г. на съезде уездных комиссаров Тобольской губернии тюменский уездный комиссар предложил снять с милиционеров поручение о разносе повесток по судебно-гражданским делам. Предложение было принято. В феврале 1919 г. была опубликована беседа сотрудника газеты "Земля и труд" с управляющим Курганским уездом М. В. Алексеевым. Среди прочих прозвучал вопрос о том, почему милиционеры не следят за выполнением обязательных постановлений городской думы. В ответ управляющий уездом высказал мнению о том, что "милиция

слишком обременена побочными помимо своих прямых обязанностей поручениями". Имелись в виду сбор недоимок, налогов, разноска повесток и т. д. Об этом М. В. Алексеев писал и управляющему губернией³²¹. Однако положение не изменилось, что, безусловно, сказалось на действенности милиции в борьбе с преступностью.

* * *

Самым многочисленным и наиболее приближенным к населению правоохранительным органом продолжала оставаться милиция. Осенью 1918 г. ее устройство было приведено в большее соответствие с царской полицией, чем с милицией Временного правительства. Речь идет о передаче милиции из подчинения органам местного самоуправления в ведение МВД. Был изменен порядок финансирования. Кредиты на ее содержание отпускались из государственного бюджета с последующим отнесением $\frac{1}{3}$ расходов на счет соответствующего органа местного самоуправления. Таким образом, была воссоздана сильная властная вертикаль в руководстве милицией, Это объяснялось как российскими традициями сверхцентрализованного управления, так и условиями гражданской войны и наличием во главе режима военачальника.

Нормативная база, организационная структура и штатное расписание сибирской милиции были заимствованы у полиции царской России с весьма незначительными изменениями. Они отражали реалии того времени. До сих пор спорным остается вопрос о численности милиции в "колчакии". Высказывались мнения о том, что ее было много, и о том, что мало. На наш взгляд, здесь следует сначала ответить на три вопроса. Первый - позволяла ли эта численность личного состава решить все служебные задачи? Второй - может быть, она была достаточной при соответствующем профессиональном уровне милиционеров? Третий - как влияло на деятельность милиции ее привлечение к исполнению не свойственных ей функций? Нам представляется возможным заявить, что численность милиции в условиях того периода была недостаточной.

Представляет большой научный и практический интерес кадровая политика властей в отношении личного состава милиции. Впервые, проводилась линия на департизацию и деполитизацию. Действительно, с одной стороны, сотрудники милиции оказались вне политических партий и политической деятельности. В планируемом Земском избирательном законе предполагалось даже огстра-

нить личный состав милиции от участия в выборах. С другой стороны, их активно привлекали к борьбе с большевиками. Руководство департамента милиции пошло на отказ от классового принципа при комплектовании милиции в пользу профессионализма и нравственных качеств. Это выгодно отличало сибирскую милицию от рабоче-крестьянской милиции Советской России. Однако в этой связи следует отметить запрет служить в милиции на территории "колчакии" лицам, поддерживавшим советскую власть.

При комплектовании милиции предпочтение отдавалось лицам, ранее служившим в полиции. Руководство МВД пыталось, с переменным успехом, отзывать к себе на службу этих людей даже из действующей армии. Определенный кадровый резерв представляли беженцы из центральных губерний России, затем с Поволжья и Урала.

Департамент милиции был обеспокоен качеством начальствующего состава милиции. По имеющимся у нас данным, большая часть начальников городской и уездной милиции имели не очень высокий образовательный уровень. Незначительным было количество руководителей этого ранга, имевших юридическое образование. Положение спасало наличие у большинства многолетнего опыта полицейской службы. Реалии гражданской войны отражал и высокий процент среди начальников милиции офицеров. Характерной чертой была и высокая текучесть кадров начальников. Ошибки в подборе начальников милиции обусловили эти негативные факторы. Вместе с тем были и талантливые руководители, например, В. С. Коротков в Красноярске и Р. А. фон Арнольд в Харбине.

Одной из самых серьезных проблем было финансирование милиции. Денежное содержание личного состава было столь незначительным, что большая часть его находилась на грани нищеты. Такая ситуация приводила к увольнениям, иногда даже групповым. Правительство пыталось повысить размеры денежного содержания, а также устанавливала различные выплаты и льготы. На наш взгляд, даже в условиях гражданской войны компенсацию семье милиционера в случае его гибели в размере, не превышающем половину годового содержания, можно назвать не только мизерной, но и издевательской.

Одна из причин столь бедственного положения заключалась в том, что городское и земское самоуправление оказалось не в состоянии покрывать V_3 стоимости содержания милиции, что предусматривало "Временное положение о сибирской милиции".

Пытаясь мобилизовать средства, власти прибегали к разным способам, иногда даже противоправным. Смягчить ситуацию было

призвано постановление Совета министров от 9 апреля 1919 г. В соответствии с ним в милиции могли учреждаться должности, содержащиеся на частные средства. Однако большого распространения эта практика не получила.

Значительной проблемой для департамента милиции стало вооружение личного состава. В условиях войны, когда все оружие шло на фронт, это было непросто. В этой связи МВД договорилось с военным министерством о передаче милиции половины изъятого у населения оружия. Стоит ли говорить о количестве и, главное, качестве такого оружия.

В критическом состоянии находилась служба экспертов. После разгрома музея и кабинетов криминалистики в Москве и Петрограде было негде проводить столь нужные экспертизы. В этой связи министерство внутренних дел пыталось воссоздать подобные музеи, а также реализовать идею о специальных судебных врачах.

Сбор оперативной информации, в том числе и негласным способом через осведомителей, продолжал оставаться надежным методом раскрытия преступлений. С этой целью в партизанские и повстанческие организации внедрялись агенты, устраивались провокации. Примечательно, что информация собиралась и о незаконных действиях самой милиции. Но даже агентурной сети коснулось безденежье. Месяцами начальники милиции городов и уездов не получали средств на содержание агентуры, что негативно сказывалось на своевременном получении информации.

Явно недостаточный размер денежного содержания, служба в условиях гражданской войны не могли не сказаться на уровне профессионализма личного состава милиции. С одной стороны, низкий уровень подготовки обусловил проведение милицией процессуальных действий без соответствующих документов, выразился в неумелом задержании, проведении обыска помещений и личного досмотра, во владении оружием. С другой стороны, недостаточная правовая подготовка привела к тому, что чины милиции часто и охотно прибегали к насилию против граждан.

В феврале 1919 г. правительство предприняло попытку повысить эффективность деятельности милиции, приняв решение о создании в каждой губернии и области отряда особого назначения. Власти рассматривали их не только как боевые подразделения, но и как резерв милиции и школу для подготовки ее сотрудников. Формирование отрядов столкнулось с известными трудностями: некомплект личного состава, недостаточное количество офицеров для назначения начальниками. Действия отрядов также отличал произвол.

В описываемый период совершались самые разнообразные преступления, о чем свидетельствует соответствующее приложение. Однако наибольшую опасность для режима после партизанско-повстанческого движения и действий подпольщиков имели экономические преступления. Они не только представляли большую общественную опасность, но и подрывали экономическую основу режима. В условиях войны это было губительно вдвойне. Среди такого рода преступлений следует назвать спекуляцию, взяточничество и фальшивомонетничество. Научная общественность верно определила причины спекуляции. Они заключались в неудовлетворительном состоянии транспорта, в разрухе промышленности, а также коренились в общественной психике. Противодействие спекуляции было бессистемным и непоследовательным. Заинтересованные стороны даже не смогли дать точное определение этому явлению, что негативно сказалось на создании соответствующих нормативных актов. В своем стремлении пресечь спекуляцию власти пошлись по проторенному отечественной бюрократией пути. Была создана специальная комиссия. Плодом ее работы была лишь инструкция по борьбе с посылочной спекуляцией. Образно говоря, "гора родила мышь".

Власти активно применяли административные меры. Большая группа спекулянтов была арестована. Часть из них была осуждена к тюремному заключению, а некоторые даже расстреляны. Большой общественный резонанс вызвало дело министра торговли и снабжения Н. С. Зефирова. Однако столь шумно начавшееся разоблачение гнезда спекуляции закончилось ничем.

Влиятельную оппозицию административным мерам по борьбе со спекуляцией власти встретили в лице торгово-промышленного сообщества. Его представители выступали за гибкую политику и предлагали правовые меры. Для начала они высказали пожелание о замене понятия "спекуляция" на понятие "злоупотребление в торговле".

В контексте борьбы со спекуляцией любопытно рассмотреть вопрос о причастности к ней членов кадетской партии, бывшей в то время в Сибири "партией власти". По мнению Н. Г. Думовой, они лично были бескорыстны, но дух алчности, корысти был характерен для всех белых правительств. Широкое распространение спекуляции и коррупции компрометировало белое движение в глазах самых широких слоев населения. В этом отношении большевистская элита Советской России, в массе своей, выгодно отличалась в лучшую сторону.

В известной степени производство фальшивых денежных знаков и других финансовых документов подрывало экономическое положение "колчакии". Фальшивомонетничество наряду с эмиссией наводняло рынок необеспеченной денежной массой, что крайне негативно сказывалось на экономике белой Сибири.

Среди других преступлений, на наш взгляд, следует назвать незаконный оборот наркотиков* вызванный растущей наркоманией. Эта проблема, ставшая в России в конце XX века общенациональной, имеет старые корни. Уже в начале минувшего века наркомания стала очевидной. Можно назвать три источника получения наркотических средств, существовавших на территории "колчакии". Это выращивание опийного мака, завоз кокаина из-за границы, главным образом, Китая и получение (похищение) из аптек.

Общественность предлагала следующие меры противодействия употреблению наркотиков: воспитывать население с целью его образумить, проверять подлинность рецептов на наркосодержащие лекарственные препараты; уговорить крестьян не сдавать землю под посевы мака, а выросшие растения - уничтожать. Уже тогда осуществлялось международное сотрудничество по борьбе с этим злом. Наконец, омские власти готовили проект закона о запрете макосеяния, продолжив тем самым политику императора Николая II.

При определении приоритетов в деятельности милиции правительство и министерство внутренних дел совершили, по нашему мнению, две стратегические ошибки. Первая заключалась в том, что до середины 1919 г. правоохранительные органы не видели существенной разницы между вооруженными выступлениями рабочих и крестьян и организованной преступностью. У властей не было понимания того, что повстанческо-партизанское движение имело много общего с преступностью, а нередко и было ее частью. Однако у них были разные причины, а главное, партизаны и подпольщики имели политические цели. Это непонимание дорого стоило режиму и во многом предопределило его судьбу. Надо было принимать социально-экономические, а не только полицейские меры, которые могли привести лишь к временным успехам³²².

Вторая ошибка являлась типичной для российской бюрократии. Речь идет о неистребимой тяге власти к администрированию. В условиях "колчакии" все или почти все было под контролем. В итоге милиция привлекалась к охране учреждений и высокопоставленных чиновников, решала вопросы государственной безопасности, прово-

дила мобилизацию в армию и искала дезертиров, содействовала сбору налогов и других платежей в казну, наблюдала за деятельностью общественных организаций, помогала установлению государственной винной монополии, осуществляла медицинский и санитарный контроль. Все это отрицательно сказалось на выполнении милицией своих функциональных обязанностей по защите жизни, телесной неприкосновенности, чести и достоинства, собственности сибиряков. Доминирование интересов государства над интересами граждан было очевидным. Это повлияло на настроение жителей региона и негативно сказалось на судьбе самого режима.

Примечания

- ¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 118. Л. 189.
- ² Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг., 1917. № 97. Ст. 537.
- ³ *Мальгин А. Я., Никитин А. Н.* Милиция белых правительств // Юрист. 1997. № 9. С. 49.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 5. Д. 55. Л. 102; Оп. 8. Д. 26. Л. 25.
- ⁵ *Гармиза В. В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 53.
- ⁶ *Никитин А. Н.* Милиция Российского правительства и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 42-43.
- ⁷ *Звягин С. П., Шиловский М. В.* Пепеляев Виктор Николаевич // История "белой" Сибири в лицах: Биогр. справочник / Сост. С. П. Звягин. СПб., 1996. С. 40.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 2а. Л. 260; Ф. 176. Оп. 2. Д. 48. Л. 74.
- ⁹ Правительственный вестник. 1919. 25 янв.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 49. Л. 191, 201; Д. 48. Л. 133; Иркутские губернские ведомости. 1919. 14 дек.; *Некрасова Л. В.* Органы власти восточной контрреволюции в период колчаковщины // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск, 1997. С. 104.
- ¹¹ Составлено по: Правительственный вестник. 1919. 18 июня; Алтайский вестник. 1919. 27 июня.
- ¹² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 2. Д. 10. Л. 26-27.
- ¹³ Сибирская речь. 1919. 22 янв., 1 марта; Алтайская мысль. 1919. 20 июля.
- ¹⁴ *Степанов М. М.* Кадры органов внутренних дел белых правительств // Следователь. 1998. № 8 (16). С. 56.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 3. Д. 76. Л. 15 об.
- ¹⁶ Голос Приморья. 1919. 5 февр.
- ¹⁷ Свободный край. 1919. 19 июля.
- ¹⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 7 июля 1919 г. № 8. Отдел 1. С. 30-31; Правительственный вестник. 1919. 3 сент.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 148. Оп. 3. Д. 225. Л. 63.
- ²⁰ *Журов Ю. В.* Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 56; Он же. Крестьянство Сибири в годы гражданской войны (1918-1920 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1975. С. 189-190; Он же. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 75; Он же. Сельское революционное подполье Сибири (1918-1919 гг.) // Социально-политическое развитие советской сибирской деревни: Сб. Новосибирск, 1989. С. 89.

- ²¹ Новый алтайский луч. 1919. 18 февр.; ЦХАФАК. Ф. 1061. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.
- ²² Эхо. 1919. 15 марта.
- ²³ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 12. Д. 3. Л. 62.
- ²⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 118. Л. 189; ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.
- ²⁸ Голос Родины. 1919. 13 сент.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 110. Л. 2.
- ²⁷ Утро Сибири. 1919. 14 мая.
- ²⁸ ГАКургуО. Ф. Р. 852. Оп. 1. Д. 1. Л. 61; Амурская жизнь. 1919. 29 авг.
- ²⁹ Уральская жизнь. 1919. 5 янв.
- ⁸⁰ Алтайский вестник. 1919. 31 мая.
- ³¹ *Папин Л. М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957. С. 88; *Россомахин.* Колчаковщина в Сибири (рукопись) // ЦДНИТюО. Ф. 1545. Оп. 1. Д. 66.
- ³² Освобождение России. 1919. 12 янв.
- ³³ Народная газета (Томск). 1919. 12 февр.
- ³⁴ ТФ ГАТюО. Ф. 722. Оп. 3. Д. 76. Л. 20; Оп. 1. Д. 145. Л. 13.
- ³⁵ *Никитин А. Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 42-43.
- ³⁶ Уссурийский край. 1919. 8 марта; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 27. Л. 37-38; Енисейский вестник. 1919. 4 марта.
- ³⁷ *Степанов М. М.* Кадры органов внутренних дел белых правительств // Следователь. 1998. № 8 (16). С. 56.
- ³⁸ Дальневосточное обозрение. 1919. 21 марта.
- ³⁹ *Молотов К. М.* Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть (обзор и анализ событий, материалов о нелегальной партийной работе). Саратов, 1921. С. 11; *Кадейкин В. А.* Большевицкое подполье среди рабочих Кемерово в годы гражданской войны // 50 лет городу Кемерову. Кемерово, 1968. С. 73.
- ⁴⁰ Правительственный вестник. 1919. 14 февр.
- " ГАРФ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 120. Л. 11-11 об.
- ⁴² Там же. Оп. 14. Д. 1. Л. 9.
- ⁴³ Алтайская мысль. 1919. 8 июля.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 5. Л. 242; Оп. 11. Д. 111. Л. 11.
- ⁴⁵ Вестник Тобольской губернии. 1919. 28 янв.; Атбасарская жизнь. 1919. 24 мая; Алтайский вестник. 1919. 4, 6 марта.
- ⁴⁶ Правительственный вестник. 1919. 13 февр. и 14 сент.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 11. Д. 111. Л. 11.
- ⁴⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1919 г. 7 июля. № 8. Отдел 1. С. 30-31; Правительственный вестник. 1919. 3 сент.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 9. Л. 15 об.
- ⁵⁰ Сибирская речь. 1919. 1 апр.; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 149. Л. 28 об.
- si ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 22. Л. 4.
- ⁵² Там же. Оп. 8. Д. 37. Л. 6.
- ⁵⁸ Новости Владивостока. 1919. 16 авг.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 30. Л. 18.
- ⁵⁵ Составлено по: Русская речь. 1919. 5 марта; Борьба за установление и упрощение Советской власти в Якутии. Ч. 2. Кн. 2. Разгром пепеляевской авантюры: Сб. докл. и мат-лов. Якутск, 1962. С. 299; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 37. Л. 2, 4-5; Ф. 149. Оп. 7. Д. 50. Л. 11 об.; Ф. 147. Оп. 2. Д. 36. Л. 2, 3 об.; *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). М., 1997. С. 206; ГАТО. Ф. Р.1362. Оп. 1. Д. 50.

- Л. 7. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 36. Л. 3 об.; Д. 30. Л. 3; Оп. 1. Д. 5. Л. 196-196 об.; Ф. 176. Оп. 2. Д. 47. Л. 39; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 149. Л. 56, 62, 68.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 5. Д. 55. Л. 51.
- ⁵⁷ Составлено по: Приамурская жизнь. 1918. 23 нояб.; Единство. 1919. 2 апр.; Уссурийский край. 1919. 10 июля; Свободное слово. 1919. 14 июня; Курганская свободная мысль. 1919. 18 июня; Ирбитские уездные ведомости. 1919. 16 мая; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 49. Л. 14; Отечественные ведомости. 1918. 31 дек.; Народная свобода. 1919. 20 мая; Канский вестник. 1919. 24 июня; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 47. Л. 37; Современная Пермь. 1919. 31 мая; ГАРФ, Ф. 176. Оп. 2. Д. 47. Л. 237; Русская речь. 1919. 6 июля; Амурская жизнь. 1919. 19 янв.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 49. Л. 58.
- ⁵⁸ Голос Приморья. 1919. 20 марта; Алтайская мысль. 1919. 12 апр.; Русское слово (Харбин). 1927. 2 авг.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 70. Л. 37, 39; Ф. 147. Оп. 2. Д. 30. Л. 3.
- ⁶⁰ Амурская жизнь. 1919. 19 янв.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 47. Л. 214; Якутские областные ведомости. 1919. 9 апр.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 30. Л. 22-22 об.
- ⁶² *Никитин А. Н.* Источники по истории гражданской войны в Сибири и их использование в советской исторической литературе: Дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992. С. 65.
- ⁶³ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 47. Л. 237; Ф. 147. Оп. 2. Д. 30. Л. 22-22 об.; *Папин Л. М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957. С. 88; *Бугаев Д. А.* На службе милицейской. Кн. 1. 1917-1925 гг. Ч. 1. Красноярск, 1993. С. 222; Простое слово. 1919. 10 окт.; Наша Заря. 1919. 17 июня; Забайкальская новь. 1918. 21 нояб.; ЦГИАРБ. Ф. Р.396. Оп. 3. Д. 1а. Л. 16 об.; Ирбитские уездные ведомости. 1919. 16 мая; ГАТО. Ф. Р.1362. Оп. 1. Д. 50. Л. 1; Забайкальская новь. 1919. 6 дек.; Голос сибиряка. 1919. 19 янв.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 5. Д. 55. Л. 51.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 877. Оп. 1. Д. 2. Л. 6-8.
- ⁶⁶ *Бугаев Д. А.* На службе милицейской. Кн. 1. 1917-1925 гг. Ч. 1. Красноярск, 1993. С. 222.
- ⁶⁷ Освобождение России. 1919. 12, 18 янв. ее ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 37. Л. 2, 4-5.
- ⁶⁹ Уссурийский край. 1919. 3 янв.; ГАКургуО. Ф. Р.1325. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.-2.
- ⁷⁰ Речь Алтая. 1919. 4 июля; Енисейский вестник. 1919. 22 янв.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 49. Л. 174.
- ⁷¹ Русская речь. 1919. 15, 27 апр.
- ⁷² Исторический архив. 1998. № 3. С. 83; Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896-1923 гг. / По поручению Правления Общества и под редакцией Специальной комиссии составил Агент Правления Общества Е. Х. Нилус. Харбин, 1923. С. 543-544.
- ⁷³ ГАРФ. Ф. 149. Оп. 7. Д. 50. Л. 5-7.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 147. Оп. 7. Д. 1а. Л. 53,
- ⁷⁵ Там же. Оп. 11. Д. 49. Л. 17-19.
- ⁷⁶ Якутские областные ведомости. 1919. 9 апр.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 87. Л. 9; Оп. 5. Д. 55. Л. 51.
- ⁷⁸ ТФ ГАТюО. Ф. 730. Оп. 2. Д. 10. Л. 26-27.
- ⁷⁹ ГАСО. Ф. Р. 1956. Оп. 1. Д. 58. Л. 2, 136.
- " ГАТО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 250. Л. 32-34; Сибирская жизнь. 1919. 12 дек.

⁸¹ Черняк М. Э. Хозяйственная жизнь сибирского города в годы гражданской войны (по материалам периодической печати) // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): М-лы Всерос. симпозиума, поев, памяти проф. И. М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 2. С. 41.

⁸² Степанов М. М. Органы внутренних дел белых правительств в период гражданской войны: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 60.

⁸³ ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 56. Л. 82-83.

в* ГАРФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 5. Л. 43 об.; ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 4. Л. 56.

⁸⁵ Уссурийский край. 1919. 29 янв.

ее ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 110. Л. 2.

⁸⁷ Уральская жизнь. 1919. 25 мая.

es ГАРФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 146. Л. 64; Никитин А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 37-38.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 5. Д. 55. Л. 250.

⁹⁰ Там же. Оп. 8. Д. 1а. Л. 56; Никитин А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 39.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 14. Д. 4. Л. 30-30 об.

⁹² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 118. Л. 189.

⁹³ Приамурье. 1918, 27 нояб.

⁹⁴ Сибирская речь. 1918. 6 дек.; Наше дело. 1918. 28 нояб.

⁹⁵ ГАСО. Ф. Р. 1956. Оп. 1. Д. 19. Л. 42; Приамурье. 1919. 16 окт.

⁹⁶ Енисейский вестник. 1919. 30 янв.

⁹⁷ ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 3. Д. 156. Л. 1, 3; Правительственный вестник. 1919. 26 авг.; Алтайская мысль. 1919. 21 авг.

⁹⁸ Дальневосточное обозрение. 1919. 8 июня.

⁹⁹ Алтайская мысль. 1919. 20 апр.

¹⁰⁰ Земля и труд. 1918. 18 дек.

Ю1 ГАРФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 144.

¹⁰² Там же. Оп. 2. Д. 53. Л. 13-13 об.; Сибирская жизнь. 1919. 16 апр.

¹⁰³ Уральская жизнь. 1919. 14 апр.

¹⁰⁴ Правительственный вестник. 1919!8 мая; Пермские губернские ведомости. 1919. 8 июня.

¹⁰⁵ Правительственный вестник. 1919. 28 мая.

¹⁰⁶ ГАКК. Ф. 1188. Оп. 2. Д. 177. Л. 10-44; ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 45. Л. 5-16.

ют ГАРФ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 119. Л. 11.

¹⁰⁸ ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 45. Л. 1 об., 25.

Ю9 ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 53. Л. 38.

¹¹⁰ Земля и труд. 1919. 9 февр.

¹¹¹ Правительственный вестник. 1919. 30 авг.

иг ГАРФ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 4а. Л. 7; Оп. 2. Д. 31. Л. 10.

¹¹³ Там же. Оп. 14. Д. 8. Л. 30, 34.

¹¹⁴ ЦХАФАК. Ф. П. 1061. Оп. 1. Д. 14. Л. 24-25.

¹¹⁵ Правительственный вестник. 1919. 29 июля.

¹¹⁶ Прибайкальская жизнь. 1919. 16 марта; Дальневосточное обозренш. 1919. 11 июня.

¹¹⁷ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 188. Л. 188.

¹¹⁸ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 49. Л. 55.

- ¹¹⁹ ГАТО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 3. Л. 7; ГАНО. Ф. П.5. Оп. 4. Д. 771. Л. 2.
- ¹²⁰ ГАРФ. ф. и 7. Оп. 2. Д. 42. Л. 45.
- ¹²¹ Там же. Оп. 11. Д. 111. Л. 21.
- ¹²² Там же. Оп. 7. Д. 1а. Л. 203-204.
- ¹²³ Голос Приморья. 1918. 20 нояб.
- ¹²⁴ Амурская жизнь. 1919. 26 янв.
- ¹²⁵ Заря. 1918. 11 дек.
- ¹²⁶ ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 61. Л. 47; Д. 66. Л. 48-49.
- ¹²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 70.
- ¹²⁸ Уссурийский край. 1919. 9 февр.
- ¹²⁹ Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1919 г. 22 мая. Отдел 1-й. С. 22-24.
- ¹³⁰ Уссурийский край. 1919. 3 сент.
- ¹³¹ Наша Заря. 1919. 21 авг.
- ¹³² Криминалистика / Под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. М., 1995. Т. 1. С.20-21.
- ¹³³ ГАРФ. ф. и 7. Оп. 11. Д. 112. Л. 15-15 об.
- ¹³⁴ Звено. 1918. 4 окт.
- ¹³⁵ ГАРФ. ф. П.596. Оп. 1. Д. 317. Л. 192; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 18. Л. 125; Ф. 149. Оп. 1. Д. 1. Л. 102-102 об.
- ¹³⁶ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1252. Л. 42-44.
- ¹³⁷ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 1497. Л. 5-18; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 2а. Л. 246.
- ¹³⁸ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1715. Л. 122.
- ¹³⁹ Эхо. 1919. 14 июня.
- ¹⁴⁰ ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 15. Л. 305.
- ¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 1476. Оп. 8. Д. 26. Л. 100-101.
- ¹⁴² ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 75. Л. 13; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 26. Л. 483.
- ¹⁴³ ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 4. Л. 81-82.
- ¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 3352. Оп.1. Д. 336. Л. 3 об., 1.
- ¹⁴⁵ Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин-Пекин, 1921. Т. 1. С. 17-18.
- ¹⁴⁶ ЦХИДНИКК. Ф. 42. Оп. 8. Д. 490. Л. 22-23; *Ступаков М. И.* За правое дело. Новосибирск, 1977. С. 91; *Шпарийчук М.* Кинжал // За власть Советов. Владивосток, 1957. С. 259.
- ¹⁴⁷ Очерки истории партийных организаций Кузбасса. Кемерово, 1973. С. 139.
- ¹⁴⁸ *Никитин А. Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 62.
- ¹⁴⁹ Свободная Сибирь. 1919. 11 янв.
- ¹⁵⁰ Цит. по кн.: *Бузаев Д. А.* На службе милицмейской. Кн. 1. 1917-1925 гг. Ч. 1. Красноярск, 1993. С. 221.
- ¹⁵¹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 18. Л. 81.
- ¹⁵² Там же. Оп. 11. Д. 18. Л. 54, 62.
- ¹⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 36. Л. 37; Енисейский вестник. 1919. 22 янв.; Вестник Томской губернии. 1919. 5 мая; Сибирская жизнь. 1919. 6 мая.
- ¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 149. Л. 23.
- ¹⁵⁵ Там же. Оп. 8. Д. 1а. Л. 56.
- ¹⁵⁶ Забайкальские областные ведомости. 1919. 1 июня; ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 5. Д. 8. Л. 24.
- ¹⁵⁷ Правительственный вестник. 1918. 29 дек.; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 6. Д. 3а. Л. 1-5. 158 ГАРФ. ф. 147. Оп. 2. Д. 37. Л. 21, 23-24; Ф. 1700. Оп. 5. Д. 8. Л. 33.

- ¹⁵⁹ Берлога А. Процесс колчаковского милиционера // Тихоокеанская звезда. 1927. 28-29 июля.
- ¹⁶⁰ Борцы за власть Советов. Томск, 1959. С. 38; Русская речь. 1919. 5 окт. lei ГАРФ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1. Л. 545-546.
- ¹⁶² Там же. Оп. 11. Д. 95. Л. 8; ГАПО. Ф. Р.746. Оп. 1. Д. 1. Л. 19-19 сб.
- ¹⁶³ Эхо. 1919. 8 марта. 22 мая.
- ¹⁶⁴ Плотицков И. Ф. В белогвардейском тылу. Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918-1919 гг.). Свердловск, 1978. С. 31.
- ¹⁶⁵ ПГКМ. Воспоминания О. П. Суховой. Л. 8.
- ¹⁸⁶ Эхо. 1919. 24 апр.
- ¹⁶⁷ Алтайская мысль. 1919. 7 июня.
- «В гАТюО. Ф. 722. Оп. 1. Д. 145. Л. 14.
- ¹⁶⁹ Шадринская народная газета. 1919. 3 июля; Алтайская мысль. 1919. 14 марта; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 19. Л. 25; Русская речь. 1919. 12 марта; Прибайкальская жизнь. 1919. 31 мая; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 122. Л. 289-289 об.
- ¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 28. Л. 13; Д. 18. Л. 52; Енисейский вестник. 1919. 14 мая.
- ¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 20. Л. 100-101.
- ¹⁷² Цит. по кн.: Гирченко В. П. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918-1920 гг.). Улан-Удэ. С. 59.
- ¹⁷³ Эхо. 1919. 12 марта.
- ¹⁷⁴ Буторин. А. М. Зиминское восстание (август 1919). Барнаул, 1960. С. 7.
- ¹⁷⁵ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 7. Д. 19. Л. 3-6.
- ¹⁷⁶ Правительственный вестник. 1919. 14 марта
- ¹⁷⁷ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 8. Л. 13.
- ¹⁷⁸ Наша мысль. 1919. 16 марта.
- ПС ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 15. Л. 1, 4, 7, 12.
- ¹⁸⁰ Амурская жизнь. 1919. 11 сент.; Русская армия. 1919. 6 июня; За Родiku. 1919. 6 июля; Забайкальская новь. 1919. 7 авг.
- ¹⁸¹ ЦДНИОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 381. Л. 1-2; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 113. Л. 1(3).
- ¹⁸² ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 8. Л. 14, Оп. 8. Д. 35. Л. 81; РГАСПИ. Арх*в редакционной коллегии "История гражданской войны". Ф. 6. Оп. 2. Папка 12. Д. 5. Л. 3; Иркутские губернские ведомости.
- ¹⁸³ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 11. Л. 14, 21.
- ¹⁸⁴ Агентские телеграммы Союза Усть-Амурских кооперативов. 1919. 12 июш.
- ¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 6. Л. 17-19.
- ¹⁸⁶ Забайкальская новь. 1919. 26 июля.
- ¹⁸⁷ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 6. Л. 3.
- ¹⁸⁸ Никитин А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и её роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 43.
- ¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 15. Л. 13.
- ¹⁹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 49. Л. 47; Д. 11. Л. 8, 13.
- ¹⁹¹ Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 22.
- ¹⁹² Там же. Оп. 1. Д. 139. Л. 83.
- ¹⁹³ Минусинский край. 1919. 21 июня.
- ¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 2. Д. 6. Л. 6, 29.
- ¹⁹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 29. Л. 26-26 об.; Оп. 2. Д. 36. Л. 27; Ф. 149. Оп. 8. Д. 16. Л. 1-68;
- ¹⁹⁶ Будберг А. Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 261.

- ¹⁹⁷ *Никитин А. Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 61.
- ¹⁹⁸ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 1. Л. 377-378.
- ^{198*} Эхо. 1919. 10 мая; Голос Приморья. 1918. 31 окт.; 1919. 11 мая; Свободный край. 1919. 24 сент.
- ²⁰⁰ Голос Приморья. 1919. 16 янв.; Наш путь. (Чита). 1919. 25 янв.; Русская речь. 1919. 16 окт.
- ²⁰¹ ЦХАФАК. Ф. П. 1061. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
- ²⁰² Эхо. 1919. 12 марта; Голос Родины. 1919. 16 сент.
- ²⁰³ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 9. Д. 5. Л. 24.
- ²⁰⁴ ЦХАФАК. Ф. П. 1061. Оп. 1. Д. 14. Л. 14; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 2а. Л. 45-46; Д. 18. Л. 25.
- ²⁰⁵ Голос Приморья. 1919. 3 мая.
- ²⁰⁶ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 23. Л. 25, 19, 41; Правительственный вестник. 1916. 23 июля; *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. С. 355.
- ²⁰⁷ Голос Приморья. 1919. 12 янв.; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 19. Л. 59-60; Д. 111. Л. 45; Д. 18. Л. 235; Оп. 2. Д. 37. Л. 84-84 об.
- ²¹⁸ Омск в дни Октября и установления Советской власти: Сб. Омск, 1947. С. 144.
- ²⁰⁸ ГАРФ. Ф. 1700. Д. 25. Л. 13; ГАТО. Ф. Р.1362. Оп. 1. Д. 247. Л. 70.
- ²¹⁰ Алтайская мысль. 1991. 16 июля; Цит. по ст.: *Филимонов А.* Большевики Иркутска и Красноярска в колчаковском подполье // Исторический журнал. 1938. № 12. С. 68.
- ²¹¹ Сибирская земская деревня. 1919. 3 февр.; Народная свобода. 1919. 28 янв.; Освобождение России. 1919. 4 апр.
- ²¹² ЦДНАОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 301. Л. 5; *Ullman R. H.* Anglo-Soviet Relation, 1917-1921. Vol. II. Britain and the Russian Civil War. Princeton, 1968. P. 206-207.
- ²¹³ Отечество. 1919. № 4; Голос Сибири. 1919. 12 февр.
- ²¹⁴ Восточный курьер. 1919. 2 авг.; *Коневский Ив.* Борьба со спекуляцией // Земля и труд. 1919. 19 марта.
- ²¹⁵ Сибирская жизнь. 1919. 8 февр.
- ²¹⁶ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Пекин-Харбин, 1921. С. 224-225; РФАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 193. Л. 38-70.
- ²¹⁷ *Luckett R.* The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War - L. & N.Y., 1971. P. 263.
- ²¹⁸ *Аносов.* Спекуляция и уголовный закон // Сибирская жизнь. 1919. 22 марта.
- ²¹⁹ Правительственный вестник. 1918. 14 дек.
- ²²⁰ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 110. Л. 1 об.
- ²²¹ Телеграммы "Народной газеты". 1919. 26 марта.
- ²²² Уссурийский край. 1919. 5 авг.
- ²²³ ГАЧО. Ф. Р.543. Оп. 1. Д. 129. Л. 8.
- ²²⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 111. Л. 25. 46, 38-39.
- ²²⁵ Народный вестник. 1919. 21 июля; Военные ведомости. 1919. 18 июня, Вестник Приуралья. 1.Э19. хэ марта; Эхо. гэгэ. в июня.
- ²²⁷ *Дмитриев Н. И.* Частное предпринимательство и проблема спекуляции в период белогвардейского правления: на материалах Сибири // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994. С. 126.
- ²²⁸ Свободная Сибирь. 1919. 20 июля.
- ²²⁹ Правительственный вестник. 1919. 28 мая; Эхо. 1919. 13 июня.

230 ГАРФ. Ф. 190. Оп. 6. Д. 18. Л. 13, 16; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем Сенате. 22 мая 1919. № 6. Отдел 1-й. С. 15-17.

²³¹ Уральская жизнь. 1919. 15 марта и 6 мая.

²³² Народный вестник. 1919. 15 сент.

²³³ *Никитин А. Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 66; Свободная Сибирь. 1919. 22 авг.

²³⁴ ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 34. Л. 2а; Ф. 391. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-2, 6 об.

²³⁵ Прибайкальская жизнь. 1919. 24 мая.

²³⁶ Слово. 1918. 17 дек.; ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 125. Л. 65, 54; Дальний Восток. 1919. 6 апр.; ГАТюО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 4. Л. 81; РГИА ДВ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 87. Л. 107; Приамурье. 1919. 4 нояб.; Голос Родины. 1919. 9 дек.

²³⁷ Заря народоправства. 1919. 19 мая; Эхо. 1919. 18 мая, 22 июня; Курганская свободная мысль. 1919. 14 мая; Сибирская жизнь. 1919. 6 сент.; Уральская жизнь. 1919. 11 мая; Свободное слово. 1919. 28 июня.

²³⁸ Наша деревня. 1919. 11 апр.; Алтайская мысль. 1919. 28 мая; Уральская жизнь. 1919. 27 мая; Сибирская речь. 1919. 29 мая; Алтайская мысль. 1919. 2 окт.; Иркутские губернские ведомости. 1919. 14 дек.; См. подробнее: *Дмитриев Н. И., Смирнов С. В.* Жертва общественного долга // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. № 8. Екатеринбург, 2000. С. 81; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 44а. Л. 149.

²³⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 193. Л. 48.

²⁴⁰ Курганская свободная мысль. 1919. 31 марта; Новый алтайский луч. 1919. 9 февр.; Алтайская мысль. 1919. 19 сент.

²⁴¹ *Виленский-Сибиряков В.* Царство Колчака (сибирская быль). М., 1931. С. 84; Наши дни. 1919. № 12.

²⁴² Народная газета (Шадринск). 1919. № 68, 72.

²⁴³ Амурская жизнь. 1918. 19 дек.

²⁴⁴ *Никитин А. Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 74, 66; *Treadgold D.* The Ideology of the White Movement // Russian Thought and Politics. Harvard Slavic Studies. Vol. IV. 1957. P. 483; *Хильдермайер М.* Цена победы: гражданская война и ее последствия // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 310.

²⁴⁵ *Думова Н. Г.* Трагедия русского либерализма // История политических партий России. М., 1994. С. 306.

²⁴⁶ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 12. Д. 29. Л. 269-272; Уральская жизнь. 1919. 3 янв.; Уссурийский край. 1919. 6 авг.; Свободная Сибирь. 1919. 9 сент.; Алтайская мысль. 1991. 25 сент.

²⁴⁷ Правительственный вестник. 1919. 17 янв.

²⁴⁸ Енисейский вестник. 1919. 15 окт.; Восточный курьер. 1919. 6 авг.; Правительственный вестник. 1919. 21 сент.

²⁴⁹ Эхо. 1919. 13 июня.

²⁵⁰ Вестник Томской губернии. 1919. 10 марта.

г." ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 18. Л. 121; Свободная Сибирь. 1919. 6 авг.; Алтайская мысль. 1919. 11 сент.

Х ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 112. Л. 18; Слово (Омск). 1919. 13 дек.

²⁵³ Правительственный вестник. 1919. 16 окт.

²⁵⁴ Амурская жизнь. 1919. 6 февр.

- ²⁵⁵ Амурская жизнь. 1918. 11 дек.; Русская речь. 1919. 31 окт.
- ²⁵⁶ Голос Приморья. 1919. 31 июля.
- ²⁵⁷ Устье Амура. 1919. 15 февр.; Амурский лиман. 1919. 15 февр.; Сибирская речь. 1919. 27 авг.
- ²⁵⁸ русская речь. 1919. 28 февр.
- ²⁵⁹ Правительственный вестник. 1919. 1 июня.
- ²⁶⁰ Земля и воля. 1919. 28 июня; Речь Алтая. 1919. 16 июня.
- ²⁶¹ ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 131. Л. 9.
- ²⁶² Заря. 1919. 8 февр.; Земля и труд. 1918. 16 дек.; Владивосток. 1919. 3 февр.; Русский Восток. 1919. 19 янв.
- ²⁶³ Наша газета. 1919. 3 окт.
- ²⁶⁴ ГАЧО. Ф. Р.1732. Оп. 1. Д. 55. Л. 58; Уссурийский край. 1919. 28 февр.
- ²⁶⁵ Камский. Сибирское действо. Пг., 1922. С.20-21.
- ²⁶⁶ Приамурье. 1918. 7 дек.
- ²⁶⁷ Забайкальская новь. 1919. 9 марта; Русская речь. 1919. 12 марта.
- ²⁶⁸ Жизнь Алтая. 1918. 13 дек.; Русская речь. 1919. 10 сент.
- ²⁶⁹ Амурская жизнь. 1918. 6, 19 дек.; Народная газета. 1919. 13 февр.; Прибайкальская жизнь. 1919. 8 мая.
- ²⁷⁰ Эхо. 1919. 14 июня.
- ²⁷¹ Устье Амура. 1919. 19 янв.; Сибирская речь. 1919. 11 марта; Уссурийский край. 1919. 14 авг.; Голос Приморья. 1919. 19 авг.; Эхо. 1919. 27 апр.; Русская речь. 1919. 11 сент.; Алтайская мысль. 1919. 17 сент.
- ²⁷² Забайкальская новь. 1919. 23, 29 марта; Русская армия. 1919. 1 авг.; Новости Владивостока. 1919. 3 сент.
- ²⁷³ русская речь. 1919. 15 июля.
- ²⁷⁴ Уральская жизнь. 1919. 30 янв.; Уссурийский край. 1919. 12 янв.
- ²⁷⁵ Голос Приморья. 1919. 13 февр.
- ²⁷⁶ Уссурийский край. 1919. 18 февр.
- ²⁷⁷ Там же. 19 июля. Низовье Амура. 1919. 28 авг.; Амурский лиман. 1919. 28 авг.
- ²⁷⁸ Амурский лиман. 1919. 12 янв., 31 янв.
- ²⁷⁹ Уссурийский край. 1919. 12 авг.
- ²⁸⁰ Эхо. 1919. 13 апр. и 7 мая
- ²⁸¹ Уссурийский край. 1919. 1 апр.; Военные ведомости. 1919. 4 апр.; Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае. 1917-1924 гг. М., 1997. С. 218.
- ²⁸² Забайкальская новь. 1919. 29 июня.
- ²⁸³ Сорокина Т. Н. Из истории борьбы с опиекурением на русском Дальнем Востоке в 1910-1915 гг. // Исторический ежегодник. 1996. Омск, 1996. С. 45-46.
- ²⁸⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 46. Л. 66; Ларьков Н. С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 62.
- ²⁸⁵ История Сибири. Т. 4. Л., 1968. С. 117.
- ²⁸⁶ См. Голинков Д. Л. Разгром очагов внутренней контрреволюции в Советской России // Вопросы истории. 1967. № 12. С. 136; ГАТЮО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 4. Л. 31, 115.
- ²⁸⁷ ГАЧО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
- ²⁸⁸ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 127. Л. 43.
- ²⁸⁹ Борьба за власть Советов в Омском Прииртышье (июнь 1918 - ноябрь 1919 гг.). Омск, 1989. С. 16; Наш путь (Чита). 1919. 20 июля; ЦХАФАК. Ф. П. 5876. Оп. 1. Д. 18. Л. 1-2.

- ²⁹⁰ Грэвс У. Американская авантюра в Сибири (1918-1920 гг.). М., 1932. С. 104.
- ²⁹¹ ГАРФ. ф. 1700. Оп. 5. Д. 8. Л. 34-35.
- ²⁹² Там же. Ф. 147. Оп. 11. Д. 2а. Л. 143; Оп. 1. Д. 19. Л. 196-197 об.
- ²⁹³ ГАСО. Ф. Р.1956. Оп. 1. Д. 58. Л. 151.
- ²⁹⁴ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 127. Л. 59.
- ²⁹⁵ Сенкевич А. Гражданская война на Дальнем Востоке // Борьба классов. 1936. № 6. С. 62.
- ²⁹⁶ ГАТюО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 4. Л. 64, 108.
- ²⁹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 110.
- ²⁹⁸ ГАТО. Ф. Р.1362. Оп. 1. Д. 56. Л. 66.
- ²⁹⁹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 14. Д. 4. Л- 19; Енисейский вестник. 1919. 3 окт.
- ⁸⁰⁰ Никитин А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 51.
- ³⁰¹ ЦХАФАК. Ф. П. 5876. Оп. 1. Д. 22. Л. 2; ГАПО. Ф. 746. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.
- ³⁰² НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 310. Л. 58; Наш путь (Чита). 1919. № 19; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 215. Л. 2-7.
- ³⁰³ ГАКО. Ф. Р.852. Оп. 1. Д. 53. Л. 4-4 об.
- ⁸⁰⁴ Кадейкин В. А. Гражданская война в Сибири // Историография Советской Сибири (1917-1945 гг.). Новосибирск, 1968. С. 62.
- ³⁰⁵ ГАОО. Ф. 715. Оп. 7. Д. 228. Л. 202; Рынков В. М. Экономическая политика контрреволюционных правительств (вторая половина 1918 - 1919 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. С. 13.
- ³⁰⁶ Цит. по кн.: Петров П. У. Установление Советской власти в Якутии. Якутск, 1957. С. 101; ГАПО. Ф. Р.746. Оп. 1. Д. 3. Л. 47.
- ³⁰⁷ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1726. Л. 1.
- ³⁰⁸ Русская речь. 1919. 31 мая.
- ³⁰⁹ ГАТюО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 105. Л. 186-187.
- ³¹⁰ Иркутские земские ведомости. 1919. 2 марта; Правительственный вестник. 1919. 18 июня.
- ³¹¹ См.: Никитин А. Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 46.
- ³¹² ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 46. Л. 186.
- ³¹³ Подсчитано по: Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии: Сб. док., м-лов. Свердловск, 1967. С. 276; НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 310. Л. 58.
- ³¹⁴ ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 4. Д. 768. Л. 67.
- ³¹⁵ ГАТюО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 4. Л. 24; ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 123. Л. 27, 31; Шадринская народная газета. 1919. 8 апр.
- ³¹⁶ ГАТюО. Ф. 722. Оп. 3. Д. 77. Л. 123; ГАТюО. Ф. 943. Оп. 1. Д. 4. Л. 107; Эхо. 1919. 8 июля; Русская речь. 1919. 11 июня.
- ³¹⁷ Голос Приморья. 1919. 4, 19 янв.; Новый алтайский луч. 1919. 25 февр.; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 59. Л. 49.
- ³¹⁸ Железнодорожник (Томск). 1918. 27 нояб.
- ³¹⁹ ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 123. Л. 81; ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 10а. Л. 291.
- ³²⁰ Камчатский вестник. 1919. 19 февр.; ГАСО. Ф. Р.1956. Оп. 1. Д. 58. Л. 38; Уральская жизнь. 1919. 8 мая; Новости Владивостока. 1919. 8 сент.
- ³²¹ Вестник Тобольской губернии. 1919. 28 янв.; Земля и труд. 1919. 8 февр.
- ³²² Никитин А. Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1992. С. 29-21.

Глава 5

ПРИВЛЕЧЕНИЕ АРМИИ И НАСЕЛЕНИЯ К НАВЕДЕНИЮ ПОРЯДКА В ТЫЛУ

5.1. Действия воинских частей

по подавлению антиправительственных выступлений

Надежным и инициативным проводником режима А. В. Колчака по наведению порядка в тылу выступила военщина. По мнению М. М. Степанова, в связи с тем, что чинов милиции не хватало, часть ее функций передавали другим правоохранительным органам и армии¹. На наш взгляд, это не исчерпывает тех причин привлечения армии к операциям в тылу. Здесь, во-первых, надо вспомнить, что милицию активно использовали для выполнения не свойственных ей задач. Во-вторых, размах антиправительственных выступлений был такой, что одна милиция с ними не справлялась.

В отечественной литературе достаточно подробно описываются действия сибирской армии на фронте. Значительно меньше публикаций, специально посвященных действиям военных карательных отрядов в тылу. Почти нет публикаций о том, как относились к их действиям сами офицеры, если, конечно, не считать таким свидетельством творимые под их командой расправы. В этой связи представляет определенный интерес письмо Верховному правителю офицера Владимира Голицына. Они встретились и беседовали во время одного из частых выездов А. В. Колчака на фронт. Побывав в родном селе, офицер посчитал нужным сообщить о том, что "здоровые элементы населения жадно ждут, когда же, наконец, произойдет в действиях правительства желанный перелом в сторону большей решимости и твердости мероприятий. Враги государственности и правопорядка вносят своё темное дело, сея смуту, недовольство и раздражение"².

Действительно, правление А. В. Колчака вызывало резкое недовольство населения. Антиправительственные выступления отличались широким размахом. Только за период с 1 января по 15 июня 1919 г. было зарегистрировано 85 вооруженных выступлений, причем наибольшее число - 14 - в Енисейской губернии³. По словам генерала А. И. Деникина, по Сибири пронеслась волна крестьянских восстаний⁴.

Подобный масштаб выступлений, вовлечение в них, по некоторым данным, до 150 тыс. повстанцев, географически сложный театр военных действий, отсутствие надежных коммуникаций, относительно небольшая численность милиции - все это резко снижало эффективность действий правоохранительных органов и обусловило привлечение к карательным операциям армейских частей. Для подавления восстания Мамонтова на Алтае осенью 1919 г. было привлечено около 18 тыс. штыков и сабель, 18 орудий и 100 пулеметов. На Алтай были переброшены 43-й Омский и 46-й Томский стрелковые полки, казачий полк "Голубых улан" и полк "Черных гусар". Руководил действиями генерал Евтин⁵. Более 15 тыс. солдат и офицеров во главе с генералом Поповым действовали летом 1919 г. против партизанской армии П. Е. Щетинкина и А. Д. Кравченко⁶.

Необходимо отметить, что для карательных действий привлекались не просто регулярные армейские части, а наиболее подготовленные из них. Весной и летом 1919 г. на Тасеевском фронте против партизан в Енисейской губернии действовал не только 1-й Оренбургский казачий полк, но и 1-й и 2-й Ставропольские полки, снятые с фронта. К боям против партизан была привлечена, по мнению командующего 5-й Красной армией Г. Х. Эйхе, самая надежная и боеспособная воинская часть армии А. В. Колчака - егерская бригада полковника Красильникова.

Более того, 17 мая 1919 г. Верховному правителю был доложен план формирования воинских соединений для борьбы с партизанами. По приказу начальника штаба Иркутского военного округа, началось формирование двух дивизий специально для борьбы с партизанами. Одну из них предполагалось сформировать в Красноярске на базе 8-й Сибирской стрелковой дивизии в составе 29, 30 и 32-го стрелковых полков, егерского батальона, артиллерийского и инженерного дивизионов. Другая дивизия формировалась в самом Иркутске из частей 14-й Сибирской стрелковой дивизии и включала 53, 54, 55 и 56-й стрелковые полки, егерский батальон, артиллерийский и инженерный дивизионы⁷.

Для упорядочения участия военных в карательных акциях Омское правительство приняло несколько нормативных актов. Так, командующим военными округами было предоставлено право объявлять ту или иную местность на военном положении. В итоге такой правовой режим устанавливался не только в прифронтовой полосе, но и в районах повстанческих движений. Постановлением Совета министров от 1 февраля 1919 г., утвержденным Верховным прави-

телем А. В. Колчаком, командующим армиями в Сибири и на Дальнем Востоке было предоставлено право карать виновных вплоть до смертной казни "для обеспечения общей безопасности"⁸.

Сохранились документы, которые дают представление о личной позиции адмирала А. В. Колчака в отношении полномочий военных. В одном из своих приказов генералу С. Н. Розанову адмирал потребовал покончить с енисейским восстанием, не останавливаясь "перед самыми строгими, даже жестокими мерами в отношении не только восставших, но и населения, поддерживающего их"⁹. С другой стороны, Верховный правитель и Верховный Главнокомандующий адмирал А. В. Колчак в своем приказе от 6 мая 1919 г. предупреждал о том, что "никакие самовольные действия отдельных лиц недопустимы. Начальникам и всем офицерам надлежит быть первыми в исполнении своих обязанностей и примером законных и справедливых отношений к населению и твердо и настойчиво требовать того же от своих подчиненных"¹⁰.

На наш взгляд, буква и дух данного приказа делали этот документ своего рода карт-бланшем для военных и в определенной степени развязывали им руки в действиях по подавлению антиправительственных выступлений. Правительственные постановления и приказы Верховного правителя дополнялись и конкретизировались приказами самих военачальников. В частности, в приказе № 564 от 30 сентября 1919 г. генерал-майор А. Ф. Матковский распорядился устраивать "подробные" обыски в каждой деревне в районе восстания, а всех захваченных с оружием в руках - расстреливать на месте. Генерал приказал арестовывать по показанию местных жителей всех агитаторов, членов совдепов, помогавших восстанию. Ненадежный и порочный элемент надлежало высылать в Березово и Нерчинск. Местные власти, не оказавшие должного сопротивления бандитам, исполнявшие их распоряжения и не принявшие все меры к ликвидации красных своими силами, приказывал генерал, предавать военно-полевому суду с наказанием до смертной казни.

При подробном рассмотрении таких распоряжений и приказов обращает на себя внимание неконкретность формулировок, отсутствие исчерпывающих признаков того или иного деяния. Такие нормативные документы не объясняли, какие преступления подпадали под высшую меру наказания - смертную казнь. Из их текста невозможно было понять, кто имеется в виду под "порочным и ненадежным элементом", какая информация может быть квалифицирована как "сеющая в умах тревогу". Весьма сомнительным правовым дей-

ствием был арест по показанию местных жителей лиц, подозреваемых в антиправительственной агитации и действиях. Имелись случаи, когда под этим предлогом односельчане сводили счеты или преследовали корыстные цели.

Невысокая юридическая подготовка документов делала возможным их вольное толкование. Пользуясь своим правом, командующий Омским военным округом генерал-майор А. Ф. Матковский уже 21 сентября 1919 г. объявил Кузнецкий, Мариинский уезды Томской губернии районами боевых действий¹¹, хотя Красная армия была еще далеко. Это свидетельствовало о размахе антиправительственных выступлений. Вольное толкование распоряжений было характерно для многих военнослужащих и отмечалось повсеместно. Один из очевидцев армейского произвола - полковник В. Самборский писал: "...крестьяне непрерывно жаловались на офицеров, которые незаконно реквизировали, т. е. грабили, у них подводы, зерно, сено и прочее. Защиты у деревни не было никакой. Достаточно было армии пробыть 2—3 недели в занятой местности, как население проклинали всех... В сущности никакого гражданского управления в занятых областях не было... Людей расстреливали и расстреливали"¹².

Приказ 23 апреля 1919 г. начальника гарнизона Кустаная подполковника Томашевского дает представление и об уровне общей культуры этого офицера. Он предлагал сечь женщин - участниц восстания. "Более чем уверен, - писал подполковник, - что это домашнее средство произведет надлежащее воздействие на эту слабую среду, которая по праву своего назначения исключительно займется горшками, кухней и воспитанием детей будущего, а не политикой, абсолютно чуждой ее пониманию"¹³.

Нередко участники карательных акций даже поощрялись. После подавления 26-27 декабря 1918 г. восстания в Бодайбо штабс-капитан Жуков был произведен в подполковники и назначен начальником Бодайбинского гарнизона. Один из участников подавления кольчугинского восстания в апреле 1919 г. начальник сапёрной команды 52-го Сибирского стрелкового полка поручик Смолянников доложил командиру своего полка о том, что за ликвидацию мятежа в Кузнецком уезде начальник гарнизона Кузнецка представил его к очередной награде. Генералом С. Н. Розановым был подписан приказ с благодарностью начальникам, офицерам, стрелкам и казакам за "отлично выполненную боевую работу" при подавлении антиправительственных выступлений летом 1919 г. в Енисейской губернии¹⁴.

Военные предпринимали попытки привлечь население к борьбе с партизанами. Причем язык таких документов был очень суровым. Начальник 4-го военного района Нерчинского завода (Забайкальская область) 7 октября 1919 г. обратился к атаманам и старостам с приказом. Офицер требовал, чтобы в населенных пунктах не было ни одного постороннего без надлежащего документа. Крестьяне были обязаны следить за теми из односельчан, у кого были близкие в рядах красных. Тех, кто помогает красным, офицер требовал доставлять к нему, а заведомых большевиков расстреливать на месте. Наконец, в каждом поселке следовало завести тайную агентуру и вести разведку¹⁵.

Исполнение этого и других приказов командиры строго контролировали. Командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда 13 марта 1919 г. распорядился подавить самыми жестокими мерами взбунтовавшихся в Тюмени мобилизованных. При этом генерал приказал доносить ему об исполнении и числе расстрелянных¹⁶.

Местные военные власти активно участвовали в обеспечении порядка на подведомственных территориях. По приказу начальника гарнизона Барнаула от 5 июля 1919 г. были запрещены все митинги, собрания и сборища, численностью более пяти человек. В противном случае собравшиеся "рассеивались" при помощи вооруженной силы. Начальник гарнизона Новониколаевска 12 ноября 1918 г. запретил не только митинги, уличные выступления, манифестации, но и предусмотрел расстрел за противоправительственную агитацию и военно-полевой суд за расклею листовок. Начальник гарнизона обратился к жителям города с предложением сообщать ему о всех случаях антиколчаковских выступлений. Во Владивостоке по распоряжению местных военных властей было арестовано 14 профсоюзных активистов¹⁷.

Для обеспечения безопасности командующий Южной группой войск Сибирской армии генерал-лейтенант Г. А. Вержбицкий 16 июля 1919 г. приказал всем жителям Шадринска в трехдневный срок сдать оружие. За невыполнение данного требования виновному грозило тюремное заключение сроком на три месяца или штраф в размере 3 тыс. руб. В этом же городе военные власти запретили распространение всяких воззваний, "сеющих в умах тревогу", а также появление на улицах в пьяном виде¹⁸.

Представляется уместным отметить, что некоторые генералы понимали противоправность того, что они делали, и желали каким-либо образом оправдаться не только перед современниками. Генерал-майор А. Н. Гришин-Алмазов в одном из своих приказов писал: "Каждый военный начальник должен помнить, что на театре

войны все средства, ведущие к цели, одинаково хороши и законны и что победителей вообще не судят ни любящие родную землю, ни современники, ни благоразумные потомки"¹⁹. Здесь уместны две реплики. Во-первых, генерал отчетливо понимал то, что его есть за что судить. Во-вторых, вновь повторилась извечная истина о допустимости "предосудительного" при достижении какой-либо цели, пусть даже самой благородной.

Местные власти пытались привлечь военных не только для решения вопросов политической безопасности или борьбы с антиобщественными проявлениями. К помощи солдат гражданские власти прибегали даже при решении трудовых конфликтов. Когда в июне 1919 г. в Черемхово забастовало около 10 тыс. шахтеров, то начальник местного гарнизона полковник Богатнау и начальник чешского гарнизона старший капитан Бенда объявили город на военном положении. Комендантский час был введен 16 января 1919 г. на станции Тайга, когда здесь возникла угроза забастовки. Против забастовщиков принимались и другие меры. По приказу генерала Алексеева все прекратившие работу железнодорожники в возрасте от 18 до 35 лет были мобилизованы в армию, а уклонившиеся были преданы военно-полевому суду²⁰.

Произвол в действиях военных простирался и на представителей союзных армий. Во Владивостоке полковник Шарапов убил американского солдата. Это стало предметом судебного разбирательства. В своем выступлении защитник В. П. Дукельский говорил о заносчивом характере убитого и глубоком оскорблении, нанесенном им российскому офицеру, которое тот не мог снести молча. Весьма показательной была речь прокурора. Он заявил о том, что по букве закона Шарапов должен быть осужден на смертную казнь, но может быть и помилован. Подсудимый, по мнению обвинителя, знал, что американский солдат подстрекает, но не знал, что тот был пьян. После недолгого совещания суд вынес Шарапову оправдательный приговор, который был встречен рукоплесканием публики, наполнившей зал²¹. По нашему мнению, здесь можно говорить о принятии судом не юридического, а политического решения.

Даже увещевания высокопоставленных омских чиновников о недопустимости произвола не могли образумить военных. Управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г. К. Гинс описал в своих мемуарах разговор с неким офицером. Член правительства говорил ему о вреде распространившегося мордобоя, а тот заявил, что "приказ - приказом, Колчак — Колчаком, а морда — мордой"²².

И дело тут даже не в выборе выражений, а в демонстрации убеждений, которые имели немало сторонников.

Было бы неверно считать, что произвол, чинимый военными, был делом одиночек. Находясь в составе своих частей и под командованием офицера, солдаты зачастую вели себя также безобразно. 21 августа 1919 г. на пароходе "Бурят" из Иркутска в район Братска - Илимска по Ангаре двигался отряд капитана Белоголового в составе 20 офицеров и 543 солдат. Как доносил из Балаганска управляющий Енисейской губернией, эти солдаты в Балаганске "пьяные, растерзанные врываются в дома, требовали водку и девочек, насильничали и убивали". Совсем иначе вели себя эти же солдаты в бою. Здесь уместно привести свидетельство полковника Крутского, посланного штабом Иркутского военного округа для координации действий правительственных войск. В частном письме начальнику 14-й Сибирской дивизии офицер сообщал: "...сейчас следую на пароходе "Бурят" с отрядом на Братск. Две роты не отходят, а бегут по берегу, с парохода прикрывают их огнём. Люди какие-то уставшие... и совершенно потерявшие дух. Застава при появлении 2-х—3-х красных... бежит и всё бросает, паника передаётся на роты, и они по принуждению и угрозе расстрелом из своего пулемёта залегают за буграми и стреляют в небо"²³. Невысокого мнения о действиях военных отрядов был управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий. В своем отчете за период с 15 июня по 1 августа 1919 г. он сообщал в Омск о том, что "правительственные отряды, наступая на красных, не уничтожали их, а лишь разгоняли, а иногда и сами терпели поражение"²⁴.

О том, что военные карательные отряды действовали не только против повстанцев, но и против мирных жителей, было широко известно. Об этом свидетельствует доклад управляющего Акмолинской областью в МВД. В этом документе от 30 июля 1919 г. сообщается о том, что "начальники воинских частей, призванных гражданской властью для оказания помощи водворению порядка и подавления восстания, почти всегда не понимают своих прав и обязанностей, т. е. приступая к выполнению своей задачи, начальники военных отрядов совершенно не считаются с гражданскими властями и забывают закономерность и чувство справедливости; так из имеющихся в моем распоряжении рапортов с мест начальников милиции и из личных наблюдений моих и моего помощника во время объезда области бывали примеры, когда военные отряды, придя в какое-нибудь село к не встретив сопротивления, все же чуть не поголовно поролли всех проживающих, производили всякого рода незаконные реквизиции и даже конфискации, угоняли скот, а иногда брали деньги"²⁵.

Подводя итоги операции по подавлению восстания в Степном Баяджее, управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий писал в МВД 11 июля 1919 г. о том, что военные "перехватили через край" и породили неблагоприятное отношение к власти²⁶. О масштабах человеческих жертв и материальном ущербе, который наносили военные карательные отряды, свидетельствуют следующие данные. По некоторым данным, только в Енисейской губернии в соответствии с приказами генерала С. Н. Розанова было расстреляно около 10 тыс. человек, разграблено и сожжено 12 тыс. крестьянских хозяйств²⁷. По мнению гражданских властей, некоторые из таких воинских отрядов вели себя как на оккупированной территории²⁸.

Существовала практика совместных действий милиции с воинскими частями. Бегишевская волостная земская управа просила тобольского уездного комиссара прислать 8 декабря 1918 г. дополнительные воинские отряды. Милиция совершенно бессильна в сборе податей и в контроле выполнения повинностей. Настоятельно просил прислать отряд из 200 человек с пулеметами и гранатами в апреле 1919 г. начальник 10-го участка милиции Томского уезда. В противном случае, писал он, восстание захватит несколько волостей²⁹.

Однако совместные действия воинских отрядов и милиции не только не сбили волну антиправительственных выступлений, но и породили новые проблемы. Речь идет о том, что партнерство было неравным, и военные далеко не всегда действовали в рамках законности даже по отношению к чинам милиции. Штаб-ротмистр Замятин вмешался в распоряжение начальника милиции 4-го участка Щегловского уезда и освободил участников Кольчугинского восстания³⁰. В Семипалатинске казаками атамана Анненкова без ведома управляющего Алтайской губернией были арестованы три начальника участков милиции³¹.

Не всегда считались военные не только с юридическими нормами, но и просто со здравым смыслом. Об этом свидетельствует письмо начальника гарнизона Судженских копей прапорщика Шевелина в Томск от 3 декабря 1918 г. В письме офицер сообщает о том, что штабс-капитан Орлов, убывая с карательным отрядом из района каменноугольных копей, потребовал вернуть 18 трехлинейных винтовок и 1000 патронов, которые он выдал ранее местной милиции. Начальник милиции беспокоился, что милиция копей в таком случае может остаться безоружной перед партизанами³².

Такое поведение военных вызывало у общественности, как ни странно, неоднозначную реакцию. Один из авторов газеты "Барабин-

екая степь" пытался совестить повстанцев: "Если бы вы жили спокойно, не слушались большевиков, то победа была бы за нами... Ведь на вас брошено три батальона отборных солдат-егерей и лучшие батальоны легионеров, а эти войска нужны там, на фронте"³³. Остается только удивляться логике автора, который ставит интересы победы А. В. Колчака на фронте выше тех конкретных местных проблем, которые пытались решить своими силами крестьяне. А ведь именно за интересы сибиряков сражалась с красными Сибирская армия.

Некоторые журналисты шли еще дальше. "Маг и чародей современной государственности", как называли тогда редактора газеты "Сибирская речь" конституционного демократа В. А. Жардецкого, считал, что на места губернских и уездных начальников следует назначать только "военную интеллигенцию"³⁴. В прессе активно обсуждался вопрос о соподчиненности гражданской и военной властей. В частности, предлагалось подчинить командующего Сибирской армией начальнику военно-административного управления. Ему же должны были быть подчинены гражданские губернаторы, начальники уездов, городские головы. Данное предложение получило одобрение в газете "Отечественные ведомости" и поддержку с оговорками в газете "Наш Урал"³⁵.

Было немало заклинаний общего характера о необходимости согласия между военной и гражданской властью. В частности, Верховный правитель, министр внутренних дел и временно исполняющий дела военного министра в начале января 1919 г. направили губернским (областным) комиссарам и военным начальникам циркулярное письмо, в котором потребовали от названных должностных лиц действовать в полном согласии между собой в целях охраны государственного порядка. Об этом говорил в беседе с корреспондентами в апреле 1919 г. и министр внутренних дел А. Н. Гаттенбергер³⁶.

Однако иная точка зрения имела больше сторонников. Ее приверженцами были управляющий делами Верховного правителя Г. К. Гинс, управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин. Они считали, что сибирская власть является чисто военной диктатурой, а гражданская власть находится в полной зависимости от военщины. Они вполне обоснованно считали, что А. В. Колчак из-за ненависти к "керенщине" допустил излишнюю "военщину"³⁷.

Многие должностные лица и органы управления склонялись к тому, чтобы военные подчинялись гражданской власти. Совещание управляющих уездами Алтайской губернии мотивировало это тем, что военные отряды подрывают основы правопорядка, ибо "сами

много решают тут же и без закона". На подобном совещании в Томске его участники предложили министру внутренних дел иметь некий запас милиционеров, чтобы впредь не прибегать к содействию воинских частей. Незаконные действия карательных отрядов роняли, по мнению участников 4-й чрезвычайной сессии Тобольского уездного земского собрания, престиж власти. Собрание постановило самым решительным образом протестовать против подобных действий и решило донести свое мнение до омских властей³⁸. Подобные настроения разделял и сам руководитель МВД. 31 декабря 1918 г. он направил циркулярное письмо управляющим губерниями и областями, а также военному ведомству. В нем А. Н. Гаттенбергер призывал к осмотрительности при пользовании военным положением, ибо нарушитель теряет престиж власти, и это, по мнению министра, выгодно врагам порядка. Следует, продолжал министр, сначала исчерпать все предупредительные меры и только потом применять силу, не впадая в ошибки. Министр требовал руководствоваться законами, хотя они и кажутся снисходительными или слишком суровыми. В каждом противоправном случае, указывал он, гражданская и военная власти должны вместе предпринять все необходимые меры. Наконец, по мнению А. Н. Гаттенбергера, военачальники не должны были вмешиваться в дела гражданской власти³⁹.

Этот циркулярное письмо не было случайным. Как считал Г. К. Гинс, министр внутренних дел видел, что влияние военных кругов на политику и всю жизнь в "колчакии" становилось все больше. Он боролся против этого все возрастающего влияния. Но, однако, "сам терял престиж, — как считал Г. К. Гинс, — ввиду неважных своих отношений как с военным министром, так и со ставкою и самим адмиралом". Из-за натянутых отношений с военным министром генералом-майором Н. А. Степановым, как считает Г. К. Гинс, А. Н. Гаттенбергер ушел в отставку⁴⁰. Пост министра внутренних дел занял В. Н. Пепеляев, который был не только братом генерала А. Н. Пепеляева, но и сам, как полагают тогда многие, был ставленником военных кругов.

С уходом А. Н. Гаттенбергера несколько ослабли и позиции председателя Совета министров П. В. Вологодского, который тоже высказывался за сосредоточение всей полноты власти в руках гражданского правления. Он справедливо отмечал, что страна управляется эксцессами, которые не могут быть терпимыми, так как они деморализуют население и подрывают доверие к правительству⁴¹. Есть данные, что председатель правительства не скрывал свою позицию

от Верховного правителя. В одном из своих последних разговоров по прямому проводу с адмиралом П. В. Вологодский заявил: "Все слои населения до самых умеренных возмущены произволом, царящим во всех областях жизни, и бессилием правительства положить конец своеволию отдельных военных начальников". Председатель правительства прямо заявил адмиралу о бессилии управления в "колчакии"⁴². Символично, что П. В. Вологодского на его посту сменил 23 ноября 1919 г. тот же В. Н. Пепеляев.

8 декабря 1919 г. заместитель председателя Совета министров и министр иностранных дел С. Н. Третьяков на заседании Государственного экономического совещания в Иркутске признал: "...совмещение гражданской и военной властей производит хаос. Мы должны заявить, что в вопросах гражданского правления страной власть военная да подчинится власти гражданской. Только тогда можно найти выход из тяжелого положения"⁴³.

Что касается самого Верховного правителя и его позиции, то, как рассказывал американскому генералу В. Грэвсу управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин, А. В. Колчак обещал уничтожить царство военного террора. Это говорит о том, что он не только знал об ужасных жестокостях, совершаемых его подчиненными. Обещая прекратить их в дальнейшем, по-видимому, как считал, В. Грэвс, А. В. Колчак не мог не допускать их, в то время как обладал всей полнотой власти. У американского генерала, как явствует из его воспоминаний, не было ни одного доказательства того, что А. В. Колчак прилагал какие-либо видимые усилия для изменения обстановки⁴⁴.

Не было доказательств такого рода и у человека более сведущего, чем иностранный генерал. Социалист-революционер, член Учредительного собрания Е. Е. Колосов в годы гражданской войны был одним из руководителей земства в Енисейской губернии. В 1923 г. вышла его книга о колчаковском режиме⁴⁵. По поводу выхода этой книги зарубежный эсеровский журнал писал так: "...все разговоры о том, что белый адмирал будто бы обладал глубоким государственным умом, был неподкупным стражем закона, прогрессивно настроенным другом народа, а главное, врагом атаманщины и зверских репрессий, от которых тогда стонала вся Сибирь, Колосов считает определённо легендами"⁴⁶. Его оценка в определенной мере является свидетельством того влияния, которое оказывала на адмирала "военная партия". Кроме этого, как мы уже могли убедиться, участия военных в "усмирении" жителей Сибири и Дальнего Востока требовали и сами обстоятельства.

Активная позиция военных во внутренних делах "колчакии" имела негативные последствия как для армии, так и для самого режима. Что касается армии, то можно указать на следующее. Во-первых, участие в карательных акциях, поимка дезертиров, охрана тыла — все это требовало большого количества солдат и офицеров, которые могли пополнить воюющие части. Управляющий Иркутской губернией П. Д. Яковлев в конце мая 1919 г. сообщал Верховному правителю о том, что если большевики имеют задачу отвлечения максимального количества сил Сибирской армии с внешнего фронта на многочисленные внутренние фронты, то это им вполне удается⁴⁷.

Во-вторых, любопытный вывод сделал С. Г. Лившиц. Он считал, что армия адмирала А. В. Колчака была разбита потому, что ее возглавляли выдвиженцы - хорошие мастера заплечных дел, но плохие стратеги⁴⁸. С тем, что среди генералов Сибирской армии было много выдвиженцев периода мировой и гражданской войн, спорить трудно. Это было характерно также и для других белых армий, и для Красной армии. Вызывает сомнение утверждение о том, что белые генералы были только палачами. В этой связи уместно вспомнить серьезный успех генерала А. Н. Пепеляева под Пермью, вызвавший катастрофу 3-й Красной армии. В этой связи продуктивно замечание Р. Лакетта о том, что именно на личности белых генералов и их манеру руководства мы должны смотреть, если хотим понять гражданскую войну⁴⁹.

В-третьих, вовлечение армии в карательные акции пагубно сказалось на моральном состоянии ее личного состава. Одной из главных причин разложения вооруженных сил, предводимых генералом Деникиным, было "отсутствие в них твердого и правового уклада и элементарного чувства законности. Грабежи, разбои и другие имущественные преступления, не подвергаясь надлежащему преследованию, стали в войсках обыденным явлением. Честный солдат превращался в гнусного мародера, исчезла всякая идейность и даже простая порядочность и на смену им приходили низкие корыстные мотивы"⁵⁰. Все это в полной мере было характерно и для Сибири.

Привлечение воинских частей к наведению порядка в тылу оказало отрицательное влияние на сам политический режим. Во-первых, действия карателей в определенной мере дестабилизировали тыл. Капитан Калашников откровенно писал генерал-лейтенанту Р. Гайде и адмиралу А. В. Колчаку о том, что причина восстаний в "неправильной тактике". Он имел в виду широкое применение расстрелов,

массовые порки, преследование земств, городских дум и кооперативов. Офицер сообщил свой вывод - в Сибири нет законов и царит полный произвол⁵¹. Жестокость и произвол в действиях военных отрицательно сказались на лояльности населения. Это, по оценке английского историка В. Х. Чамберлина, вынудило отвернуться от Колчака большинство населения, относившееся вначале к новому режиму с безразличием, если даже не симпатией. Такого же мнения придерживается и П. Кенез, который считает, что армия не приложила усилий завоевать поддержку русского народа и крестьянства⁵². Это подтверждает широкое распространение партизанско-повстанческого движения, нежелание значительной массы мобилизованных в армию взять в руки оружие.

Во-вторых, в те годы резко возросла милитаризация административного управления режима А. В. Колчака. Слабость омской власти привела к усилению военщины⁵³. Характернейшей чертой аграрной политики колчаковщины стало установление неограниченного всевластия военщины, произвол которой достигал таких размеров, что создавались невыносимые условия для функционирования всех гражданских звеньев крестьянского управления, и в первую очередь низших⁵⁴. Такая ситуация была видна даже с юга России, что дало П. Н. Милюкову впоследствии заявить о том, что "Омск в действительности не управлял Сибирью — уже потому, что все реальные функции управления сосредоточились в руках военных"⁵⁵.

Рассуждая об армейской природе "белых" режимов, В. Д. Зими-на пришла к выводу, что эта власть так и не смогла вырваться из "материнского лона" и превратиться в государственную власть, соединявшую военное и гражданское начало⁵⁶. Для всех белых режимов были присущи острые конфликты между военной и гражданской властью. Это обстоятельство было отмечено и противоборствующей стороной. Командующий 5-й Красной армией, освободившей Сибирь, Г. Х. Эйхе впоследствии признал: "...борьба, что шла между военными и гражданскими властями белых, резко отрицательно сказывалась на успешности действий против красных"⁵⁷. Это в немалой степени обусловило одну из причин поражения белых.

5.2. Участие населения в утверждении правопорядка

По вполне понятным причинам в своём стремлении к законности и правопорядку власти хотели заручиться поддержкой как можно более широких социальных слоев. Управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий, выступая 21 марта 1919 г. на откры-

тии Енисейского губернского земского собрания, прямо заявил, что "помощь милиции населению ...не будет достаточна, если само население не встанет для самозащиты и в свою очередь не будет помогать и содействовать милиции в ее работе"⁵⁸.

Особые надежды администрация возлагала на те круги, которые, по словам К. Мэннинга, "с восторгом" отнеслись к белогвардейскому перевороту. Белогвардейцы победили потому, как считал он, что представляли население Сибири и их приход к власти означал восстановление порядка, нарушенного большевиками⁵⁹. Действительно, в "колчакии" нашлась социальная база для проведения репрессивной политики против противников правительства.

Проводником политики А. В. Колчака стала военщина, в чем мы только что убедились. Естественным, последовательным и влиятельным союзником режима в борьбе с антиправительственными элементами выступила буржуазия. Совет золотопромышленников Амурской области создал специальный фонд для борьбы с большевиками. Сумма поступлений составила 1,5 млн руб. Кроме этого, на деньги совета был оборудован бронепоезд и сформирован отряд особого назначения для охраны приисков. Золотопромышленники щедро награждали офицеров деньгами, устраивали в их честь пышные банкеты⁶⁰. В стремлении защитить свои интересы буржуазия оказалась способной на такие шаги, которые, как мы считаем, имели мало общего с понятием "патриотизм". Весьма показательным в этом отношении было содержание памятного адреса, который Всероссийский съезд торговли и промышленности преподнёс начальнику японской дипломатической миссии. "Нам известны в высшей степени доброжелательные и корректные отношения японских войск к честным русским жителям, - говорилось в адресе. - Коренные русские люди смотрят теперь на японцев, как на ближайших наших друзей и желательных союзников, пришедших к нам на помощь"⁶¹. Следует напомнить о широко известных карательных акциях японских военных против мирных жителей Дальнего Востока. Любопытно и то, что авторы адреса отождествляли понятия "честные" и "коренные" жители края. По всей вероятности, в первую очередь они имели в виду себя.

Точно представлял себе социальную базу белых режимов вообще и колчаковского в частности В. И. Ленин. Он справедливо полагал, что "кулацкие элементы" составили главную и самую серьёзную опору контрреволюционного движения в России. "Кулак, - продолжал он свою мысль, - бешено ненавидит Советскую власть и готов перебить, перерезать сотни тысяч рабочих"⁶². Действительно, в этой связи

можно привести немало примеров. По воспоминаниям И. С. Беляева, в марте 1919 г. в селе Беляево Пермского уезда "кулак" А. И. Зырянов активно сотрудничал с властями. В Томской губернии в феврале 1919 г. после удачного для партизан боя у села Святославки с карательным отрядом прапорщика Соколовского "кулаки" села Тихомировка сполнили отряд Лубкова самогоном, а затем выдали карателям⁶³.

Такие факты не проходили мимо внимания компетентных органов того времени. Особый отдел департамента милиции МВД в своей сводке от 5 августа 1919 г. дал анализ и партизанскому движению в Щегловском уезде Томской губернии. Отмечая тот факт, что "население лояльно к белым" автор документа справедливо добавил, что большую роль в этом играет их "зажиточность"⁶⁴. Примерно такой же точки зрения придерживается и В. Н. Фомин. По его мнению, режим А. В. Колчака на Дальнем Востоке поддержали старожилы, прожившие в регионе более 10-15 лет, зажиточные крестьяне, казачество⁶⁵.

Что касается казачества, то это верно лишь с одной, но весьма существенной, оговоркой. Определённая часть казачества поддержала и красных - отряд братьев Кашириных на Урале. Однако значительная часть казачества действительно стала хрестоматийным союзником режима. Показательно в этом отношении решение сбора станицы Урляндской 2-го округа области Оренбургского казачьего войска. Принятое 10 июля 1919 г., оно гласило: "нельзя дожидаться, когда все дураки образумятся и вся сволочь засовестится, поможем восстановить законность и правопорядок и не устыдимся ложного прозвища "нагаечники"⁶⁶. Эта откровенно высказанная мысль находила свою материализацию в активном участии казаков в карательных акциях.

Было бы неверно только названными категориями населения ограничить социальную базу правоохранительной политики омской администрации. Карательные мероприятия правительства встречали понимание и поддержку среди широких слоев населения. В ноябре 1918 г. сельский сход деревни Васильевка Киенской волости Хабаровского уезда Приморской области принял решение сдавать властям "большевиков и хулиганов". Домовладельцы 15-го участка Кунгура на своей сходке 16 марта 1919 г. попросили начальника городской милиции закрыть два притона, в которых собиралось "хулиганье", наводя страх на окрестных жителей. В апреле население Щегловского и Кузнецкого уездов обратилось к управляющему Томской губернией Б. М. Михайловскому за помощью от вторжения красных банд. В мае Малаковское сельское общество той же губер-

нии, обсудив воззвание управляющего губернией о содействии правительству, решило оказывать правительственным войскам, милиции всякое содействие в подавлении большевистских банд. В конце мая с призывом управляющего Енисейской губернией помогать властям согласились жители села Маклаковского Енисейского уезда. На своем сходе они постановили доносить милиции о подозрительных лицах и даже их задерживать⁶⁷. Трудно предположить, что все участники сходов были кулаками. Для того чтобы гражданам было удобнее обращаться в милицию, власти шли на изменение часов занятий и приема посетителей. В ноябре 1918 г. были изменены часы приема в канцеляриях 1-й и 2-й частей миасской милиции. Теперь здесь посетителей принимали с 10 часов утра до 3-х часов дня и с 6 до 8 часов вечера⁶⁸.

В ряде случаев население принимало конкретные меры. Об "энергичной" помощи крестьян правительственным отрядам по "вылавливанию шайки большевика Лубкова" сообщило 21 февраля 1919 г. из Томска Российское телеграфное агенство (РТА). 8 августа 1919 г. Ф. Д. Сивков, проживавший в Новониколаевске на Тобизеновской улице дом № 95, доставил в вокзальный участок милиции неизвестного мужчину. Задержанный на постоялом дворе критиковал колчаковскую армию, говорил о том, что большевики "совсем не плохие". В августе 1919 г. начальник Бийской уездной милиции доложил начальству о том, что Загайновское сельское общество задержало разведку партизан из 12 человек с оружием. Один партизан в перестрелке ими был убит, а других они доставили в милицию⁶⁹.

Подобные настроения, а главное - действия сибиряков получали поддержку властей. Приказ № 564 генерал-майора Майковского (так в тексте, надо А. Ф. Матковского. — С. 3.) от 30 сентября 1919 г. гласил: "...2. арестовывать по показаниям местных жителей всех агитаторов, членов совдепов, помогавших восстанию, дезертиров, пособников и укрывателей и передавать военно-полевому суду"⁷⁰.

Таким образом, мнение исследователя Д. А. Бугаева о том, что красноярская милиция "не пользовалась у трудящихся авторитетом и не могла пользоваться их помощью"⁷¹, на наш взгляд, страдает неточностью и излишней категоричностью. Во-первых, население Сибири тогда составляли главным образом крестьяне. Во-вторых, мы только что привели иные факты.

Понимание и определённую поддержку репрессивная политика режима нашла у части либерально настроенной интеллигенции Сибири. Правительство последовательно возглавляли юристы П. В. Вологодский и В. Н. Пепеляев. Управляющим делами Верховного пра-

вителя и Совета министров служил профессор права Г. К. Гинс. Руководителями министерств юстиции и внутренних дел были высококвалифицированные юристы Г. Г. Тельберг, М. А. Малиновский, А. П. Морозов, Н. Я. Новомбергский, А. А. Червен-Водали, М. Э. Ячевский. Идеологическую, подчас талантливую поддержку режима осуществляли А. К. Клафтон и В. А. Жардецкий. Поддался подобным настроениям и почетный гражданин Сибири Г. Н. Потанин — человек широко известный и чрезвычайно авторитетный за Уралом. Анализируя действия властей, идеолог сибирского областничества в своём письме Козьмину в марте 1919 г. с удовлетворением признал, что "чувствуется уже твёрдая рука" и пусть много будет ещё и крови пролито, главная задача будет осуществлена - восстановлена "буржуазная Россия"⁷². Широкую известность в Сибири осенью 1919 г. получило письмо Григория Николаевича "К оружию", в котором он призывал земляков выступить против наступающей Красной армии⁷³. Однако историки В. Д. Вегман и М. В. Шиловский высказали идею о том, что Г. Н. Потанин мог не знать об этом письме и за ослепшего патриарха сибирского областничества его подписал «потанинский кружок»⁷⁴. Однако эта точка зрения еще нуждается в подтверждении.

Выразителем взглядов проправительственно сориентированной общественности Сибири стали некоторые местные периодические издания. Несколько газет перепечатали статью из авторитетной "Сибирской жизни". В ней содержалась оценка безымянного автора жестокого подавления восстания и расстрела нескольких членов Учредительного собрания 22-23 декабря 1918 г. в Омске. В публикации с удовлетворением говорилось о том, что "в программе власти имеется и калёное железо для гноящихся ран разложения духовного и тем, у кого души и совести пусты, а помыслы и руки не чисты, пришла пора бледнеть или сидеть". Чуть позже, в феврале 1919 г., эта же газета призвала власти предпринять "самые энергичные и широкие мероприятия", чтобы потом не услышать о "сибирских Емельках Пугачёвых и Степанах Разиных"⁷⁵.

На близкой позиции стоял и автор статьи, опять же без подписи, во владивостокской газете "Эхо". Материал был опубликован под философским названием "О методах лечения блудного сына" "Действительность, - торжествовал автор, - свидетельствует в нашу пользу, и, как бы нас ни обвиняли в жестокости и консерватизме, мы смело можем сказать, что мера, применённая к жителям села Ивановки, повела к тому, что крестьяне наконец-то почувствовали на себе, гру-

бо выражаясь, узду"⁷⁶. В этой связи следует напомнить, что в апреле 1919 г. в результате рейда совместного японо-казацкого карательного отряда в названном амурском селе было убито несколько сот мирных жителей. Небезынтересно было бы узнать, о чьей пользе писал анонимный автор.

В редакционной статье "Атбасарской жизни" - органа беспартийной общественно-политической мысли была помещена статья, описывающая подавление восстания в Кустанае. "Правительственной власти, - советовали сотрудники газеты, - нужно принять самые решительные и солидные меры, чтобы уничтожить заразу в корне, пока она не распространилась на весь уезд"⁷⁷.

Существовали и организованные формы поддержки политики режима. В 1919 г. стали появляться дружины. Причем создавались они не только в городах. Только крестьяне Тангуйской волости Иркутской губернии собрали добровольную дружину численностью в 170 человек⁷⁸. Дружины создавались в помощь тем воинским отрядам и отрядам милиции, которые боролись с партизанами. Формально они назывались добровольными. Однако о степени добровольности при их формировании красноречиво говорит такой факт. Председатель Зубковской волостной земской управы Алтайской губернии приказал (!) Новозубковской сельской управе немедленно сформировать добровольческую (!) дружину, а «приговор» схода срочно выслать ему. Принципы формирования дружин были изложены в сентябре 1919 г. в циркуляре управляющего Алтайской губернией А. П. Стрельмана. В нём содержалось требование, чтобы дружинниками были лица, "хозяйственно обеспеченные". Комплектование шло по разрядке: один человек от десяти дворов. Дружина должна была находиться в подчинении милиции. Дружинники могли нести охрану своего села, но им могли быть поставлены и другие задачи. Каждому дружиннику выдавалось удостоверение за подписью начальника милиции и повязка на левую руку с буквой "Д". Необходимо было составить и представить властям список на получение оружия. Управляющий губернией просил сельские сходы оплатить предполагаемые расходы на организацию и содержание дружин⁷⁹.

При создании дружин возникали недоразумения по вопросу их подчинения. По этому поводу 1 июля 1919 г. управляющий отделом государственной охраны департамента милиции МВД направил управляющим губерниями и областями специальный циркуляр. В нём констатировался тот факт, что в некоторых городах дружины не подчиняются военным властям. В связи с этим было

предложено сделать соответствующее распоряжение и о результатах уведомить отдел государственной охраны⁸⁰.

С формированием дружин была связана большая пропагандистская и организационная работа. В Новониколаевской городской думе в сентябре 1919 г. состоялась встреча местной дружины с делегацией из Омска. Перед собравшимися выступили профессор Д. В. Болдырев, присяжный поверенный Эрахтин, старообрядческий лектор Мельников, земский деятель Дробенин⁸¹. Через несколько дней - 18 сентября 1919 г. в Омске состоялись парад и торжественные проводы дружины. Среди почетных гостей были почти весь состав правительства, в том числе и военный министр генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, представители иностранных миссий. Архиепископ Сильвестр благословил дружинников⁸².

Власти старались придать общественную значимость даже погребению убитых дружинников. Похороны учителя начальных классов И. С. Торбаева и Ф. П. Мельникова, погибших в бою с партизанами А. Д. Кравченко и Е. М. Щетинкина, состоялись 4 июня 1919 г. в Спасском соборе Минусинска. Были отслужены заупокойная обедня и панихида, затем при скоплении народа состоялся вынос и погребение тел⁸³.

Велась и организационная работа. В помещении Читинского музея 14 октября 1919 г. состоялось совещание по организации дружины под председательством начальника штаба походного атамана Дальневосточного казачьего войска генерал-майора М. Е. Афанасьева. Среди участников были управляющий Забайкальской областью С. А. Таскин, епископ Мелентий. Для непосредственной работы были созданы специальные комиссии по расквартированию, продовольствию, снаряжению, агитации⁸⁴.

Определённый опыт формирования дружин был накоплен в Красноярске. О размахе здесь этого движения говорит тот факт, что на 21 июля 1919 г. был назначен медицинский осмотр нового, уже 6-го по счету призыва⁸⁵. 2 июня 1919 г. здесь открылось Чрезвычайное губернское земское собрание по вопросу о помощи дружинникам. Перед его участниками выступил несколько раз прерываемый аплодисментами управляющий губернией П. С. Троицкий. В итоге $\frac{3}{4}$ гласных высказались за оказание такой помощи⁸⁶.

В Красноярске также стояла проблема набора личного состава. Об этом писал городскому голове А. П. Музыкину 3 марта 1919 г. начальник Красноярского военного района. По данному вопросу городской голова выступил 9 марта в городской думе. Большинство

голосов, при шести воздержавшихся, гласные высказались за принудительную мобилизацию. Бывший министр внутренних дел Временного Сибирского правительства гласный В. М. Крутовский заявил о том, что не надо просить других, а самим ходатайствовать перед Омском о введении мобилизации в дружины. Пока же участники заседания остановились на принципе добровольности⁸⁷.

При наборе в дружину прежде всего обращалось внимание на политическую благонадежность. На этом настаивали участники Чрезвычайного Енисейского губернского земского собрания. Это было не напрасно. Начальник милиции Северо-Енисейского горного округа в письме от 10 июля 1919 г. на имя управляющего Енисейской губернии просил прислать вооруженный отряд для охраны местных приисков. Беда, по его мнению, была в том, что "местная дружина является неблагонадёжной в том отношении, что она состоит именно из рабочего элемента"⁸⁸.

Принимались меры по обучению дружинников. Комендант города подполковник Вегенер провёл экстренный сбор дружины. В основном дружинники собрались быстро. За 35 мин. явилось 2/3 списочного состава. Что касалось неявившихся, то было решено: когда станет известна причина их отсутствия, их накажут по законам военного времени⁸⁹.

Учитывая условия, в которых приходилось служить дружинам, власти обратились к медикам города с приглашением вступить в санитарный отряд при красноярской дружине добровольцев. По состоянию на середину июля были вакансии врача, двух сестёр милосердия, четырёх санитарок и одного фельдшера. В самом городе был организован приёмный покой на три койки. Комитет общественной безопасности выделил для этого 315 рублей, а комитет Красного Креста бесплатно дал постельные принадлежности, белье и перевязочные материалы. От этой же организации были две фельдшерицы и две сестры милосердия⁹⁰. Была проявлена забота о досуге дружинников. Одна из местных газет обратилась к своим читателям с просьбой приносить для библиотеки при красноярской дружине книги и особенно иллюстрированные журналы⁹¹.

Дружины создавались и для решения конкретных нужд того или иного населённого пункта. 8 августа 1919 г. сельский сход граждан деревни Елыкаевой Верхотомской волости Щегловского уезда Томской губернии решил создать в течение суток (!?) добровольную дружину в составе 8 пеших и 2 конных дружинников для охраны от шаек. Одновременно участники схода обратились к начальнику гар-

низона с просьбой освободить их от охраны железнодорожной линии Топки-Кемерово⁹².

Многие газеты информировали своих читателей о действиях дружин, причем "Свободная Сибирь" делала это достаточно регулярно. В июле 1919 г. она рассказала о "блестящем" участии красноярской дружины в боях против партизан в Минусинском уезде. Чуть позже была опубликована информация о том, что дружина села Тарбагатай разбила две противоправительственные шайки⁹³.

Подводя некоторые итоги действия дружин, управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий писал в МВД о том, что дружины несут службу иногда месяцами и при этом отрываются от своих занятий. В частности, ирбейская дружина Канского уезда в течение восьми месяцев находилась в боевом районе и являлась, по сути, гарнизоном целой части уезда. То же самое, писал управляющий, можно сказать о многих других дружинах Минусинского и Енисейского уездов. Управляющий губернией предложил реорганизовать дружины в "регулярные войска на особом положении" сроком на 4,5 мес.⁹⁴

Недостаточная нормативная база и подготовка, невысокий уровень правовой культуры дружинников неизбежно приводили к различным происшествиям. Дружина Абаканской волости Минусинского уезда без суда убила шестерых заподозренных в большевизме крестьян. Это вызвало возмущение односельчан погибших, а местные власти даже возбудили уголовное дело. Однако уполномоченный по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в Енисейской губернии генерал-майор С. Н. Розанов 30 июня 1919 г. поставил соответствующие власти в известность, что в силу данных ему полномочий дело об убийстве абаканскими дружинниками большевиков прекращено. Генерал нашёл, что дружинники действовали "в пределах, предоставленных им законом". Об этом же С. Н. Розанов уведомил начальника Минусинского военного района. Его он в свою очередь просил уведомить о своём решении судебного следователя 5-го участка Красноярского окружного суда, который начал вести расследование⁹⁵. В этом эпизоде можно выделить два аспекта. Первый заключается в отсутствии у военных искренней приверженности к законности. Второй свидетельствует о различном подходе военной и гражданской власти к одному и тому же факту беззакония.

Поддержку населением карательных мероприятий властей были вынуждены отметить и сами партизаны. В обращении Главного (партизанского. — С. 3.) штаба Славгородского уезда Алтайской губернии от 8 сентября 1919 г. прямо говорилось о том, что часть на-

селения была рада приходу белых и "чинимым ими расправам" над восставшими крестьянами⁹⁶. Сразу же после занятия того или иного населённого пункта Красной армией начинались репрессии против тех, кто сотрудничал с белыми. 1 декабря 1919 г. на этом основании Екатеринбургская губЧК завела уголовное дело на 14 граждан Кисловской волости⁹⁷.

Вместе с тем в Сибири были силы, оппозиционные правительству. Самую серьёзную опасность представляли партизаны. В их многочисленных отрядах насчитывалось от 140 до 150 тыс. человек. Состав партизанских отрядов был весьма пестрым. В частности, среди амурских партизан было 5-10% городских и железнодорожных рабочих, 8-10% бывших красногвардейцев и выходцев из других мест, 30% бедняков и батраков, 40-45% середняков и незначительное количество кулаков и казаков. Партизанские зоны охватывали в Сибири полностью или частично территорию 239 волостей, на которой проживало 1792 тыс. человек и располагалось 294 тыс. крестьянских хозяйств⁹⁸. Деятельности партизан и повстанцев посвящены многочисленные исследования и воспоминания, поэтому эта тема нами не раскрывается. Стоит лишь указать на то важное для нашего исследования обстоятельство, что территория, контролируемая партизанами, находилась вне юрисдикции омского правительства.

Следует отметить, что попытки властей установить порядок встречали и иные, менее выраженные, формы противодействия и неприятия. Своего рода конфликт разразился в селе Никольском Ново-Никольской волости Уфимской губернии. 28 декабря 1918 г. туда по заявлению кулаков прибыла команда конных разведчиков 24-го Саткинского полка. Они были посланы арестовать агитаторов Кузнецова и Кулятина. Однако староста отказался их искать, а сельский сход единогласно заявил, что "мы их не дадим арестовать, а если арестуете, то арестовывайте всех нас"⁹⁹.

Некоторые газеты публиковали материалы, в которых содержались призывы к властям соблюдать ими же декларируемую законность. Широкий резонанс вызвали публикации омской "Зари", посвященные событиям 22 декабря 1918 г. Тогда в ходе восстания была захвачена местная тюрьма и заключённые получили возможность выйти на свободу. Однако часть из них, не признавая себя виновной, не пожелала добровольно воспользоваться этой возможностью. При подавлении восстания власти призвали заключённых по своей воле вернуться в тюрьму. В этой связи газета потребовала от властей "гарантии неприкосновенности той части политических узников, которые покинули стены тюрьмы исключительно подчиня-

ясь угрозам и давлению мятежной силы"¹⁰⁰. Однако это вполне объяснимое требование военными было проигнорировано и несколько десятков вернувшихся заключённых было расстреляно.

В начале декабря 1918 г. разразился конфликт в литейном цехе Читинских железнодорожных мастерских. Тогда мастеровые крото избили и в наказание их пороли прямо на рабочих местах в присутствии чина городской милиции Петрашевского. Всего так было наказано 65 человек, а 13 арестовано. В итоге половина цеха не работала. Генерального штаба генерал-лейтенант барон А. П. Будберг в своем дневнике 9 декабря прямо указал, что экзекуция была произведена по приказанию Г. М. Семенова и что рабочие просили власти оградить их от произвола. Отсутствие должного разбирательства вызвало недовольство. В марте 1919 г. газеты опубликовали открытое письмо профсоюза Забайкальской железной дороги управляющему и инспектору труда Забайкальской области. "Гнусное насилие в литейном цехе мастерских Читы, оставшееся без детального расследования, - говорилось в нем, - яркий пример полного отсутствия гарантий неприкосновенности личности"¹⁰¹.

Не остались безучастными газеты по поводу ареста в Барнауле утром 21 июля 1919 г. нескольких рабочих Алтайских железнодорожных мастерских. Арестованных подвергли истязаниям, а один из них - Р. Е. Прошутин был зверски убит. По этому поводу в местной социал-демократической газете "Алтайская мысль" было опубликовано открытое письмо управляющему Алтайской губернией с протестом против произвола и зверских истязаний. Под письмом стояли подписи 183 железнодорожников. Губернские власти провели расследование, которое подтвердило факты. Однако виновные были оправданы, а произвол властей и истязания продолжались¹⁰².

Некоторые более реалистично мыслящие представители власти понимали, что им не удалось привлечь на свою сторону решающее большинство населения Сибири. В беседе с начальником гарнизона Тары генерал от кавалерии В. А. Кислицын сетовал на то, что всё население сочувствует "безбожной, кровавой власти большевиков. Оно выделяет из своих семей кадры, даёт им приют"¹⁰³. Более глубокий анализ происходящего сделал помощник управляющего Енисейской губернией Г. Бондарь. Год борьбы вооружёнными отрядами с повстанческим движением в губернии не только не дал желаемых результатов, но наоборот, считал он, ухудшил положение и подорвал у населения престиж власти. "В конечном итоге получилось, что мы, - признавал Г. Бондарь, - не только не обезоружили население, не умиротворили его, а наоборот, озлобили, довели до отчаяния, дали ему

вооружение в небывалом количестве, а в умах большинства населения губернии создали настроение, благоприятное повстанцам"¹⁰⁴. Здесь можно сделать скидку на то, что эти слова принадлежат руководителю одной из самых неблагополучных, в отношении лояльности, губерний "колчакии". Однако анализ ситуации показывает, что в той или иной степени это было повсеместно. Современный исследователь В. А. Шудряков также признаёт, что настоящего, надёжного тыла у белых никогда не было. Крестьянство, составлявшее основную массу населения Сибири находилось в явной или скрытой оппозиции к режиму¹⁰⁵. Данная точка зрения верна лишь отчасти, так как еще предстоит установить, какая именно часть сибирского крестьянства была в оппозиции к омскому правительству.

Поддержка частью сибиряков колчаковского режима и участие части их в партизанско-повстанческом движении вполне согласуются с выводом С. Ф. Фоминых, признавшего неверным основной тезис буржуазной историографии. Он, по мнению историка, заключается в том, чтобы представить гражданскую войну не как столкновение антагонистических классов, а лишь как борьбу различных политических группировок за власть при полном безразличии народных масс к исходу борьбы¹⁰⁶.

Наряду с этим смысловое содержание понятия "полное безразличие" еще предстоит уточнить. Долгое время отечественная историография делила всех россиян, живших на ее территории в годы гражданской войны, на своих — "красных" и чужих — "белых". По этому поводу американский историк П. Кёнез рассуждает следующим образом: "...почти в каждой деревне шла собственная гражданская война, временами фокусировавшаяся на проблемах, ничего не имеющих общего ни с идеологией белых, ни с идеологией красных"¹⁰⁷. Эта мысль представляется нам продуктивной в той её части, которая касается обыденной жизни сибиряков.

Эту отстраненность почувствовали еще участники отхода колчаковской армии на восток. Некоторые из них сходятся во мнении, что сибиряки принимали их безразлично. Если генерал-майор П. П. Петров писал о том, что население Сибири было равнодушно к провалу белого движения, как равнодушно и к разным воззваниям красных, то, по мнению В. П. Трапезникова, все сибиряки в то время были "общественно настроены к большевикам" и были партизанские отряды, которые препятствовали отступлению белых¹⁰⁸.

Это безразличие не прошло незамеченным и со стороны гражданских властей. Управляющий Томской губернией Б. М. Михайловский докладывал в Омск, что "ожидаемого и желанного порыва

к защите своей родины от надвигающегося большевизма совершенно не заметно"¹⁰⁹.

Здесь следует отметить, что эти оценки касаются последних месяцев, недель и даже дней существования колчаковского режима, когда немалая часть сибиряков по разным причинам уже успела разочароваться в нём, в том числе и в его действиях по охране своих прав и свобод.

Представляется возможным назвать еще две причины такого безразличия. Во-первых, нельзя не принять во внимание мнение лидера красноярского земства правого эсера Е. Е. Колосова. Рассуждая о попытках омских властей добиться порядка, он заметил, что нередко крестьянство вообще отказывалось признавать какие бы то ни было, хотя бы самые законные и неизбежные виды обязательного отбывания общественных повинностей. "Свобода в таких случаях, — считал Е. Е. Колосов, — понималась ими очень примитивно в смысле освобождения от всякой государственной власти или в смысле права "свободно" заниматься всем, кто бы чем ни пожелал"¹¹⁰. Эта мысль звучит вполне здраво, если учесть, с одной стороны, превратно понятые декларации февраля 1917 г. о "свободах", с другой стороны, деформирующую общественное правосознание пропаганду большевиков, да и саму атмосферу гражданской войны. Следует помнить и о том, что кому-то в таких специфических условиях вообще не хотелось кому-либо подчиняться или даже с кем-либо или с чем-то считаться.

Во-вторых, следует учитывать два взаимопереплетающихся обстоятельства. Большую часть населения Сибири составляли селяне, а идеологию как большевистскую, так и белого движения генерировал город. Многие, что содержалось в этих теориях было далеко от понимания повседневных забот и интересов крестьян. В этой связи верную мысль высказал английский исследователь Д. Футмэн. В одной из своих работ о гражданской войне в России он писал о том, что "крестьяне не просили и не ожидали помощи от города. Они относились с подозрением ко всему, что исходило оттуда, включая и пролетариат"¹¹¹. Мысль о подозрительности селян по отношению к городу и веяниям из города заслуживает дальнейшего развития.

* * *

Отличительной особенностью гражданской войны было привлечение "красными" и "белыми" ее участниками армии для наведения порядка в тылу. На территории Сибири это происходило потому, что милиция получала массу поручений, прямо не связанных с ее пра-

воохранительной функцией. Размах и массовость антиправительственных выступлений обусловили участие в их подавлении наиболее подготовленных воинских частей, которые могли быть посланы на фронт.

Нормативную базу участия военных в операциях в тылу составили постановления правительства, предоставившие военным право объявлять местность на военном положении, особенно в районе партизанско-повстанческих выступлений. Командующие армиями получили право на вынесение приговора о смертной казни. Приказ Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака от 6 мая 1919 г. стал для командиров карательных отрядов своеобразным карт-бланшем, которым они не преминули воспользоваться. Документы, дававшие военным такие полномочия, не отличались высокой юридической техникой. Такие употребляемые в них понятия, как "порочный и ненадежный элемент" не имели правового содержания, что влекло за собой вольную трактовку образа противника. Действия военных отрядов против партизан и даже мирных жителей отличались жестокостью.

Примечательно, что все руководители карательных акций как в Советской России, так и на территории, контролируемой белыми, допускали в своих действиях "предсудительное для достижения благородной цели". Сейчас хорошо известно, как понимали "предсудительное" и "благородное" обе стороны и к чему это в итоге привело.

Существование многочисленной и влиятельной "военной партии" в омских коридорах власти, которая сделала возможным режим А. В. Колчака, вело к противоречиям и конфликтам в отношениях военной и гражданской властей. Милитаризация управления сделала неизбежным исход наиболее либерально настроенных деятелей. Примечательно, что с именем ставленника военных В. Н. Пепеляева связан правительственный кризис. Сначала он сменил на посту министра внутренних дел А. Н. Гаттенбергера, а затем возглавил правительство вместо П. В. Вологодского. Следует отметить, что в том и другом случае были другие кандидатуры.

Вовлечение армии в политику привело к негативным последствиям как для армии, так и для самого режима. Во-первых, боеспособные части отвлекались для подавления партизанско-повстанческого движения, что отрицательно сказывалось на моральном облике военнослужащих. Во-вторых, происходила дестабилизация тыла. Декларации омских руководителей об их приверженности принципам демократии на деле обернулись "военщиной".

Осуществление мероприятий по укреплению тыла имело неоднозначные последствия. С одной стороны, нашлись их сторонники в лице городской буржуазии, зажиточных крестьян, части казаков, либеральной интеллигенции. Оказали поддержку режиму и те сибиряки, которые "просто" хотели установления на ее территории элементарного порядка. Интересным явлением в этой связи была организация "добровольных" дружин для борьбы с антиправительственными отрядами. Однако несовершенная нормативная база, недостатки в подготовке личного состава, недостаток правовой и общей культуры привели к тому, что действия таких дружин сопровождались печальными эксцессами.

С другой стороны, карательные действия и произвол со стороны военных и милиции придавали значительный импульс оппозиционным силам. В первую очередь это касается широкого распространения партизанско-повстанческого движения, массового уклонения от мобилизации в армию и дезертирства. Даже в условиях военной диктатуры были возможны критические выступления, прежде всего в газетах. В этом отношении выделяются публикации омской "Зари" о массовых расстрелах участников восстания 22 декабря 1918 г.

Осуществление репрессивной внутренней политики сужало социальную базу белого движения. Многие его участники понимали, что так и не сумели привлечь на свою сторону население, которое зачастую было занято решением своих повседневных проблем и было далеко от власти.

Примечания

¹ Степанов М. М. Органы внутренних дел белых правительств в период гражданской войны: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 56.

² ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 349. Л. 54.

³ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 28. Л. 88-89.

⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Берлин, 1921. С. 217.

⁵ Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР. М., 1987. С. 426; Омбыш-Кузнецов С. О. Повесть о партизане Громе. Новосибирск, 1990. С. 160; Карначев М. Т. По местам партизанских боев. Барнаул, 1971. С. 19.

⁶ Петров И. Ф. Обелиски славы. Иркутск, 1984. С. 139.

⁷ ГАРФ. Ф. 200. Оп. 3. Д. 79. Л. 13; Ф. 3908. Оп. 1. Д. 59. Л. 14; Яковенко В. Г. Записки партизана. Красноярск, 1968. С. 47; Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 290-291; Дворянов Н. В., Дворянов В. Я. В тылу Колчака. М., 1966. С. 115.

⁸ Цит. по ст.: Дроков С. В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 60; РГА ДВ. Ф. 725. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, Ф. 1005. Оп. 1. Д. 77. Л. 153.

⁹ ГАРФ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 76. Л. 37.

¹⁰ Земля и труд. 1919. 13 мая.

- ¹¹ Цит. по: *Кадейкин В. А.* Партизанское движение в Кузбассе // Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964. С. 200.
- ¹² Цит. по: Родина. 1989. № 10. С. 72.
- ¹³ Цит. по кн.: *Спириц Л. М.* Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 141.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 14. Л. 212; Цит. по ст.: *Вихлянец В.* Кольчугинское восстание // Сибирские огни. 1939. № 6.
- ¹⁵ ГАХК. Ф. П.44. Оп. 1. Д. 202. Л. 90-91.
- ¹⁶ ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 372. Л. 1.
- ¹⁷ Борьба за власть Советов на Алтае. Барнаул, 1957. С. 212; Народная Сибирь. 1918. 12 дек.
- ¹⁸ Русский гражданин. 1919. 18 авг.; Народная газета (Шадринск). 1918. 11 дек.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 40205. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.
го ГАРФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 146г. Л. 23; ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 1320. Л. 4; см.: *Шурьгин А. П.* Борьба против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции на Дальнем Востоке в 1919 г. // Решающие победы советского народа над интервентами и белогвардейцами в 1919 г. М., 1960. С. 441-442.
- ²¹ Правительственный вестник. 1919. 16 окт.
- ²² Колчаковщина. Из белых мемуаров / Под. ред. Н. А. Корнатовского. М., 1930. С. 74.
- ²³ ГАРФ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 168. Л. 19, 54; Д. 109. Л. 371.
- ²⁴ Там же. Ф. 147. Оп. 8. Д. 16. Л. 567.
- ²⁵ Там же. Оп. 12. Д. 3. Л. 62-63.
- ²⁶ Там же. Оп. 10. Д. 103. Л. 15.
- ²⁷ Красное знамя (Владивосток). 1921. 24 февр. ; *Губельман М. И.* Лазо. М., 1956. С. 129.
- ²⁸ Цит. по кн.: *Никитин А. Н.* Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. М., 1995. С. 53.
- ²⁸ ТФ ГАТюО. Ф. 315. Оп. 1. Д. 80. Л. 50; ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 1520. Л. 44.
- ³⁰ ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 637. Л. 10.
- ³¹ ЦХАФАК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 59. Л. 4.
- ³² ГАТО. Ф. Р. 1362. Оп. 1. Д. 249. Л. 54.
- ³³ Цит. по кн.: Борьба за Советы в Омском Прииртышье (июнь 1918 - ноябрь 1919 гг.). Омск, 1989. С. 39.
- ³⁴ Голос Сибири. 1918. 21 дек.
- ³⁸ Курганская свободная мысль. 1919. 9 мая.
- ³⁸ Освобождение России. 1919. 16 янв.; Уральская жизнь. 1919. 26 апр.
- ³⁷ Цит. по кн.: *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 1. Харбин-Пекин, 1921. С. 4; *Найда С. Ф.* О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958. С. 161.
- ³⁸ ЦХАФАК. Ф. П.1061. Оп. 1. Д. 14. Л. 33; ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 2. Д. 4. Л. 20; Тобольское народное слово. 1919. 6 апр.
- ³⁹ ГАТюО. Ф. 943; Оп. 1. Д. 4. Л. 29, 56-61.
- ⁴⁰ *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак. Т. 2. Харбин-Пекин, 1921. С. 59-60.
- ⁴¹ Курганская свободная мысль. 1918. 17 дек.
- ⁴² Цит. по ст.: *Свирин В.* Слава и позор адмирала Колчака // Труд. 1990. 7 июня.
- ⁴³ Архив русской революции. Т. 10. Берлин, 1923. С. 178.
- ¹⁴ *Грэвс В.* Колчак, Америка и Япония (интервенция Америки в Сибири). Новосибирск, 1932. С. 204.

- ⁴⁵ Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923.
- ⁴⁶ Воля России (Прага). 1924. № 1. С. 151-152.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 49. Л. 686.
- ⁴⁸ Лившиц С. Г. Колчаковский переворот // Алтайская правда (Барнаул). 1988. 17 нояб.
- ⁴⁹ Lockett R. The White Generals: An Account of the White Movement and the Russian Civil War. L.-N. Y., 1971. P. XVII.
- ⁵⁰ А. П. Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1921. С. 5.
- ⁵¹ Милоков П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 2. Париж, 1927. С. 135-136.
- ⁵² Chamberlin W. Я. The Russian Revolution. 1917-1921. L., 1935. V. 2. P. 194; Kenez P. Civil War in South Russia, 1918. The First Year of The Volunteer Army. Los Angeles-L., 1971. P. 280.
- ⁵³ Правительственный вестник. 1919. 11 дек.; Никитин А. Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1994. С. 121; Ларьков Н. С. Сибирская военщина в гражданской войне // История общественных движений и политических партий России: Мат. респ. науч. конф. Томск, 1993. С. 83.
- ⁵⁴ Журов Ю. В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986. С. 53.
- ⁵⁵ Милоков П. Н. Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 2. Париж, 1927. С. 125.
- ⁵⁶ Зимица В. Д. Белое движение и российская государственность в период гражданской войны. Волгоград, 1992. С. 426-427.
- ⁵⁷ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 304.
- ⁵⁸ Енисейский вестник. 1919. 26 марта.
- ⁵⁹ Manning C. The Siberian Fiasco. N. Y., 1952. P. 49.
- ⁶⁰ РГА ДВ. Ф. Р. 4391. Оп. 1. Д. 25. Л. 28.
- ⁶¹ Дальний Восток. 1919. № 50. С. 152.
- ⁶² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 11, 39.
- ⁶³ ПОКМ. н/в 663; Кадейкин В. А. Годы огневые. Из истории гражданской войны в Кузбассе (1918-1919 гг.). Кемерово, 1959. С. 83.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 13а. Л. 59-60.
- ⁶⁵ Фомин В. Н. Крестьянство Дальнего Востока в годы гражданской войны (1917-1922 гг.) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII—XX вв. (К 350-летию начала похода В. Д. Пояркова на Амур): Тез. докл. и сообщ. междунар. научн. конф. Ч. 2. Владивосток, 1993. С. 20.
- ⁶⁶ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 349. Л. 57.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 2. Д. 17. Л. 196; Кунгурский вестник. 1919. 9 апр.; Народный вестник (Томск). 1919. 4 дек.; Русская речь. 1919. 17 апр.; Енисейский вестник. 1919. 4 июня.
- ⁶⁸ Миасская новая жизнь. 1918. 30 нояб.
- ⁶⁹ Правительственный вестник. 1919. 25 февр.; ГАТО. Ф. Р.1362. Оп. 1. Д. 464. Л. 1; ЦХАФАК. Ф. П.5876. Оп. 1. Д. 22. Л. 3.
- ⁷⁰ Цит. по: Родина. 1990. № 10. С. 61.
- ⁷¹ Бугаев Д. А. На службе милицейской. Кн. 1. 1917—1925 гг. Ч. 1. Красноярск, 1993. С. 222.
- ⁷² НБ ТГУ. Архив Г. Н. Потанина. № 1281.
- ⁷³ Сибирская жизнь. 1919. 23 авг.
- ⁷⁴ Шиловский М. В. Сибирские областники в период колчаковщины // Классовая борьба в переходный период: Сб. науч. тр. Тюмень, 1987. С. 34.
- ⁷⁵ Уральская жизнь. 1919. 1 янв.; Сибирская жизнь. 1919. 8 февр.

- ⁷⁶ Эхо. 1919. 29 марта.
- ⁷⁷ Атбасарская жизнь. 1919. 9 мая.
- ⁷⁸ Правительственный вестник. 1919. 23 окт.
- ⁷⁹ ЦХАФАК. Ф. П. 1061. Оп. 1. Д. 11. Л. 9, 6-7.
во ГАРФ. Ф. 147. Оп. 14. Д. 21. Л. 12-12 об.
- ⁸¹ Русская речь. 1919. 14 сент.
- ⁸² Сибирская жизнь. 1919. 25 сент.
- ⁸⁹ Енисейский вестник. 1919. 6 июня.
- ⁸⁴ Забайкальская новь. 1919. 16 окт.
- ⁸⁵ Енисейский вестник. 1919. 19 июля.
- ⁸⁶ Минусинский край. 1919. 13 июня.
- ⁸⁷ ГАКК. Ф. 161. Оп. 3. Д. 128. Л. 1, 5-6.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 1188. Оп. 2. Д. 32. Л. 397; Д. 222. Л. 59.
- ⁸⁹ Свободная Сибирь. 1919. 3 авг.
- ⁹⁰ Там же. 1919. 20 июля, 5 авг.
- ⁹¹ Там же. 1919. 20 июля.
- ⁹² Сибирская жизнь. 1919. 30 авг.
- ⁹³ Свободная Сибирь. 1919. 10, 31 июля,
и ГАРФ. Ф. 147. Оп. 7. Д. 24. Л. 2-3.
- ⁹⁵ ГАКК. Ф. 1763. Оп. 1. Д. 58. Л. 12; ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1712. Л. 100.
- ⁹⁶ Партизанское движение в Западной Сибири в 1918-1919 гг.: Сб. док-в. Новосибирск, 1936. С. 86.
- ⁹⁷ ГАСО. Ф. Р.573. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-87.
- ⁹⁸ Подсчитано по: *Голуб П. А.* Революция защищается, 1917-1920. М., 1982. С. 255-260; *Курезое С.* Амурские партизаны. Хабаровск, 1929. С. 42; *Журов Ю. В.* Партизанское движение и революционное преобразование в сибирской деревне (1918-1920 гг.) // Проблемы аграрной истории советского общества: Мат-лы научн. конф. М., 1971. С. 49.
- ⁹⁹ ГАРФ. Ф. 1453. Оп. 2. Д. 74. Л. 347.
- ¹⁰⁰ Уральская жизнь. 1919. 1 янв.
- ¹⁰¹ Горный край. 1918. 22 дек.; *Будберг А.* Дневник белогвардейца // Дневник белогвардейца. Новосибирск, 1991. С. 232-233; Алтайская мысль. 1919. 23 марта.
ю ГАРФ. ф. 4369. Оп. 5. Д. 400. Л. 3-4; Алтайская мысль. 1919. 29 июля;
Кадейкин В. А. Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 256.
- ¹⁰³ *Кислицын В. А.* В огне гражданской войны. Мемуары. Харбин, 1936. С. 50.
- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 38. Л. 4.
- ¹⁰⁵ *Шудьяков В.* Великий Сибирский поход колчаковской армии (ноябрь 1919 - февраль 1920): Очерки истории гражданской войны // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 3. Омск, 1994. С. 137.
- ¹⁰⁶ *Фоминых С. Ф.* Сибирское крестьянство в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в освещении англо-американских буржуазных историков // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1977. С. 298.
- ¹⁰⁷ *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Army. Los Angeles-L., 1971. P. 1.
- ¹⁰⁸ *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). Рига, 1922. С. 145; АБФ "Русское Зарубежье". Д. Ав. 5. Л. 5.
- ¹⁰⁹ ГАНС Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 1496. Л. 67.
- ¹¹⁰ *Колосов Е. Е.* Сибирь, при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923. С. 29.
- ¹¹¹ *Footman D.* Civil War in Russia. L., 1961. P. 218-219.

Глава 6
АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ.
РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

Перечень правоохранительных органов тех лет не исчерпывается судом, прокуратурой, милицией. В условиях гражданской войны в Сибири продолжал действовать такой традиционный негосударственный правоохранительный институт, как адвокатура в лице присяжных поверенных, их помощников, а также частных поверенных.

В соответствии с "Учреждением судебных уставов" присяжные поверенные и их помощники были приписаны к округу соответствующей судебной палаты. На территории, которую в 1918-1919 гг. контролировало Российское правительство, функционировали три такие палаты - Пермская, Омская и Иркутская. Одна из авторитетных сибирских газет на 1 апреля 1919 г. насчитала только в округе Омской судебной палаты 118 присяжных поверенных, причем 38 (или 32,2%) из них проживали в Омске. По данным самой палаты на 17 мая 1919 г. в ее округе насчитывалось 98 присяжных поверенных и 100 их помощников. Они проживали в 16 губернских (областных) и уездных центрах. Среди них Барнаул, Бийск, Ишим, Курган, Каинск, Камень, Новониколаевск, Омск, Павлодар, Петропавловск, Семипалатинск, Томск, Тобольск, Тюмень, Усть-Каменогорск и Ялуторовск¹.

Это примерно соответствовало численности адвокатов довоенного периода. К 1913 г. в округе Омской судебной палаты было 83 присяжных поверенных и 86 их помощников, а в округе Иркутской судебной палаты, соответственно, 95 и 67. Численность защитников в Сибири составляла всего лишь 2,3% к общему их числу в России. Население Сибири составляло 6,3% от населения страны, в то время как процент дел, находившихся в производстве, достигал 6,6%. В связи с этим нагрузка на одного сибирского адвоката была значительно больше, чем в центральных районах страны. Если в Санкт-Петербурге и Москве на одного защитника приходилось, соответственно, 32 и 43 дела, то Иркутске и Омске - 202 и 227². Таким образом, загруженность адвокатов в регионе в 6-7 раз превышала объем работы их столичных коллег. У нас есть основания считать, что события 1917-1919 гг. ухудшили эту ситуацию.

Сразу же после свержения советской власти летом 1918 г. в газетах стали появляться объявления о восстановлении адвокатской практики. В Екатеринбурге присяжный поверенный по судебным делам С. Г. Котельников начал ежедневно принимать по всем уголовным вопросам и вопросам политики. В петропавловской и барнаулской газетах часто печатались подобные объявления С. Б. Шнейдера и С. Г. Константинова³.

Численность адвокатов была относительно стабильной. Конечно, некоторые из них покидали сословие и переходили на государственную службу. В январе 1919 г. присяжный поверенный в Уфе Е. А. Сумароков был назначен управляющим Шадринским уездом, а его коллега В. А. Старцев — управляющим Екатеринбургским уездом. В феврале 1919 г. на Пермском уездном земском собрании присяжный поверенный Ф. С. Везродов избран мировым судьей, а присяжный поверенный и председатель Забайкальского областного земского собрания К. С. Шрейберг был призван в армию⁴.

Продолжалась естественная убыль адвокатов в связи со смертью. Наконец, имел место и чрезвычайный случай. 24 апреля 1919 г. в Чите двумя ударами ножа в шею неизвестными лицами был убит присяжный поверенный Н. С. Вотинцев, провожавший в час ночи свою даму⁵.

Вместе с тем, ряды сибирских адвокатов пополнялись. В начале ноября 1918 г. Совет присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты вновь принял Г. Б. Патушинского, одного из самых известных сибирских адвокатов, в число присяжных округа⁶. В связи со службой министром юстиции Временного Сибирского правительства он не мог заниматься адвокатской практикой. 14 декабря 1918 г. на торжественном заседании Тобольского окружного суда был приведён к присяге М. К. Сажин, зачисленный в сословие присяжных поверенных. В январе 1919 г. в присяжные поверенные при Иркутской судебной палате был принят бывший товарищ прокурора Иркутского окружного суда П. В. Зицерман, а в марте - бывший товарищ председателя Благовещенского окружного суда А. Л. Якуевич⁷.

Можно предположить, что именно с целью пополнения рядов адвокатов министерство юстиции пошло на необычный шаг. В его сообщении для газет от 1 августа 1919 г. говорилось о завершении разработки законопроекта о внесении поправки к ст. 355 "Учреждения судебных установлений" (т. XVI, ч. 1, издание 1914 г.). В соответствии с ней министру юстиции могло быть предоставлено право в особо уважительных случаях по ходатайствам советов присяж-

ных поверенных, поддержанных окружными судами или судебными палатами, разрешать лицам, исключенным из числа присяжных поверенных, возбуждать в законном порядке ходатайства о принятии их вновь в число присяжных поверенных⁸.

Одна из газет посчитала нужным напомнить населению те требования, которые традиционно предъявлялись к адвокатам. Присяжная адвокатура (поверенные и их помощники) обязательно должна была иметь юридическое образование, принести специальную присягу и быть объединена в "строгий" совет присяжных поверенных. В свою очередь, частные поверенные могли не иметь юридического образования и даже юридической практики. Им было достаточно сдать экзамен при съезде мировых судей и быть им допущенными к ведению дел. Частные поверенные не состояли в сословии адвокатов. Кроме этого, газеты, по мнению автора статьи, должны следить за добросовестностью адвокатов⁹.

В Сибири и в условиях гражданской войны продолжало действовать непреложное правило, когда судьи в силу своих должностных обязанностей предупреждали участников процесса об их праве на защиту. Товарищ председателя Уфимского окружного суда 13 мая 1919 г. направил в Языковецкую волостную и Мензелийскую уездную земские управы копию обвинительного акта и список лиц, присутствие которых на судебном следствии было необходимо. В письме содержалось требование выдать этим лицам копии акта лично и объяснить, что, согласно ст. 557 "Устава уголовного судопроизводства", они имеют право в семидневный срок довести до сведения суда об избранном себе защитнике. Кроме этого, они могли назвать того, кого бы ещё можно было включить в список свидетелей и по каким именно обстоятельствам¹⁰.

В оговоренных законом случаях защитник назначался даже без оплаты со стороны подсудимого. В декабре 1918 г. в Тюмени заседала выездная сессия Тобольского окружного суда с участием присяжных заседателей. Защитник был бесплатный и назначен судом. На этот раз им был присяжный поверенный И. А. Андронников, который, по мнению корреспондента «Нашего пути», вёл дело очень умело. В то же время некоторые присяжные поверенные, например Городцов, от бесплатного участия в процессе уклонялись и всю нагрузку сваливали на коллег. В статье содержалась рекомендация суду задуматься над этим явлением¹¹.

В стремлении отстоять законные права и интересы своих клиентов защитники обращались в высокие властные инстанции. Част-

ный поверенный при Иркутской судебной палате и Якутском областном суде Д. Никифоровский 18 марта 1919 г. обратился к Верховному правителю А. В. Колчаку по поводу распоряжения управляющего Якутской областью В. Н. Соловьёва об аресте почётного инородца А. Спиридонова и других граждан¹².

Защитников беспокоило соблюдение законности в деятельности чрезвычайных судов. В феврале 1919 г. адвокатура Читы возбудила вопрос перед соответствующими инстанциями о допущении адвокатов в военно-полевые и прифронтовые суды. Чуть позже, 21 февраля, представители читинской адвокатуры были приняты атаманом Забайкальского казачьего войска Г. М. Семёновым и деятелями военно-полевых судов. Речь шла о пределах ведения военной юрисдикции, и атаману был передан соответствующий письменный доклад¹³.

Такая практика существовала и в Иркутске. Здесь, благодаря своему профессионализму, адвокаты иногда добивались отмены приговора, вынесенного военно-полевым судом. 4 января 1919 г. в прифронтовом военно-полевом суде Иркутска слушалось дело о разбойном нападении 26 сентября 1918 г. на квартиру Лагунова. Защитниками были Д. О. Лабезников, Н. Н. Алексеев, Г. Б. Патушинский и Эйфрон. Двое подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение, остальные были осуждены к бессрочной каторге. После вмешательства адвокатов командующий войсками Иркутского военного округа заменил смертные приговоры бессрочной каторгой, а Надеев был даже оправдан¹⁴.

Позже по инициативе одного из виднейших иркутских юристов (имя которого газета почему-то не назвала) "идейная" адвокатура начала принимать на себя ведение защиты в прифронтовых военно-полевых судах без всякой оплаты. В газете оговаривалось, что речь шла только о делах по исключительно "чистым", принципиальным вопросам¹⁵.

В Омске 31 июля 1919 г. в Соединённом присутствии Главного военного и морского судов рассматривалась кассационная жалоба присяжного поверенного В. А. Жардецкого. Он был защитником подсудимых И. И. Захарова и П. И. Бокарёва, осужденных за "извлечение прибыли". В итоге приговор, вынесенный Тюменским военным окружным судом от 4 июля 1919 г. в соответствии со ст. 13 и 118 "Уложения о наказании", был отменён как слишком суровый¹⁶.

Однако были случаи, когда адвокаты отказывались принять на себя защиту. Так было 6 мая 1919 г., когда во Владивостокском окружном суде начался процесс по делу большевистских комисса-

ров П. М. Никифорова и Я. В. Сви́дерского* В другом случае известный во Владивостоке адвокат В. П. Дукельский после знакомства с делом участницы большевистского подполья Т. М. Головиной заявил ей о том, что ничем помочь не может¹⁷.

Имело место и недобросовестное выполнение адвокатами своих обязанностей. Сразу несколько сибирских газет уделили внимание скандалу, связанному с делом помощника присяжного поверенного Айзина. Он сфальсифицировал справку по делу об ограблении с целью обеспечения алиби арестованным грабителям. Командующий Омским военным округом передал дело названного защитника на рассмотрение в военно-полевой суд¹⁸.

Министерство юстиции предпринимало шаги по совершенствованию организации судебной защиты. Сибирская общественность положительно отозвалась на сообщение этого ведомства о начале разработки законопроекта, предусматривавшего допуск защитников к делу на этапе предварительного следствия. А. Юновидов в статье "Защита на предварительном следствии" высказался в пользу новшества. Сейчас же, писал названный автор, в руках следователя сосредоточено и обвинение, и защита. Ещё профессор И. Я. Файницкий, напоминал А. Юновидов, в своём "Курсе уголовного судопроизводства", предупреждал о том, что "такое смещение двух противоположных функций... и поручение их одному лицу может иметь лишь одно, крайне опасное для правосудия последствие: слабость защиты и недостаток судебного беспристрастия. Возлагать на судью обязанность совместно винить и оправдывать, убеждал профессор, и хранить при этом только беспристрастие и справедливость значит возлагать на него тяготу непосильную". В "Сибирской жизни" инициативу министерства юстиции приветствовал М. Р. Бейлин. Он заявил, что такая практика будет соответствовать мировому опыту¹⁹.

В указанный период были предприняты попытки организовать корпоративную жизнь защитников. Вскоре после падения советской власти адвокаты провели свои первые собрания. В воскресенье, 13 октября 1918 г. в Чите прошло собрание читинских присяжных поверенных. Они обсудили сообщение Совета присяжных поверенных округа Иркутской палаты о возобновлении работы. Читинские адвокаты признали правильным свой бойкот советской власти, охарактеризованной ими как "самочинная". Было поддержано решение о проведении в январе 1919 г. собрания адвокатов округа Иркутской судебной палаты²⁰.

Для организации внутрисословной жизни адвокаты избирали Совет присяжных поверенных округа соответствующей судебной палаты. События 1917 г. нарушили отлаженную систему и негативно повлияли на самих юристов. Впечатления о томской адвокатуре того времени изложил в своем письме от 11 июля 1918 г. председателю Временного Сибирского правительства, бывшему присяжному поверенному П. В. Вологодскому его близкий друг из Томска. Собрание местных адвокатов произвело на него "чрезвычайно жалкое впечатление". Он ощутил какую-то страшную разрозненность во мнениях и отношениях адвокатов между собой, полное отсутствие единства. "Сколько голов, столько и умов", — писал томич. Средний уровень адвокатуры, по его мнению, весьма понизился. Конца заседания он не дождался. По всем признакам, полагал он, они не должны были вынести единой объединяющей резолюции. Очень хорошее впечатление на корреспондента председателя правительства произвел Юрьев, избранный на этом заседании председателем. Письмо заканчивалось словами "как-то больно становится за адвокатуру"²¹.

Можно предположить, что подобное чувство испытывали и другие члены словесия. Для решения накопившихся проблем было решено в порядке ст. 365 "Учреждения судебных уставов" созвать 11 сентября 1918 г. общее собрание присяжных поверенных Омской судебной палаты. В повестке дня значились отчет совета за 1917 г. и выборы нового совета²².

На совещании адвокатуры Томска 3 августа 1918 г. были предложены кандидатуры в члены этого совета. Ими стали М. Г. Гинзберг и В. К. Гоштовт. Однако общее собрание в Омске не состоялось из-за болезни нескольких присяжных поверенных и было перенесено на октябрь²³.

Общее собрание присяжных поверенных округа Омской судебной палаты состоялось 13-14 октября 1918 г. По его завершению председателем совета был выбран Георгий Михайлович Котляров, товарищем председателя — Павел Константинович Попов, членами — Михаил Германович Гинзберг, Валентин Андреевич Колосов, Николай Викулович Патрушев, Владимир Орестович Петропавловский, Александр Александрович Шиш и Исая Леонтьевич Янкелевич²⁴. В письме от 20 октября 1918 г. П. В. Вологодскому томский присяжный поверенный М. Г. Гинзберг признался, что собрание прошло вяло и сообщил о своем избрании в совет²⁶.

На 22 мая 1919 г. в Омской судебной палате было назначено 2-е общее собрание. Снова планировался отчет совета и выборы его нового состава. Предполагалось обсудить и сословные дела. В объявле-

нии о созыве собрания оговаривалось, что если оно не состоится, то состав совета останется прежний. По решению Временного Сибирского правительства для проведения собрания было достаточно кворума в 1/3 от общего числа присяжных поверенных²⁶. Однако общее собрание из-за отсутствия даже такого невысокого кворума не состоялось: явилось только 29 человек. Они прождали своих коллег два часа, но не пришли даже омичи. В итоге до 1920 г. состав совета остался прежним²⁷.

Определенное место в корпоративной деятельности занимало обсуждение персональных дел. Часть из них относилась к профессиональной деятельности адвокатов, часть касалась их морального облика. В октябре 1918 г. из числа частных поверенных при Семипалатинском окружном суде за сотрудничество с органами советской власти был исключен А. Д. Способин²⁸. Совсем другим оказался результат проверки поведения при советской власти присяжного поверенного М. С. Бухова. Прокурор Казанской судебной палаты Н. И. Миролюбов 3 марта 1919 г. сообщил министру юстиции по его запросу о том, что М. С. Бухов в 1918 г. служил у красных начальником милиции с ведома сословия присяжных поверенных и являлся участником антибольшевистской организации²⁹.

В марте 1919 г. в совете присяжных поверенных было возбуждено дисциплинарное дело против юрисконсульта Омской железной дороги присяжного поверенного П. Л. Соколова. В вину ему ставили то, что он активно защищал интересы городской думы, а не интересы своего клиента. С осуждением такого отношения к профессиональным обязанностям выступили П. К. Попов, В. П. Шишлин, Л. М. Голуб³⁰. Министр юстиции Г. Г. Тельберг 5 июня 1919 г. направил обер-прокурору Соединенного присутствия Временного присутствия первого и кассационного департаментов Правительствующего сената дисциплинарное дело Совета Омской судебной палаты о присяжных поверенных Каргалове и Ааронове³¹.

Даже в условиях гражданской войны адвокаты задумывались о своей нравственной позиции, так как некоторые защитники допускали аморальные поступки. Безобразный случай произошел в Благовещенске. Вечером 31 декабря 1918 г. присяжный поверенный, председатель старшин общественного собрания Е. Д. Камов, являвшийся членом местной организации эсеров, избил на репетиции режиссера труппы С. Карского. Примечательным, по мнению газеты, было то, что адвокат был трезвым³². В мемуарах управляющего Камчатской областью А. А. Пурина есть сведения о том, что 14 сентября 1918 г. участники 2-го Камчатского областного съезда обсуждали воп-

рос о присяжном поверенном Галке. Он за спирт выменивал у инородцев ценный мех. Адвокат был наказан штрафом, о его поведении было сообщено в Петропавловский окружной суд и совет присяжных поверенных округа Иркутской судебной палаты, членом которого он являлся. Сам же Галка был выслан с полуострова³³.

Традиционным правоохранительным органом продолжал оставаться нотариат. Только спустя год после прихода к власти омское правительство обратило внимание на нотариальные акты, совершенные при советах. В этой связи 8 мая 1919 г. им было принято постановление "Об утверждении старшими нотариусами актов, утверждённых советской властью". Документ объявлял купчие крепости и закладные, совершенные в то время, недействительными. Нотариусы должны были осуществлять пересмотр сделок, не ожидая ходатайства сторон. Неутвержденные акты следовало считать недействительными. Все полученные сборы принимались к зачёту и не подлежали возвращению³⁴.

Среди нотариусов того времени были специалисты высокой квалификации. Членом Хабаровского нотариата в сентябре 1918 г. был назначен Е. Ф. Алексеевский. До марта 1917 г. он занимал должность вице-губернатора Амурской области, а затем - военного губернатора Сахалина³⁶. Петроградский нотариус В. Э. Гревс служил в Омске советником министерства иностранных дел по делам Дальнего Востока³⁶.

Среди этой категории юристов также наблюдалось движение. Известный в Чите нотариус П. А. Кузнецов получил назначение в юрисконсультский отдел МВД, а курганский нотариус Черепанов стал мировым судьей 9-го участка Иркутска³⁷. По сообщению прокурора Пермского окружного суда, большевиками в Перми был убит нотариус Э. Э. Виганд, а в Краснофимске был взят в заложники Б. К. Медер. 21 января 1919 г. в Минусинске скончался нотариус, выпускник Московского лицея П. И. Дюков³⁸.

Нотариусы занимали свои посты либо по назначению, либо на конкурсной основе. 13 декабря 1918 г. старший председатель Иркутской судебной палаты Н. П. Ераков вместо умершего нотариуса М. Д. Богоявленского назначил бывшего Рухловского нотариуса М. В. Гнеденкова³⁹. В другом случае в феврале 1919 г. председатель Иркутского окружного суда на основании ст. 15 "Положения о нотариальной части" ввиду смерти нижеудинского нотариуса В. Н. Полюжинского "вызывал" лиц, желающих занять названную должность. В мае того же года председатель Тобольского окружного суда в газетном объявлении "вызвал" желающих занять освободившееся место нотариуса Тюмени⁴⁰.

О том, как проходили такие конкурсы, можно узнать из следующего отчета. 13 декабря 1918 г. в порядке ст. 15 "Положения

о нотариальной части" в особой комиссии Омского окружного суда под председательством председателя суда графа М. А. Подгоричани-Петровича⁴¹ при участии старшего нотариуса К. М. Попова, прокурора суда В. Н. Казакова состоялись "испытания" присяжного поверенного В. П. Шипилина. Было проверено умение правильно излагать акты, знание форм делопроизводства и необходимых законов. В качестве письменной работы ему было предложено составить купчую крепость и договор о праве застройки. В результате испытываемый был признан достойным звания нотариуса⁴².

Были случаи, когда в связи с ростом числа обращений населения учреждались новые должности нотариусов. Однако в условиях революции и гражданской войны это было делом непростым. Председатель Томского окружного суда 9 августа 1918 г. в третий раз направил старшему председателю Омской судебной палаты ходатайство Томского биржевого комитета об учреждении в городе 4-го нотариуса. Первый раз эта просьба была высказана еще 23 августа 1917 г., второй - 15 июля 1918 г. Было по этому поводу и ходатайство председателя Томской городской управы. Только в начале января 1919 г. газета сообщила о том, что на днях в Томске откроется 4-я нотариальная контора во главе с бывшим мариинским нотариусом М. П. Шереметом⁴³.

Деятельность нотариусов находилась под контролем прокуратуры. Обер-прокурор Соединённого присутствия первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената 29 апреля 1919 г. направил прокурору Омской судебной палаты представление о неправильных действиях старшего нотариуса Тобольского окружного суда Литынского, которые подпадали под ч. 1. ст. 347 "Уложения о наказаниях"⁴⁴.

Некоторое представление о работе нотариусов дает отчет канского нотариуса А. Я. Томановского за 1918 г. и первый квартал 1919 г., направленный на имя председателя Красноярского окружного суда⁴⁵.

	1918 г.	Первый квартал 1919 г.
Совершено нотариальных актов	3	27
Засвидетельствование	106	688
Опротестовано векселей	—	1
Всего совершено актов	109	716
Взыскано на сумму	675 руб.	871 883 руб.
Получено	610 руб.	4860 руб.

Знакомство с этими показателями дает наглядное представление о значительной, даже с поправкой на высокую инфляцию, активизации деловой активности и непосредственно связанным с ней юридическим оформлением документов в уезде. Здесь следует учесть, что данное административное образование не было сколько-нибудь выдающимся в отношении экономического развития. То же происходило и по всей Сибири.

Установление законности и правопорядка предполагало достижение соответствующего уровня "юридической грамотности" самого населения. Определённая часть общества была обеспокоена низким уровнем правовых знаний, а соответственно, и правовой культуры сибиряков. В это время активно обсуждался вопрос о юридической помощи населению. Не остались в стороне и газеты, располагавшие тогда самой многочисленной аудиторией. Все их публикации можно условно разделить на две неравные группы.

В первом случае речь идёт о материалах общего характера. Например, один из авторов "Вестника Приуралья" справедливо писал о том, что в стране много законов уже принято и процесс законотворчества продолжается. Однако крестьяне, по его мнению, так и не знают к кому и куда обратиться с тем или иным правовым вопросом⁴⁶. Со статьёй "Правовое воспитание народа" в двух номерах "Сибирской жизни" выступил Ип. Холмовский. Он сослался на авторитетное мнение С. А. Котляревского о том, что "нет правового государства без сознания у граждан ценности права, без любви к праву, борьбы за право". Автор статьи выделил три формы правового воспитания: семья и школа, различные общества и союзы. Но первенство, как считал Ип. Холмовский, должно быть отдано семье. В заключение автор высказался в пользу "сильной и живой правовой психологии"⁴⁷.

В ряде случаев аргументация авторов не была столь развёрнутой и убедительной. Автор статьи "По закону и без закона" уговаривал своих читателей соблюдать законы, потому что "так лучше". В другом случае М. Кузнецов писал о том, что сначала должны быть выполнены обязанности гражданина и только потом речь могла идти о его правах⁴⁸.

Некоторые авторы обращали внимание на права и свободы личности. Дм. Неверов считал неприкосновенность личности одним из устоев правового порядка. С большой статьёй "О свободе личности" в газете "Оренбургский край" выступил Н. Бутовский. Он подробно писал о многочисленных случаях нарушения прав личности большевиками на территории Советской России⁴⁹.

Были публикации, посвященные вопросам государственного устройства. Ю. Фармаковский написал об этом даже "Конституционную новеллу", в которой познакомил читателей с полномочиями Верховного правителя. О верховной власти писал и автор под псевдонимом "Leg'sta"⁶⁰. Некоторые авторы убеждали читательскую аудиторию в необходимости государственного порядка. В частности, автор статьи "Почему нужен Государственный порядок" сообщал читателям, что только при установлении такого порядка им вернётся добро, богатство и спокойствие. Автор публикации "Как надо поддерживать государственный порядок" убеждал своего читателя в том, что без такого порядка нельзя прожить и для его установления необходимо выполнять определенные законом повинности. Подробную статью "Почему нужен Государственный порядок" опубликовала газета "Надежда России"⁵¹.

Вторая группа публикаций выгодно отличается своей практической направленностью. Среди них можно назвать статьи А. Станева "Юридическое положение внегородских земель", "Изменение закона о мировом суде", "Юридическое положение кредитной кооперации", опубликованные в шадринской газете. Прикладное значение имел материал В. Бобина под характерным заголовком "Гражданская война и имущественные сделки". В Чите увидела свет статья Ю. "Административный суд". Корреспондент В. Б-рь предложил вниманию челябинских читателей омскую законодательную хронику⁵².

Ещё дальше пошла редакция омского "Крестьянского вестника". Здесь была открыта рубрика "Законы и суд". В ней публиковались написанные понятным для крестьян языком советы по достаточно злободневным юридическим вопросам. В этом отношении можно выделить статьи "Как вернуть захваченную землю" (речь шла о самозахвате друг у друга земли крестьянами), "Захватное и законное землепользование", а также "Судьба владения, занятого неприятелем". Газета практиковала публикацию ответов на письма в редакцию. В ней увидела свет статья о том, как должны вознаграждаться лица, призванные на военную службу с должностей, впоследствии упразднённых. По просьбе Селишенской сельской управы в одном из номеров было рассказано об устройстве местного суда⁵³.

Наконец, красноярская "Сельская жизнь" дополнила статью Д. Б. "Юридическая помощь сельскому населению" информацией об открытии редакцией отдела, в котором деревенские жители могут получить совет о том, как поступать в соответствии с законом. В газете был опубликован адрес, по которому могли обращаться жители губернии⁵⁴.

Следует отметить, что среди авторов газетных публикаций были известные в Сибири юристы. Профессор В. А. Рязановский в "Сибирской жизни" поместил обзор законодательной деятельности Временного Сибирского правительства, а в "Нашей Заре" - статью "Наша действительная конституция и чрезвычайно-указное право Верховного правителя"⁵⁵.

Активным автором местных газет был профессор Томского университета И. И. Аносов. Официоз "Вестник Томский губернии" в конце мая 1919 г. опубликовал его большую статью "Право личной неприкосновенности". Учёный познакомил читателей с историей проблемы, дал анализ нормативных актов. Чуть позже названная статья была перепечатана в других изданиях. Интересными и весьма актуальными были публикации этого профессора под названиями "Об обязанностях гражданина", "О свободе"⁵⁶.

Проблема юридической помощи населению не оставила равнодушной сибирское самоуправление. В архивах сохранились данные опроса Томской губернской земской управой 29 волостных управ Мариинского уезда. Вполне возможно, что подобный опрос проводился и в других уездах губернии. Первый из вопросов звучал так: "Часто ли встречаются вопросы юридического характера". О том, что часто ответили из 10 волостей, не часто — из 3, довольно редко - из 3, очень редко - из 8, не встречаются - из 5.

Следующим был вопрос о том, часто ли население обращается к ним за юридической помощью. В 18 волостях такие случаи были, в 5 - очень редко, не обращалось вовсе - в 6 волостях. Таковую помощь оказывали мировые судьи, адвокат, волостной и сельский секретарь, волостной суд, чины милиции. В 15 волостях этого не делал никто. Только в 4 волостях был суд, причём в 3 случаях он не действовал. Лишь в Тяжино-Барандатской волости работал волостной суд, который только в последние месяцы 1918 г. разобрал 120 дел⁵⁷. Вполне возможно, что столь редкое обращение за юридической помощью объяснялось не столько отсутствием в ней необходимости, сколько незнанием крестьян, куда обратиться.

Попытку спрогнозировать уровень правовой информированности сибиряков в будущем предприняли педагоги Читы. В конце 1918 г. они провели среди учащихся младших классов учебных заведений города анкету о "правовых воззрениях". В ней были следующие вопросы:

1. Сколько лет, фамилия, имя.
2. Какие проступки вы называете хулиганскими?
3. Как бороться с хулиганством среди учеников?

4. Как бороться с хулиганством по всей России?

5. Какие книжки вы любите читать?

6. Кем хотите быть?

В статье оговаривалось, что отвечать можно серьёзно и "шуточно". Однако серьёзно - обязательно. Одновременно высказывалась просьба к учителям помочь провести данную анкету в своих классах и ответы принести во 2-е высшее начальное училище. Итоги анкеты планировалось подвести на Рождество 1919 г.⁵⁸ К сожалению, нам не удалось проследить судьбу этого проекта.

Вопрос о скорейшей организации юридической помощи населению был вынесен на собрание Красноярской уездной земской управы. Управляющий Енисейской губернией юрист по образованию П. С. Троицкий, посетивший собрание 28 февраля 1919 г., был этим "очень доволен". "Население юридически невежественно, — отметил он, - и нередко не знает, где искать права"⁵⁹.

В начале марта 1919 г. съезд председателей волостных управ Омского уезда Акмолинской области высказался за оказание крестьянскому населению уезда бесплатной юридической помощи, которая чуть позже и была организована. Информация об этом, помещённая в "Нашей Заре", оказалась интересной и впоследствии была перепечатана томской "Народной газетой"⁶⁰.

Начать оказывать юридическую помощь населению призвал челябинское земство 3 апреля 1919 г. В. Д. Красноярский. В статье "Земская юридическая помощь населению" он назвал одну из причин того, почему суды завалены "вздорными исками". Дело, как он считал, было в том, что появились "подпольные адвокаты", которые, как правило, были плохими. Надо, призвал автор, шире использовать опыт земства Уфимской губернии⁶¹.

В июне 1919 г. демократическая группа гласных Тюменской городской думы сообщила через местную газету своим избирателям о том, что будет настаивать на организации бесплатной юридической помощи населению путём приглашения специального юриста⁶². Осенью 1919 г. Красноярская городская управа подготовила проект по реорганизации юридического отдела и по оказанию населению юридической помощи⁶³.

О сети участковых, уездных, окружных и областных секретариатов по предоставлению юридической помощи с привлечением к работе в них лиц, имеющих высшее образование, рассуждал в одном из номеров газеты "Горный край" О. Шапино. Однако в публикации остались без ответа два, пожалуй, самых важных вопроса: где

взять столько квалифицированных специалистов и из каких средств оплачивать их услуги⁶⁴.

О степени заинтересованности органов местного самоуправления данной проблемой говорит следующий факт. Томская губернская земская управа предложила летом 1919 г. созвать в этом городе Западносибирский съезд представителей губернских и уездных земств. Она же назвала вопрос об оказании населению такой помощи одним из пяти планировавшихся в повестку дня⁶⁵.

Уже упоминавшийся В. Д. Красноярский в материале "Юридическая помощь населению в Челябинском уезде" критиковал Челябинское уездное земское собрание. На состоявшемся в марте собрании об этой проблеме не было сказано ни слова. Этим здесь занялся Челябинский союз кооперативов потребителей, пригласив для этого самарского присяжного поверенного Гладкова. В декабре 1918 г. уже был принят план. При союзе было создано бюро по выдаче населению справок по обращениям в различные учреждения. По общим вопросам планировалось составлять руководства-сборники. Было решено, что в определённых пунктах уезда и в назначенные часы юристы бесплатно будут консультировать посетителей. Предусматривалась возможность консультаций по почте и через газету. Был внесён и первый взнос от союза — 25 тыс. руб. Однако автор публикации высказывал обоснованное беспокойство о том, согласятся ли немногие юристы на такую работу. Вместе с тем такая попытка, как считал В. Д. Красноярский, всё равно лучше чем ничего⁶⁶. В июне 1919 г. тот же союз кооперативов приобрел библиотеку нотариуса Кульчинского, состоявшую из 3 тыс. редких изданий⁶⁷. Эти книги должны были составить справочную базу консультационной и просветительной работы.

В отдельных случаях юридическую помощь пытались оказывать профсоюзы. Например, в январе — апреле 1919 г. Барнаульский юридический секретариат профессиональных союзов провёл 19 дежурств и 15 коллегиальных заседаний, принял 98 посетителей. За период с мая по август состоялось 40 дежурств и 9 заседаний⁶⁸. Юридическое бюро для консультаций членов профсоюзов было создано при Главном дорожном комитете мастеровых и рабочих Томской железной дороги⁶⁹.

Осенью 1919 г. томский комитет помощи армии решил организовать подобную помощь солдатам и их семьям. Предполагалось, что юристы согласятся проводить бесплатно консультации по 2—3 часа в неделю. На 3 сентября 1919 г. было назначено первое собра-

ние юристов, о чём местная газета извещала дважды. Однако, как, с сожалением отметила пресса, на собрании было весьма немногочисленно. Через несколько дней товарищ прокурора Томского окружного суда В. Л. Покровский на заседании бюро томского комитета помощи армии рассказал о первых случаях оказания подобной помощи. Это происходило в устной форме, давались ответы на самые разнообразные обращения. Кроме этого, юристы участвовали в консультациях по месту жительства по вызовам населения. Выступавший сообщил о том, что для оказания помощи по более серьёзным делам будет запрашиваться плата от комитета. В заседании принял участие бывший министр внутренних дел Всероссийского Временного правительства А. Н. Гаттенбергер. 17 сентября 1919 г. в "Сибирской жизни" было помещено объявление о бесплатных юридических консультациях для военнослужащих и их семей. Для консультаций был установлен следующий график — с 11 до 1 часу по понедельникам, средам и субботам. Местом встреч с юристами была Почтамтская улица, дом № 32, верхний этаж⁷⁰.

Следует отметить более активную, чем в других городах, работу по распространению правовых знаний в Иркутске. Здесь на Масленицу 1919 г. на монголо-бурятских курсах губернский учительский бурятский союз проводил лекции. Среди лекторов был и преподаватель юридического факультета местного университета А. Н. Колесников.

С 24 февраля 1919 г. начались занятия в Иркутском народном университете. На общественно-историческом факультете профессора юридического факультета Иркутского университета М. М. Агарков и Г. Ю. Манне читали, соответственно, гражданское право и основы уголовного права, в частности "Преступность и борьба с нею". Для всех слушателей были запланированы такие обязательные предметы, как государственное право (в объеме 4 часов), общая теория права (2 часа). Кроме того на общественно-юридическом отделении читались гражданское право (4 часа), административное и уголовное право (по 3 часа), судебное, промышленно-рабочее право и местное самоуправление (по 2 часа), международное право (1 час).

Наконец, комитет учащихся Иркутска стал инициатором проведения еженедельных лекций по всем отделам науки. Первым выступил ректор университета профессор М. М. Рубинштейн. Свое согласие выступить дали профессор и преподаватель юридического факультета местного университета М. М. Агарков и А. Н. Колесников. Занятия проходили по воскресеньям в помещении промышленного училища⁷¹.

Чаще мероприятия по распространению правовых знаний носили разовый и эпизодический характер. В феврале 1919 г. культурно-просветительный отдел культурно-экономического союза организовал в Омске для выздоравливающих раненых воинов лекции. По теме "Что такое государство" выступил Д. Л. Раснер.

В октябре в зале Городского дома Хабаровска состоялась лекция журналиста Л. В. Арнольдова "Как надлежит гражданину воспринять идеи права и государства". Выступавший обратил внимание слушателей на имевшее место поражающее воображение равнодушие населения к суду. Лектор высказался за "прочный и нерушимый" правопорядок. В том же месяце Осведомительное управление Восточного фронта в омском театре "Гигант" назначило публичную лекцию И. И. Крыльцова "Право и культура и всемирная борьба за них"⁷². О том, что такие мероприятия были нужны, свидетельствовала просьба Новониколаевской уездной земской управы к Новониколаевскому бюро печати повторить в селе Алексеевка лекцию по теме "Что такое государство"⁷³.

Помощь в получении основ юридических знаний оказывали и культурно-просветительные учреждения. Сотрудники читального зала библиотеки Иркутского университета с декабря 1918 г. по июнь 1919 г. за 127 дней и 63 вечера обслужили 1132 человека. Читателям было выдано 1914 книг, в т. ч. юридической литературы - 162 экземпляра, что составило 8,46% от всей книговыдачи⁷⁴. Гораздо скромнее были результаты работы Владивостокской библиотеки-читальни имени Н. В. Гоголя. Здесь за 1918 г. число посещений читального зала составило 36523, в т. ч. 30140 посещений мужчинами и 2854 женщинами, абонемент посетило 44388 читателей. Но в читальном зале было выдано лишь 75, а на абонементе - 166 книг по правоведению⁷⁵. Неизвестно, однако, количество экземпляров таких изданий в каждой из библиотек.

Были и неиспользованные возможности в деле распространения правовых знаний. Не все просветительские организации считали нужной для себя эту работу. Народный университет Челябинска запланировал прочитать для населения 3 лекции, но среди них не было ни одной по вопросам права. В другом случае Шадринский учительский союз задумал провести 8 популярных лекций, в т. ч. и о том, есть ли жизнь на Марсе. Но и здесь не было ни одной по указанной тематике⁷⁶.

Обращает на себя внимание распоряжение управляющего Енисейской губернией от 12 июня 1919 г. о том, чтобы управляющие

уездами при выезде в подведомственные населённые пункты оказывали населению юридическую помощь. Отчёт о проведённых консультациях следовало направлять в управление губернией⁷⁷. Однако далеко не все администраторы были в состоянии этим заниматься. Здесь следует упомянуть подсчёты, сделанные В. В. Журавлёвым. Он проанализировал образовательный уровень комиссаров Временного Сибирского правительства. Выяснилось, что 77,8% губернских комиссаров и их помощников имели высшее образование, из них 55,5% - высшее юридическое. Среди уездных комиссаров и их помощников эти показатели составляли, соответственно, 35,9% и 57,1%⁷⁸. Поэтому в качестве редкого положительного примера здесь можно назвать помощника управляющего Забайкальской области А. В. Волгина, который в Читинской военной школе читал курс администрации и законоведения⁷⁹.

Однако этими мерами невозможно было кардинальным образом решить проблему подготовки кадров, тем более руководящих. Многие годы подготовку правоведов высшей квалификации в Сибири осуществлял юридический факультет Томского университета. В 1918 г. на нем числилось 454 студента, 163 слушательницы, 312 вольнослушателей и 198 вольнослушательниц, итого — 1127 человек⁸⁰. Педагогический процесс обеспечивали опытные преподаватели. Профессор Н. Я. Новомбергский зарекомендовал себя как один из лучших лекторов. В частности, 18 февраля 1919 г. в переполненной аудитории № 1 он прочитал лекцию "Принципы демократического строительства хозяйственной жизни"⁸¹.

Продолжил свою работу студенческий криминалистический кружок. 15 февраля 1919 г. на его заседании состоялся "суд" над героями рассказов В. М. Гаршина "Сигнал" и А. П. Чехова "Убийство". После чтения рассказов вслух были сформулированы обвинения по статьям "Уголовного уложения". Студенты имели право выступить в поддержку обвинения или защиты. В заключение выносилось решение. В марте был заслушан доклад студента Н. С. Щеглова "Проблема наказания в свете социологии". В следующий раз было рассмотрено примерное уголовное дело мировой подсудности по обвинению крестьянки Титовой по ст. 169 "Устава о наказаниях". Вначале студент Золотнов сделал сообщение о роли и значении мирового суда и объяснил, что такое кража по «Мировому уставу» и «Сенатским толкованиям». Следует заметить, что данное занятие проходило по материалам подлинного дела⁸².

Преподаватели факультета продолжали заниматься научно-исследовательской работой. 2 сентября 1919 г. в Томске диссертацию на соискание учёной степени доктора полицейского права защитил Н. Я. Новомбергский. Его сочинение "Слово и дело государевы" представляло собой историко-юридическое исследование вопросов русского административного и уголовного права. Официальными оппонентами были профессора Томского университета В. М. Грибовский и И. И. Аносов⁸³. В том же 1919 г. профессор И. В. Михайловский опубликовал "Очерки философии права"⁸⁴. Его коллега по факультету профессор С. П. Никонов в январе 1919 г. активно участвовал в работе съезда по организации в Томске Института исследования Сибири⁸⁵. 28 мая 1919 г. профессор по кафедре финансового права Б. Е. Будде, эвакуированный из Казани, указом Верховного правителя был назначен членом Государственного экономического совещания⁸⁶, в котором давал юридические консультации.

Педагогический коллектив юридического факультета Томского университета в тот период пополнился беженцами из центральной России и Урала. Среди них — экстраординарный профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле, бывший товарищ прокурора Ярославского окружного суда В. А. Рязановский. Приват-доцент Петербургского университета А. М. Говорцов стал экстраординарным профессором по кафедре международного права. Приват-доцентом при кафедре истории русского права был исполнявший дела ординарного профессора по кафедре истории русского права Пермского университета А. Н. Круглевский. В Томск эвакуировался и декан юридического факультета Пермского университета, исполнявший дела экстраординарного профессора по кафедре церковного права Н. Н. Фиолетов. С 1 сентября 1919 г. секретарем юридического факультета был исполнявший дела экстраординарного профессора по кафедре римского права Казанского университета Б. П. Иванов⁸⁷.

Однако не всё было просто в трудовом и бытовом обустройстве приехавших в Томск специалистов. Летом 1919 г. даже возник конфликт. Накануне начала 1919/20 учебного года в местной печати появилось сообщение о том, что находившаяся здесь группа преподавателей юридического факультета Пермского университета решила уехать в Иркутск. Причиной послужил отказ руководства юридического факультета в Томске предоставить кафедры своим пермским коллегам. Среди тех, кто решил уехать, были названы профессор: уголовного права А. Н. Круглевский, римского права В. Ф. Глушков, полицейского права В. Н. Дурденевский⁸⁸. В свою очередь, руковод-

ство Иркутского университета возбудило ходатайство о прикомандировании названных преподавателей от Томского университета к Иркутскому. Газеты сообщили, что Томский университет идет на встречу этому предложению⁸⁹.

Осенью 1918 г. осуществилась идея, занимавшая многих сибиряков не одно десятилетие. 14 августа министр народного просвещения профессор В. В. Сапожников подписал акт об открытии Иркутского университета с историко-филологическим и юридическим факультетами⁹⁰. 27 октября 1918 г. в Иркутске был открыт второй в Сибири университет. Ко дню открытия вуза на юридический факультет было принято 210 человек, среди них 117 мужчин и 93 женщины. Для сравнения: на историко-филологический факультет того же вуза было принято 276 человек, в том числе 64 мужчины и 212 женщин. Всего на оба названных факультета поступило 486 человек⁹¹. Уже в 1919/20 учебном году на юридическом факультете было 184 студента, а со слушателями и вольнослушателями — 448. Занятия начались сразу на двух курсах. На второй курс были переведены студенты, обучавшиеся до этого в других университетах, главным образом в Томском. Ко дню открытия университета в Иркутске был проведен опрос студентов о наиболее удобном времени учебных занятий. За то, чтобы они проходили утром, высказалось 10 студентов-юристов, 9 с историко-филологического факультета и 79 с физико-математического. В пользу проведения занятий вечером — 58 будущих юристов, 53 историков и филологов и 280 физиков и математиков. Заявили о том, что им это безразлично, соответственно, 2, 1 и 15 человек⁹². Как известно, физико-математический факультет тогда открыт не был, а занятия проводились вечером. Столь же демократично подошли к формированию учебного плана во Владивостоке. Здесь будущие студенты юридического факультета высказали пожелание о чтении им курса "Техника судебного красноречия"⁹³.

Идея создания своего юридического факультета возникла среди общественности и учащихся выпускных классов учебных заведений Владивостока, по-видимому, в самом начале 1919 г. Дело в том, что обучение в Томске и Иркутске было сопряжено тогда с чрезвычайными материальными и иными затруднениями. Учащиеся и их родители обратились за помощью к местным юристам⁹⁴.

Вскоре состоялось собрание инициативной группы граждан по учреждению во Владивостоке юридического факультета. Затем, 30 апреля, был образован комитет по учреждению такого факультета, в который были приглашены и представители городского самоуп-

равления. Первое заседание названного комитета прошло вечером 5 июня в помещении Восточного института. Было решено создать университет на правах частного учебного заведения с оплатой со студентов и вольнослушателей по 100 руб. за семестр, занятия проводить в вечернее время. Председателем комитета по учреждению факультета избрали присяжного поверенного Ф. А. Вальдена, членами комиссии стали профессор Н. И. Дмитраш, Арк. П. Петров, кандидатом в члены — Н. П. Васильев. Исполняющим обязанности декана стал профессор Н. И. Кохановский. Было сделано предложение об участии в комитете представителей городского самоуправления. Планировалось открыть факультет уже осенью 1919 г.⁹⁵

За лето была проведена значительная организационная работа, в том числе и по привлечению средств. Одна из газет рассказала о том, что есть план обратиться за помощью к американским миллионерам, Англо-русскому комитету в Лондоне с просьбой построить здание⁹⁶. Нам пока не известно о судьбе таких обращений. Деньги поступили от краевого комитета Дальневосточного союза земств и городов, Приморского областного земства. В газетах было сообщено о готовящемся спектакле в Народном доме с перечислением сбора на счет комитета. Были пожертвования и от частных лиц. Присяжный поверенный С. П. Скидельский и Г. Урин передали по 25 тыс. руб., были пожертвования и по 1 тыс. руб.⁹⁷ Всего сбор дал 200 тыс. руб. На воскресенье 28 декабря 1919 г. в помещении Восточного института был назначен концерт-бал юристов. Весь чистый сбор предполагалось направить на "усиление" средств факультета⁹⁸. Всё это, по мнению многих, давало уверенность в успехе инициативы. О проделанной работе было сообщено министру народного просвещения П. И. Преображенскому".

В конце лета общее собрание по учреждению во Владивостоке юридического факультета постановило считать его открытым с 1 сентября 1919 г. На первый курс тогда было набрано более 100 человек¹⁰⁰. Официальное открытие состоялось позже. 23 октября 1919 г. в церкви Восточного института прошло молебствие по случаю открытия во Владивостоке юридического факультета. Среди почётных гостей был помощник Верховного Главноуправляющего на Дальнем Востоке генерал-лейтенант С. Н. Розанов. Временно исполняющий дела декана профессор Н. И. Кохановский познакомил присутствующих с учебной программой и профессурой, а также зачитал полученные приветствия¹⁰¹.

Среди профессоров, которые согласились приехать во Владивосток, можно назвать С. П. Никонова, В. М. Грибовского, Н. И. Дмитраша. Таким образом, в учебный план факультета могли быть внесены такие дисциплины, как римское право, энциклопедия права, история русского права. Весь вопрос, по мнению одной из газет, был в том, будет ли предоставлено жилье приезжающим профессорам?¹⁰²

В феврале 1919 г. на первом заседании совета юридического факультета Иркутского университета его деканом избрали профессора В. П. Доманжо¹⁰³. Было создано четыре кафедры: гражданского права (заведующий - профессор В. П. Доманжо), истории русского права (профессор С. П. Покровский), уголовного права и судопроизводства (профессор Г. Ю. Манне) и торгового права (профессор М. М. Агарков). Кроме этого, были созданы кабинеты цивилистики, публичного, уголовного права, экономических наук и другие. В конце 1918/19 учебного года начал работать студенческий научный криминалистический кружок, которым руководил профессор Г. Ю. Манне¹⁰⁴.

Главной проблемой молодого вуза было явно недостаточное количество квалифицированных преподавателей. В ноябре 1918 г. местные газеты писали о том, что в Иркутском университете очень обеспокоены имеющимися вакансиями. Поиск преподавателей шёл по всей Сибири¹⁰⁵. Активную работу по привлечению специалистов вёл ректор вуза приват-доцент Московского университета М. М. Рубинштейн¹⁰⁶. В своём письме товарищу министра внутренних дел П. Я. Михайлову он сообщал о том, что своё согласие работать в Иркутске в качестве экстраординарного профессора дал социолог, ученик М. М. Ковалевского П. А. Сорокин. О предполагаемом приезде последнего успела сообщить одна из городских газет¹⁰⁷. К сожалению, приезд П. А. Сорокина в Сибирь не состоялся.

Полностью решить кадровую проблему так и не удалось. Вследствие крайней нехватки опытных педагогов многим преподавателям приходилось читать сразу несколько курсов. Например, профессор Г. Ю. Манне читал 8 общих и специальных курсов¹⁰⁸. Это дало основание профессору права барону А. А. Симолину выступить с критической статьёй "О судьбах русской высшей школы". В ней говорилось о том, что в Иркутске молодой казанский цивилист "принуждён" читать общую теорию права, а доцент уголовного права читает государственное право. На этом же факультете, продолжал А. А. Симолин, совсем не читается такой важный курс, как прилитекономия¹⁰⁹. И. Ф. Плотников уже писал о том, что основная часть политической, военной элиты, высшего чиновничества оказалась

в рядах белого движения на юге России¹¹⁰. Как мы могли убедиться, и большая часть профессуры в своем бегстве от большевиков также миновала Сибирь.

Молодой университетский город стал быстро обретать студенческие традиции. В Татьянин день — 25 января 1919 г. в Иркутске с благотворительной целью состоялся "суд" над героем популярного сентиментального французского романа Аристидом Пижолем. Председателем был присяжный поверенный Н. Н. Раевский, прокурором — бывший министр юстиции Временного Сибирского правительства Г. Б. Патушинский, а защитником — профессор права С. П. Покровский. Г. Б. Патушинский, по мнению местной газеты, выступил блестяще, а сам "суд" имел большой "материальный успех"¹¹¹.

Значительной проблемой для вузов была нехватка учебников. Одна из владивостокских газет в октябре 1919 г. прямо писала о том, что библиотека университета во Владивостоке не располагает для этого средствами¹¹². Эта проблема решалась различными путями. При скромном финансировании из казны иногда были возможны довольно крупные покупки. В июле 1919 г. профессор М. М. Рубинштейн сообщил иркутянам о приобретении за 50 тыс. руб. библиотеки известного русского юриста А. Ф. Кони. Имели место и дарения. В ноябре 1918 г. мировой судья из Иркутска Федюшин пожертвовал 32 книги по правовой тематике и комплект "Журнала министерства юстиции" за 7 лет, а мировой судья 11-го участка Домбровский передал юридическому факультету 175 руб. от примиренных им сторон¹¹³.

Своеобразной формой пополнения фонда учебных пособий стало их издание на внебюджетные средства. 30 марта 1919 г. студентами юридического факультета на свои средства были изданы на правах рукописи "История русского права" С. П. Покровского и "История римского права" В. П. Доманжо¹¹⁴.

В ноябре 1918 г. М. М. Рубинштейн высказал идею чтения популярных лекций со сбором средств в фонд издания "Учёных записок" юридического факультета. О своём желании таким образом собрать деньги заявили профессор Г. Ю. Манне, предложивший лекцию "Значение войн и революций в развитии преступности", доцент А. Н. Колесников — "Правовое государство". Их поддержали также профессора В. П. Доманжо, М. М. Агарков и другие¹¹⁵.

Проблема недостатка учебной литературы была и на юридическом факультете Томского университета. Об этом свидетельствует объявление в газете. В нем студенты 4-го курса в июне 1919 г. сооб-

шили о своём желании купить старые и новые учебники по гражданскому, уголовному, торговому, финансовому праву, гражданскому и уголовному процессам¹¹⁶. Видимо, будущие юристы надеялись, что им помогут старшие коллеги.

Несмотря на сложное время, деканы факультетов старались улучшить материальное положение малоимущих студентов. Осенью 1919 г. у совета юридического факультета Иркутского университета появилась возможность поддержать наиболее нуждающихся студентов, уроженцев Сибири. Речь шла о четырёх стипендиях имени А. А. Поротова по 600 руб. в год каждая. Претендентам на получение стипендии предлагалось подать в деканат соответствующее прошение и справку о своём материальном положении. Кроме того, у них должны были быть сданы зачёты не менее чем за два семестра¹¹⁷.

Элементы правовой подготовки можно обнаружить в учебных планах других вузов Сибири. На кооперативном факультете Омского сельскохозяйственного института бывший пермский профессор И. А. Антропов 8 февраля 1919 г. начал читать курс "Кооперативное право", ранее представленный параграфом в курсе гражданского права¹¹⁸.

Однако эффект от деятельности по развитию в Сибири юридического образования и подготовки кадров был незначительным. Дело заключалось в том, что юристов выпускал только Томский университет. Во вторую сессию государственных экзаменов летом 1919 г. здесь было всего лишь 30 выпускников. Дипломы 1-й степени получили 12 человек, 18 человек — дипломы 2-й степени. Большинство молодых специалистов были из числа беженцев, небольшая часть томичей и "заграничников", т. е. студентов, поступивших на факультет из других губерний и областей Сибири¹¹⁹.

* * *

Традиционным для России негосударственным правоохранительным органом продолжала оставаться адвокатура в лице присяжных поверенных. Нормативной основой их деятельности оставалось законодательство царской России. В 1918—1919 гг. в округах Омской и Иркутской судебных палат сохранилась примерно та же численность присяжных поверенных. Сохранялось и дореволюционное отставание по "насыщенности" адвокатами районов Сибири от центральных губерний. Более того, в условиях гражданской войны нагрузка защитников еще более выросла, однако требования к ним остались прежние.

Даже в условиях гражданской войны в судопроизводстве было сохранено право участников судебного процесса на защиту и вызов дополнительных свидетелей по делу. Более того, продолжала действовать норма о том, что защитник, в оговоренных законом случаях, мог быть предоставлен по назначению суда бесплатно. Нами отмечены попытки присяжных поверенных Читы, Иркутска и Омска включиться в деятельность военно-полевых судов, чтобы обеспечить и при осуществлении чрезвычайного законодательства защиту гражданских прав подсудимых. "Идейная" адвокатура Иркутска даже заявила о своем решении вести "чистые", "принципиальные" дела бесплатно.

Сибирская общественность положительно встретила предложенную министерством юстиции идею допуска присяжных поверенных к делу на этапе предварительного следствия. Эта мера вполне отвечала мировому опыту.

В отличие от профессиональной деятельности адвокатов, их корпоративная жизнь отличалась апатией. Причина ее, на наш взгляд, заключалась в том, что в ходе февральской революции 1917 г. и последовавших за ней событий это сословие проявило необычайную активность. Однако полученные результаты не оправдали ни усилий, ни тем более ожиданий. Тем не менее сословие беспокоилось за свой профессиональный уровень и моральный облик.

Деятельность властей всех уровней по установлению законности иногда встречала инициативную поддержку снизу. В полной мере это касалось пропаганды правовых знаний среди жителей "колчакии". Здесь широко использовались возможности самого распространенного средства массовой информации тех лет - газет. Среди авторов статей на правовые темы были как корреспонденты, представители общественности, так и юристы. Активно сотрудничали с прессой профессора юридического факультета Томского университета И. И. Аносов и В. А. Рязановский. Часть статей, вольно или невольно, носила ангажированный характер. Они, с одной стороны, были посвящены рассказам о повсеместном нарушении прав личности у большевиков, с другой - объясняли достоинства государственного устройства "колчакии". Большая часть публикаций имела практическую направленность. В них речь шла о правовом статусе внегородских земель, о мировом суде, об особенностях имущественных сделок. Большое количество курсов, лекций по этой тематике проходило в Иркутске.

Положительный опыт оказания юридической помощи населению был накоплен земством Уфимской губернии, Челябинским союзом кооперативов потребителей. Была налажена такая помощь и солдатским семьям в Томске.

Одним из направлений представления правовой информации могли стать библиотеки. Однако данные выдачи книг по юридической тематике некоторых из них были невысокими. По самой большой библиотеке Иркутска этот показатель составлял 8,5% от всей книговыдачи. Правда, здесь уместно поинтересоваться составом книжного фонда самой библиотеки и тем, насколько полно в нем была представлена такая литература. Изучение этой темы может стать объектом самостоятельного исследования.

До сих пор малоизучена деятельность на территории белой Сибири высшей школы вообще и юридических факультетов в частности. В 1918/19 учебном году на юридическом факультете Томского университета обучалось 1127 человек. Более того, даже в условиях гражданской войны власти смогли открыть два новых университета, в составе которых были и юридические факультеты.

Педагогические коллективы этих факультетов, пополненные учеными-беженцами из Казанского и Пермского университетов, на высоком уровне продолжали вести научно-исследовательскую и учебную работу. В эти трудные годы выходили монографии и учебные пособия, проходили защиты диссертаций. Среди проблем, с которыми сталкивалась администрация вузов, была нехватка кадров для ведения учебных занятий по всем предметам учебного плана. Сибирь никогда не отличалась их изобилием. В условиях войны ученые, покидавшие Московский, Петроградский, Харьковский, Киевский, Новороссийский (Одесский) университеты, чаще всего оказывались на юге России. Кроме того, сказывалась нехватка книг - главного источника для студента-юриста получения знаний. В этой связи ректорат добивался казенных субсидий для их закупки. Отмечены случаи дарения и издания учебных пособий за счет студентов.

Вместе с тем выпускал специалистов по-прежнему только Томский университет. Это количество выпускников не могло удовлетворить потребности правоохранительных органов. Ждать первого выпуска Иркутского и Дальневосточного университетов предстояло еще не менее четырех лет.

Примечания

¹ Сибирская жизнь. 1919. 25 апр.; ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 133. Л. 1-4.

² *Сперанский Б.* Адвокатура // Советская Сибирская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. Стлб. 19.

³ Отечественные ведомости. 1919. 2 февр.; Единство. 1919. 24, 28, 29, 30, 31 янв., 1 февр. и т. д.; Жизнь Алтая. 1918. 10 дек.

⁴ Шадринская народная газета. 1919. 14 янв.; Уральская жизнь. 1919. 16 янв.; Свободная Пермь. 1919. 4 марта; Прибайкалье. 1919. 9 нояб.

- ⁵ Забайкальская новь. 1919. 3 мая; Дальний Восток. 1919. 7 мая.
- ⁶ Сибирский голос (Омск). 1918. 12 нояб.
- ⁷ Земля и труд. 1918. 15 дек.; Иркутские губернские ведомости. 1919, 6 февр., 20 марта.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 4369. Оп. 1. Д. 36. Л. 17.
- ⁹ Шадринская народная газета. 1919. 21, 22 июня.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
- ¹¹ Наш путь (Тюмень). 1918. 6 дек.
- ¹² ГАРФ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 7. Л. 79.
- ¹⁸ Забайкальская новь. 1919. 18 и 23 февр.; Прибайкальская жизнь. 1919. 25 февр.
- ¹⁴ Новая Сибирь. 1919. 14 янв.
- ¹⁵ Енисейский вестник. 1919. 5 авг.
- ¹⁶ Сибирская речь. 1919. 2 авг.
- ¹⁷ Эхо. 1919. 7 мая; Головина Т. М. Женщины революции // За Советский Дальний Восток. Владивосток, 1982. С. 225-226.
- ¹⁸ Наша Заря. 1919. 12 июня; Сибирская речь. 1919. 12 июня.
- ¹⁹ Юновидов А. Защита на предварительном следствии // Великая Россия. 1919. 13 апр.; Беплин М. Р. Защита на предварительном следствии // Сибирская жизнь. 1919. 20 июля.
- ²⁰ Забайкальская новь. 1918. 17 окт.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 85-85 об.
- ²² Сибирская жизнь. 1918. 7, 28 авг.
- ²³ Там же. 1918. 4, 14 сент.
- ²⁴ Сибирский вестник. 1918. 25 окт.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.
- ²⁶ Сибирская жизнь. 1919. 25 апр.
- ²⁷ Заря. 1919. 24 мая.
- ²⁸ Сибирский вестник. 1918. 17 окт.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 2. Л. 51.
- ³⁰ Сибирская речь. 1919. 22 марта.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 7. Д. 32. Л. 31-32.
- ³² Амурское эхо. 1919. 4 янв.
- ³³ Пурин А. А. Дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае: Воспоминания и документы. 1917-1922 гг. Машинопись // ГАРФ. Ф. 6143. Оп. 1. Д. 16. Л. 91.
- ³⁴ Правительственный вестник. 1919. 1 июня.
- ³⁹ Приамурская жизнь. 1918. 5 окт.; РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 1909. Л. 132.
- ³⁸ Отечественная история. 2001. № 1. С. 150.
- ³⁷ Русский Восток. 1919. 9 февр.; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 81. Л. 165.
- ³⁸ Русская армия. 1919. 15 февр.; Енисейский вестник. 1919. 1 февр.
- ³⁹ Амурское эхо. 1919. 30 янв.
- ⁴⁰ Иркутские губернские ведомости. 1919. 6 февр.; Тобольское народное слово. 1919. 16 мая.
- ⁴¹ В архиве сохранилось письмо его жены графини Е. Подгоричани-Петрович из Бийска на имя П. В. Вологодского с просьбой "замолвить" за мужа слово перед министром юстиции о назначении его нотариусом на вакантное место в Хабаровске // ГАРФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 137-138.
- ⁴² ГАОО. Ф. 346. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Сибирская жизнь. 1919. 12 янв.

- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 7. Д. 32. Л. 9-10.
- ¹⁵ Составлено по: ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 355. Л. 4-4 об, 2-2 об.
- ⁴⁶ Д. Б. Юридическая помощь сельскому населению // Вестник Приуралья. 1919. 21 июня.
- ⁴⁷ Сибирская жизнь. 1919. 4 сент.
- ⁴⁸ Надежда России. 1919. 12 авг.; Наша газета. 1919. 22 авг.
- ¹⁹ *Неверов Дм.* Устои правового порядка // Дальневосточное обозрение. 1919. 20 марта; Оренбургский край. 1919. 11 янв.
- ⁵⁰ Русское дело. 1919. 12, 21 окт.; Свободный край. 1918. 29 дек.
- ⁵¹ Вестник Приуралья. 1919. 13 июня; Вестник Тарского уезда. 1919. 12 июля; Надежда России. 1919. 23 июля.
- ⁵² Шадринская народная газета. 1919. 12, 19 янв., 28 февр.; Русская речь. 1919. 18 янв.; Забайкальская новь. 1919. 6 апр.; Утро Сибири. 1919. 15 февр.
- ⁵³ Крестьянский вестник. 1919. 9, 12, 19, 22, 24, 29 окт.
- ⁵⁴ Сельская жизнь. 1919. 4 июня.
- ⁵⁵ Сибирская жизнь. 1919. 14, 28 марта, 2 апр.; Наша Заря. 1919. 11, 15 июня.
- ⁵⁶ Вестник Томской губернии. 1919. 28 мая; Вестник Приуралья. 1919. 7 июня; Вестник Томской губернии. 1919. 23 июня; Вестник Приуралья. 1919. 21 мая.
- ⁵⁷ ГАКЕМО. Ф. 768. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-33.
- ⁵⁸ Забайкальская новь. 1918. 4 дек.
- ⁵⁹ Енисейский вестник. 1919. 4 марта.
- ⁶⁰ Наша Заря. 1919. 20 февр.; Народная газета. 1919. 5 марта.
- ⁶¹ Утро Сибири. 1919. 3 апр.
- ⁶² Свободное слово. 1919. 26 июня.
- ⁶³ Енисейский вестник. 1919. 1 нояб.
- ⁶⁴ Горный край. 1919. № 15.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 160.
- ⁶⁶ Утро Сибири. 1919. 11 апр.
- ⁶⁷ Единство. 1919. 17 июня.
- ⁶⁸ Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917-1919 гг.) / Сост. В. И. Шемелев: Под ред В. Д. Вегмана. Новосибирск, 1928. С. 170.
- ⁶⁹ Амурская жизнь. 1919. 22 февр.
- ⁷⁰ Сибирская жизнь. 1919. 2, 3, 5, 16 и 17 сент.
- ⁷¹ Мысль. 1919. 22 февр. и 23 февр.; 5, 7 марта.
- ⁷² Голос сибиряка. 1919. 23 февр.; Наш край. 1919. 24 окт.; Сибирский казак. 1919. 26 окт.; Наша газета. 1919. 26 окт.
- ⁷³ Сибирский казак. 1919. 5 окт.
- ⁷⁴ *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. С. 364.
- ⁷⁵ Дальневосточное обозрение. 1919. 7 марта.
- ⁷⁶ Вестник Приуралья. 1919. 30 апр., 6 июня.
- ⁷⁷ ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 2. Л. 5 об.
- ⁷⁸ *Журавлёв В. В.* Кадровый состав комиссарского корпуса Временного Сибирского правительства // Студент и научно-технический прогресс: М-лы XXXIII междунар. науч. студ. конф. Новосибирск, 1995. С. 92.
- ⁷⁹ Русский восток. 1919. 22 марта.
- ⁸⁰ Весь Томск за 1918. Томск, 1919. С. 19.
- ⁸¹ Сибирская жизнь. 1919. 18 февр.
- ⁸² Там же. 1919. 15, 28 февр., 12 марта.
- ³³ Там же. 1919. 31 авг., 4 сент.

- ⁸⁴ *Фоминых С. Ф. Михайловский Иосиф Викентьевич // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 165-167.*
- ⁸⁵ *Фоминых С. Ф. Никонов Сергей Павлович // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 178-179.*
- ⁸⁶ Будде Борис Евгеньевич // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 62.
- ⁸⁷ ГАОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 57. Л. 56; Сибирская жизнь. 1919. 25 янв.; *Зайченко П. А.* Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева: Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880-1955). Томск, 1960. С. 219; *Круглевский Александр Николаевич // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 207; Фиолетов Николай Николаевич // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 448; Иванов Борис Павлович // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 2. Томск, 1998. С. 159.*
- ⁸⁸ Енисейский вестник. 1919. 15 авг.; Сибирская жизнь. 1919. 3 сент.
- ⁸⁹ Низовье Амура. 1919. 14 сент.
- ⁹⁰ *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. С. 339.
- ⁹¹ Амурский лиман. 1918. 29 дек.
- ⁹² Наше дело. 1919. 12 сент.
- ⁹³ Дальневосточное обозрение. 1919. 17 сент.
- ⁹⁴ Эхо. 1919. 4 марта.
- ⁹⁵ Голос Родины. 1919. 5 июня; Голос Приморья. 1919. 5 июня; Дальневосточное обозрение. 1919. 5, 19 июня, 25, 30 июля; Голос Родины. 1919. 5 июня.
- ⁹⁶ Дальневосточное обозрение. 1919. 1 авг.
- ⁹⁷ Голос Приморья. 1919. 31 июля; Голос Родины. 1919. 24 авг.
- ⁹⁸ Новый путь (Владивосток). 1919. 24 дек.
- ⁹⁹ Дальневосточное обозрение. 1919. 24 авг.
- ¹⁰⁰ Сибирская речь. 1919. 30 сент.
- ¹⁰¹ Голос Родины. 1919. 24 сент.
- ¹⁰² Дальневосточное обозрение. 19-19. 1 авг., 21 сент.
- ¹⁰³ *Доманжо Василий Павлович* (29 апреля 1881, с. Константиновка Пензенского у. Саратовской губ. - 9 сентября 1922^а Иркутск). Выпускник юридического факультета Казанского университета. При советской власти с 29 января по 18 февраля 1920 г. был исполняющим обязанности ректора Иркутского университета // НА РГ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 8. Л. 162; Наш путь (Чита). 1919. 14 февр.; *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. С. 460, 521.
- ¹⁰⁴ Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова. Крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири: Краткий очерк. Иркутск, 1978. С. 11-12.
- ¹⁰⁵ Свободный край. 1918. 26 нояб.
- ¹⁰⁶ *Рубинштейн Моисей Матвеевич* (15 июня 1878, с. Захарове Верхнеудинского у. Забайкальской обл. - 3 апреля 1953, Москва). В 1905 г. получил степень доктора философии в Фрайбергском университете (Германия). Преподавал в вузах Германии, Москвы // Педагогическая энциклопедия. Т. 3. М., 1966. С. 730.
- ¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2. Л. 36 об.; Городской вестник. 1918. 19 сент.
- ¹⁰⁸ *Казарин В. Н.* Российская профессура и формирование высшей школы в Восточной Сибири // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: Тез. докл. X междунар. научно-теор. конф. Иваново, 1999. С. 320.

- ¹⁰⁹ Наша Заря. 1919. 14 июня.
- ¹¹⁰ *Плотников И. Ф.* Колчак. Ростов-на-Дону, 1998. С. 159.
- ¹¹¹ Новая Сибирь. 1919. 28 янв.
- ¹¹² Голос Родины. 1919. 12 окт.
- ¹¹³ Свободный край. 1919. 19 июля; Наше дело. 1918. 20 нояб.; Новая Сибирь. 1918. 24 нояб.
- ¹¹⁴ *Романов Н. С.* Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 1994. С. 350.
- ¹¹⁵ Наше дело. 1918. 29 нояб.
- ¹¹⁶ Освобожденная Россия. 1919. 17 июня.
- ¹¹⁷ Наше дело. 1919. 9 окт.
- ¹¹⁸ Устье Амура. 1919. 16 апр.
- ¹¹⁹ Наша Заря. 1919. 18 июня; Курганская свободная мысль. 1919. 21 июня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Режим А. В. Колчака просуществовал чуть более года, однако этого времени оказалось достаточно, чтобы не только заявить о своей правоохранительной политике, но и начать ее реализацию. Подводя итоги, надо отметить следующее. На территории Урала, Сибири и Дальнего Востока в этот период сложилась тяжелая криминогенная обстановка. Для нее были характерны разнообразные составляющие. В этой связи следует упомянуть те из них, которые появились до начала гражданской войны: слом царской правоохранительной системы, объявленная весной 1917 г. амнистия, экономическая разруха. Гражданская война внесла в этот список свои дополнения. К ним относятся дезорганизирующе частая смена власти, "военщина" и "атаманщина" с их произволом, иностранное военное присутствие, обеспечившее свою долю противоправных деяний, действия партизан и повстанцев, не отличавшихся большой приверженностью к соблюдению законов. У нас есть основания заявить, что в тот период наблюдался рост преступности, усложнилась ее структура, преступления против личности стали более жестокими.

Нельзя не обратить внимания на либеральный характер высказываний руководителей омского режима. Значительное влияние на него оказывало окружение в лице Г. К. Гинса, В. Н. Пепеляева, В. А. Жардецкого, А. К. Клафтона, Г. Г. Тельберга и других.

Свою роль в формировании правоохранительной политики режима внесли председатели правительства, руководители министерств внутренних дел и юстиции. Можно с уверенностью говорить о том, что на либеральный характер деклараций омских руководителей повлияло присутствие в регионе союзников. Было необходимо получить от них не только военную и материально-техническую помощь, но и политике-дипломатическую поддержку, обеспечить легитимность своего правления.

Нормативной базой деятельности судов, прокуратуры, следственных комиссий, милиции, других правоохранительных органов продолжали оставаться законы Российской империи, большинство законов, принятых Временными правительствами в 1917 г. Кроме того, действовали правовые акты Верховного правителя. Обращает на себя

внимание, что все они были посвящены укреплению режима либо устанавливали или усиливали ответственность за преступления против основ государственного строя и порядка управления. Акты, регулирующие нормы уголовного, гражданского, семейного права и других его отраслей, практически не принимались.

В деле отправления правосудия на территории "колчакии" нами выделено два аспекта. Первый касался преемственности. Судебные учреждения унаследовали структуру дореволюционной России и кадры того времени. Второй аспект — те проблемы, которые породила гражданская война. Речь идет о нехватке судей, росте преступности. В итоге увеличивалось количество дел, которые расследовал каждый судья. Вследствие этого судебные чиновники были перегружены работой, а отправление правосудия замедлялось. Недостаточное количество судей частично покрывалось за счет эвакуации судов сначала из Поволжья, а затем и с Урала.

В деятельности судебных учреждений представляется возможным выделить три тенденции. Первая — стремление приблизить отправление правосудия к населению. Возобновили работу мировые судьи, продолжилась практика проведения выездных судов. В условиях гражданской войны власти считали возможным начать создание национальных судов.

Вторая тенденция - демократизация судопроизводства. Она нашла выражение в создании судов с участием присяжных заседателей. Даже в условиях войны на Сибирь была распространена дореволюционная практика таких судебных заседаний. Властям пришлось немало поработать, чтобы подобрать корпус присяжных заседателей и организовать их работу в столь специфическом регионе. Нельзя не обратить внимание на состав присяжных. Он имел не только невысокий, по российским меркам, образовательный уровень, но и существенно отличался по этому показателю в разных районах Сибири.

Третья тенденция была обусловлена продолжающейся войной. Для ускорения судопроизводства были созданы военно-полевые суды. Соответствующие нормативные акты регламентировали их компетенцию и состав. Отличительными чертами этих судов были упрощенная процедура, расширительное толкование объектов их подсудности, непрофессиональный состав. Анализ деятельности военно-полевых судов позволяет усомниться в тех традиционных оценках, которые даны им в отечественной историографии.

Среди подсудимых были лица, не только обвиняемые в антиправительственных деяниях, но и совершившие как воинские, так

и уголовные преступления. Существовала малоизвестная практика проведения открытых заседаний военно-полевых судов. Далеко не всегда ими выносились смертные приговоры, некоторые из них заменялись на длительные сроки тюремного заключения или каторгу. Имели место случаи освобождения из-под стражи прямо в зале суда. Даже в условиях военной диктатуры в прессе раздавались голоса об ограничении компетенции военно-полевых судов. Деятельность этих судов еще нуждается в специальном исследовании. Однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что в отечественной историографии они показаны с политически ангажированной точки зрения.

Реализация правоохранительной политики "сверху" встретила своеобразный импульс "снизу". Мы имеем в виду самосуды, которые вызвал к жизни целый комплекс причин. Рассуждая об их уроках, можно указать следующие. Благоприятной почвой для осуществления самосудов оказались условия гражданской войны. Отсутствие надлежащего судопроизводства вызвало к жизни желание населения самому взять на себя функции сыщика, следователя, обвинителя, судьи и исполнителя приговора.

Самосуды отрицательно повлияли на общественную психологию и сознание не только участников, свидетелей и современников. К страшными последствиям психологии гражданской войны можно отнести поиск врага не только вне, но и внутри страны. Всеобщая подозрительность и страх, на многие десятилетия закрепившиеся в советском обществе, - прямое следствие этого процесса. Феномен самосудов показал также, к чему может привести неумение или нежелание властей установить правопорядок.

Анализируя кадровую политику колчаковского режима в отношении следственного аппарата и прокурорского надзора, следует отметить несколько обстоятельств. Была сохранена прежняя нормативная база, штатное расписание и, в массе своей, старые кадры. Обнаружилась нехватка следователей и чинов прокуратуры. В результате нагрузка следователей в 3-4 раза превышала дореволюционные нормы. Только отчасти эту проблему могли решить эвакуированные специалисты. Требования к следственному процессу были заимствованы у царской юстиции и вполне отвечали нормам правового государства.

Отражением реалий гражданской войны стало создание чрезвычайных органов — следственных комиссий. Так как таких формирований не было в царской России, то омским юристам пришлось создавать оригинальную нормативную базу. Постановление о таких

комиссиях предписывало им только вести следствие и, если для этого были достаточные основания, освобождать арестованных. Анализируя деятельность следственных комиссий, представляется возможным высказать некоторые соображения. Нельзя не обратить внимание на состав таких комиссий. В них было мало юристов, что негативно сказалось на результатах их работы. Причиной ареста в 80% случаев были подозрения в "большевизме". Хорошо известно, как вольно в то время трактовалось это понятие. Определенным образом об этом свидетельствуют решения комиссий об освобождении, в том числе и под поручительство. Очевидно, члены комиссий оснований для содержания под стражей не находили. Деятельность комиссий наглядно продемонстрировала пределы полномочий следственных действий гражданских структур в условиях военного времени и диктаторского правления. В этой связи уместно напомнить о практически нулевой результативности работы двух Чрезвычайных следственных комиссий.

Создание следственных комиссий было не совсем продуманным шагом. Эти функции могли выполнять суды общей юрисдикции. Тем более, что многие судебные чиновники отвлекались от основной службы для работы в комиссиях. Создание таких комиссий можно охарактеризовать как столь привычное для отечественной бюрократии формотворчество.

Традиционным органом, осуществлявшим надзор за соблюдением законности в деятельности органов власти и их должностных лиц, продолжала оставаться прокуратура. Перед ней стояла задача защиты законных прав и интересов граждан. Реалии гражданской войны обусловили необходимость наблюдения чинов прокуратуры за правоммерностью внесудебных арестов на территории, находящейся вне театра военных действий.

Условия гражданской войны поставили перед прокуратурой две значительные проблемы. Это борьба с "большевизмом". Здесь чины прокуратуры не смогли занять место "над схваткой", и их действия носили отчетливо выраженную политическую окраску. Это, безусловно, не способствовало установлению в Сибири подлинной законности. Прокуратуре приходилось иметь дело и с такими феноменами гражданской войны, как "атаманщина" и "военщина", чьи действия не отличались приверженностью к законности.

В те годы прокуратура продолжала осуществлять свою важнейшую функцию - представление государственного обвинения в суде. Требования к выполнению этой функции были на уровне правовой

культуры европейского государства. Вполне отвечала нормам европейского государственного строительства идея воссоздания Правительствующего Сената. Для этого была использована нормативно-правовая база дореволюционной России. Весьма современно прозвучала тогда мысль о том, что власть должна быть "подзаконной". Однако нельзя не отметить низкую эффективность деятельности этого органа. Она объяснялась как недостаточно высокой квалификацией сенаторов, так и условиями войны и военной диктатурой. Кроме того, следует учесть многовековую традицию государственной власти в императорской России быть "вне закона".

Самым многочисленным и наиболее приближенным к населению правоохранительным органом оставалась милиция. В августе 1918 г. ее устройство было приведено в большее соответствие с царской полицией, чем с милицией Временного правительства. Речь идет о передаче милиции из подчинения органам местного самоуправления в ведение МВД. Был изменен порядок финансирования. Кредиты на ее содержание отпускались из государственного бюджета с последующим отнесением $\frac{x}{3}$ расходов на счет соответствующего органа местного самоуправления. Таким образом, была воссоздана сильная властная вертикаль в руководстве милицией. Это объяснялось как российскими традициями сверхцентрализованного управления, так и условиями гражданской войны и наличием во главе режима военачальника.

Нормативная база, организационная структура и штатное расписание сибирской милиции были заимствованы у полиции царской России с весьма незначительными изменениями. В массе своей они отражали реалии того времени. Что касается численности милиции, то в тех условиях она была недостаточной.

В кадровой политике властей в отношении личного состава милиции можно выделить несколько аспектов. Проводилась линия на департизацию и деполитизацию. В планируемом Земском избирательном законе предполагалось даже отстранить личный состав милиции от участия в выборах. Вместе с тем милицию активно привлекали к борьбе с большевиками и другими противниками режима. Руководство департамента милиции пошло на отказ от классового принципа при комплектовании милиции в пользу профессионализма и нравственных качеств. Это выгодно отличало сибирскую милицию от рабоче-крестьянской милиции Советской России.

При комплектовании милиции предпочтение отдавалось лицам, ранее служившим в полиции. Руководство МВД пыталось, с переменным успехом, отзывать к себе на службу этих людей даже из дей-

ствующей армии. Определенный кадровый резерв представляли беженцы из центральных губерний России, затем из Поволжья и с Урала.

Департамент милиции был обеспокоен качеством начальствующего состава милиции. По нашим данным, большая часть начальников городской и уездной милиции имели невысокий образовательный уровень. Незначительным было количество руководителей этого ранга, имевших юридическое образование. Положение спасало наличие у большинства начальников многолетнего опыта полицейской службы. Реалии гражданской войны отражало и наличие среди начальников милиции большого числа офицеров. Характерной чертой была и высокая текучесть кадров начальников. Эти негативные факторы обусловили ошибки в подборе начальников милиции.

Одной из самых серьезных проблем было финансирование милиции. Денежное содержание личного состава было незначительным, что вело к увольнениям. Правительство пыталось повысить размеры денежного содержания, а также устанавливало различные выплаты и льготы. В условиях гражданской войны компенсация семье милиционера в случае его гибели в размере, не превышающем половину годового содержания, была явно недостаточной.

Одна из причин столь бедственного положения заключалась в том, что городское и земское самоуправление оказались не в состоянии покрывать $\frac{1}{3}$ стоимости содержания милиции, что предусматривало "Временное положение о сибирской милиции". Обеспечить милиции дополнительные средства было призвано постановление Совета министров от 9 апреля 1919 г. об учреждении должностей, содержащихся на частные средства.

Сбор оперативной информации, в том числе и негласным способом через осведомителей, продолжал оставаться надежным методом раскрытия преступлений. С этой целью в партизанские и повстанческие организации внедрялись агенты, устраивались провокации. Примечательно, что информация собиралась и о незаконных действиях самой милиции.

Явно недостаточный размер денежного содержания, служба в условиях гражданской войны не могли не сказаться на уровне профессионализма личного состава милиции. С одной стороны, низкий уровень подготовки обусловил проведение милицией процессуальных действий без соответствующих документов, выразился в неумелом задержании, проведении обыска помещений и личного досмотра, во владении оружием. С другой стороны, недостаточная правовая подготовка привела к тому, что чины милиции часто и охотно прибегали к насилию против граждан, чем восстанавливали против себя население.

В феврале 1919 г. правительство предприняло попытку повысить эффективность деятельности милиции, приняв решение о создании в каждой губернии и области отряда особого назначения. Власти рассматривали их не только как боевые подразделения, но и как резерв милиции и школу для подготовки ее сотрудников. Формирование отрядов столкнулось с известными трудностями: некомплект личного состава, недостаточное количество офицеров для назначения начальниками. Действия отрядов также отличал произвол.

В описываемый период совершались самые разнообразные преступления. Однако наибольшую опасность для режима после партизанско-повстанческого движения и действий подпольщиков имели экономические преступления. Они не только представляли большую общественную опасность, но и подрывали экономическую основу режима. В условиях войны это было губительно вдвойне. Среди такого рода преступлений следует назвать спекуляцию, взяточничество и фальшивомонетничество. Причины спекуляции заключались в неудовлетворительном состоянии транспорта, в разрухе промышленности, а также коренились в общественной психике. Противодействие спекуляции было бессистемным и непоследовательным. Заинтересованные стороны даже не смогли дать точное определение этого явления, что негативно сказалось на создании соответствующих нормативных актов. В своем стремлении пресечь спекуляцию власти пошли по проторенному отечественной бюрократией пути. Была создана специальная комиссия. Плодом ее работы была лишь инструкция по борьбе с посылочной спекуляцией, т. е. гора родила мышь.

Однако большая группа спекулянтов оказалась арестованной, часть из них была осуждена к тюремному заключению, а некоторые даже расстреляны. Большой общественный резонанс вызвало дело министра торговли и снабжения Н. С. Зефирова. Однако столь шумно начавшееся разоблачение гнезда спекуляции закончилось ничем.

Влиятельную оппозицию административным мерам по борьбе со спекуляцией власти встретили в лице торгово-промышленного сословия. Его представители выступали за гибкую политику и предлагали правовые меры. Для начала они высказали пожелание о замене понятия "спекуляция" на понятие "злоупотребление в торговле".

В контексте борьбы со спекуляцией любопытно рассмотреть вопрос о причастности к ней членов кадетской партии, бывшей в то время в Сибири "партией власти". По мнению Н. Г. Думовой, они лично были бескорыстны, но дух алчности, корысти был характерен для всех белых правительств. Широкое распространение спекуля-

ции и коррупции компрометировало белое движение в глазах самых широких слоев населения. В этом отношении большевистская элита Советской России, в массе своей, отличалась в лучшую сторону.

Среди других преступлений следует назвать незаконный оборот наркотиков, вызванный растущей наркоманией. Эта проблема, ставшая в России в конце XX века общенациональной, имеет старые корни. Уже в начале минувшего века наркомания стала очевидной. Можно назвать три источника получения наркотических средств, существовавших на территории "колчакии". Это выращивание опийного мака, завоз кокаина из-за границы, главным образом Китая, и получение (похищение) из аптек.

Общественность предлагала следующие меры противодействия употреблению наркотиков: воспитывать население с целью его образумить, проверять подлинность рецептов на наркосодержащие лекарственные препараты; уговорить крестьян не сдавать землю под посевы мака, а выросшие растения — уничтожать. Уже тогда осуществлялось международное сотрудничество по борьбе с этим злом. Омские власти готовили проект закона о запрете макосеяния, продолжив тем самым политику императора Николая II.

При определении приоритетов в деятельности милиции правительство и министерство внутренних дел совершили, по нашему мнению, две стратегические ошибки. Первая заключалась в том, что до середины 1919 г. правоохранительные органы не видели существенной разницы между вооруженными выступлениями рабочих и крестьян и организованной преступностью. Да, повстанческо-партизанское движение имело много общего с преступностью, а нередко было и ее частью. Однако у них были разные причины, а главное — партизаны и подпольщики имели политические цели. Это непонимание дорого стоило режиму и во многом предопределило его судьбу. Надо было принимать социально-экономические, а не только полицейские меры, которые могли привести лишь к временным успехам.

Вторая ошибка являлась типичной для российской бюрократии. Речь идет о неистребимой тяге власти к администрированию. В условиях "колчакии" все или почти все было под контролем. В итоге милиция привлекалась к охране учреждений и высокопоставленных чиновников, решала вопросы государственной безопасности, проводила мобилизацию в армию и вылавливала дезертиров, содействовала сбору налогов и других платежей в казну, наблюдала за деятельностью общественных организаций, помогала установлению государственной винной монополии, осуществляла медицинский

и санитарный контроль. Все это отрицательно сказалось на выполнении милицией своих функциональных обязанностей по защите жизни, телесной неприкосновенности, чести и достоинства, собственности сибиряков. Доминирование интересов государства над интересами граждан было очевидным. Это повлияло на настроение жителей региона и негативно сказалось на судьбе самого режима.

В связи с тем, что милиция не справлялась со всей совокупностью преступных проявлений, к борьбе с ними стала привлекаться армия. Отличительной особенностью гражданской войны было привлечение "красными" и "белыми" ее участниками армии для наведения порядка в тылу. Нормативную базу участия военных в операциях в тылу составили постановления правительства, предоставившие военным право объявлять местность на военном положении, особенно в районе партизанско-повстанческих выступлений. Командующие армиями получили право на вынесение приговора о смертной казни. Приказ Верховного Главнокомандующего адмирала А. В. Колчака от 6 мая 1919 г. по сути стал для командиров карательных отрядов своеобразным карт-бланшем, которым они не преминули воспользоваться. Документы, дававшие военным такие полномочия, не отличались высокой юридической техникой. Такие употребляемые в них понятия, как "порочный и ненадежный элемент" не имели правового содержания, что влекло за собой вольное трактование образа противника. Действия военных отрядов против партизан и даже мирных жителей отличались жестокостью.

Примечательно, что все руководители карательных акций как в Советской России, так и на территории, контролируемой белыми, допускали в своих действиях "предсудительное для достижения благородной цели". Сейчас хорошо известно, как понимали "предсудительное" и "благородное" обе стороны и к чему это в итоге привело.

Существование многочисленной и влиятельной "военной партии" в Омске, которая сделала возможным режим А. В. Колчака, вело к противоречиям и конфликтам в отношениях военной и гражданской властей. Милитаризация управления сделала неизбежным исход наиболее либерально настроенных деятелей. Примечательно, что с именем ставленника военных В. Н. Пепеляева связан правительственный кризис. Сначала он сменил на посту министра внутренних дел А. Н. Гаттенбергера, а затем возглавил правительство вместо П. В. Вологодского.

Вовлечение армии в политику привело к негативным последствиям как для армии, так и для самого режима. Боеспособные части отвлекались для подавления партизанско-повстанческого движения, что отрицательно сказывалось на моральном облике

военнослужащих. Происходила дестабилизация тыла. Декларации омских руководителей об их приверженности принципам демократии на деле обернулись "военщиной".

Осуществление мероприятий по установлению порядка в тылу имело неоднозначные последствия. С одной стороны, нашлись их сторонники в лице городской буржуазии, зажиточных крестьян, части казаков, либеральной интеллигенции. Оказали поддержку режиму и те сибиряки, которые "просто" хотели установления на ее территории элементарного порядка. Интересным явлением в этой связи была организация "добровольных" дружин для борьбы с антиправительственными отрядами. Однако несовершенная нормативная база, недостатки в подготовке личного состава, недостаток правовой и общей культуры привели к тому, что действия таких дружин приводили к печальным эксцессам.

С другой стороны, карательные действия и произвол со стороны военных и милиции придавали значительный импульс оппозиционным силам. В первую очередь это касается широкого распространения партизанско-повстанческого движения, массового уклонения от мобилизации в армию и дезертирства. Даже в условиях военной диктатуры были возможны критические выступления, прежде всего в газетах. В этом отношении выделяются публикации омской "Зари" о массовых расстрелах участников восстания 22 декабря 1918 г. Осуществление репрессивной внутренней политики сужало социальную базу белого движения. Многие его участники понимали, что так и не сумели привлечь на свою сторону население, которое зачастую было занято решением своих повседневных проблем.

Традиционным для России негосударственным правоохранительным органом продолжала оставаться адвокатура в лице присяжных поверенных. Нормативной основой их деятельности было законодательство царской России. В 1918-1919 гг. в округах Омской и Иркутской судебных палат сохранилась примерно та же численность присяжных поверенных. Сохранялось и дореволюционное отставание по "насыщенности" адвокатами районов Сибири от центральных губерний. Более того, в условиях гражданской войны нагрузка защитников еще более выросла, однако требования к ним остались прежние.

Даже в условиях гражданской войны в судопроизводстве было сохранено право участников судебного процесса на защиту и вызов дополнительных свидетелей по делу. Более того, продолжала действовать норма о том, что защитник в оговоренных законом случаях мог быть предоставлен по назначению суда бесплатно. Присяжные

поверенные в Чите, Иркутске и Омске пытались участвовать в деятельности военно-полевых судов, чтобы обеспечить и при осуществлении чрезвычайного законодательства защиту гражданских прав подсудимых. "Идейная" адвокатура Иркутска даже заявила о своем решении вести "чистые", "принципиальные" дела бесплатно.

Сибирская общественность положительно встретила предложенную министерством юстиции идею допуска присяжных поверенных к делу на этапе предварительного следствия. Эта мера вполне отвечала европейскому опыту.

Деятельность властей всех уровней по установлению законности иногда встречала инициативную поддержку снизу. В полной мере это касалось пропаганды правовых знаний среди жителей "колчакии". Здесь широко использовались возможности самого распространенного средства массовой информации тех лет — газет. Среди авторов статей на правовые темы были как корреспонденты, представители общественности, так и юристы. Активно сотрудничали с прессой профессора юридического факультета Томского университета И. И. Аносов и В. А. Рязановский. Часть статей, вольно или невольно, носила ангажированный характер. Они, с одной стороны, были посвящены рассказам о повсеместном нарушении прав личности у большевиков, с другой — объясняли достоинства государственного устройства "колчакии". Большая часть публикаций имела практическую направленность. В них речь шла о правовом статусе внегородских земель, о мировом суде, об особенностях имущественных сделок. Большое количество курсов, лекций по этой тематике проходило в Иркутске.

Положительный опыт оказания юридической помощи населению был накоплен земством Уфимской губернии, Челябинским союзом кооперативов потребителей. Была налажена такая помощь и солдатским семьям в Томске.

Одним из способов предоставления правовой информации могли стать библиотеки. Однако данные выдачи книг по юридической тематике некоторых из них были невысокими. Правда, здесь уместно поинтересоваться составом книжного фонда самих библиотек и тем, насколько полно в нем была представлена такая литература. Изучение этой темы может стать объектом самостоятельного исследования.

До сих пор мало изучена деятельность на территории белой Сибири высшей школы вообще и юридических факультетов в частности. В 1918/19 учебном году на юридическом факультете Томского университета обучалось 1127 человек. Даже в условиях граждан-

ской войны власти смогли открыть два новых университета, в составе которых были юридические факультеты. Педагогические коллективы этих факультетов, пополненные учеными-беженцами из Казанского и Пермского университетов, на высоком уровне продолжали вести научно-исследовательскую и учебную работу. В эти трудные годы выходили монографии и учебные пособия, проходили защиты диссертаций. Среди проблем, с которыми сталкивалась администрация вузов, была нехватка кадров для ведения учебных занятий по всем предметам учебного плана. Сибирь никогда не отличалась их изобилием. В условиях войны ученые, покидавшие Московский, Петроградский, Харьковский, Киевский, Новороссийский (Одесский) университеты, чаще всего оказывались на юге России. Кроме того, сказывалась нехватка книг — главного способа для студента-юриста получения знаний. В этой связи ректорат добивался казенных субсидий для их закупки. Были дарение книг из частных библиотек и издание учебных пособий за счет студентов.

Вместе с тем выпускал специалистов по-прежнему только Томский университет. Это количество выпускников не могло удовлетворить потребности правоохранительных органов.

Пока же правительству приходилось довольствоваться имеющимися кадровыми ресурсами.

Безусловно, кратковременное пребывание у власти не позволяет в полной мере оценить правоохранительную политику А. В. Колчака. Однако можно высказать некоторые соображения. Верховный правитель действовал в соответствии с известным российским алгоритмом "слово и дело". Декларации руководителей правительства, часто либерального характера решения вступали в противоречие не только с реалиями гражданской войны, но и с действиями властей любого уровня. Склонность омского режима, в силу его военного характера, к администрированию, а часто просто к насилию, оттолкнула от него большую часть населения Сибири. При реализации своей правоохранительной политики Российское правительство получило эффект "двойного результата". С одной стороны, осуществлялась значительная работа по защите государственности, законных прав и интересов как юридических лиц, так и граждан. С другой стороны, уровень правовой и фактической защищенности населения от произвола в действиях как разного рода преступников, так и представителей власти был незначительным. Все это отрицательно сказалось на судьбе самого режима и стало весомой причиной его падения.

Сводка особого отдела департамента милиции МВД
о положении в Сибири и на Дальнем Востоке с 29 января по 10 апреля 1919 г.¹

Районы	10.02	17.02	24.02	3.03	10.03	17.03	24.03	31.03	10.04
Акмолинская обл.	3	5	5	5	0	0	0	0	3
Алтайская губ.	5	0	3	4	0	4	0	4	0
Амурская обл.	4	4	4	0	3	2	2	2	2
Забайкальская обл.	0	4	5	4	5	3	3	4	3
Енисейская губ.	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Иркутская губ.	0	4	0	0	5	4	0	0	4
Камчатская обл.	0	0	0	5	0	0	5	0	5
Оренбургская губ.	0	0	0	0	0	4	0	4	0
Пермская губ.	0	0	0	4	5	0	0	0	0
Приморская обл.	4	3	3	0	0	2	0	2	3
Сахалинская обл.	0	0	0	5	0	5	0	0	0
Семипалатинская обл.	0	4	0	5	0	5	5	4	4
Семиреченская обл.	0	4	5	0	0	5	5	0	5
Тобольская губ.	0	0	0	0	0	5	3	0	0
Томская губ.	4	4	0	4	3	4	0	5	5
Тургайская обл.	0	4	0	0	0	4	0	3	3
Урянхайский край	0	0	0	0	5	0	0	0	0
Уральская обл.	0	0	4	0	0	0	0	0	0
Уфимская губ.	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Якутская обл.	4	0	0	0	0	5	0	0	5

Примечания.

"5" — "все спокойно"

"4" — "агитационные выступления"

"3" — "вооруженные выступления"

"2" — "образование фронтов"

"1" — "положение безнадежное"

"0" — "нет донесений"

Перечень районов по опасности

Район	Коэффициент (дан по снижению опасности)
Енисейская губерния	2
Приморская область	2,83
Амурская область	2,87
Тургайская область	3,5
Забайкальская область	3,75
Алтайская, Оренбургская, Тобольская губернии, Уральская область	4
Томская губерния	4,1
Акмолинская область	4,2
Иркутская губерния	4,25
Пермская губерния, Семипалатинская область	4,5
Якутская область	4,66
Семиреченская область	4,8
Камчатская, Сахалинская области, Урянхайский край	5

Приложение 3

Коэффициент выступлений по месяцам

Дата	10.02	17.02	24.02	03.03	10.03	17.03	24.03	31.03	10.04
Коэффициент	3,71	3,8	3,875	4,22	4	3,86	3,57	3,22	3,67

Приложение 4

Перечень видов преступных профессий²

- 1) Аферисты - мошенники высшего полёта;
- 2) блатаки - укрыватели и скупщики краденого;
- 3) бродяги - лица, не имеющие легальной профессии и постоянного жительства;
- 4) вздёрщики — лица, совершающие мошеннический обман при обмене денег;
- 5) взломщики - грабители несгораемых касс;
- 6) водопроводчики - наниматели комнат с целью совершения преступления;
- 7) голубятники — воры белья с чердаков;
- 8) городушники - магазинные воры с прилавка;
- 9) грабители;
- 10) громилы - лица, специализирующиеся на кражах со взломом;

- 11) домушники - квартирные воры под видом прислуги;
- 12) доктора - врачи и акушерки, занимающиеся производством выкидышей;
- 13) дезертиры - лица, убегающие с воинской службы;
- 14) железнодорожные воры - воруют из вагонов и багажа;
- 15) карманники;
- 16) конокрады;
- 17) контрабандисты;
- 18) браконьеры;
- 19) кукольники - лица, сбывающие под видом денег бумагу;
- 20) копейники - нищие, странствующие с целью совершения кражи;
- 21) марвихеры - "карманные гастролёры";
- 22) мойщики - воры, обкрадывающие сонных пассажиров;
- 23) монашки — лица, продающие простой песок за золотой или фальшивые клады;
- 24) парадники - воруют из передних верхнее платье;
- 25) подводчики - лица, живущие в доме и содействующие краже;
- 26) поддельватели;
- 27) подкидчики - подбрасывают различные предметы с целью создания сумятицы и в это время обворовывают;
- 28) притоносодержатели;
- 29) поездшники - воруют с пролеток извозчиков и с саней;
- 30) предсказатели - гадалки, бродячие фокусники и т. п. обманщики;
- 31) проститутки - женщины, продающие свои ласки за деньги;
- 32) ростовщики, дисконтеры - берущие неизмеримо высокие проценты, пользуясь безвыходным положением клиентов;
- 33) сборщики пожертвований; *
- 34) сутенёры - лица, живущие за счёт женщин, торгующих своим телом;
- 35) собачники — воруют собак;
- 36) стрелки (кабылка) - профессиональные нищие;
- 37) торговцы живым товаром;
- 38) фальшивомонетчики;
- 39) фуферы - поджигатели с целью кражи или получения страховой премии;
- 40) форточники - оконные и дачные воры с террас;)
- 41) убийцы, отравители;
- 42) укрыватели преступников;
- 43) утренники - воры в гостиницах;

- 44) церковники - воруют в церквях;
- 45) цыгане;
- 46) халамидники - базарные воры;
- 47) хипесники - сообщество мужчины и женщины с целью заманивания богатых людей к себе на ночлег и обкрадывания во время сна;
- 48) шантажисты — вымогатели путём запугивания кого-либо разоблачением;
- 49) шниферы - проламывают стены и потолки;
- 50) шулера - карточные мошенники;
- 51) эксплуататоры воров.

Приложение 5

Разряды городов

14 июня 1919 г. в департаменте милиции прошло совещание по составлению перечня городов по отделениям уголовного розыска и разрядам. На итоговом заседании, 16 июня в кабинете вице-директора под председательством начальника отделения уголовного отдела С. В. Вельского было решено разделить все города по следующим критериям: количество населения, число преступлений, пути сообщения, близость к центру, степень развития торговли и промышленности, рост преступности. После небольших споров было решено разделить следующим образом³:

Вне разряда были объявлены Архангельск и Омск.

К первому разряду отнесены города: Владивосток, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Самара, Пермь, Томск, Уфа.

Ко второму - Барнаул, Бийск, Благовещенск, Вятка, Красноярск, Златоуст, Новониколаевск, Никольск-Уссурийский, Семипалатинск, Симбирск, Сызрань, Тюмень, Хабаровск, Челябинск, Чита.

Третий разряд составили: Верхнеудинск, Кустанай, Верный, Нижне-Тагильский завод, Петропавловск (Акмолинская область), Тайга, Тобольск, Троицк, Уральск, Якутск.

Перечень был утверждён министром внутренних дел В. Н. Пелеяевым.

Личный состав Уфимского окружного суда⁴ в 1918 г.

Должность	Чин	ФИО	В службе	В должности	Ордена
Председатель		Крюков М. С.			
Товарищ председателя	дсс	Андреев Константин Николаевич	1886	1910	В4, А2, С2
Товарищ председателя	дсс	Российский Петр Владимирович	1875	1907	С1, В3, А2, С2, А3, С3
Член суда	дсс	Аменицкий Иван Александрович	1887	1894	В3 и 4, А2, С2, А3
	дсс	Смердынский Александр Иванович	1875	1905	В4, А2, А3, С3
	дсс	Воскресенский Тихон Константинович	1890	1901	В4, А2
	дсс	Любовицкий Иван Иванович	1884	1904	В4, А2, С2, А3
	ее	Шейнкман Александр Александрович	1892	1906	В4, А2
	ее	Девятое Виктор Иванович	1893	1907	А2
	се	Петухов Николай Михайлович	1892	1908	А2, А3
	ее	Агафонов Александр Владиславович	1894	1912	А2
	ее	Фрейтаг Александр Аркадьевич	1892	1913	С2, А3
	ее	Гилевич Петр Петрович	1888	1914	В2, был представлен к А2, но не получил

Сокращения :

дсс - действительный статский советник

ее - статский советник

В - орден Святого Владимира

А - орден Святой Анны

С — орден Святого Станислава

**Некоторые показатели работы следственных комиссий в Пермской губернии
по состоянию на 6 июня 1919 г.⁶**

Комиссии	Количество дел			
	<i>всего поступило</i>	<i>находится в производстве</i>	<i>неразрешенных</i>	<i>неразрешенных в % ко всем поступившим</i>
Алапаевская	201	161	40	19,9
Верхнетурская	380	302	78	20,5
Висимошайтанская	28	23	5	17,9
Ирбитская	370	359	11	0,3
Камышловская	1629	1568	61	3,7
Красноуфимская	497	401	96	19,3
Кунгурская	1062	772	290	27,3
Кушвинская	182	65	117	64,3
Лайская	30	4	26	86,7
Надеждинская	90	77	13	14,4
Осинская	488	72	416	85,2
Соликамская	100	11	89	89
Тагильская	896	765	131	14,6
Шадринская	852	788	64	7,5
Всего	6805	5368	1437	21,1

Штатное расписание Правительствующего Сената"

Должность	Класс должности	Количество должностей	Содержание (руб. в мес.)
Первоприсутствующий сештор	3	2	1800
Сенатор	3	15	1700
Обер-прокурор	4	2	1400
Товарищ обер-прокурора	5	6	1100
Обер-секретарь	6	4	850
Старший помощник обер-секретаря	7	6	600
Младший помощник обер-секретаря	8	6	450
Секретарь при обер-прокуратуре	8	2	450
Пристав	10	2	300
Журналист	9	8	400

Состав Правительствующего Сената'

Висковатов Александр Константинович - тайный советник в отставке, бывший прокурор Омской судебной палаты, член юрисконсультского отдела министерства юстиции.

Вологодский Петр Васильевич (30 января 1863, дер. Комарове Канского у. Енисейской губ. - 19 октября 1925, Харбин). Родился в семье священника. В 1892 г. экстерном с дипломом 2-й степени окончил юридический факультет Харьковского университета. Присяжный поверенный в Томске. Избирался членом 2-й Государственной думы. С 17 июля 1917 г. - старший председатель Омской судебной палаты. 30 июня 1918 г. возглавил Временное Сибирское правительство, затем - Всероссийское правительство. С 22 ноября 1919 г. - в отставке, с января 1920 г. - в эмиграции.

Драницын Михаил Михайлович.

Каминский (Гальперин) Владимир Прокопьевич - член Томского окружного суда, затем член Омской судебной палаты.

Куракин Иван Анатольевич (р. 1 августа 1874), из дворян, князь. Статский советник, в звании камергера. В 1897 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1906-1915 гг. - Ярославский губернский предводитель дворянства, в 1915—1917 гг. - попечитель Варшавского учебного округа. Член 3-й Государственной думы, октябрист.

Куркутов Порфирий Осипович - член Иркутской судебной палаты.

Лажецын Борис — в 1917 г. виде-директор 2-го департамента министерства юстиции.

Мокринский Степан Петрович (10 февраля 1866, с. Хмелевка Саратовского у. Саратовской губ. - не ранее 1926) - из дворян Саратовской губернии, статский советник. В 1888 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1919 г. был ординарным профессором и исполнявшим обязанности декана юридического факультета Томского университета. Член Восточного отдела Партии народной свободы.

Николаев Тимофей - управляющий Омской контрольной палатой.

Новиков Вячеслав Николаевич - присяжный поверенный округа Петроградской судебной палаты, в 1917 г. был назначен товарищем обер-прокурора гражданского департамента Всероссийского Правительствующего Сената.

Петров Сергей Ф. - присяжный поверенный округа Омской судебной палаты.

Подгоричани-Петрович Михаил Александрович - из дворянской семьи, граф, действительный статский советник. Служил в Отдельном корпусе жандармов, был председателем Томского, затем Омского окружных судов.

Симолин Александр Александрович (10 или 9 октября 1879, Казань - 23 декабря 1919, Иркутск) - из дворянской семьи, барон. В 1902 г. окончил Казанский университет, профессор Казанского университета.

Стравинский Мечеслав Станиславович - присяжный поверенный округа Иркутской судебной палаты, г. Иркутск.

Тельберг Георгий Густавович (27 сентября 1881, Царицын (ныне Волгоград) Саратовской губ. — 1954, США). Родился в семье чиновника, статский советник. В 1903 г. окончил юридический факультет Казанского университета, профессор. В октябре 1918 г., будучи деканом юридического факультета Саратовского университета, был назначен управляющим делами Российского правительства. Со 2 мая 1919 г. - министр юстиции. В эмиграции в Китае и США.

Тимофеев Николай Александрович - член Казанской судебной палаты.

Трубников Юрий (Георгий) Владимирович (25 ноября 1857 - 23 апреля 1921), из дворян, действительный статский советник. Окончил Александровский лицей. Спасский уездный предводитель дворянства. В 1906, 1909, 1912, 1915 гг. избирался членом Государственного Совета от Казанского губернского земства. Член ЦК "Союза 17 октября".

Шелашников Александр Николаевич (10 апреля 1870 — 4 июля 1919, Омск) - из дворян, действительный статский советник, в звании камергера. Окончил лицей царевича Николая. Был Самарским губернским предводителем дворянства. 18 февраля 1917 г. был избран в Государственный Совет, председатель Временного Главного управления Российского Красного Креста.

Руководящий состав департамента милиции МВД*

Должность, срок	ФИО	Годы жизни	Образование	Предшествующая служба
Директор, 1 дек. 1918 г. - февр. 1919 г.	Пепеляев Виктор Николаевич	27 дек. 1884 г., Нарым Томской губ. - 7 февр. 1920 г., Иркутск. Родился в семье штабс-капитана	Высшее, юриди- ческий факуль- тет Томского университета	Год помощником при- сяжного поверенного, затем преподавал в гим- назиях Бийска. Депутат 4-й Государственной ду- мы.
Директор, 5 авг. 1919 г. назначен, вступил в должность 23 авг.	Казаков Василий Николаевич	Родился 28 дек. 1879 г., д. Гомзе- ково Бибиковской вол. Козловского уез. Тамбовской губ. в крестьян- ской семье	С дипломом первой степени окончил юриди- ческий факуль- тет Томского университета	Младший, старший кан- дидат на судебную должность при Омском окружном суде, испол- няющий должность су- дебного следователя по Тарскому уезду, миро- вой судья 2-го участка Курганского уезда, то- вариш прокурора О м- ского окружного суда
Исполняю- щий обязан- ности дирек- тора, фев. - 5 авг. 1919 г.	Агарёв Владимир Николаевич	Родился 29 июля 1880 г.	Высшее, юриди- ческий факуль- тет Петроград- ского универси- тета	Товариш прокурора Са- марского окружного су- да С 16 янв. 1919 г. вице- директор департамента милиции
Управляю- щий особым отделом, с 30 июля 1919 г.	Бабушкин Василий Александрови- ч	Родился 24 декаб- ря 1857 г. Из по- томственных дворян	Среднее специ- альное (военное), 2-е Константи- новское военное училище по пер- вому разряду	1908-1917 гг. - началь- ник Костромского, Рязанского и Симбирского губернских жандармских управлений. Генерал- майор
Начальник уголовного отделения	Бельский Сергей Васильевич	Родился 26 июня 1884 г., Лаишев Казанской губ. в семье дьякона	Высшее, юриди- ческий факуль- тет Казанского университета	1919 г. - делопроизводи- тель 5-го класса уголо- вного отдела департамен- та милиции МВД, с 24 июля начальник уголо- вного отделения
Исполняю- щий обязан- ности вице- директора, до 1 окт. 1919 г.	Траутман Андрей Александрови- ч	Родился 17 окт. 1879 г. в Симбир- ске в семье воспи- тателя пансиона при Симбирской мужской гимназии	Высшее, юриди- ческий факуль- тет Казанского университета	Кандидат на судебные должности при Симбир- ском окружном суде, су- дебный следователь Симбирского окружного суда по Курмышскому, затем Сызранскому уез- дам, товариш прокурора Екатеринбургского ок- ружного суда. С 1914 г. до большевиков - то- вариш прокурора Симби- рского окружного суда. С 14 декабря 1918 г. - на- чальник уголовного от- деления
Начальник отделения, до мая 1919 г.	Хращевский Василий Михайлович	Родился 6 нояб. 1883 г.	Высшее, Деми- довский юриди- ческий лицей	

Розыскная карточка"

Ложное имя, кличка
 Преступная профессия
 Фамилия, имя, отчество
 Звание
 Вероисповедание
 Национальность
 Время и место рождения
 Возраст по наружному виду
 Профессия и место служения
 Последнее место жительства

Приметы: рост, сложение, питание, осанка, походка, волосы на голове, усы и борода, цвет волос, кожи и глаз, голова, лицо, лоб, брови, глаза, нос, уши, рот, губы, подбородок, голос, выговор, картавость, акцент, гримасы, жестикуляция, привычки носить одежду и ее описание, привычки, татуировки, рубцы, профессиональные приметы;

имя отца, матери и ее девичья фамилия, их адрес, род занятий, братья, сестры и прочие родственники, их фамилии, адреса, род занятий; не имеется ли фотокарточки и не подвергался ли ранее регистрации (где, когда и на каком основании);

Подробные причины розыска (если скрылся из-под надзора, с места ссылки или высылки, бежал из мест заключения, то откуда, когда и при каких обстоятельствах, а также в чем именно подозревается и по каким статьям закона обвиняется);

Если есть фото - наклеивать

Что надлежит сделать, куда направить и кого уведомить по розыску если разыскиваемый найден, то где, и за каким № послано уведомление
 Основание розыска

Отметка о производящемся розыске (периодически)

Розыск прекращен распоряжением № уголовный отдел ДМ

Перечень преступлений и проступков, подлежащих регистрации¹⁰

- преступления религиозные;
- преступления государственные;
- лжеприсяга, лжесвидетельство, ложный донос;
- преступления против порядка управления;
- подлоги и похищения правительственных актов;
- преступления служебные;
- подделка монеты и денежных знаков;
- преступления против законов о воинской повинности;
- нарушение уставов казенных управлений;
- преступления против народного здоровья и общественного продовольствия;
- бродяжничество;
- другие преступления против общественного спокойствия и безопасности;
- изготовление, хранение и сбыт взрывчатых веществ;
- общественный соблазн и преступления против нравственности;
- нарушение законов о печати;
- нарушение правил о благоустройстве;
- нарушение уставов торговых и кредитных;
- нарушение уставов фабричной и заводской промышленности;
- стачки на промышленных предприятиях;
- стачки среди сельскохозяйственных рабочих;
- преступления против законов о достоянии;
- убийства;
- самоубийства;
- оставление в опасности и неоказание помощи;
- преступления против телесной неприкосновенности;
- поединки;
- преступления против женской чести;
- противозаконное лишение свободы;
- угрозы;
- оскорбление чести;
- преступления против союза брачного и родственного;
- поджоги;
- нарушение правил осторожности от пожаров;
- прочие случаи повреждения и истребления имущества;
- разбои и грабежи;

- похищение лошади и кража прочего домашнего скота;
- прочие случаи кражи;
- мошенничество;
- присвоение и растрата чужого имущества;
- подлоги в актах и обязательствах;
- преступления по договорам купли-продажи, займа и найма;
- прочие преступления.

Кроме этого подлежало регистрации

- число установленных рецидивистов;
- сколько снято фотографий;
- сколько дознаний возникло за месяц;
- сколько из них окончено и получило надлежащее направление;
- сколько дознаний осталось к 1-му числу следующего месяца;
- на какую сумму возвращено имущества потерпевшим.

Приложение 13

Руководители режима и правоохранительных органов

Вологодский Пётр Васильевич (30 янв. 1863 г., дер. Комарово Канского уезда Енисейской губернии — 19 окт. 1925 г., Харбин). Родился в семье священника. Поступил в Санкт-Петербургский университет. В 1892 г. экстерном окончил юридический факультет Харьковского университета с дипломом 2-й степени. Присяжный поверенный в Томске. Избирался депутатом 2-й Государственной думы. С 17 июля 1917 г. - старший председатель Омской судебной палаты. 30 июня 1918 г. возглавил Временное Сибирское, затем Всероссийское правительство. С 22 ноября 1919 г. - в отставке, с января 1920 г. - в эмиграции.

Гаттенбергер Александр Николаевич (1860/1861, Тверская губерния - не позднее 3 мая 1939, США). Присяжный поверенный в Томске. Летом 1918 г. - Томский губернский комиссар, с ноября 1918 г. - министр внутренних дел. 29 апреля 1919 г. вышел в отставку. В январе 1920 г. выехал в эмиграцию.

Гинс Георгий Константинович (15 апреля 1887 г., Новогеоргиевск, ныне Польша - 24 сентября 1971 г., Редвуд-сити, Калифорния, США). Родился в семье офицера. В 1909 г. закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1916 г. - приват-доцент Петроградского университета. В 1918-1919 гг. управляющий делами Верховного правителя и Совета министров.

Гран Пётр Карлович (18 ноября 1869 г. — ?). Потомственный дворянин. Окончил Императорское училище правоведения в Санкт-Петербурге. В 1908-1913 гг. иркутский, затем томский губернатор. С 4 мая 1913 г. по 6 марта 1917 г. - начальник Главного тюремного комитета МВД, действительный статский советник. Указом Верховного правителя России А. В. Колчака от 31 января 1919 г. назначен начальником Главного управления мест заключения министерства юстиции с правом заменять министра.

Ераков Николай Петрович. В 1898 г. председатель Красноярского окружного суда. С 1905 г. - старший председатель Иркутской судебной палаты, тайный советник.

Колчак Александр Васильевич (4 ноября 1874 г., с. Александровское Петербургского уезда - 7 февраля 1920 г., Иркутск). Родился в семье штабс-капитана. В 1894 г. окончил Морской кадетский корпус. С июня 1916 г. командующий Черноморским флотом. Военный и морской министр Всероссийского Временного правительства - Директории. 18 ноября 1918 г. в результате государственного переворота был провозглашён Верховным правителем России. Адмирал (1918). Расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

Малиновский Михаил Алексеевич. Весной 1918 г. служил в Симбирском окружном суде. В мае 1918 г. был расстрелян большевиками, но выжил. С января 1919 г. последовательно исполняющий обязанности старшего юрисконсульта министерства снабжения и продовольствия, товарищ обер-прокурора по 1-му Департаменту Временного Присутствия Правительствующего Сената с исполнением обязанностей обер-прокурора, с мая — товарищ министра юстиции Российского правительства. На суде в Омске 20-30 мая 1920 г. был приговорен к пожизненному заключению.

Морозов Александр Павлович (18 ноября 1864 г., Омск - ?). Родился в семье мещанина. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1910 г. член Омской судебной палаты, действительный статский советник. Указом Временного Сибирского правительства от 1 июля 1918 г. был назначен товарищем министра юстиции. Занимал эту же должность и при А. В. Колчаке. На суде в Омске 20-30 мая 1920 г. был приговорен к пожизненному заключению.

Науман Николай Готфридович. Председатель департамента, с 15 июля 1918 г. старший председатель Омской судебной палаты.

Пепеляев Виктор Николаевич (27 декабря 1884 г., Нарым Томской губ. - 7 февраля 1920 г., Иркутск). Родился в семье штабе-

капитана. В 1909 г. окончил юридический факультет Томского университета. Преподавал в гимназиях Бийска. Был депутатом 4-й Государственной думы. 9 ноября 1918 г. в Омске был избран председателем Восточного отдела ЦК партии народной свободы. С 1 декабря 1918 г. последовательно занимал посты директора департамента милиции, товарища министра и министра внутренних дел, а с 23 ноября 1919 г. возглавил Российское правительство. Был расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

Старынкевич Сергей Сазонтович (6 июля 1874 г., Луцк Волынской губ. — 8 апреля 1933 г., Francelle, Франция). Родился в семье учителя. В 1900 г. с дипломом 1-й степени окончил юридический факультет Московского университета. Присяжный поверенный округа Петербургской судебной палаты в Санкт-Петербурге. Член военной организации ПСР, содержался в тюрьме Трубецкого бастиона с 1 декабря 1907 по 15 февраля 1908 г. Был приговорен к ссылке на поселение в Восточную Сибирь. Присяжный поверенный. С 8 апреля 1917 г. прокурор Иркутской судебной палаты. С 7 августа 1918 г. — управляющий МВД, а с 4 ноября 1918 г. по 8 мая 1919 г. — министр юстиции Временного Сибирского, затем Российского правительства.

Тельберг Георгий Густавович (27 сентября 1881 г., Царицын (ныне Волгоград) Саратовской губ. — 1954 г., США). Родился в семье чиновника. Окончил юридический факультет Казанского университета. В октябре 1918 г. был назначен управляющим делами Российского правительства. Со 2 мая 1919 г. — министр юстиции.

Червен-Водали Александр Александрович (1872 г. — в ночь на 23 июля 1920 г., Омск). В 1900 г. окончил физико-математический и юридический факультеты Санкт-Петербургского университета.

В феврале 1919 г. ему было поручено установить связь с правительством А. В. Колчака и сибирской общественностью. В Омске А. А. Червен-Водали работал в финансовой и бюджетной комиссиях правительства, впоследствии был членом Государственного экономического совещания.

В последней декаде ноября 1919 г. А. В. Колчак произвел перемены в правительстве. Вместо П. В. Вологодского его возглавил министр внутренних дел кадет В. Н. Пепеляев. А. А. Червен-Водали по указу Верховного правителя от 25 ноября 1919 г. принял во временное управление МВД.

4 января 1920 г. добровольно сдался новой власти. На суде в Омске 20–30 мая 1920 г. был приговорен к расстрелу.

Ячевский Михаил Эдуардович (14 марта 1865 г. - ?). Потомственный дворянин действительный статский советник, камергер (1911). Потомственный дворянин, окончил Варшавский университет. В 1910—1917 гг. Петроковский губернатор. В 1918 г. — чиновник особых поручений 4-го класса при министре внутренних дел, с мая 1919 г. и. о. товарища министра внутренних дел, с 15 июля товарищ министра. На суде в Омске в мае 1920 г. был приговорен к заключению на время гражданской войны.

Примечания

¹ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 373.

² ГАРФ. Ф. 147. Оп. 12. Д. 4. Л. 43.

³ Там же. Оп. 11. Д. 2а. Л. 194, 237.

⁴ Составлено по: ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 10. Л. 7, 21-22.

⁵ Подсчитано по: ГАПО. Ф. Р.746. Оп. 2. Д. 44. Л. 61; ЦДНИЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 318. Л. 53.

⁶ Составлено по: ГАРФ. Ф. 3907. Оп. 1. Д. 1. Л/14.

⁷ Составлено по: ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 115. Л. 29, 54об.-55; Ф. 3907. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 2, 8, 47; Ф. 4369. Оп. 4. Д. 790. Л. 2; НАРТ. Ф. 977. Оп. 619 Д. 23. Л. 129; Правительственный вестник. 1919. 12 янв. и 6 нояб.; Памятная книжка Енисейской губернии на 1912 г. Красноярск, 1912. С. 17; Заря. 1919. 25 марта; Казачье эхо. 1919. 31 дек.; Народная Сибирь. 1919. 7 февр.; Наша Заря. 1919. 6, 8 июля; Освобождение России. 1919. 4 янв., 6 февр.; Сибирская жизнь. 1919. 6 янв., 11 авг.; Слово. 1918. 26 дек.; Бородин А. П. Государственный Совет России (1906-1917). Киров, 1999. С. 304, 307; Фоминых С. Ф. Мокринский Степан Петрович // Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1 (1888-1917). Томск, 1996. С. 168—170; Граве: М-лы к родословию потомства Христиана Граве. СПб., 1997. С. 47.

⁸ Составлено по: ГАРФ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 146. Л. 129-130, 147-148; Д. 25. Л. 1-19; Д. 179. Л. 3, 6-6 об.; Ф. 176. Оп. 3. Д. 48. Л. 176; НАРТ. Ф. 977. Оп. личных дел студентов. Т. 3. Д. 33967. 43 л.; Д. 35432. 42 л.; Звягин С. П., Шиловский М. В. Пепеляев Виктор Николаевич // История "белой" Сибири в лицах: Биографический справочник. СПб., 1996. С. 39-44.

⁹ ГАРФ. Ф. 147. Оп. 12. Д. 29. Л. 230.

¹⁰ Там же. Оп. 12. Д. 16. Л. 18.

АББРЕВИАТУРЫ АРХИВОВ, МУЗЕЕВ, БИБЛИОТЕК

АБФ "Русское Зарубежье" - Архив-библиотека фонда "Русское Зарубежье", Москва

ГАИО - Государственный архив Иркутской области

ГАКеО - Государственный архив Кемеровской области

ГАКК - Государственный архив Красноярского края

ГАКО - Государственный архив Курганской области

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

ГАОО - Государственный архив Омской области

ГАПО - Государственный архив Пермской области

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации

ГАСО - Государственный архив Свердловской области

ГАТО - Государственный архив Томской области

ГАТюО — Государственный архив Тюменской области

ГАХК - Государственный архив Хабаровского края

ГАЧО - Государственный архив Челябинской области

ГАЧитО — Государственный архив Читинской области

КОКМ - Кемеровский областной краеведческий музей

НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия

НАРТ - Национальный архив Республики Татарстан

НБТГУ - Научная библиотека Томского государственного университета

НФГАКО - Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области

ПГКМ - Прокопьевский городской краеведческий музей

ПОКМ - Пермский областной краеведческий музей

РГАДВ - Российский государственный архив Дальнего Востока

РГАСПИ - Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА - Российский государственный военный архив

РГИА - Российский государственный исторический архив

ТФГАТюО - Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области

ЦГА ИПД Спб - Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

ЦГИАРБ - Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан

ЦГАООРБ - Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан

ЦДНИИО - Центр документации новейшей истории Иркутской области

ЦДНИОО - Центр документации новейшей истории Омской области

ЦДООСО - Центр документации общественных организаций Свердловской области

ЦДНИТО — Центр документации новейшей истории Томской области

ЦДНИТюО - Центр документации новейшей истории Тюменской области

ЦДНИЧО — Центр документации новейшей истории Челябинской области

ЦХАФАК - Центр хранения архивного фонда Алтайского края

ЦХИДНИКК - Центр хранения и изучения документации новейшей истории Красноярского края

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аронов - 289
Абов А. - 34
Абрамов И. И. - 68
Авельянин А. Е. - 224
Авксентьев Н. Д. - 30, 114
Автин Г. Я. - 228
Агарев В. Н. - 68, 172, 208, 332
Агарков М. М. - 297, 303-304
Агафонов А. В. - 328
Адрианов А. В. - 56
Азмидов-Пахомов - 114
Айзин - 162, 169, 287
Акулинини, Г. - 39, 49, 74, 120, 130, 142
Александр II - 158
Александров - 121
Александрович Я. И. - 91
Алексеев - 258
Алексеев В. Н. - 38
Алексеев М. В. - 176, 194, 237-238
Алексеев Н. Н. - 286
Алексеевский Б. - 228
Алексеевский Е. Ф. - 290
Аманацкий - 185
Аманжолова Д. А. - 126
Аменицкий И. А. - 328
Амстердамский И. М. - 111
Ананьин Н. А. - 95
Андреев - 138-139
Андреев К. НЛ - 328
Андронников И. А. - 285
Андрешкевич Н. А. - 39, 117, 129
Анненков В. В. - 35, 44, 118, 260
Аносов И. И. - 85, 218, 249, 294, 300, 306, 322
Ансон А. А. - 6, 32, 39
Антропов И. А. - 308
А. П. - 20, 37, 127, 129, 281
Аргунов А. А. - 18, 30, 37, 114
Арнольд Р. А. фон - 185-186, 239
Арнольдов Л. В. - 39, 298
Астров Н. И. - 37
Атмакин - 177
Ауслендер С. А. - 74
Афанасьев - 222
Афанасьев М. Е. - 271
Афанасьев М. И. - 230
Ахметьева Н. П. - 37
Ащеулова - 202
Бабин Н. Г. - 183
Бабушкин В. А. - 172, 332
Багурин И. К. - 138-139
Баженов В. В. - 140
Байбородин Н. Т. - 204
Баканов В. П. - 17, 37, 128
Баканова А. А. - 129, 138, 150, 166-168
Бакшеев А. П. - 162
Балакшин А. А. - 50
Банчук Е. - 231
Баранов А. В. - 34, 136, 166
Баранов М. А. - 220
Баранов Н. А. - 183
Барсагаев П. А. - 45, 73
Батошренов В. Б. - 9, 35
Батуев П. Е. - 140-141
Батурин Г. М. - 73
Безродных И. - 34
Безродов К. А. - 152
Безродов Ф. С. - 284
Безродова П. А. - 152
Бейлин М. Р. - 287, 308
Белкин Р. С. - 247
Беликова Л. И. - 35
Белобородое Н. П. - 91
Белоголовский Е. - 115, 128
Белоголовый - 259
Белопольский И. И. - 110
Вельский - 131
Вельский С. В. - 179, 332
Белый В. - 228
Беляев А. А. - 100, 126
Беляев И. С. - 267
Беляк - 81
Бенда - 258
Бент - 113
Бердяев Н. А. - 123, 130
Берлога А. - 248
Бетонов Г. Ф. - 148
Биск И. Я. - 11, 36
Благовещенский - 196
Блонский Д. Е. - 47
Блузов М. М. - 120
Блюхер В. К. - 6
Бобин В. - 293
Боботов С. В. - 97, 126
Бобров - 114
Вогатнау - 258

- Богданович - 82, 124
 Богоявленский М. Д. - 290
 Бойчевский В. А. - 196
 Бокарев 221
 Болдырев Д. В. - 271
 Бонапарт Л. - 75
 Бондарь Г. - 275
 Бор Н. - 24, 38
 Борабанов Д. Е. - 106
 Бордогов Г. А. - 8, 19, 30, 35, 37, 39
 Борецкий Б. - 110
 Борисов Е. Д. - 204
 Боровых Г. А. - 104
 Боровых Е. В. - 104
 Бородин А. П. - 338
 Бортневский В. Г. - 11, 36, 107, 127
 Боруцкий Я. - 223
 Бочкарев - 221
 Бочкарев П. И. - 286
 Брандт И. - 221
 Брандт Л. - 221
 Б-рь В. - 293
 Брежневская - 83
 Бржезовский - 108
 Бровкин В. Н. - 129
 Брытков И. - 110
 Бугаев Д. А. - 181, 245, 247, 268, 281
 Будберг А. П. - 30, 31, 39, 129, 210,
 212, 248, 275, 282
 Будде Б. Е. - 300, 310
 Бузынин - 200
 Буйвиц В. Ф. - 138
 Букинский - 177
 Буксицкий - 196
 Булдаков В. П. - 11, 36
 Бунге Ф. Ф. фон - 229
 Буревой К. - 39
 Буркин - 200
 Бурхард - 68
 Бутовский Н. - 292
 Буторин А. М. - 207, 248
 Бухов М. С. - 289
 Бушаров Е. А. - 17, 37
 Бушуев - 151
 Буянов А. - 147
 Быков З. С. - 183
- Вайдаг - 219
 Вальден Ф. А. - 302
 Вампилуп Б. - 95
 Василевский В. И. - 128
 Василевский С. И. - 133
 Васильев Н. В. - 135
 Васильев Н. Н. - 83
 Васильев Н. П. - 302
 Васильев Н. Ф. - 151
 Васьковский О. А. - 8, 35
 Вегенер - 272
 Вегман В. Д. - 5-6, 34, 75, 166-167, 269, 309
- Ведерников - 108, 114
 Вейнбаум Г. С. - 110
 Вележев И. П. - 185
 Вельчевский А. В. - 59
 Вендрих Г. - 169
 Венцеславский - 70, 75
 Вереев - 220
 Верешагин - 135
 Вержбицкий Г. А. - 257
 Вибе П. П. - 37, 73, 128, 168
 Виганд Э. Э. - 290
 Виленский-Сибиряков В. Д. - 5-6, 32,
 34, 39, 250
 Виноградов - 83
 Виппер Р. Ю. - 23, 38
 Висковатов А. К. - 151, 330
 Виткинд Н. Я. - 6, 34
 Витте Р. Э. фон - 161
 Витте Э. Э. фон - 68
 Вишняков В. - 280
 Вишневский - 188
 Вишневский Е. К. - 171
 Вишневский К. П. - 135
 Вовней В. З. - 82
 Воилин А. - 120
 Войлошников - 173
 Волгин А. В. - 299
 Волесский - 82, 151
 Волков В. И. - 114, 128
 Волков С. В. - 34
 Волкогонов Д. А. - 116, 129
 Волобуев П. В. - 11, 24, 36, 38
 Вологодский П. В. - 16, 27, 30, 39, 40,
 53, 82, 93, 113, 175, 232, 262-263, 268,
 278, 288, 308, 320, 330, 335
 Володченко Н. Г. - 139, 166
 Волюнский А. - 6, 34
 Воробьев А. - 177
 Воскресенский Т. К. - 328
 Вотинцев Н. С. - 284
 Врангель П. Н. - 20, 37, 107, 116, 127,
 129, 281
 Вучичевич-Сибирский В. Д. - 45
- Гайда Р. - 55, 221, 257, 264
 Гайлиш - 202
 Галинский А. А. - 225
 Галка - 290
 Гамов И. М. - 44, 118, 155, 157
 Гамрикелли С. А. - 69
 Ган А. - 54, 74
 Гарвалик - 113
 Гармиза В. В. - 171, 243
 Гаршин В. М. - 299
 Гаттенбергер А. Н. - 17, 30, 37, 56, 138,
 193, 207, 261-262, 278, 297, 320, 335
 Геласимова А. Н. - 39
 Гилевич П. П. - 328
 Гильков - 78

- Гинзберг М. Г. - 288
 Гинс Г. К. - 13, 18, 30, 37, 52, 54, 74,
 124, 163, 169, 201, 217, 232, 247, 249,
 258, 261-262, 269, 280, 312, 335
 Гиргенсон Ф. И. - 141
 Гире Н. Н. - 161
 Гирченко В. П. - 35, 44, 73, 248
 Гладков - 296
 Глузсская З. К. - 73
 Глушков В. Ф. - 300
 Гнеденков М. В. - 290
 Гоголь Н. В. - 298
 Годдин В. И. - 35, 36
 Голинок Д. Л. - 251
 Голицын В. - 253
 Голованов - 222
 Головин С. И. - 141
 Головина Т. М. - 287, 308
 Голуб Л. М. - 289
 Голуб П. А. - 73, 282
 Голубев - 202
 Голубков - 136
 Гольдович - 231
 Гольфарб - 185
 Гончаров А. - 198
 Гончаров Н. Е. - 81, 133, 134
 Горин О. - 222
 Горовцов А. М. - 300
 Городилов Д. Е. - 215
 Городцов - 285
 Гоштовт В. К. - 288
 Граве Х. - 338
 Гран П. К. - 336
 Гревс В. Э. - 290
 Гредасов С. Ф. - 138
 Греков Н. В. - 17, 37
 Грибовский В. М. - 300, 303
 Григорьев - 204
 Гришин-Алмазов А. Н. - 257
 Громадный - 111
 Громов - 279
 Громыко В. П. - 150
 Тройский П. П. - 17, 37
 Грэвс У. - 33, 39, 120, 130, 158, 231, 252,
 263, 280
 Губельман М. И. - 280
 Гудошников М. И. - 35
 Гузевич В. Ф. - 83
 Гурченко - 225
 Гутман А. Я. - 41, 72

 Данков В. М. - 135
 Даурец Н. П. - 39
 Д. Б. - 293, 309
 Дворянов В. Н. - 8, 35, 279
 Дворянов Н. В. - 279
 Дебгорий-Мокревич В. Д. 70, 187
 Девятков В. И. - 328

 Демидов В. А. - 127
 Демидов Н. С. - 111
 Деникин А. И. - 150, 166, 253, 279
 Денисов М. П. - 106
 Джумбаев С. - 220
 Дзенит - 236
 Дитерихс М. К. - 45, 271
 Дмитраш Н. И. - 302-303
 Дмитриев Н. И. - 169, 249-250
 Дмитриевская Л. А. - 106
 Доброхотов - 83
 Домальт К. Г. - 205
 Доманжо В. П. - 303-304, 310
 Домбровский - 304
 Домбровский, судья - 87
 Домонтович С. А. - 144
 Достовалов Е. И. - 217, 222
 Драгичевич-Никшич - 196
 Драницын М. М. - 91, 330
 Дробенин - 271
 Дроков С. В. - 27, 39, 279
 Дронов Г. И. - 147
 Дубровинский Я. Ф. - 110
 Дубровский К. В. - 5, 34
 Дукельский В. П. - 258, 287
 Думова Н. Г. - 223, 244, 250, 318
 Дурденевский В. Н. - 300
 Дурновцев - 111
 Дутов А. И. - 77, 84
 Дюков П. И. - 290

 Евдокимов - 59
 Евдокимова Ф. - 236
 Евсеев Е. - 168
 Евтин - 254
 Егоров Г. В. - 38
 Егоров Н. В. - 155
 Елесевич В. - 206
 Елтышева - 119
 Енкин - 221
 Ераков Н. П. - 91, 290, 336
 Ермаков - 119
 Ерошкин Н. П. - 9
 Ершов - 201
 Есипов - 232
 Ефимов - 112
 Ефимов Я. В. - 211

 Жанен М. - 33, 39
 Жардешский В. А. - 71, 114, 261, 269, 286, 312
 Жарков - 119
 Жбанков Д. Н. - 32
 Жданов А. А. - 310
 Жданович М. А. - 82, 89
 Жевченко - 213
 Животинский - 102
 Жонгович - 145
 Жуков - 256

Журавлев В. В. - 160, 169, 299, 309
Журавлев В. И. - 81
Журавский - 111
Журов Ю. В. - 8, 35, 73, 174, 243, 281-282

Забайкальский - 167
Загорский - 111
Задарновский - 183
Зайченко П. А. - 310
Закржевский - 237
Замятин - 260
Занкович - 195
Захаров - 221
Захаров И. И. - 286
Заякин С. А. - 226
Звягин - 92
Звягин С. П. - 36-39, 73, 243
Зеелер В. Ф. - 37
Зензинов В. М. - 30, 38, 114, 128
Зефирова Н. С. - 162, 318
Зиминова В. Д. - 12, 36, 38, 100, 116, 126, 129, 265, 281
Зицерман П. В. - 284
Златин А. В. - 184-185
Золотнов - 299
Зубов - 140
Зырянов А. И. - 267

Иванов Б. П. - 300, 310
Иванов В. Е. - 32, 39
Иванов Е. Н. - 140
Иванов К. Н. - 139, 141
Иванов М. В. - 144
Иванов М. И. - 113
Иванов Н. Ф. - 147
Иванов С. П. - 147
Иванов-Ринов П. П. - 108, 162
Иванович В. - 205
Игнатов М. А. - 47
Ильин И. А. - 18, 37
Ильинский И. И. - 68
Иностранцев М. А. - 19, 37
Иоффе Г. З. - 4, 7, 20, 34-35, 37, 53, 74
Исаев Н. - 119

Кавапов А. И. - 231
Каваучи Т. - 229
Каверин - 84
Калейкин В. А. - 8, 35, 130, 178, 234, 244, 252, 280-281
Казиков В. Н. - 172, 230, 291, 332
Казарин В. Н. - 310
Казачихин А. Т. - 183
Калабухов - 205
Калашников - 264
Калмыков И. П. - 118, 221
Калугин С. В. - 151
Каминский (Гальперин) В. П. - 160, 330

Камов Е. Д. - 289
Камский - 6, 34, 226, 251
Кан Г. П. - 143
Капан И. С. - 141
Капшугович И. С. - 77, 123, 146, 167
Каргалов - 289
Карначев М. Т. - 279
Карпенко З. Г. - 34
Карский С. - 289
Касаткин - 150
Касаткин В. Н. - 114
Катаев - 120
Катанаев А. В. - 114
Катанаев Г. Е. - 150-151
Кашин - 226
Каширины - 267
Кенэх - 33, 39, 120, 130
Керенский А. Ф. - 41, 86
К-инь - 124
Киселев - 115
Кисилев - 151
Кислицын В. А. - 275, 282
Кияшко А. И. - 161
Климашевич - 155
Климов А. - 203
Клоков В. О. - 139, 141, 146
Клафтон А. К. - 50, 58, 71, 269, 312
Клюкин М. - 204
Ключников Н. А. - 183
Кмыров - 102
Князев В. В. - 38
Князев Л. М. - 97
Ковалевский В. В. - 231-232
Ковалевский М. М. - 303
Козеко С. Н. - 215
Козленков - 111
Козлов - 140
Козлов А. И. - 166
Козлов В. А. - 141
Козлов И. А. - 204
Козьмин - 269
Кокошин А. И. - 140
Кокошин Ф. Ф. - 119
Коктенов К. - 129
Колесников - 134
Колесников А. Н. - 297, 304
Колесников С. Н. - 211
Колесниченко В. С. - 154
Колмаков А. В. - 203
Коломацкий В. Г. - 247
Колосов В. А. - 288
Колосов Е. В. - 30
Колосов Е. Е. - 6, 30, 34, 73, 117, 263, 277, 281-282
Колосов С. Р. - 144, 180
Колчак А. В. - 3-4, 6-7, 9-10, 13, 15, 19-23, 27, 32, 34, 37-40, 45-46, 50-53, 58, 60, 71, 74-75, 77, 82, 84, 92, 97, ПО, 113.

- 115, 126, 128, 131, 136, 158-159, 161, 163, 169, 172, 177, 195, 203, 217, 230, 233, 244, 246-250, 253-255, 258, 261, 263-267, 278-281, 286, 312, 316, 323, 336
 Комаринец Я. В. - 81
 Компанеиц Н. И. - 201
 Кондратович И. В. - 59, 135
 Коневский Ив. - 217, 249
 Кони А. Ф. - 304
 Константинов М. М. - 5, 34
 Константинов С. Г. - 284
 Коптелов Л. И. - 193
 Коптяев П. П. - 199
 Корещкий П. Н. - 68
 Корнаговский Н. А. - 39, 74, 280
 Корнев М. - 84, 92
 Корнеев-Гребаров И. В. - 82
 Короткое - 201
 Короткое В. С. - 181, 184, 186, 202, 239
 Корякин И. Н. - 134
 Коотарев В. И. - 183-184
 Котельников К. Л. - 70
 Котельников С. Г. - 284
 Котляревский С. А. - 292
 Кстляров Г. М. - 288
 Кохановский Н. И. - 302
 Кравченко А. Д. - 254, 271
 Крамарчук М. М. - 155, 212
 Крамин Г. А. - 146
 Красильников - 254
 Красильников И. Е. - 155, 157
 Красильников И. Н. - 114
 Краснов Г. А. - 232
 Ерасновидов П. А. - 183
 Краснопевцев - 213
 Красноярский В. Д. - 176, 295-296
 Красных М. - 35
 Кривошапкин - 213
 Кривошапкин И. П. - 82, 83
 Круглевский А. Н. - 300, 310
 Крупенин - 199
 Круссер Г. В. - 5-6, 34
 Крутиков В. В. - 50
 Крутовский В. М. - 272
 Крутский - 259
 Кручинин А. С. - 116, 129
 Крушанов А. И. - 35
 Крыбенкин Ф. - 206
 Крыжановский В. Я. - 172, 194
 Крылов - 78
 Крылов К. М. - 143, 147
 Крыльцов И. И. - 298
 Крюков М. С. - 328
 Ксенофонтов Г. В. - 95-96
 Кудряшов - 215
 Кужелева - 143
 Кузаков И. - 225
 Кузнецов - 274
 Кузнецов В. П. - 137, 139
 Кузнецов М. - 292
 Кузнецов Н. П. - 173, 196
 Кузнецов П. А. - 59
 Кузнецов П. А., присяжный поверенный - 290
 Куйбышев В. В. - 310
 Кулагин А. П. - 138-139
 Кульчинский - 296
 Кулябко М. М. - 183
 Кулягин - 274
 Купреянов - 199
 Куракин И. А. - 330
 Курбатов В. И. - 68
 Курбатов Н. Г. - 139
 Кургузов С. - 282
 Курдюков - 185
 Курицын В. М. - 72
 Куркутов П. О. - 330
 Кусиди - 225
 Кутилов Н. Д. - 224
 Кушель А. И. - 112
 Лабезников Д. О. - 286
 Лавринов Н. - 119
 Лавров - 134
 Лавров Н. В. - 134, 154
 Лагунов - 286
 Лажецын Б. - 330
 Лазо С. Г. - 280
 Ланьшин Д. - 121
 Лапин Ф. С. - 157
 Лапо Д. Е. - 115, 153
 Ларкин - 162
 Ларьков Н. С. - 17, 26, 37-38, 128, 230, 251, 281
 Лебедев - 47
 Лебедев В. С. - 139
 Левшаков - 114
 Ленин В. И. - 129, 266, 281
 Лепин А. - 228
 Лещинский А. А. - 83, 91, 162
 Либкинд-Любоземский С. В. - 134-135, 154
 Лившиц С. Г. - 8, 115, 128, 264, 281
 Липкина А. Г. - 75
 Лискаи Л. - 107
 Литвин А. Л. - 10, 36
 Литынский - 291
 Лошкосоев - 21
 Лубков - 109, 193, 267-268
 Лузгин И. М. - 247
 Луков Е. В. - 38
 Лукомский А. С. - 5, 34
 Лучевников П. С. - 123
 Львов Г. Е. - 41
 Львов Н. В. - 196
 Лю-ю-Сун - 227
 Любинский - 6, 34

Любимов В. П. - 134, 140
Любовицкий И. И. - 328

Мазур - 48

Майский И. М. - 33, 126
Македонский В. С. - 86
Максаков В. - 34, 128, 168
Максюта - 157
Малаховский Н. А. - 134
Малиновский М. А. - 60, 152, 214, 269, 336
Мальковский - 135
Мальцева Т. В. - 8
Мальгин А. Я. - 75, 116, 129, 132; 165, 243
Мальшев Л. Я. - 177
Мамонтов Е. М. - 47, 254
Манне Г. Ю. - 297, 303-304
Маркс К. - 58, 75
Марочко С. С. - 135
Мартыненко Н. - 126
Масалов И. Ф. - 37
Матковский А. Ф. - 114, 255-256, 268
Матыгин - 226
Мащков - 114
Мащук И. А. - 231
Мачинский В. В. - 183
Медведев А. С. - 56
Медведев В. Г. - 12, 36
Медер Б. К. - 290
Мейер - 186
Мейер В. Э. - 138
Мелентий - 271
Мелихов Г. В. - 166, 244, 251
Мельгунов С. П. - 12, 19, 37, 100, 126
Мельников - 217
Мельников, лектор - 271
Мельников, спекулянт - 221
Мельников Ф. П. - 271
Мерманов - 213, 215
Мигай А. - 81
Милевский Д. Е. - 91
Мильтонов - 162
Милоков П. Н. - 37, 265, 281
Миролотов Н. И. - 289
Михайлов И. А. - 54, 232
Михайлов И. В. - 11, 36
Михайлов П. Я. - 303
Михайловский Б. М. - 77, 185, 188, 200, 207-210, 216, 267, 276
Михайловский И. В. - 300, 310
Михалев К. А. - 68
Михеев А. П. - 128, 168
Могильницкий Б. Г. - 24, 26, 38
Моисеенко С. Т. - 149
Мокринский С. П. - 85, 97-98, 124, 126, 161, 165, 330
Молотков И. - 47
Молотов К. М. - 5, 34, 178, 244
Морозов А. П. - 269, 336

Морозовы - 215
Мошинский Н. - 201
Музыкаин А. П. - 271
Мунте - 186
Муравьев - 143
Мякинин - 102
Мясников - 150

Нагорный - 113

Надеев - 286
Найда С. Ф. - 280
Наймушин Г. Ф. - 146, 167
Наполеон Б. - 187
Науман Н. Г. - 336
Наумов М. В. - 77, 123
Наумова Н. И. - 126
Неверов Дм. - 292, 309
Неклютин К. Н. - 219, 232
Некрасова Л. В. - 16, 36, 163, 169, 243
Нелидов - 134
Немиров - 199
Нечаев Н. А. - 183
Низовой П. Г. - 32
Никитин А. Н. - 12-15, 36, 38, 43, 72-73, 75, 116, 129, 132, 165, 167, 177, 184, 189, 222, 243-250, 252, 280-281
Никитин П. И. - 91
Никитин П. Т. - 91
Никифоров П. М. - 287
Никифоровский Д. - 186
Николаев Т. - 330
Николаева Е. - 143
Николай П. - 230, 319
Нцконов С. П. - 300, 303, 310
Нилус Е. Х. - 186, 245
Нишге Ф. - 26, 38
Новиков В. Н. - 161, 330
Новиков П. А. - 128
Новомбергский Н. Я. - 269, 299-300
Новоселов - 48
Нокс-211, 217
Носков - 215
Нотбек В. В. - 151

Оболенский В. А. - 37
Оболенский П. Н. - 141
Окулич И. К. - 39
Омбыш-Кузнецов С. О. - 279
Онищенко - 147
Онучин В. - 32
Орлов - 260
Орловский А. А. - 140-141
Орловский Е. К. - 181-184
Осмольский В. - 45
Осокин М. М. - 73
Островский В. П. - 203

Павлов Ф. - 206
Пальчинский А. Б. - 86
Панов - 78
Пантюшев А. И. — 183
Панфилов - 81
Папин Л. М. - 244-245
Парадовский А. Ф. - 110
Парахин - 219
Парфенов П. С. - 19-20, 37
Парфенова М. А. - 206
Патрушев Н. В. - 288
Патушинский Г. Б. - 284, 286, 304
Пашинский - 81
Пашинский Э. - 195
Пепеляев А. Н. - 57, 262, 264
Пепеляев В. Н. - 7, 14, 17-18, 27, 30, 37, 39, 57-58, 71, 94-95, 115, 128, 172, 175-176, 179-180, 186, 189, 192-194, 203-204, 209, 215, 232, 234, 243, 262-263, 268, 278, 312, 320, 332, 336
Перевалов — 221
Пересветов М. А. - 134
Перов - 209
Перцель - 113
Першин — 83
Песахов В. - 206
Петраков Е. - 206
Петрашевский - 275
Петренко - 113
Петров Арк. П. - 302
Петров В. Н. - 195
Петров И. Ф. - 279
Петров Н. Н. - 232
Петров П. П. - 276, 282
Петров П. У. - 252
Петров С. Ф. - 331
Петрожицкий И. И. - 135
Петропавловский - 114
Петропавловский В. О. — 288
Петрушева Л. И. - 39
Петухов В. М. - 92
Петухов Н. М. - 328
Пигнатти В. Н. - 206, 213
Пижоль А. - 304
Пимен - 24
Пинчук - 119
Пионтковский С. А. - 38, 74
Пиотровский В. В. - 78
Пирс Б. - 21
Платонов П. - 48
Плотников И. Ф. - 8-9, 35, 248, 303, 310
Плотникова М. Е. - 8, 26, 38, 48, 74
Поволоцкий Д. Е. - 134
Погосский - 151
Погребняк - 207
Подгоричани-Петрович Е. - 308
Подгоричани-Петрович М. А. - 291, 331
Подпалов - 59

Подпалов И. Н. - 91
Пождаев Н. - 110
Познанский В. С. - 7, 169
Покровский, судья — 148
Покровский В. Л. - 297
Покровский Н. Н. - 24, 38
Покровский С. П. - 303-304
Положинский В. Н. - 290
Поляков - 6, 34
Поляков, милиционер - 200
Поляков Е. Н. - 144
Поляков Н. Л. - 186
Полякову А. - 10, 24, 36, 38, 116, 129
Померанцев - 150
Попов, генерал - 254
Попов А. С. - 141
Попов В. В. - 139
Попов К. М., нотариус - 291
Попов Н., судья - 79
Попов Н. И. - 130
Попов П. К. - 288-289
Попов С. - 185
Попов Ф. - 128
Попугаев Е. - 205
Поротов А. А. - 308
Посохин И. С. - 139
Постников Н. - 84
Потанин Г. Н. - 113, 269, 281
Потоцкий В. Е. - 70, 199
Поярков В. Д. - 281
Преображенский - 135
Преображенский П. И. - 232, 302
Прищепенко И. Д. - 141
Прозоровский Ф. А. - 82
Прохоров Ф. П. - 196
Прошутин Р. Е. - 275
Пугачев Е. - 269
Пугачева Н. М. - 128, 168
Пурин А. А. - 289, 308
Путинцев Г. И. - 121
Пушкарев Л. Н. - 11, 36
Пьянков - 145
Радищев - 145
Раевский Н. Н. - 304
Разгон И. М. - 7, 246
Разин С. Т. - 269
Ракитов А. И. - 38
Раков Д. Ф. - 30, 32, 39, 169
Раковский - 237
Раснер Д. Л. - 298
Рассолов - 154
Ратушенко А. И. - 134
Ревердатто В. А. - 81-82
Решетин Ф. С. - 209
Рогалев И. И. - 40-41, 68, 214-215
Рогов Г. Ф. - 74
Роговский Е. Ф. - 114

- Родионов Л. В. - 139
 Розанов С. Н. - 118, 255-256, 260, 273, 302
 Розенталь - 220
 Романов А. - 110
 Романов И. - 110
 Романов Н. Л. - 222
 Романов Н. С. - 249, 309-311
 Романов С. А. - 179
 Романовы - 59, 119
 Российский П. В. - 328
 Россомахин - 244
 Ростовцев П. И. - 139
 Рошевский П. И. - 8, 35, 137, 166
 Рубинштейн М. М. - 297, 303-304, 310
 Руднев С. П. - 59
 Рудницкий - 114
 Рудько - 151
 Рутковский - 215
 Рыбинский - 206
 Рыдзянский - 112
 Рыжков - 113
 Рынков В. М. - 252
 Рябинин Н. В. - 81
 Рижский Г. А. - 59-60, 95
 Рязанов С. С. - 180, 186
 Рязановский В. А. - 59-60, 159, 169, 294, 300, 306, 322
- Сабаш - 105
 Савченко К. - 119
 Савченко В. - 119
 Сажин Александр - 45
 Сажин Алексей - 45
 Сажин М. К. - 284
 Салтыков-Щедрин М. Е. - 67
 Самборский В. - 256
 Сапожников В. В. - 301
 Сарычев В. С. - 185
 Саукуп - 205
 Сафронов В. П. - 35
 Сахаров К. В. - 18-19, 37
 Светачев М. И. - 75, 77, 123
 Светковский - 137
 Свидацкий Я. В. - 287
 Свирин В. - 280
 Семенов - 186
 Семенов Г. М. - 19, 32, 39, 44, 111, 115, 118, 128, 151, 164, 275, 286
 Сенкевич А. - 252
 Сервин М. - 148
 Сергеев В. И. - 183
 Сергеев В. Л. - 19, 37
 Сердюков - 212
 Серебренников - 154
 Серебренников И. И. - 31, 39
 Сетянов С. С. - 112
 Сивков Ф. Д. - 268
 Сивов Е. А. - 130
- Сильвестр - 271
 Симолин А. А. - 161, 303, 331
 Синявская Е. С. - 123, 130
 Синявский - 114
 Ситников - 213
 Ситников П. И. - 178
 Скарпель - 212
 Скидельский С. П. - 302
 "ский" - 129
 Слабженников М. - 110
 Слободин В. П. - 12, 36
 Смердынский А. И. - 328
 Смигельский - 101
 Смирнов, мировой судья - 83
 Смирнов, судья - 83
 Смирнов В. А. - 115, 153
 Смирнов В. С. А. - 115, 153
 Смирнов В. С. - 135
 Смирнов И. Н. - 6
 Смирнов Л. П. - 115, 153
 Смирнов Н. В. - 133
 Смирнов Н. Е.
 Смирнов П. П. - 87, 133
 Смирнов С. А. - 37
 Смирнов С. В. - 169, 250
 Смолянников - 256
 Собянин В. А. - 87
 Соболев Л. - 75
 Соколов - 108
 Соколов, милиционер - 206
 Соколов П. Л. - 204, 289
 Соколовский - 267
 Соколовский В. С. - 202
 Сокольницкий - 77
 Солдатов В. В. - 205
 Солёнов М. Н. - 185
 Солженицын А. И. - 33
 Солнцев - 113
 Соловьев, помощник управляющего губернией - 87
 Соловьев В. Н. - 286
 Соловьев В. С. - 118, 129
 Соловьев Л. И. - 45, 73
 Соловьев Ф. М. - 183
 Солодов И. В. - 206
 Сорокин - 121
 Сорокин, домовладелец - 225
 Сорокин П. А. - 42, 72, 118, 129, 303
 Сорокина Т. Н. - 251
 Сотников Е. - 205
 Сотников Е. М. - 111
 Сперанский Б. - 307
 Спиридонов А. - 286
 Спирин Л. М. - 9, 11, 36, 280
 Способин А. Д. - 289
 Сталин И. В. - 7
 Станев А. - 293
 Станьковский - 203

Старостенко - 234
Старухин А. - 217
Старцев В. А. - 284
Старынкевич С. С. - 6, 54, 68, 89, **98-99**,
134, **138**, 218, 337
Степанов М. М. - 15-16, 36, 174, 178, 188,
243-244, 246, 253, 279
Степанов Н. А. - 262
Степковский - 147
Стравинский М. С. - **161**, 331
Стрипко - 121
Строганов С. А. - 135
Строльман А. П. - 176-177, 209, 214, 270
Ступаков М. И. - 201, 247
Субботовский И. - 38, **124**, 127
Сукин И. И. - 232, **261**, 263
Суконщиков - **139**
Сумароков Е. А. - 284
Сумеркин А. - 124
Суров В. И. - 17, 37
Суханов А. С. - **113**
Сухова О. П. - 205, 248
Сушкевич - 145
Сыромятников - **211**

Таскив С. А. - 79, 95, **102**, **126**, **138**, **180**,
203, 271
Твердое Н. Е. - 157
Телегин А. - 186
Тельберг Г. Г. - 13, 53-56, 89, 97, 105, 132,
134, 154, 269, 289, 312, 331, 337
Тиа Син - 227
Тибукин Г. А. - **219**
Тизенгаузен Д. О. - **161**
Тимирева А. В. - 39
Тимофеев Н. А. - **161**, 331
Тирунев А. - 34, **128**, 168
Титов В. Я. - 73
Тойнби А. Дж. - 23, 38
Токарев - 111
Томашевский - 256, **291**
Тормозов В. Т. - 12, 36
Торбаев И. С. - 271
Трапезников В. П. - 276
Траутман А. А. - 41, 68-70, 176, 189, 199,
214, 218-219, 332
Третьяков С. Н. - 263
Троицкий П. С. - 140, 155, 162, 178, 203,
210, 216, 233, 259-260, 265, 271, 273, 294
Трубников Ю. (Г). В. - 331
Трукан Г. А. - 10
Тряпичников Д. Ф. - **141**
Тубарьков В. - 77
Тунуханов И. И. - 95-96
Тухачевский М. Н. - 6
Тучков - 155

Уборевич И. П. - 6
Уваров П. Ф. - 135
Угринович А. - 134
Умгельтер Я. Б. - 155
Унгерн-Штернберг Р. Ф. фон - 12, 118
Уорд Дж. - 33, 39, 42, 73, 77, 123
Ураев А. И. - 138
Урин Г. - 302
Усов - 148
Усов В. И. - 86
Устрялов Н. В. - 32, 39
Устьянцев - 215
Утробин - 121
Учничер - 195
Ушаков А. И. - 8, 19, 30, 35, 37, 39
Ушинский Г. А. - 138, 140

Файнберг М. Б. - 86
Файницкий И. Я. - 287
Фамбулов - 78
Фан-дер-Флит В. Я. - 161
Фармаковский Ю. - 293
Фатарнюк - 226
Федоренко А. П. - 37
Фельд - 217
Федюшин - 304
Фельдман - 113
Феокистов С. Ф. - 15-16, 36
Филатьев Д. В. - 4, 20, 34, 37
Филашев Н. А. - 50
Филенков Ф. А. - 205
Филимонов А. - 249
Филиппов С. А. - 225
Филонов Е. А. - 173
Фиолетов Н. Н. - 300, 310
Фомин В. Н. - 36, 43, 73, 267, 281
Фомин Н. В. - 6, 34
Фоминых С. Ф. - 38, 276, 282, 310
Фрейтаг А. А. - 328
Френкель - 221

Ханжив М. В. - 17, 110, 120
Хаптаев П. Т. - 8, 35, 126
Харламов - 187
Харусь О. А. - 98, 126
Херсонюк - 202
Хильдермайер М. - 223, 250
Холмовский Ип. - 292
Хорват Д. Л. - 111, 134
Хорошхин Б. И. - 150
Храшевский В. М. - 332
Хрушев Н. С. - 7

Циммерман И. И. - 141, 154, 209, 211,
213-214, 228-229
Ципкин Ю. Н. - **100**, 126
Циркунов Ю. - 48, 73
Цявловский В. Ф. - 172

Чайковский Н. В. - 37
Чан Кин Чин - 229
Чан Ла У - 229
Чаурин А. Г. - 206
Чашечкин - 143
Червен-Водали А. А. - 269, 337
Черемьянин С. — 110
Черепанов - 290
Черненко - 110
Чернов В. М. - 118, 129
Черняк М. Э. - 246
Чехов А. П. - 299
Чирухин А. Г. - 147, 167
Чистосердов Н. Н. - 204-205
Чистяков Н. Ф. - 35, 97, 126
Чорба Е. - 186
Чумаков Н. Н. - 195
Чупев М. И. - 224
Чураков В. Ю. - 8, 19, 30, 35, 37, 39

Шаберкин - 228
Шалагинов В. - 35
Шамарин П. Я. - 135
Шапиро О. - 42, 72, 295
Шарапов - 258
Швачко Д. - 203
Шевелин - 260
Шевелин А. С. - 185
Шевченков В. Ф. - 111
Шейнкман А. А. - 328
Шелашников А. Н. - 331
Шемелев В. И. - 136, 142, 166-167, 309
Шеремет М. П. - 291
Шешуков Т. Я. - 79
Шиловский Д. М. - 43, 72, 73
Шиловский М. В. - 37, 243, 269, 281
Шильнов И. Г. - 83
Шингарев А. И. — 119
Шипилин В. П. - 291
Шиш А. А. - 59, 82, 288
Шишлин В. Л. - 289 ;
Шишов М. Н. - 135
Шкляев В. И. - 219
Шкляр - 196
Шмуйдрис М. Ю. - 141
Шнейдер С. Б. - 284
Шпакер Ш. - 162
Шпарийчук М. - 247
Шрейберг К. С. - 138, 284
Штейнарт - 211
Штык - 227
Штыка А. П. - 35
Штырбул А. А. - 48, 72-74
Шудьяков В. А. - 128, 276, 282
Шульгин - 157
Шумиловский Л. И. - 232
Шумяцкий Б. З. - 6, 32, 39

Шурыгин А. П. - 280
Шухман - 231

Щеглов Н. С. - 299
Щегловитов И. Г. - 97
Щека А. А. - 206
Щербаков К. Ф. - 39
Щетинкин П. Е. - 48, 109, 254, 271
Щукин - 214

Эйфров - 286
Эйхе Г. Х. - 6, 8-9, 35, 254, 265, 279, 281
Элеш В. М. - 39
Эльяшев Л. Б. - 37
Энгельс Ф. - 58, 75
Энгельфельд В. В. - 67, 75
Эрахтин - 271
Эфрон - 142

Ю. - 293
Южанинов Л. Ф. - 38
Юзефович Л. А. - 12
Юницкий Л. Д. - 91
Юновидов А. - 287, 308
Юркевич - 222

Ядрищев Н. М. - 117, 126, 129
Яковенко В. Г. - 6, 279
Яковлев В. Н. - ПО
Яковлев П. Д. - 87, 94, 149, 171, 208-209,
214, 219, 235, 264
Якуцевич А. Л. - 284
Янкелевич И. Л. - 288
Янкович — 112
Ясионовский Г. Ф. - 135
Ячевский М. Э. - 203, 215, 269, 338

ft-edly J. - 21, 38, 129
Chamberlin W. H. - 73, 265, 281
Coates W. P. - 34
Coates Z. K. - 34
Cracknell B. - 37
Fleming P. - 37
Footman D. - 277, 282
Kenez P. - 129, 265, 276, 282
"Leg'sta" - 293
Lockett R. - 21, 38, 73, 217, 249, 264, 281
Manning C. A. - 37, 266, 281
Moltchanoff V. M. - 129
Moore F. - 121, 130
Novomeysky M. A. - 34
Pelzel S. - 37
Pereira N. - 20, 21, 37-38, 53, 74
Smele J. D. - 20, 37, 115, 128
Treadgold D. - 223, 250
Ullman R. H. - 249
Unterberger B. - 37

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Состояние законности при А. В. Колчаке.....	40
Глава 2. Воссоздание и функционирование системы судопроизводства.....	76
2.1. Кадры судебных учреждений.....	76
2.2. Деятельность судов общей юрисдикции.....	85
2.3. Военно-полевые суды.....	107
2.4. Внесудебные расправы.....	116
Глава 3. Становление органов следствия и прокурорского надзора.....	131
3.1. Подбор и расстановка кадров в следственных комиссиях и прокуратуре.....	131
3.2. Создание и функционирование следственных комиссий ...	136
3.3. Осуществление надзора за соблюдением законности и правопорядка.....	152
Глава 4. Организация милицейской службы.....	170
4.1. Численность и штаты милиции, ее материально- финансовое обеспечение.....	170
4.2. Действия милиции по пресечению и раскрытию правонарушений.....	200
Глава 5. Привлечение армии и населения к наведению порядка в тылу.....	253
5.1. Действия воинских частей по подавлению антиправительственных выступлений.....	253
5.2. Участие населения в утверждении правопорядка.....	265
Глава 6. Адвокатура и нотариат. Распространение правовых знаний среди населения.....	283
Заключение.....	312
Приложения.....	324
Аббревиатуры архивов, музеев, библиотек.....	339
Именной указатель.....	341

200 А

Научное издание

Сергей Павлович Звягин

**ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
А. В. КОЛЧАКА**

Редактор *Н. В. Тукова*
Технический редактор *В. И. Труханова*
Корректоры *Т. А. Козяева, И. А. Петухова*

Лицензия ЛР № 071467 от 11.07.97
Лицензия ПЛД № 44-12 от 10.11.99

Сдано в набор 3.07.2001. Подписано к печати 25.10.2001. Формат 60x84'/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура "Школьная". Печать офсетная.
Усл печ. л. 20,5. Уч. изд. л. 21. Тираж 150 экз. Заказ № 335

Издательство «Кузбассвуиздат»,
650043, Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 23-34-48.